

Ричард Шварцц

Королевский Совет

Тайна Аскира #7

Город Аскир. Лиандра, Хавальд и их товарищи наконец-то добрались до старого имперского города. Здесь они надеются получить помощь для своей родины.

Однако жители Аскира сами в беде, поскольку старый секрет сотрясает альянс Семи королевств. Товарищей обвиняют в том, что они ответственны за злое стихийное бедствие. А Хавальду предсказывают, что он развяжет войну богов и потерпит поражение против Коларона. Потому что только дочери дракона даровано уничтожить некрманта...

Ричард Шварцц

Королевский Совет

Перевод: lena68169

Редактор: lena68169

Ранее в Тайне Аскира

Император-некромант угрожает и Аскиру, распавшейся империи Асканнона, и Новым королевствам, родине Хавальда и его спутников. Чтобы одолеть этого врага, срочно необходим союз. По пути к королевскому совету, Хавальд попадает на Огненные острова, и там он и его друзья с ужасом понимают, насколько далеко уже продвинулся враг. Чёрные легионы готовятся атаковать. В самом Аскире противник тоже стартовал магическую атаку, которую смогли отразить в последний момент. И теперь лишь загадочное извержение вулкана на Огненных островах предотвращает полномасштабное нападение Коларона.

Не самые лучшие предпосылки добиваться на королевском совете расположения, поскольку люди пострадавших регионов ничего не знают о враге и вместо этого обвиняют в разрушениях его и его товарищей.

1. Прибытие

Я с трудом верил в то, что эти два маяка действительно были созданы руками человека, настолько высоко башни возвышались в ночное небо.

Вместе с другими я находился на полуюте «Штормового Танцора», имперского меченосца, спасшего нас от мокрой могилы несколько дней назад. Когда тёмные тени могучей морской стены приблизились, я осознал, что долгое путешествие наконец-то закончилось.

Мы медленно проплыли через могучие морские ворота, и я увидел истинные размеры огромного сооружения: морская стена была шире, чем длинна «Штормового Танцора». Перед нами открылся порт старого имперского города, и я почувствовал себя маленьким мальчиком, который с изумлением смотрит на то, чего не может понять или во что поверить. Порт Алдара показался мне большим, порт Огненных островов — ещё больше. Но они оба были ничем по сравнению с представшим передо мной зрелищем, поскольку уже даже сам порт был больше, чем мой родной город Келар в целом!

Вдалеке я увидел возвышающиеся могучие стены, а за стенами в ясное ночное небо взмывал ярко освещённый, массивный круг.

— Что... начал я, но не смог подобрать слова.

— Это Аскир, — сказала стоящая рядом со мной Серафина. — Но то, что ты видишь, это лишь самая малая часть города — порт. Там, за стеной, окружающей порт, находится цитадель, оплот власти Старой империи.

Я лишь кивнул, изумлённо оглядываясь в поисках следов нападения, которому недавно подвергся этот могучий город, но их не было. Зато я заметил добрых полдюжины плывущих нам навстречу охотничьих лодок, вёсла которых вспенивали воду. Дул сильный и прохладный ветер, и я прозяб.

Лиандра, ища защиты, прижалась ко мне сзади.

— Думаю, — произнесла она почти шёпотом, — мы наконец-то прибыли.

— Если спросите меня, — заметила Зокора, — То самое время.

И она, несомненно, была права. Мы уже так долго были в пути, что мне было сложно отличить дни от недель. Неужели путешествие заняло всего шесть недель? Случилось так много всего, что мне казалось, будто прошли года.

Я почувствовал тёплое дыхание Лиандры на затылке и плотнее закутался в плащ. После проведённого времени в Бессарине этот климат, определённо, был для меня слишком холодным.

Стройная фигура поднялась по лестнице и присоединилась к нам, пытливо всматриваясь в ночь.

— Наконец-то дома, — вздохнула она. Её голос звучал хрипло.

Это была майор Меча Эльгата, командующая «Снежной Птицы».

Всего несколько дней назад гордый корабль затонул после того, как противостоял штормам, вивернам, некромантам и, наверное, самой огромной волне в истории мореплавания. Она потеряла не только свой корабль, но и большую часть команды, включая хороших друзей, таких как её первый офицер, лейтенант Менделл, и капрал по имени Амос, который сначала проломил мне череп, а потом спас жизнь.

У Менделла была здесь семья. На этот раз его никто не будет ждать. Его родственники

уже знали, что он умер в море.

И не только он.

Вскоре после того, как нам удалось бежать с Огненных островов с помощью эльфов, которые заключили недавно союз с Бессарином, произошло извержение вулкана, давшего этим островам своё название. С тех пор, как «Штормовой Танцор» принял нас на борт, они обменивались сообщениями при помощи семафорных башен вдоль побережья, и теперь нам тоже была известна степень тяжести этой катастрофы.

В то время как для нас последние дни прошли без проблем и препятствий, Старая империя много претерпела.

Больше всего пострадал Янас, прибрежный город племени Башни, поскольку находился всего в нескольких морских милях от вулкана. Волна, высотой в пять домов, обрушилась на город, разрушила его и унесла всё, что только можно было вообразить. В отличие от моей родины, Бессарин был густонаселённой страной, и судя по тому, что мы слышали, во время потопа погибло бесчисленное количество людей.

Волна принесла смерть и разрушение по всему побережью Старой империи; Жертвы были даже в расположенном за много миль Алдаре, столице королевства Алдан. Большая часть королевского флота, стоящего у причалов, была потоплена или сильно повреждена. Корабли, находящиеся в море, не вернулись.

Даже сюда, места, находящегося так далеко от источника катастрофы, ветер донёс пепел далёких островов.

Следы от него также оставались на «Штормовом Танцоре», хотя морские пехотинцы постоянно тёрли свой любимый корабль. Мелкая серая пыль была не только на палубе и досках, но и на одежде. Она скрипела на зубах, была везде, даже в некоторых местах окрасила море в серый цвет.

В ту ночь к Сольгару взлетело множество душ. Последняя оценка количества жертв, которую я слышал, достигла почти ста тысяч погибших или пропавших без вести и во много раз больше было тех, кто потерял дом, очаг и всё имущество. Число, которое казалось мне невообразимо высоким.

Эльгата подготовила отчёт с подробным описанием того, что произошло на пиратском острове, после чего тон новостей изменился, и каждое из последующих сообщений имело только одну суть: Было ли что-нибудь такое, что мы могли сделать, из-за чего вулкан начал извергаться?

Потому что мы были там, Лиандра, я, эльф по имени Артин, и Кровавый Маркос недолго бывший королём пиратов. Там, внутри вулкана, мы были испытаны огнём и жаром, получили ожоги и собственными глазами видели мощную магию, которая так долго сдерживала это пекло.

Да мы и сами задавались тем же вопросом. Снова и снова мы с Лиандрой обсуждали наши действия внутри вулкана.

Мы отворили три двери, пытались открыть четвёртую, больше ничего. Но мы находились там, а всего через несколько часов произошло извержение вулкана.

Какой бы ужасной ни была катастрофа, с другой стороны, она нас спасла. В неприступной гавани Огненных островов наш заклятый враг, император-некромант Коларон Малорбиан, правитель могущественной империи далеко на юге, собрал огромный флот. Он был достаточно большим, чтобы высадить два полных легиона на берегах Алдана.

Ни один корабль, ни один солдат этой огромной армии не смог бы пережить

извержение.

Если бы эта армада высадилась на наших берегах, Старая империя вряд ли смогла бы противостоять ей.

— Хм, — хмыкнула майор Меча, прерывая мои мысли. — Похоже, они всё-таки не всё нам рассказали.

Лиандра зашевелилась в моих руках и посмотрела на майора фиолетовыми глазами.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, проводя свободной рукой по коротким волосам, которые выглядели как шлем из пушка.

Остальные тоже вопросительно посмотрели на майора, только Зокора, казалось, была занята чем-то другим и смотрела на причальные сооружения, к которым мы медленно приближались.

Я проследил за её взглядом: там, немного в стороне от морских пехотинцев, стояла женщина с длинными, чёрными волосами, элегантно одетая, гордая и прямая, как если бы она была королевой. Она была слишком далеко, чтобы её можно было чётко рассмотреть, тем не менее я почувствовал, как женщина с тёмной эльфийки перевела взгляд на меня. Я знал эту женщину, в ней было что-то такое же знакомое, как в старой туфле, и всё же... Она была совершенно чужой. Да и как мог кто-то из моих знакомых попасть сюда?

— Взгляните на ту верфь, — как раз объясняла Эльгата. — Отвлёкшись всего на мгновение, я потерял женщину из виду. Только что она ещё стояла там, а в другой момент исчезла, как будто её никогда и не было. — Смотрите, как там оснащают корабли. Сейчас раннее утро, солнце взойдёт только через два отрезка свечи, и всё-таки там наблюдается высокая активность, какой я ещё никогда раньше не видела. И там... Эти три корабля новые. И они огромные. Я не знала, что у нас тоже есть такие корабли.

То, что корабли были новыми, было видно по светлому дереву.

Осадка кораблей в воде была такой высокой, что можно было даже увидеть медную обивку, которая защищала корпус от корабельного червя. На одном из судов были установлены четыре новые мачты, и это транспортное средство было лишь немногим меньше чёрных вражеских огромных кораблей, которые так нас напугали.

— Посмотрите, какие у них крутые линии, — почти с трепетом промолвила Эльгата. — Прямо-таки видишь, как они бороздят воду! Я с каждой стороны насчитала по три площадки для больших баллист и ещё четыре для средних. Можете себе представить, каково будет увидеть эти корабли в бою?

— Да, — с горечью сказал я. Я слишком хорошо помнил, как это было, когда «Снежная Птица» вступила в бой с подобным гигантом. Только удача и большое мастерство в обращении с баллистой позволили нам победить, но мы понесли огромные потери.

— Такие корабли не появляются в одночасье. Когда мы покидали порт, я знала, что должны построить новые корабли, но не то, что они будут такими монстрами. — Она взволнованно повернулась ко мне. — Чтобы построить такие корабли, нужны месяцы, а то и годы, и я, хоть убей, не знаю, как наши судостроители смогли справиться так быстро. Комендант Кералос, должно быть, уже знал об опасности и отнёсся к ней серьёзно. Но это ещё не всё. Повсюду в гавани между высокими шестами натянуты прочные сети, как будто ожидалась угроза из воды. И потом другие корабли здесь в гавани, видите? Многие из них повреждены, но над всеми лихорадочно ведётся работа.

Она опять осмотрела гавань, затем указала на два больших торговых судна, похожих на пузатых китов, которые выгружались в свете больших фонарей. Они отличались по форме от

известных мне кораблей: киль на носу и корме был высоко поднят и заканчивался резьбой, напоминающий головы неизвестных бестий.

— Это торговые суда из Фарлендов, и они разгружают мешки с зерном. — Она повернулась к нам. — Мы закупаем наше зерно в Бессарине и Алдане, а не в Фарлендах, потому что у них его слишком мало, чтобы дёшево перевозить.

Серафина прочистила горло, и я посмотрел на неё. Я не хотел знать, как она себя чувствует, снова увидев этот город через семьсот лет.

— Думаю, я знаю причину, — сообщила она своим мягким голосом. — Янас опустошён, а значит и самый большой порт Бессарина. Флот Алдана в значительной степени уничтожен, и в этой чрезвычайной ситуации они не захотят продавать свои запасы зерна. Только фарландцы могут его по-прежнему доставлять. Разумеется, по высокой цене. — Выражение её лица было трудно интерпретировать, когда она продолжила. — Зерно, Хавальд. Зерно и его цены! На нём зиждется мир любого города. Когда у всех достаточно еды, то нет причин для беспорядков. Но когда желудок бедствует, и бедняки видят, как богатые всё больше толстеют, в то время как они сами думают, что вот-вот умрут с голода... тогда жди неприятностей. То, что они покупают дорогое зерно — плохой знак.

— Я думал, что город сам собирает хорошие урожаи, — заметил я.

Она не ответила, но подошла к кормовому фонарю и провела пальцем по орнаменту, который солдат из Морских Змей недостаточно тщательно вымыл.

Она показала мне серую пыль вулкана на кончике пальца.

— Вот это, — сказала она, — изменит всё.

— Тонко подмечено, — согласилась Эльгата. — Пройдёт некоторое время, прежде чем зерновозы снова начнут плавать.

— Я не это имела в виду, — ответила Серафина. — По крайней мере, не только. Небс всё ещё затянута, на нас всё ещё сыплется пепел. Через пару лет этот пепел сделает обширные земли плодородными, но урожай, который находится сейчас на полях Бессарина, пострадает. Вы сами читали сообщения. В некоторых местах пепельный дождь был таким густым, что засыпал землю. Большинство полей находятся в прибрежной полосе с влажными ветрами. Если большая часть урожая погибнет, начнётся голод. — Её руки сжались в кулаки. — Из-за таких мыслей мой отец проводил бессонные ночи. А в то время Старая империя ещё существовала, и имела гораздо больше резервов, чем, как я думаю, есть сегодня.

Отец Серафины был губернатором в Газалабаде где-то к концу существования Старой империи, и в то время большие территории, там, где сегодня можно было найти только пустыню, ещё были засеяны зерном.

— Тогда будем надеяться, что картина будет не настолько ужасной, — сказал я, поскольку не мог придумать ничего лучше.

Когда мы сошли на берег, там нас ждало пятеро солдат из отряда Быков.

Штаб-лейтенант вышел вперёд и отдав под козырёк, сглотнул.

— Штаб-лейтенант Недер, Пятый легион Быков, четвёртое Копьё. Сэр, мне поручили...

Движение позади него отвлекло меня. К нам как раз подходил высокий и крепкий мужчина. Он посторонился, когда два Морских Змея уносили с борта корабля одного из своих раненных товарища, ненадолго наклонился к нему, чтобы поприветствовать пожатием руки и широкой улыбкой, а затем выпрямившись, неторопливо пошёл в нашу сторону.

Один из Быков громко застонал, что вызвало у новоприбывшего злорадную ухмылку.

На нём был длинный, тяжёлый тёмно-синий плащ, тонкий меч и накидка, которая по

форме и покрою напоминала живые монстры-накидки некромантов.

— Здорово, Недер, — сказал высокий мужчина, отчего лейтенант передо мной вздрогнул на полуслове. Новоприбывший не только превосходил меня по росту, но и ширине: должно быть, он весил в полтора раза больше, чем я. — Вы заблудились?

Лейтенант тихонько простонал, прежде чем обернуться.

— Сантер... вы пришли в неподходящее время. Это и без вас уже будет достаточно сложно!

— Я не разделяю вашего мнения, — сказал мужчина по имени Сантер, оглядывая нашу небольшую группу. — Я планирую облегчить вам задачу. — Рядом со мной Лиандра резко втянула в себя воздух, а причина, как я теперь заметил, красовалась на левой стороне груди мужчины: там был серебряный символ совы. Теперь я также разглядел, что плащ был не из ткани, а из невероятно маленьких колечек, которые в свете кормового фонаря переливались тёмно-синим светом.

Сова? До сих пор я думал, что их больше нет...

Эльгата удивила меня, громко засмеявшись, а затем удобно облокотилась на тюк с тканями.

— Что ты здесь забыл, Недер? — спросил Сантер, который едва ли соответствовал моему представлению о легендарных магах-воинах Старой империи. Этот человек выглядел так, будто предпочитал использовать кулаки вместо магии, и при этом получал больше удовольствия.

— Сантер, мастер Антонис отдал мне приказ арестовать сэру Лиандру ди Гиранкур и генерала Копья и привести в торговый совет. Это уж точно была не моя идея.

— Надеюсь, что так, Недер. — Сантер угрожающе улыбнулся, показав белые зубы. — Передайте гильдейскому мастеру Антонису, чтобы он со своим делом обратился к инквизитору. Тот проверит и сообщит мастеру своё решение.

— Вы хотели арестовать нас? — недоверчиво спросил я.

— Не он, а торговый совет, — дружелюбно улыбаясь, объяснил мне Сантер. — Недер предпочёл бы сейчас быть в другом месте, верно я говорю?

— Но... — начал беспомощно Недер, в то время как мы переводили взгляд то на него, то на Сантера, туда-сюда, как будто следили за игрой в мяч. Серафина поступила так же, как Эльгата, прислонившись рядом с майором Меча к тюку у пристани. Скрестив руки под своей грудью она, похоже, тоже приготовилась стать свидетелем интересной комедии.

— Недер. Я знаю, что вы из отряда Быков и думаете только своими яйцами. Но поскольку у меня хорошее настроение, я вам помогу. Видите меч, висящий на талии генерала? Это изгоняющий меч. А меч за спиной сэры со светлыми волосами? Видите его? Тот, что с ручкой в форме головы дракона, который смотрит на вас, словно готов сожрать? Это тоже изгоняющий меч. К тому же она маэстра. Изгоняющие мечи, — объяснил Сантер терпеливым тоном, как если бы говорил с ребёнком или умственно отсталым, — это мечи, которым присуща магия. Маэстра знает магию, а магия, в свою очередь, это дело Сов, а не торгового совета. Сделайте мне следующее одолжение, Недер: покиньте это место, заберите с собой своих Быков и передайте гильдейскому мастеру, что он может сунуть свой приказ туда, куда даже не хотят смотреть боги. Вам не нужно быть дипломатичным, Недер. А теперь убирайтесь.

— Сантер, я...

Высокий мужчина выгнул бровь.

— Я думал, что был достаточно ясен, чтобы мог понять даже Бык. Хотите, чтобы я внёс ещё большую ясность?

— Нет, сэр! — поспешил ответить штаб-лейтенант и повернувшись к нам, снова отдал под козырёк. — Сэр! Прошу прощения за доставленные неудобства. У меня был приказ, сэр, генерал Копья, сэр!

Я великодушно кивнул, ответил на салют, и мы наблюдали, как пятеро Быков поспешно обратились в бегство, в то время как солдаты Морских Змей насмешливо смотрели им вслед.

Они ещё не исчезли из виду, как Эльгата прыснула со смеха и рассмеялась от души чуть ли не до слёз.

— Сантер! — радостно воскликнула она, сильно хлопнув мужчину по плечу. — Ты старый гавнюк! Я рада видеть, что ты ещё жив. Я слышала, что твой корабль затонул, и молилась за тебя.

— Меня не было на борту, — ответил Сантер. — Меня повесили до няньки Совы, и теперь мне больше нельзя играть с Морскими Змеями.

— Так ты действительно подался в Совы? — спросила Эльгата. — Стоит отлучиться на пару недель в море, и тут такие новости! Что, ради всего святого, у тебя общего с Совами?

— Расскажу позже, — сказал он. — Если хочешь услышать эту историю, то должна угостить меня пивом. Но я здесь не для развлечения.

Он поклонился нам, затем посмотрел в ту сторону, откуда Зокора пристально глядела на него.

— Вы действительно Сова? — спросила Лиандра, и я почувствовал, насколько она взволнована. — Я думала, что их больше нет... Рада слышать, что это не так!

Сантер улыбнулся.

— Да, в Башне снова есть маэстра. Однако я всего лишь адъютант примы и сам не маэстро. Вы маэстра ди Гиранкур, верно?

— Она самая.

— Тогда я должен передать вам, что прима Сов с нетерпением ждёт встречи с вами. — Теперь он весело посмотрел на меня. — Я слышал о вас, генерал Копья, и ваших спутниках, и вижу, что слухи не преувеличивают. — Он обвёл нас взглядом. — Вы проявили хороший вкус в выборе товарищей! — Он подмигнул женщинам. — У вас впереди много работы, поскольку Дезина, Сова, не единственная, кто хочет с вами поговорить. Комендант тоже желает встречи с вами и запланировал аудиенцию завтра днём.

Но сначала я отведу вас к штаб-полковнику Орикису, который хочет просветить вас об ожидающих вас обязанностях. Он командир Перьев и ближайший советник коменданта. Затем вас проводят в ваши комнаты. Там вы сможете отдохнуть до полудня. И ещё кое-что. — Он поклонился с удивительной грацией. — Обычно мы теплее приветствуем наших героев и союзников. Добро пожаловать в Аскир, Вечный город!

А теперь давайте уберёмся отсюда. В цитадели теплее, чем здесь, и Орикес имеет привычку хорошо заботиться о своих гостях.

— Один из наших товарищей ранен. Мы... — начал я, но Сантер уже кивал.

— Об этом позаботились. — Он указал на набережную, где остановился большой экипаж. На чёрной лакированной двери красовался золотой герб, в котором имелись такие элементы как колесо, наковальня и молот.

— Сова попросила дедушку предоставить в ваше распоряжение свою карету. Она достаточно большая, чтобы в ней поместился даже северянин.

— Ах, — сказал Ангус, утопая в мягких подушках кареты. — Именно так, как я люблю. С каждого боку по красивой женщине... С чего бы тут жаловаться, пусть даже моё сердце не принадлежит ни одной из вас.

— И благодарение за это богам, — промолвила Зиглинда, сидящая рядом с ним. Мало что ещё напоминало в ней дочь хозяина постоянного двора, которую я так ценил. Я мог бы поклясться, что она была рождена бардом, но судьба уготовила ей владеть изгоняющим мечом, Ледяным Защитником, клинком, в котором дух Серафины пребывал веками. После этого светловолосая женщина-воин предложила духу своё собственное тело, в качестве жилища. Эти двое всё ещё были очень близки, и последние несколько дней в море неразлучны. Даже сейчас они обменялись весёлыми взглядами, когда Ангус преувеличенно закатил глаза.

— Вы просто не знаете, чего лишаетесь, — заметил фарландец, самодовольно поглаживая бороду, заплетённую в три аккуратные косы. Если не обращать внимание на татуировку на его бритой голове, в первый момент можно было бы даже принять его за цивилизованного человека.

Как и большинство из нас, он носил кожаные доспехи Морских Змей, даже если нагрудник не сходил с боку. Между ног он держал топор, а в левой руке небольшой пивной бочонок. Бочонок, который он так ревностно охранял на протяжении всего пути из Газалабада в Аскир.

Зиглинда посмотрела на Серафину.

— Как тебе только удавалось выносить его?

— У него есть свои хорошие стороны, — ответила с улыбкой Серафина, в то время как карета тронулась.

— Если попросишь, я буду счастлив продемонстрировать их, — заметил Ангус, подмигивая Зиглинде, которая только закатила глаза.

— Варош, — сказала Зокора непринуждённым тоном, — ты уверен, что вырезать ему язык было бы преступлением?

— Да, — с улыбкой ответил Варош. — Притворяться героем всех женщин ненаказуемо.

— Как жаль, — промолвила Зокора, пристально посмотрев на северянина, что заставило того мгновенно замолчать.

Рядом со мной Лиандра положила голову мне на плечо; она тоже задумалась и молчала, и один долгий момент никто ничего не говорил.

В звуке обитых железом колёс и копыт по мостовой, фыркание лошадей и скрипе кареты, когда она раскачивалась на мягких рессорах, было что-то убаюкивающее. Моё тело умоляло о сне, но мой разум был настороже.

Транспортное средство не особо быстро продвигалось вперёд, кучеру постоянно приходилось придерживать лошадей, поскольку даже посреди ночи в порту кипела работа и горело столько фонарей и факелов, что набережная была почти так же ярко освещена, как днём. Один только военный порт был таким же большим, как порт Келара. Корабли стояли один к одному, их ремонтировали или вооружали. Повсюду царил сосредоточенная активность, которая напомнила мне о том, как чёрный легион завладел Огненными островами.

В последние несколько дней, когда нам не оставалось ничего другого, как ждать, когда «Штормовой Танзор» достигнет Аскира, и оправляться от тягот, у меня было время подумать о том, что мы узнали.

Силы природы могли на время расстроить планы нашего врага, но я не тешил себя надеждой, что конфликт на этом закончится. Какими бы большими ни были потери противника из-за катастрофы, она всего лишь выиграла нам немного времени. Империя Талак, под правлением бессмертного императора-некроманта, была намного больше и могущественнее, чем можно было вообразить даже в самых тёмных кошмарах. Похоже, она была больше, чем Старая империя и превосходила нас во всём. В то время как в Старой империи магия была запрещена и её боялись, а обладатель магического таланта скорее оказывался на костре, вместо того, чтобы пройти обучение, в Талаке всё было иначе.

Император-некромант нашёл способ передавать проклятый дар некромантии другим людям и теперь целенаправленно снабжал таких проклятых талантливыми жертвами, так что даже эти недавно созданные некроманты обладали могущественными способностями.

Но хуже всего было то, что эта далёкая империя, казалось, была сформирована по образу Старой империи. В то время как на нашей родине главную силу вражеской армии составляли призванные на службу крестьяне и рабы, солдаты на Огненных островах были хорошо обучены и вооружены, и ни в чём не уступали солдатам Старой империи. Фанатичная преданность последователей и солдат императора-некроманта была пугающей, тем более, что они без колебаний были готовы пожертвовать собой ради своего императора, и с каждой отдельной смертью во имя его, приближали его на шаг ближе к цели самому стать богом.

Зокора ввела такой термин, как тёмное зеркало, и он был очень подходящим: казалось, будто враг использовал всё то, что когда-то привело Старую империю и Аскир к величию и могуществу и теперь обратил это против нас.

Пока я размышлял над этим вопросом, глядя в окно кареты на проплывающий мимо Аскир, я почувствовал тёплое дыхание Лиандры на своей шее. В какой-то момент усталость всё-таки взяла своё, я задремал, слушая, как Зиглинда смеётся на том, что только что рассказала ей Серафина... и заснул.

Лиандра разбудила меня, я моргнул и как раз ещё увидел, как мы проезжаем через похожие на туннель ворота, которые охраняли солдаты легиона. Колёса нашей кареты отозвались эхом в закрытом пространстве, затем перед нами раскинулся большой круглый двор, окружённый могучими стенами, к фундаменту которых были пристроены здания. Слева я увидел башню без окон, предназначение которой не мог понять, но когда карета повернула, и я увидел цитадель, у меня перехватило дыхание.

Это была могучая, непоколебимая глыба, круг из белого камня, состоящий из как минимум семи этажей и со множеством узких окон с оборонительными ставнями. За большинством этих окон даже в этот ранний час всё ещё горел свет — или опять горел, поскольку вдалеке уже виднелся рассвет. Поездка в карете, видимо, всё-таки заняла больше времени, чем ожидалось.

Солдат из отряда Перьев, части вооружённых сил, которая занималась логистикой и бумажной работой, открыл дверь, отдав мне честь. Пока я выходил, подошли другие.

Я заметил, что на Зокору не обращают внимания. Хотя в Старой империи не было ничего необычного в тёмной коже, всё же я ожидал, что она привлечёт интерес. Они с Варошем решили сразу же лечь спать. Ангус не думал ни о чём, кроме как спросить о ближайшей таверне, и был разочарован тем, что поблизости не было ни одной открытой. Внезапно больная нога уже больше не была ему помехой. Зиглинда тоже поблагодарив, отказалась, так что за солдатом из отряда Перьев последовали только Лиандра, Серафина и

я.

Цитадель была не совсем таким массивным сооружением, каким казалась снаружи. Когда нас провели через ворота внутрь, оказалось, что большую часть круга занимал сад. В проходе, который был достаточно широким, что могли бы разъехаться три кареты, солдат повернул налево, где находилась железная дверь, и прошёл мимо стоящих там и подозрительно глядящих на меня четырёх Быков.

На удивление здесь никто не стал отдавать честь.

Что имело смысл, поскольку тогда они бы только и занимались тем, что приветствовали в этом месте офицеров.

Пока мы поднимались по широкой лестнице, повстречали ещё двое других офицеров, которые кивнули, но в то же время, казалось, задумались над тем, кто я такой.

Лестница поднималась наверх под самую крышу, там она заканчивалась широкой площадкой, где ещё четыре Быка стояли на страже. Также там находился стол, за которым сидел солдат из отряда Перьев. Он вскочил и открыл нам дверь, которая вела в широкий, освещаемый магическими шарами коридор. Во всяком случае, по большей части, потому что кое-где шаров на хватало.

Нас ждала ещё одна охраняемая дверь, один из солдат открыл её для нас, и мы добрались.

2. Орикес

Мы оказались в анфиладе комнат, которые совсем не соответствовали тому, что я ожидал от комнат высокопоставленного офицера. Мы находились в своего рода гостиной, щедро покрытой коврами, напротив нас было два окна, выходящих во внутренний двор и имевших мало общего с бойницами, которые мы видели на внешних стенах имперских зданий. Между этих окон на конторке стояла небольшая святыня со знаком Борона. Остальная часть комнаты была обставлена низким столиком и удобными, обтянутыми кожей креслами.

Стены были скрыты полками, на которых было больше книг и томов, чем я когда-либо видел в своей жизни.

В первый момент мы были в комнате одни, затем дверь слева отворилась, вошёл штаб-полковник и слегка поклонившись женщинам, смерил нас внимательным взглядом.

Мужчина был не особо высоким, но коренастым, волосы с сединой и коротко стриженные.

Под кустистыми бровями сверкали серо-голубые глаза, а его улыбка была дружелюбной.

За исключение коротких волос и мускулов, которые указывали на то, что он тоже привык носить тяжёлые латные доспехи империи, он больше походил на священника, чем на воина. Он не стал отдавать под козырёк, а поприветствовал меня удивительно сильным рукопожатием.

Полковнику на вид было больше пятидесяти, но он по-прежнему держался прямо и двигался с лёгкостью гораздо более молодого человека.

— Я штаб-полковник Орикес, — представился он и указал рукой на ожидающие нас кресла вокруг низкого стола. На полированной поверхности стояла чаша с фруктами, на серебряном подносе дымились два больших чайника из обожжённой глины, а рядом стояло несколько чашек, включая сахарницу с коричневым сахаром.

— Я понимаю, что вы устали, поэтому взял на себя смелость подать свежий кофе и немного фруктов. Берите, если хотите.

Он стоял, потирая руки, когда мы садились, затем сам нашёл себе место за столом, которое позволяло ему иметь всех нас в поле зрения. Искоренитель Душ и Каменное Сердце стояли рядом с нашими креслами, но он лишь коротко взглянул на них, затем наклонился вперёд.

— Все отчёты, которые получает империя, в конечном итоге оказываются у меня. Простите, что я отказываюсь от протокола, но у меня такое чувство, будто я уже давно вас знаю. Тут у нас генерал Копья давно потерянного легиона, там могущественная маэстра, контролирующая молнию, и, наконец, чудесным образом возродившаяся Серафина, цейгмейстер Второго легиона, легендарная фигура, от которой скорее можно было ожидать, что она взойдёт на трон, а не закончит свою жизнь в холодной пещере, чтобы заново родившись, сидеть сегодня здесь.

— Он откинулся назад и смерил нас взглядом. — Я знаю, кто пишет отчёты, и знаю, что могу им доверять, и всё же должен признать, что многие вещи кажутся мне невероятными. — Он указал на чашу и чайники. — Кофе или фрукты? Берите, это не вопрос, а дружеская встреча.

— Гм... — начал я и не зная, что сказать, посмотрел на Лиандру, которая от этого

приветствия выглядела не менее сражённой, чем я.

Серафина же, напротив, ко всему отнеслась очень спокойно.

— Что, я чересчур много говорю? — спросил Орикес, когда Лиандра тоже замешкала. — Просто мне пришлось слишком долго вас ждать, — объяснил он и тихо рассмеялся. — Ладно, что, если я буду задавать вопросы?

— Если вы, в свою очередь, ответите нам на несколько наших, — теперь промолвила Лиандра, а я в это время взял чайник и вопросительно посмотрела на обеих женщин. Они кивнули, поэтому я наполнил четыре чашки дымящимся варевом.

— Начнём с одного, — произнёс я, пододвигая чашку к полковнику. — Не было ли на днях магической атаки на этот город?

Он моргнул и внезапно стал серьёзным.

— Да. Враг попытался возвести в городе портал, который поистине вёл в другой конец света. Мы смогли отразить эту атаку, и часть вражеских сил была уничтожена. — Он взял свою горячую чашку и покрутил в руках. — Как вы об этом узнали, генерал?

— От полевого командира Целана. Было сложно противостоять этому штурму?

— Было непросто, — сдержанно ответил полковник. — Он был тщательно спланирован заранее, и был момент, когда ситуация казалась нам безнадёжной, и лишь удача и жертва помогли её спасти.

— Вам удалось отыскать агентов императора-некроманта, — спросила Лиандра. — Или надо полагать, их было много, и они ещё активны? Вы выяснили, кто помогал врагу, и можете сказать нам...

Орикес осторожно кашлянул и поднял руку, чтобы перебить её.

— Простите, маэстра, но могу сначала я задать свои вопросы? — вежливо спросил он.

— Спрашивайте, — ответила Лиандра.

Оказалось, что у Орикеса их было много. Он начал с самого начала, спросил о том, что случилось в «Молоте», а затем, повел нас по прямой к недавним событиям в Газалабаде. Не знаю, как у него так получилось, но уже спустя пол отрезка свечи нам казалось, будто мы рассказываем о нашем приключении старому другу. Даже Лиандра смеялась и шутила, как будто знала его уже вечность. Но он никогда не терял нити разговора, а тщательно сформулированные вопросы показывали, насколько внимательно он изучил каждый отчёт.

Время летело быстро, солдат принёс нам во второй, а потом и в третий раз полные чайники, и только когда я действительно больше не смог подавить зевок, он отложил опрос до следующего раза.

— Вижу, что это займёт больше времени, чем я думал, — с извинением сказал он после того, как мы рассказали ему об освобождении принцессы Марины и возрождении Серафины. Он посмотрел в окно, где уже давно наступил день. — Не хочу сейчас и дальше пытаться вас. Через несколько отрезков свечи вас будет ждать комендант, и я уверен, что вы захотите немного отдохнуть и успокоиться.

Он откинулся на спинку кресла и помассировал виски; видимо, сам тоже устал.

— Комендант строгий, но справедливый человек, с острым умом, который нельзя недооценивать. Я тоже буду присутствовать на встрече, но уже сейчас хочу дать вам совет: он поймёт, если вы попытаетесь что-то от него утаить, и он ценит искренность чуть ли не до жестокости. Он спросит о том, чего мы ещё не успели затронуть, а именно, как произошло извержение вулкана. Отвечайте ему как можно честнее. — Его взгляд переместился с меня на Лиандру, которая внезапно стала совершенно бодрой. — Он достаточно разбирается в

магии, поэтому не стоит бояться изложить ему и эту сторону вещей. Мы должны противостоять обвинению, поскольку если удастся сделать вас ответственными за катастрофу, это поставит под угрозу всё, за что вы боролись и страдали. Здесь, в Старой империи, лишь немногие знают о масштабах угрозы, исходящей от Талака. Зато все ищут виновника и того, кто ответит за гибель людей от приливной волны.

— Полковник... — начала Лиандра, но он снова поднял руку.

— Обещаю, что на все ваши вопросы ответы найдутся чуть позже. Сейчас же у нас мало времени, поэтому я отвечу на тот, который вы уже задали. — Он глубоко вдохнул. — Некоторые вражеские агенты были пойманы и убиты. Но в настоящее время мы предполагаем, что в городе есть ещё по меньшей мере один, а то и несколько некромантов, а также другие агенты, работающие на врага. Обвинение в том, что это вы виновны в извержении вулкана, не случайно. Возможно, кто-то проболтался, но мало кто знает о вашей роли в этом. Тем не менее на вас уже указали пальцем ещё до того, как «Штормовой Танцор» нашёл вас и спас. Эти слухи приобретают всё больше веса в торговом совете. А именно этот совет управляет судьбой города, и даже коменданту было бы сложно пренебречь им. И последнее: мы на собственном горьком опыте убедились, что нет никого, кому можно было бы полностью доверять. У врага есть способ соблазнить, обманут или ослепить даже самую верную душу. Всего два дня назад на Сову Дезину было совершенно покушение одним из наших солдат, который предан императору и сам никогда бы даже не подумал об этом. Хуже того, он даже не мог вспомнить своего преступления. Так что советую не полагаться на то, что вы здесь в безопасности. Враг очень заинтересован в вашем уничтожении.

— Какие ободряющие слова, — с горечью заметила Серафина, и полковник кивнул; улыбка исчезла с его уст.

— Других у меня для вас нет, — сказал он и встал.

На этом странная аудиенция закончилась.

3. Дружеская услуга

Здесь, на седьмом этаже цитадели, также находились личные апартаменты коменданта и других важных офицеров. Во всей империи не было более безопасного места, чем это. Именно это послужило мне поводом задуматься, почему нам предоставили здесь три комнаты. В этом были и свои плюсы: Лиандра легко позволила убедить себя разделить со мной мою комнату.

— Ты что-нибудь заметил? — спросила она, подавляя зевок. Она небрежно сбросила свою одежду, села на широкую кровать и поставила Каменное Сердце рядом.

— Только то, что эти комнаты по планировке похожи на комнаты полковника. Но обставлены скуднее. Хорошая новость в том, что здесь есть одна из этих чудесных ванн, которые ты так любишь.

— Отрадно слышать. — Она легла. — Но я не это имела в виду. Полковник задавал вопросы мне, а также Серафине, которая, похоже, очаровала его. Но тебя он почти ничего не спрашивал.

— Может просто ещё не пришла моя очередь, — заметил я и лёг рядом с ней. — Мы...

Её тихий храп прервал меня, заставив улыбнуться. До аудиенции оставалось всего пять отрезков свечи, но полковник обещал разбудить нас вовремя. Я лёг на подушки, накинул на нас одеяло и заснул.

Нас разбудила Серафина. Лиандра что-то пробормотала и сильнее укуталась в одеяло, в то время как я за что-то ухватился, чтобы случайно не выпасть из гамака, как со мной часто случалось на борту «Снежной Птицы». Я почувствовал облегчение, когда понял, что это кровать, которая просто так не сбросит меня на пол.

— Что? — спросил я, трясая головой, как мокрая собака. Фрагменты тёмного сна ещё витали в голове. — Уже время?

— Нет, — тихо ответила Серафина. — Ты можешь дать ей ещё поспать. Речь идёт об Ангусе.

Я подавил стон. Северянин был более чем полезен в Газалабаде, а в Алдерлофте, гавани контрабандистов, он, скорее всего, спас нам с Серафиной жизнь, убив боевую бестию из Талака. Но, похоже, у него была склонность попадать в неприятности.

— Они с Зиглиндой пошли искать хорошее пиво и нашли таверну, которую также регулярно посещают фарлендцы. Там имела место ссора, а потом появились солдаты, чтобы арестовать его. Он сидит в камере в портовой комендатуре.

— Из-за драки? — устало спросил я, потянувшись за рубашкой, чтобы одеться. Я наклонил голову вперёд и помассировал затылок и шею. Мне очень хотелось послать северянина куда подальше, например, в чертоги Сольтара, и продолжить спать.

— Не совсем, — объяснила Серафина. — Это было не из-за драки. Другому фарлендцу показалось, что он его узнал, и он обвинил его в измене и трусости. Морские Змеи арестовали Ангуса, но приказ они получили из Фарлендского посольства, здесь в Аскире, которое требует его выдачи с целью казнить. На этот раз речь идёт не о женских юбках, он в серьёзной беде. Зиглинда пришла ко мне, чтобы сообщить об этом, и говорит, что мы вряд ли сможем ещё что-то изменить.

Моя голова начала болезненно пульсировать. С сапогом в руке я посмотрел на неё.

— Боюсь, она окажется права, — тихо промолвил я, по-прежнему стараясь не разбудить

Лиандру. Слишком поздно, как оказалось она уже оторвала голову от подушки и села.

— Это действительно было бы ошибкой, — заметила она. Она всё ещё выглядела сонной, но её голос был ясным и жёстким. — Нам понадобится поддержка фарлендцев в этой войне, поэтому нет смысла настраивать их против нас. Это вина Ангуса. Какое бы преступление он не совершил, это не наша забота.

Я с удивлением посмотрел на неё.

— Он был готов умереть за тебя, Лиандра.

Она резко повернулась, одарив меня взглядом, пылающим красным светом.

— Но я не готова ради него рисковать своей миссией, Хавальд! Здесь на карту поставлены более значимые вещи. Он был для нас обузой, как вши, которыми он так щедро наградил нас. С тех пор, как я впервые увидела его, он принёс нам только разлад, огорчения и много неприятностей. Если фарлендцы повесят его, то он сам будет в этом виноват. Кувшин носят к колодцу до тех пор, пока он не разобьётся!

Её вспышка удивила меня.

— Я не знал, что ты его так мало ценишь.

— Он твой друг, Хавальд, а не мой. Мне пришлось приложить много усилий, чтобы вынести его. Без твоей защиты я бы не стала терпеть его рядом с собой. Он мне не нравится, и это, Хавальд, ты должен принять, хочешь того или нет!

— Он мне не друг, — мягко возразил я, хотя мне было трудно сохранять спокойствие. Это была правда, потому что что-то в Ангусе казалось мне фальшивым, и я ещё не мог доверять ему во всём.

— Хорошо. Тогда я не вижу проблемы. Комендант ждёт нас в ближайшее время, это намного важнее. Я не желаю Ангусу зла, но он сам постелил себе постель, так пусть в ней спит.

— Он без колебаний вступился за тебя, Лиандра, — теперь сказала и Серафина.

— Он сам так решил, — упорствовала Лиандра. — Я его об этом не просила. — Она сверкнула на меня взглядом. — Отпусти его, Хавальд, у нас достаточно других проблем!

Я долго колебался, затем встал и взял Искоренителя Душ.

— Я не могу. Он один из наших.

— Он один из твоих, Хавальд, — возразила она, откидываясь обратно на кровать. — Делай, что хочешь. Но убедись, чтобы он не подверг опасности нашу миссию!

— Лиандра... — начал я, но она оборвала меня.

— Когда мы пойдём на аудиенцию, я хочу быть выспавшейся. Убедить коменданта — самый важный шаг в победе над Талаком. Я никому не позволю остановить меня. — Она закрыла глаза. — Уходи и дай мне поспать.

— На неё это не похоже, — заметила Серафина, закрыв за нами дверь. — Что с ней не так?

Я подождал, пока охранники у двери окажутся в не зоне слышимости.

— Думаю, — сказал я, — это как-то связано с Каменным Сердцем. Она на его клинке поклялась завершить миссию, а ты знает, какой он.

Она коротко кивнула.

— Пока Лиандра была в плену, носить его пришлось мне, другие были на это неспособны. Я... я чувствовала его. Казалось, будто он постоянно смотрел мне через плечо и осуждал всё, что я делала или думала.

Я вполне мог себе это представить, потому что эти тёмные рубиновые глаза уже всегда

неодобрительно смиряли меня взглядом.

— Ты обнажала клинок? — спросил я.

— Полагаю, я смогла бы это сделать, — ответила она после минутного размышления, когда мы поспешили вниз по широкой лестнице. — Но я не хотела. Мне знаком Ледяной Защитник, и я испытала на себе, каким может быть Искоренитель Душ, но Каменное Сердце отличается от всех других изгоняющих мечей. Он затрагивает сердце. Даже с Искоренителем Душ ты способен проявить милосердие, Лиандра — нет. Кроме того, боюсь, что Каменное Сердце не только клятву на клинке принимает как свою миссию, но рассматривает любое поспешное решение, как свою задачу. — Она остановилась на ступеньке. — Он оставляет своему владельцу малую свободу действий — вот что я хочу сказать.

Я кивнул сам себе. Во многих отношениях Искоренитель Душ был ужасным оружием, и мой клинок тоже влиял на мои действия, но не до такой степени. Каждый из этих мечей был в моих глазах скорее проклятьем, чем благословением.

— А как это было с Ледяным Защитником? — спросил я. — Он тоже такой ужасный?

— Она, — поправила Серафина. — Это меч женского рода. И нет. Она другая... не такая целенаправленная, но умеет гораздо лучше приспосабливаться. Она скорее дружелюбное создание.

— Как-то странно говорить о мече в таком ключе, — заметил я, пока мы шли через двор цитадели. — Думаешь, он... она живая?

— По крайней мере, наполнена жизнью. Она хранила нас, и это было похоже на долгий прохладный сон. И всё же она не позволяла мёрзнуть нашим душам. Это сложно описать, я, определённо, не захочу пережить это ещё раз, но она добрая. Она больше заинтересована в том, чтобы защитить, а не убить.

Если подумать о жадности, с которой Искоренитель Душ когда-то стремился убивать, было действительно странно слышать, как Серафина говорит о таком изгоняющем мече. На мгновение у меня возникло желание, чтобы вместо Искоренителя Душ мне, в своё время, вложили в руки Ледяного Защитника.

Путь до портового гарнизона пешком длился не так долго, как на карете, но мы шли быстро и стремительно. Я с беспокойством наблюдал за передвижением солнца, время ещё было, но не так много. Охранники портового гарнизона, похоже, не обрадовались мне; она ответила на мой салют, с подозрением окинули взглядом мою униформу и послали кого-то вызвать дежурного офицера.

Подошла высокая женщина и представилась как майор Меча Рикин. У неё был такой взгляд, от которого редко что-то ускользало. Она выслушала нас и скудным жестом пригласила следовать за ней.

— Эльгата очень вас хвалит, — сообщила она мне, ведя нас вниз по лестнице и по длинному коридору. — Одного вашего звания было бы недостаточно, чтобы позволить вам встретиться с пленником. То, что Эльгата встала на вашу сторону, стало решающим фактором. — Она подозвала капрала, который открыл нам тяжёлую стальную дверь. За этой дверью в голой камере без окон уныло сидел северянин на своих нарах, подперев голову руками. Он поднял взгляд, когда услышал, как открывается дверь, и его глаза округлились от неверия.

— У вас не больше четверти отрезка свечи, — объяснила нам майор и закрыла за нами дверь камеры.

— Хавальд, — изумлённо воскликнул Ангус и поспешил к нам. — Не думал, что ты ещё

найдёшь для меня время! — Далеко он не ушёл, потому что лязгающая цепь на левой лодыжке остановила его.

— Сядь, — сказал я. — Времени у нас не так много. Я здесь, чтобы выслушать то, что ты хочешь сказать. Не теряй времени зря и не пытайся оправдываться! Ты виноват в том, в чём тебя обвиняют или нет?

Он сел и посмотрел на меня со страдальческим выражением лица.

— Боюсь, что да.

Я вздохнул. Я ожидал это, но надеялся на обратное.

— Что именно произошло.

— Когда-то я был уважаемым воином из Волчьего клана на моей родине, — тихо начал он. — Принц моего народа, самый молодой из пяти, захотел отправиться в разведывательное путешествие вокруг света и выбрал десять лучших воинов моей родины, которые должны были служить ему личной охраной, наряду со многими другими, кто должен был поехать вместе с ним. Состязания за эту честь были жестокими, но мне сопутствовала удача. И как последнему из десяти, мне была предоставлена возможность умереть за него. Я получил браслет, подтверждающий моё звание, и, являясь источником всеобщей зависти, гордо вошёл на борт корабля принца. Ах Хавальд, — вздохнул он, — это был триумфальный день, самый лучший в моей жизни! Но вскоре стало очевидно, что это путешествие было обречено. Первая часть прошла по плану. Но прямо перед Алдаром произошло несчастье. Сломалась мачта, и нам пришлось ждать в Алдаре, когда сделают новую. В конце концов, мы отплыли, четыре недели позже запланированного срока, но теперь началось время штормов.

И один из них настиг нас прямо перед Янасом, а когда тучи рассеялись, мы поняли, что боги над нами издеваются, потому что новая мачта теперь тоже была сломана, а корабль так разбит, что едва держался на воде. На горизонте мы также обнаружили паруса пиратов. При других обстоятельствах мы бы над ними посмеялись, но учитывая наш разбитый корабль, эти морские гиены не сдрейфовали. — Он сжал руки в кулаки, посмотрел на них и с очевидным усилием снова разжал, прежде чем продолжить рассказ хриплым голосом. — Но было ещё не всё потеряно. Пиратских корабля было всего два, и мы решили атаковать прежде, чем они этого ожидали. Два десятка наших людей спустились в воду, поджидая врага, а когда они подплыли, чтобы напасть на корабль, мы схватились за вёсла и поднялись на борт. Десяток наших людей против сотни или больше... После, мне никогда больше не доводилось почувствовать в таком сражении! Принц, я и двое моих товарищей пережили его тяжело ранеными. Мы победили, даже если два моих товарища были на грани смерти. Второй корабль тоже горел, поэтому мы уже собирались возликовать, когда увидели третий.

Мы выиграли достаточно времени, чтобы срубить мачту, принц спустил вёсла и отдал приказ атаковать. Я ещё увидел, как он указывает на врага, но потом меня настигло несчастье. Порвался трос, который был повреждён во время боя, и на меня, чуть не прибив, упала рея, так что я почти оказался в руках Сольгара. Когда я снова пришёл в себя, мои товарищи умерли от своих ран. Я был один на корабле, полном трупов, а другие люди и корабль принца исчезли. Я уже даже не знаю, как смог выбраться на берег, но каким-то образом мне это удалось. Я бродил неделями, пока не добрался до Газалабада, города настолько чужого, как никакой другой.

Там я встретил земляка, и тот рассказал мне, что принц погиб. Разбитые останки его корабля были обнаружены у побережья. — Его глаза были мокрыми от слёз, а губы дрожали, когда он с трудом продолжил рассказ. Обхватив мою руку, он так сильно сжал, что я

испугался за свои кости, но я не мог высвободить её. — Я поклялся перед всеми богами, — продолжил он сломленным голосом, — что умру раньше принца. И то, что всё сложилось иначе — это неизмеримый позор.

Ни один северянин не может так жить, и я решил положить конец своему существованию. Но затем меня ожидало ещё одно последнее унижение, я не смог заставить себя сделать это. То, что я сделал, друг Хавальд — худшее из преступлений: я испугался смерти и позволил своему принцу умереть раньше меня. — Он медленно покачал головой и посмотрел на меня верными, собачьими глазами. — Я виновен, Хавальд, и даже ты ничего не сможешь здесь сделать. Я рад тому, что теперь умру. Меня наполняет отвращение от того, что мне не хватает смелости судить самого себя.

— Значит вот почему тебе так хотелось умереть в бою, — заметила Серафина, пока я пытался понять, что он хочет мне сказать.

— Да, Хелис, — тихо ответил он. — Это также источник моего бахвальства и охоты за всеми женскими юбками. Мой позор такая тяжёлая ноша, смерть меня пугает и всё же она стала одержимостью. Только между чреслами женщины я чувствую жизнь и могу забыться на короткое, славное мгновение. Только там я нахожу избавление, пока не возвращается отчаяние. — Он глубоко вздохнул. — Это правда, Хавальд, я рад, что игра теперь подходит к концу. — Он сделал глубокий вдох, встал и посмотрел на меня этими верными глазами. — Ты простишь меня за то, что я тебя обманул?

— Мне нечего прощать, — ответил я. — По отношению к нам ты сдержал все данные нам клятвы, мой друг.

— Правда? — нерешительно спросил он. — Я твой друг?

— Да, друг, — серьёзно ответил я. Я давно знал, что он что-то скрывает, слишком детской и поддельной была его роль. Серафина тоже давно это заметила. Теперь, когда я узнал, какое он совершил «преступление», слишком хорошо понимал его. Я знал, насколько горьким на вкус бывает отчаяние, когда ты продолжаешь жить, в то время как другие люди, которые должны были выжить, уходят в чертоги Сольтара до тебя.

Он сглотнул, подошёл, снова сглотнул и обнял меня. Я держал его, пока он плакал.

Майор Меча Рикин молча открыла дверь камеры; по её глазам было видно, что она всё слышала. Она ничего не сказала, да и мне самому ничего не приходило в голову. Я остановился у порога, обернулся и увидел, как Серафина обнимает его, и как он с трудом улыбнулся, когда она что-то прошептала ему на ухо.

Она отстранилась и направилась ко мне. Ангус обратился к Рикин.

— Вы забрали у меня бочонок, — сказал он. — Это подарок этому человеку, Хавальду, теперь он его. Майор, вы отдадите бочонок, исполните моё желание?

— Отдам, северянин, — пообещала она.

Он с благодарностью кивнул, прежде чем взглянуть на меня.

— В этом мире ты не найдёшь пива лучше, мой друг! Возьми мой подарок, откупорь ещё сегодня, выпей за меня и будь уверен, нет никого, кто заслужил бы это больше, чем ты. Содержимое этого бочонка — моё наследство тебе, единственно ценное, что у меня осталось. И если Сольтар захочет, то в следующей моей жизни я буду служить тебе.

И что мне ответить?

— Я выпью за тебя, — пообещал я. — Пусть боги безопасно проведут тебя, мой друг.

Рикин подала капралу знак, и тот закрыл крепкую дверь. Мы медленно пошли прочь, и я ещё какое-то время слышал, как он плачет.

— Такого я не ожидал, — сказал я хриплым голосом, прищурившись глядя на солнце и держа бочонок Ангуса под мышкой. Времени прошло не так много, всё же показалось, что мы пробыли у Ангуса целую вечность. Ещё оставалось время вернуться в цитадель и, возможно, принять ванну и побриться. — Мне почти стыдно, что я не доверял ему.

Серафина подстроилась к моему шагу.

— Ты не можешь нести всё на своих плечах, Хавальд, — сказала она. — Некоторые вещи такие, какие есть. И ты сам его слышал. Он надеется наконец обрести покой.

— Мне это кажется несправедливым, — заметил я, продолжая идти. Мы увернулись от накрытой брезентом повозки, запряжённой волами, тем не менее кучер одарил меня на удивление сердитым взглядом. — Он не сделал ничего, за что его нужно было бы наказывать. Он виновен только в глазах северян и в своих собственных. Я не могу считать преступлением продолжать жить, когда другие мертвы, иначе мне пришлось бы проклясть самого себя.

— А разве ты не проклинаешь? — нерешительно спросила она.

— Проклинал. Теперь уже нет. Я надеюсь, что в конце моего путешествия бог откроет мне смысл всего, но уже сейчас чувствую, что так и будет.

Она остановилась и с удивлением посмотрела на меня.

— Ты это серьёзно, Хавальд?

— Да, — ответил я. — Я же тебе говорил, что примирился с Солтаром.

— Прекрасно, потому что припираться со своим богом — нехорошо. — Она постучала по бочонку согнутым пальцем. — Когда откроешь его, пригласишь меня?

Он был не совсем полным, иначе звук был бы не таким глухим, всё же он был достаточно тяжёлым, чтобы вместить больше одного бокала.

— Об этом даже не нужно было спрашивать.

Остаток пути мы прошли молча, погружённые в свои мысли.

— Что с Ангусом? — спросила Лиандра, когда я закрыл за собой дверь в нашу комнату. Она сидела на кровати и примеряла парик. — Не то, чтобы я призирила всё в этом человеке, — продолжила она, когда я не сразу ответил. — Но с меня хватит, он доставил нам проблем непочатый край.

— Он больше не побеспокоит тебя, — ответил я. Поставив бочонок на стол у двери, я прошёл мимо неё в ванную.

— Хавальд, я... — начала она, но я уже закрыл дверь.

Время хватило и для бриться. Я как раз вытирал лицо, когда солдат из Перьев постучал в нашу дверь, сообщил, что у коменданта скоро будет для нас время и вежливо намекнул, что лучше нам тогда быть готовыми.

Лиандра переделалась, на ней были её старые доспехи с вплетённым в кольчугу символом грифона, но всё остальное, включая накидку до пола, было сделано из новой, мягкой, ослепительно-белой кожи. Я никогда раньше не видел на ней этих вещей. От парика она отказалась. Он, уложенный в изысканную причёску, небрежно валялся у стены на полу. Там же я заметил три шпильки, полетевшие вслед за ним. Мы оба сильно обгорели на Огненных островах, но благодаря искусству исцеления Зокоры, мы почти полностью выздоровели. Моя кожа была пятнистой, потому что новая ещё не загорела так же, как необожжённые участки, а вот Лиандра нашла способ выровнять загар со старой кожей. Контраст с её волосами был впечатляющим и придавал ей определённую драматичность.

Лиандра открыла дверь на стук солдата, теперь же снова закрыв её, прислонилась

спиной к дверному полотну, чтобы окинуть меня пронизывающим взглядом. На мне была униформа генерала легионов, сапоги я почистил и насколько было возможно, стёр новое пятно, так что отвечал её запросам.

— Что с Ангусом? — спросила она таким тоном, который выдавал, как трудно ей было говорить спокойно. Ей не совсем это удалось, потому что по её телу пробежали маленькие искры. Скорее всего, она их даже не заметила.

— Он виновен, будет казнён и не представляет угрозы для твоей миссии, — проинформировал я её. — Твои страхи были излишними.

— На нас это может неблагоприятно сказаться, если он...

— Нет, — перебил я. — Это не имеет ничего общего с нами и с тобой. Это кое-что из его прошлого, что фарлендцы хотят уладить между собой.

— Почему ты на меня злишься? — спросила она. Я мог бы спросить её о том же, но всё было бы напрасно.

— Я не сержусь, — проскрежетал я. — Не на тебя. Мы идём? — Рубиновые глаза Каменного Сердца насмешливо смотрели на меня со своего места за её плечом. «Ты не сможешь победить» — говорили они. «Ты уже проиграл, прежде чем увидел её в первый раз, потому что она моя.»

— Нет, ты злишься. Объясни мне почему. Ты знаешь, насколько важна моя миссия.

Её миссия, теперь она уже её, а не наша.

— В жизни есть вещи, которые всё ещё важны, даже когда нужно выполнить миссию. — Я не хотел затрагивать эту тему, но не смог сдержаться. — Иногда мне хочется, чтобы мы встретились ещё до того, как ты поклялась на этом клинке. Каменное Сердце меняет тебя, Лиандра.

— Ты ошибаешься, — величественно сказала она. — Без миссии мы бы не встретились. И только потому, что ты не в ладах со своим мечом и ропщешь на судьбу, не нужно думать, что со мной то же самое. Мы с Каменным Сердцем едины, и это правильно, для этого и были созданы мечи.

В этом не было смысла. С таким же успехом можно было головой биться о стену.

— Нам пора идти, — напомнил я. — Если опоздав, мы произведём плохое впечатление, это нанесёт вред миссии.

— Ты прав, — промолвила она. — Нельзя позволить этому случиться.

«Да», — подумал я. «Я знаю.»

4. Комендант

Мы хорошо рассчитали время. Не успел солдат из Перьев провести нас в прихожую, где нас уже ждал штаб-полковник Орикес, как дверь с другой стороны открылась, и адъютант попросил нас войти.

Есть люди, посмотрев на которых, сразу понимаешь, кто они.

Комендант Кералос, наместник Аскира, главнокомандующий легионами, возможно, самый могущественный человек, которого я когда-либо встречу, был солдатом. Он был стройным и высоким, волосы с проседью, глаза серые, орлиный взгляд, одет в простую серую мантию, без каких-либо отличительных знаков его власти. Но он в них и не нуждался. Учитывая его прямую осанку, то, как быстро и внимательно он смерил нас взглядом, да и сам взгляд — всё это характеризовало его более убедительно, чем стоявшие в углу комнаты тяжёлые доспехи Быков.

Штаб-лейтенант Орикиес отдал под козырёк, и я последовал его примеру.

Лиандра низко поклонилась, возможно, впервые с тех пор, как я с ней познакомился.

Комендант стоял посреди комнаты, когда нам открыли дверь, и теперь, ответив на приветствие, он повернулся и прошёл три шага к своему большому, пустому письменному столу, чтобы, прислонившись к нему, снова смерить нас взглядом.

— Поднимитесь, — сказал он Лиандре. — Я не аристократ, меня устроит и обычная вежливость. Его слова прозвучали не как упрёк, всё же Лиандра покраснела и быстро поднялась, чтобы встать по стойки смирно.

Очевидно, он не счёл нужным представиться, поскольку сразу перешёл к делу.

— Я с интересом следил за вашим путешествием, — сказал он, в то время как Орикес занял позицию сбоку от нас. Комната была не особо большой, где-то шагов шесть по диагонали, с большими окнами с трёх сторон, из которых был виден весь город. На стене справа от меня висела карта имперского города, а на высокой полке лежали карты, свитки и книги. Кроме стойки для доспехов, письменного стола и стула больше ничего не было. А сам стол был пустым, не считая чернильницы, перьев, песка и маленького перочинного ножичка.

Никаких стульев для гостей.

— Хорошо, что оно закончилось, — продолжил он. Я потерял нить разговора... Он имел в виду путешествие. — Сразу после катастрофы пошли сплетни, обвиняющие вас в гибели Огненных островов и в приливной волне. Расскажите, что там произошло, ничего не умалчивайте. Мы должны опровергнуть это обвинение.

Я прочистил горло, но Лиандра заговорила первой. Я знал её достаточно хорошо, чтобы понять, что манера коменданта немного вывела её из равновесия, но она быстро оправилась. Она начала с того момента, когда открыла дверь в вулканический конус, незадолго до того, как прибыл я и бездумно убил священника, который находился под контролем Зокоры. Она постоянно останавливалась и, казалось, ждала вопросов, но он их не задавал. Только однажды комендант нетерпеливо махнул рукой, показывая, что ей следует продолжить.

Один раз он всё-таки остановил её, когда она рассказывала о том, что дверь в порталную комнату мы нашли заблокированной, и переспросил. Смущённо она поведала о том, как со старой имперской оборонительной станции отправила в неизвестность птичий помёт и сгоревшие балки.

— Вы снова нашли тот же птичий помёт в порталной комнате в вулканике? — спросил он, и она кивнула. Он один долгий момент стучал пальцами своей левой руки по краю стола, как будто бы размышляя, затем кивнул. — Спасибо. Продолжайте. — Он сосредоточенно слушал её рассказ о приливной волне, которая накрыла «Снежную Птицу».

— Хорошо, — сказал он, когда она закончила. — Самое важное мы обсудили. Есть и другие события, требующие моего внимания. Обратитесь к штаб-полковнику Орикесу, если у вас есть какие-либо вопросы или вам нужна помощь. Как только я узнаю, как мы будем действовать дальше, мы соберёмся вместе, чтобы обсудить это. Да пребудут с вами боги.

Я прочистил горло, и на этот раз он повернулся ко мне.

— У вас есть ещё что-то важное, чтобы добавить, генерал Копья?

От его взгляда я едва не запнулся.

— Комендант, дело в кольце, которое я ношу.

— Что с ним? — спросил он, небрежно взглянув на мой палец.

— Я не имею на него права.

— Если бы вы не имели на него права, то не носили бы. Вторым легион ещё не готов к бою, кроме того, приказ императора запрещает ввод легиона на территории Старой империи. Я призываю вас, когда найду для вас задание. А до тех пор уважайте законы императора и помните, что генерал легионов, прежде всего Второго легиона, особенным образом отвечает перед императором и империей и не должен позорить ни того, ни другую. — Он слегка поклонился перед Лиандрой и отдал честь.

Мы вместе с Орикесом ответили на приветствие, развернулись и пошли с Лиандрой к двери, которую открыл для нас адъютант.

Войдя в прихожую, Орикес молча показал нам жестом следовать за ним; до его комнаты было недалеко, всего двадцать шагов по коридору. Там он закрыл дверь изнутри, и подчёркнуто нейтральное выражение его лица сменилось улыбкой.

— Всё прошло гораздо лучше, чем я смел надеяться, — сказал он, вздохнув с облегчением.

Интересно, испытал ли он только что тоже самое, что и я.

Я чувствовал себя зелёным новобранцем, ещё немного, и мои колени задрожали бы под взглядом коменданта.

— Вы говорите, что всё прошло хорошо? — недоверчиво спросила Лиандра. — Святые боги, что тогда происходит с теми, кого он встречает не так «дружелюбно»?

— Что ж, — весело ответил Орикес. — Реакции разные, как и сами люди, но иногда было довольно неловко наблюдать, что происходит с нечастными, которые вызвали его недовольство. — Он жестом указал на стол, за которым мы не так давно сидели. Там чайники были заменены на стеклянный графин с прозрачной водой и четыре чистых стакана. Я подошёл, налил всем воды и передал один из стаканов Лиандре.

— У вас сложилось впечатление, что он был не любезен? — серьёзно спросил Орикес.

Я заметил, что Лиандра подавила вздох.

— Не любезен, нет. Вы были правы, предупредив нас, он был... очень прямолинейным. Что вы подразумеваете, говоря, что всё прошло хорошо? Я же не сделала ничего, кроме как отчиталась перед ним.

— Он остался доволен отчётом и почувствовал облегчение от того, что обвинение в том, что это вы вызвали приливную волну, необоснованно.

— Довольным? — глуповато спросил я, заработав пронизывающий взгляд Лиандры.

Казалось, Орикесу по какой-то причине было весело.

— Он так решил. В противном случае заковал бы вас в цепи и быстро привлёк к суду.

Теперь же он напомнит торговому совету, что нам всё ещё угрожает смертельный враг.

— Приятно слышать, — заметила Лиандра, но и она была растерянна. — Вы знаете, как он понял, что мы не виноваты в этом несчастье?

Орикес покачал головой.

— Не помню, чтобы он как-то это прокомментировал, но можете мне поверить, он убеждён в вашей невинности. — Он отпил глоток воды. — У меня есть к вам один вопрос, генерал. Как вам пришла в голову идея, что у вас нет прав на кольцо и ранг?

Я одно мгновение колебался, но, казалось, ему и в самом деле было интересно. Может это мой шанс всё исправить. Я как можно короче описал ему то, как мы нашли кольцо вместе со знаменем Второго легиона, и как я бездумно надел его и пожалел об этом в тот момент, когда оказался перед майором Меча Касале на старом постоялом дворе Фарда.

— Хм, — промолвил он. — Как думаете, вы злоупотребили своим званием и кольцом?

— Надеюсь, что нет, — нерешительно ответил я. — Возникла та или другая ситуация, когда я чувствовал необходимость показать кольцо, но я очень старался не перебарщивать.

— Конечно, не считая того, что вы воскресили Второй легион из мёртвых, — заметил Орикес.

— Да, не считая, — смущённо признался я.

— Вы считаете себя непригодным?

Я решил ответить ему честно. Не было причин умалчивать; дело было слишком важным.

— Да. Мне не хватает таланта к стратегии. Я даже не могу прочесть карту. Кроме того, я слишком нерешителен для генерала. Мне было бы сложно послать солдат на смерть, принести их в жертву только потому, что того требует ситуация.

— Вы думаете, что подобные ситуации возникнут?

— Без сомнения, сэр. Иначе невозможно выиграть войну. Полководец не должен колебаться, когда необходимо действовать. Он должен рассматривать свои войска как оружие, а не как живых людей из плоти и крови. Я не подхожу для этого.

— И по этой причине вы считаете, что не годитесь для этой должности? — спросил Орикес.

— Да, сэр. По большему счёту.

Я не был уверен, но мне показалось, будто он сдерживает улыбку.

— Хорошо, генерал, я передам коменданту ваши опасения.

Он поставил свой стакан на подоконник и снова повернулся к Лиандре.

— Мы продолжим разговор завтра утром ко второму колоколу. Маэстра, прима Сов, попросила меня передать вам, чтобы вы навестили её сегодня вечером к седьмому колоколу. Вы найдёте её в Совей башне. Это та башня, которая находится слева от входа в цитадель. — Он озорно улыбнулся. — Если дверь в башню будет открыта, вам не обязательно стучать, просто заходите.

— Я буду там, — вежливо ответила Лиандра, а блеск в её глазах явно показывал, как сильно ей хочется поговорить с маэстрой, обученной тайным искусствам Старой империи.

— На данный момент, — продолжил Орикес. — Нам нужно сверить наши знания, чтобы мы могли разработать план, который позволит нам противостоять императору-некроманту. Пока рано предпринимать какие-либо дальнейшие шаги. Если я захочу поговорить с одним из ваших товарищей, я дам вам знать заблаговременно. А до того

считайте себя гостями Аскира и не бойтесь при должной осторожности познакомиться с нашим прекрасным городом. До королевского совета есть ещё время, и я знаю, что вы очень хотите выступить перед ним. Но я прошу проявлять терпение, маэстра. Пройдёт ещё некоторое время, прежде чем мы сможем утвердить вас в качестве посла вашей родины. — Он дружески кивнул и открыл дверь. — Увидимся завтра утром. Сейчас меня ждут другие обязанности. Да придут с вами боги.

Я осторожно закрыл дверь наших апартаментов и посмотрел на Лиандру, которая ушла в окно на внутренний сад цитадели. По крайней мере, на данный момент ссора из-за Ангуса была забыта.

— Тебе тоже показалось, что у этих имперских особый способ заканчивать аудиенцию? — спросил я. — Они вежливы, несомненно, но всё происходит так быстро, что ты даже не замечаешь, как внезапно оказываешься за дверью.

— Действительно, — сказала она. — Я чувствую себя так, будто меня отчитали.

— Он не дал нам почти никакой информации. Меня он отчитал, тебя, в основном, только слушал.

— Я не разделяю твоего мнения. — Она повернулась ко мне. — Хавальд, ради богов! Как ты мог сказать, что не хочешь командовать легионом? Он наша единственная надежда!

— Именно поэтому им должен руководить тот, кто разбирается в военном искусстве.

— Я не знаю никого, кто смог бы это лучше, чем ты, — возразила она.

— Я не разделяю твоего мнения. Ты осознаёшь, что я не получил образования? Я подозреваю, что ты была обучена стратегии, но у меня таких знаний нет. Может это тебе стоит вести легион, Лиандра. Ты паладин королевы.

Она подошла ко мне и серьёзно посмотрев в глаза, положила руку на плечо.

— Возможно. Однако если всё пойдёт не так, как ты того желаешь, и ты сохранишь командование за собой, тогда сделаешь всё возможное, чтобы вести легион в бой?

— Да, конечно. Но я бы предпочёл...

Она оборвала меня крепким поцелуем в губы.

— Шшш, — сказала она с улыбкой. — Это всё, что я хотела услышать, тут говорить больше не о чем. — Она прижалась ко мне. — Мне вообще не нравится спорить с тобой, Хавальд.

Она посмотрела на кровать и одарила меня улыбкой, которая мне так нравилась.

— Мне очень жаль насчёт Ангуса. Было неправильно с моей стороны реагировать так. Ты меня простишь?

Я кивнул, но когда позже почувствовал её дыхание на своём плече и она заснула, я подумал про себя, что не важно, прощу я её или нет. Рядом с кроватью стоял Каменное Сердце и смотрел на меня своим обычным насмешливым взглядом. Это напомнило мне о том, что я узнал во сне. И снова я задался вопросом, когда мне следует рассказать Лиандре, что в рукоятке меча спрятан документ, изъывляющий волю Элеоноры по поводу наследника трона Иллиана. К моему облегчению, Элеонора сказала, что это не я.

Была ещё одна причина, почему я колебался и надеялся, что это был не более чем сон. Потому что иначе дела на моей родине совсем плохи, а Элеонора пропала.

Каким бы усталым я ни был, на этот раз я тоже спал недолго. Никто меня не будил, просто это снова был один из тех мрачных снов, которые преследовали меня некоторое время. Я осторожно отстранился от Лиандры, повернулся и встал. Должно быть, проспал я совсем мало, потому что не пробил даже ещё шестой колокол.

У Лиандры оставалось ещё три отрезка свечи до встречи с прямой Сов. Я решил дать ей поспать и попросил одного из солдат постучать в дверь, когда придёт время.

5. Сова

Я подошёл к следующей по коридору двери и постучал, но никто не открыл. У двери Серафины мне повезло больше; она держала в руке книгу, которую, видимо, как раз читала.

— А где остальные, Хелис? — спросил я, когда она пригласила меня войти.

— Зокора с Варошем отправились в храм Борона. Зиглина сказала, что хочет осмотреться на рынке. Ну а я... что ж... — Она подняла книгу. — Прошло много времени с тех пор, когда я читала эту книгу.

— Что за книга? — с любопытством спросил я.

— Сборник старых легенд и рассказов. Штаб-полковник Орикес одолжил её мне. Я хотела кое-что найти. — Она отложила книгу. — Где Лиандра?

— Она спит. У неё встреча с примой из башни Сов к седьмому колоколу.

Я рассказал ей о встрече с комендантом, и как он отреагировал на вопрос о кольце, и она тихо рассмеялась.

— Не хотелось бы мне занимать его пост. Неудивительно, что он такой бесцеремонный. Подумай, какое на его плечах бремя. Он запугал тебя Хавальд?

— Возможно, — признал я после недолгих колебаний. — Но я не знаю, как ему это удалось, потому что меня не так-то легко запугать. — Мне пришла в голову мысль, и я засмеялся. — Я как раз представил, как он встретятся с Зокорой...

— Лучше не каркай, — заметила она. — Значит, получается, мы из кожи вон лезли, чтобы добраться сюда, а теперь нам нечего делать.

Я рассмеялся.

— Так всегда в армии: быстро, быстро, а потом, жди здесь! Полковник говорит, что сначала они должны подытожить всю информацию, чтобы потом решить, что делать. И тогда они вернутся к нам.

— Это можно понять, но раздражает. Так что ты теперь собираешься делать, Хавальд?

— Я не знаю, — ответил я, пожав плечами. — Ангус попросил меня выпить за него, и я думаю найти хорошую таверну, чтобы так и сделать. Или осмотрюсь немного в Аскире. Орикес поощрил нас к этому.

— Могу я пойти с тобой? Сейчас не хочу больше читать.

— Ты знаешь город, можешь показать мне достопримечательности, — предложил я.

Она покачала головой.

— Я здесь ещё более чужая, чем ты. Много изменилось. Я узнаю некоторые старые здания, но появилось много нового и неизвестного мне. — Она вскочила со своего стула и коснулась пальцем моей груди. — Нам лучше убрать знаки различия, тогда все подумают, что ты просто новобранец. Иначе соберётся толпа, потому что был замечен генерал Второго легиона.

— Хорошо, — отозвался я, снимая золотые копья со звёздами с воротника. — Звучит разумно.

— Кстати, я также знаю, с чего начать. Прежде всего нужно послушать, что говорят люди за пивом. Недалеко от главных ворот когда-то была таверна, и она, наверняка, ещё существует. Давай выпьем там за Ангуса, а заодно послушаем, о чём болтают. — Она широко улыбнулась. — Никогда не помешает знание последних сплетен.

Она казалась на удивление весёлой, но когда упомянула Ангуса, её взгляд омрачился. У

меня был друг, Рагнар, северянин, который жил со своей женой и детьми в Колдене, молодом городке в Новых королевствах, как широко уважаемый кузнец. По его словам, у фарлендцев были свои представления о правосудии.

Земля и жизнь на севере — суровые, и это отражалось в традициях и законах.

— Лёд и снег не прощают ошибок, — объяснил мне Рагнар. — Нужно держаться вместе, и каждый должен вносить свой вклад. Если кто-то уваливает или даже бросает на произвол судьбы — это непростительное преступление. Один человек может легко подвергнуть опасности многих.

И всё же, даже если Ангус чувствовал вину, в моих глазах он был невиновен.

До этой таверны было рукой подать. Выйдя за главные ворота, нужно было пройти немного по широкой дороге в сторону порта, и вот уже она стояла с правой стороны.

Громкий смех заставил меня поднять глаза. Серафина оказалась права: таверна всё ещё существовала.

Здесь, так близко от цитадели, всегда были жаждущие солдаты, желающие выпить. Даже сейчас, хоть рабочий день ещё и не кончился, в таверне было много людей.

В Аскире всё было больших размеров, чем я привык, включая таверны. Комната, наверняка, насчитывала тридцать шагов в ширину и пятьдесят в длину, и в ней была не одна барная стойка, а целых две. Все окна были открыты, но из тех, что по бокам, открывался вид только на кирпичные стены, поскольку переулки справа и слева от здания были очень узкими. Этого было достаточно, чтобы впустить в комнату немного прохладного воздуха. Повсюду сидели солдаты в униформах, почти исключительно Быки; на некоторых даже ещё были одеты их латные доспехи.

Мужчины и женщины бросали кости играли в карты или хоулбол — игру, которая была знакома даже мне. В ней, с расстояния в пять шагов, забивали в дырки ящика на стене маленькие деревянные шарики. Было очень шумно, настроение хорошее, и на первый взгляд я не обнаружил никого в состоянии полного опьянения. Добрый десяток служанок заботился о гостях, неся большие подносы с кружками пива или наполненными едой тарелками. При виде сочного жаркого у меня заурчало в животе.

Я слегка прикоснулся к Искоренителю Душ и на мгновение сцена передо мной сменилась другой.

Не то чтобы Искоренитель Душ раскрашивал всё в другие цвета, просто меч воспринимал всё иначе и дополнял картину. Таким образом я смог увидеть, что у солдата, молча сидевшего за столом, была серьёзная рана в боку, которая заживала медленно. Или что женщина за другим столом хоть и смеялась, но была грустной... И многое другое, что я чаще всего не мог трактовать.

В восприятии Искоренителя Душ были люди, которые выделялись более отчётливо, чем другие. К ним принадлежала Серафина, а также трое других солдат, разбросанных по всему залу. Но самой заметной для меня была пара, сидящая в заднем углу, у окна.

— Посмотри, кто тоже здесь, — сказала Серафина, слегка потянув меня за руку, чтобы затем целенаправленно направиться к парочке, игнорируя оценивающие взгляды солдат или единичные присвистывания.

Это был Сантер — на этот раз на нём не было доспехов — и молодая женщина в простом платье с дикой рыжей гривой. Она первая заметила нас и подтолкнула своего товарища в бок, чтобы обратить на нас внимание. Он кивнул в нашу сторону, что-то сказал ей, и она улыбнулась и подняла руку, чтобы жестом позвать нас к своему столику.

Сантер встал, в то время как сэра осталась сидеть, и представил нас.

— Генерал Родерик фон Тургау. Хелис из племени Орла в Газалабаде. Дезина, прима из Совеи башни.

Я изумился, а молодая женщина тихо рассмеялась.

— Пшш! — сказала она, указывая рукой на пустую скамейку. — Нас здесь вообще нет. По крайней мере, мы здесь неофициально, просто позволили себе небольшой перерыв. — Она весело посмотрела на мой новый китель без знаков различия. — Вижу, генерал, вы достаточно умны, чтобы сделать тоже самое.

Мы с Серафиной сели и поблагодарили за приглашение, а Сантер поднял руку, чтобы привлечь внимание служанки, которая тут же поспешила к нему.

— Надеюсь, в Аскире есть хорошие вина, — заметил я, хлопая по карманам жакета в поисках курительной трубки. Серафина с улыбкой сунула руку по плащ и положила трубку и табакерку на стол передо мной. Она не забыла вынуть и то и другое из моего старого кителя.

— Арендштайнер Бергвахт — хороший вариант, — предложил Сантер.

— Тогда его, — сообщил я служанке, которая прилежно кивнула.

— Скажите, а эльфийское вино есть ещё в ассортименте? — спросила её Серафина с блеском в глазах, и когда служанка кивнула, Серафина расплылась в улыбке на всё лицо. — Тогда мне его!

Сантер тихонько присвистнул сквозь зубы.

— А у вас изысканный вкус, — признал он. — Одна бутылка обойдётся в мою месячную зарплату.

— Мне всё равно. Вы не можете себе представить, сколько времени прошло с тех пор, как я пила его в последний раз.

— Могу я угадать? — спросила Дезина. — Наверное, где-то семьсот лет?

— Приблизительно. Год или другой вряд ли имеет значение.

— Можете себе представить, что комендант скрывал от меня сведения о вас, пока три дня назад не выложил всё начистоту? — спросила молодая женщина с притворным гневом. — Я здорово возмущалась, но он только рассмеялся и сказал, что мне не обязательно знать всё. А я вот всегда думала, что именно в этом и заключается моя работа.

— Он может смеяться? — вырвалось у меня.

Сантер удивился, потом улыбнулся; Дезину мои слова тоже развеселили.

— В это трудно поверить, не правда ли? — спросила она. — Но будьте уверены, он может. Под его непроницаемой внешностью скрывается милый человек.

— Боги! — воскликнула Серафина. — Я с трудом могу себе это представить.

— Дезина пришла в Совью башню ещё ребёнком, — объяснил Сантер. — Орикес и комендант для неё что-то вроде приёмных отцов.

Дезина вздохнула.

— Есть ещё один. Всё-таки три отца иногда уже чересчур. Я содрогаюсь при мысли о том, что будет, если я когда-нибудь найду себе мужа. Мне уже сейчас жаль бедолагу.

Такая природная искренность маэстры освежала и сразу пришлась мне по душе. Она часто и с удовольствием смеялась и, похоже, очень хорошо ладила с Сантером. Только что, когда она говорила о муже, то бросила долгий взгляд на него. Я откинулся назад и забрал бутылку и бокал у официантки, вернувшейся в этот момент. Интересно, знает ли Сантер, что это он тот бедолага, о котором она только что говорила.

— Как прошла ваша первая встреча со стариком? — спросил Сантер. — С

комендантом?

— Она была короткой. Он позволил маэстре представить отчёт, потом выставил... на этом аудиенция и закончилась. — Я вытащил пробку зубами и налил себе вина. Рядом со мной Серафина уже поднесла свой бокал ко рту, пригубила и издала звук, напомнивший мне мурлыкающую кошку, которая нашла горшок со сливками.

— Боги, — с наслаждением произнесла она. — Как может вино быть на вкус таким прекрасным?

— Без сомнения, дар богов, — улыбнулся Сантер.

— Если существует бог вина, то это вино будет его выбором, — сказала она, делая ещё один маленький глоток и наслаждаясь им с выражением чистого восторга. Я с трудом смог оторвать от неё взгляд.

— А что касается коменданта, — продолжил я, обращаясь к Сантеру. — Похоже, что он теперь уверен в том, что мы не имеем никакого отношения к извержению вулкана. Какое облегчение.

— Приятно слышать, — серьёзно промолвила Дезина. — Затопление Огненных островов было величайшей катастрофой за столетия, принёсшей повсюду страдания, смерть и разрушения. Волна, достигшая добрых четырёх шагов в высоту, дошла даже до нашего порта!

Я внимательнее пригляделся к молодой женщине. Почему-то я ожидал, что она будет похожа на Лиандру, но это было не так. Магия Лиандры каким-то образом присутствовала всегда; в последнее время могли даже появляться молнии, которых она не замечала. Во сне она иногда освещала комнату своими голубыми искрами. И тогда, если я не был осторожен и прикасался к ней, молнии окутывали и меня. Они не причиняли мне вреда, но обычно вызывали сильную головную боль, из-за которой мне было трудно заснуть. Однако Дезина выглядела на первый взгляд, как весёлая молодая женщина лет двадцати, с внимательным взглядом, постоянно возвращающимся к нам и всё же замечающим всё и каждого в зале для гостей.

— Вы разочарованы тем, что видите? — спросила она с улыбкой. Либо она заметила мой задумчивый взгляд, либо могла читать мысли, возможно, и то, и другое, с Совой сложно было что-то исключить.

— Нет, — честно ответил я. — Я не знаю, что я ожидал.

— Чтобы произвести на него впечатление, вы можете вырасти на три шага и укутать себя молниями и огнём, — предложила Серафина, качая головой. — Я не понимаю, откуда возникли эти легенды. Все Совы, которых я когда-либо знала, были сдержанными. Уже их мантии были достаточно приметны. В этом причина, почему вы не носите свою?

— В том числе, — ответила Дезина и стала на удивление серьёзной. — Другая заключается в том, что хоть я и могу её носить, но больше не в силах использовать.

Сантер положил руку ей на плечо и покачал головой. Очевидно, он не хотел, чтобы она продолжала.

— Всё в порядке, — сказала она ему. — Слухи уже распространились, и если мы хотим победить врага, они должны знать, что не стоит возлагать на меня надежду.

— Что вы имеете в виду? — обеспокоенно спросила Серафина.

Дезина огляделась, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает, а затем тихо продолжила.

— Когда враг атаковал нас, между мной и некромантом по имени Ролкар состоялась магическая дуэль. Он пытался создать портал, через который вражеские войска вошли бы

прямо в центр нашего города. Он проиграл, и произошёл мощный взрыв, который уничтожил его... а у меня выжег магический талант. — Она печально скривила лицо. — Я как раз привыкла к тому, что у меня многое получается, и теперь мне сложно смириться с потерей. Но такова реальность, поэтому я так рада слышать, что ваша подруга Лиандра — маэстра. Нам понадобятся её навыки.

— Поскольку это ещё не конец, — так же тихо добавил Сантер. — В городе находится ещё один некромант, могущественный вражеский агент, сбежавший от нас. Её зовут Асела, и она мастер маскировки, холодная гадюка, яд которой причинил нам много неприятностей. Она... что случилась сэра?

Серафина подавилась вином и теперь недоверчиво смотрела на высокого мужчину.

— Можете ещё раз повторить имя этой женщины? — спросила она, затаив дыхание.

— Асела. Холодная, бледная красавица, с волосами цвете воронова крыла и сердцем, подобным львиному рву, — объяснила Дезина с замкнутым лицом. — Она не только некромант, но и владеет магией в такой степени, что это меня пугает. — Она вздрогнула. — Её сила неопишима. То, что я смогла пережить нашу встречу было чистым везением.

— Боги, — выдохнула Серафина, которая стала ещё бледнее. — Был ли рядом с ней другой мужчина? Кто-то, кто также обладает силой Сов?

— Да. Но я убила его без особого труда, — объяснила Дезина.

— Ты не смогла бы так легко уничтожить того, кого я имею в виду, — возразила Серафина. — Он высокий, у него тоже чёрные волосы, и его ни с кем нельзя спутать: у него глаза разного цвета, один голубой, другой чёрный.

— Да, — мрачно промолвил Сантер. — Это мастер Ролкар. Он некромант, которого Дезина победила в этой дуэли.

— Его настоящее имя — Фелтор, — сказала Серафина, глядя на Дезину с новым уважением. — Простите, прима, но если это тот человек, которого я имею в виду, то мне почти не верится, что вы смогли его победить.

— Мне помогли, — объяснила Дезина. — Но откуда вы узнали об этих нечестивых?

— Я была с ними знакома, — подавленно ответила Серафина. — Они были моими хорошими друзьями, и я считала, что их больше нет в живых. — Она повернулась ко мне. — Они были Совами, связанными с империей и императором могущественной клятвой. И мне кажется невероятным, что они смогли нарушить эту клятву.

Прима башни кивнула.

— Эта клятва связывает таким образом, что делает предательство невыносимым. По крайней мере, так говорят. — Она посмотрела на Сантера, продолжая. — Я уже подозревала, что они могут быть Совами или, по крайней мере, маэстро, обученными подобно Совам. Вам известно больше об этих людях, сэра Хелис?

— Если это действительно они, то я очень хорошо их знаю. Асела, Бальтазар и Фелтор были неразлучны. За два года до моей смерти император послал всех троих на миссию против одного некроманта. Они победили, но цена была высока: Асела и Фелтор умерли, и только Бальтазар вернулся изменившимся и ожесточённым. — Она вздрогнула и болезненно вцепилась в мою руку. — Если... Хавальд! Вот оно! Они... должно быть, они проиграли битву! Боги! — выдохнула она, округлив глаза. — Это всё объясняет! Иначе Бальтазар никогда бы нас не предал!

— Бальтазар? — спросила Дезина, прочищая горло. — Вы имеете в виду последнего примуса Сов? Этого Бальтазара?

— Да, — взволнованно подтвердила Серафина. — Он вместе с нами и Вторым легионом отправился в Новые королевства, чтобы обеспечить сохранность потока миров для могущества Аскира и предоставить противовес тамошним варварским шаманам. Но он совершил жестокое предательство и исчез. Пока Хавальд снова не встретил его несколько недель назад и не убил во время боя в старом храме. — Она покачала головой. — Я через Зиглинду присутствовала в время этой схватки. Без сомнения, это был тот же человек, но он так изменился, что я с трудом смогла в это поверить.

— Я слышала об этом, — сказала Дезина. — Однако в отчёте говорилось только о наезднике душ и не упоминалось никакого имени. Но как раз-таки здесь и кроется проблема: у Сов нет таланта к оседланию душ. Башня проверяет это магическим образом, так что этого невозможно.

— Есть кое-что, чего вы не знаете, — промолвил я, поведав о ритуале, с помощью которого этот нечестивый талант был почти что перенесён на Лиандру. Я всё ещё содрогался при мысли, что мы так легко могли её потерять. Человек однажды проклятый богами уже не мог вернуться назад.

— О, — сказала Дезина. — Это плохие новости! Значит это всё-таки возможно. — Она посмотрела на Сантера, который внимательно слушал. — Как думаете Сантер, случайно ли в отчёте не было упомянуто имя?

— Орикес знает, как вы восхищаетесь последним примусом, — ответил он. — Не удивлюсь, что он специально убрал имя, чтобы избавить вас от разочарования. Это также объясняет, почему дух Бальтазара не находит покоя.

— Тогда мне придётся объяснить ему, что когда он пытается так меня защитить, это приносит больше вреда, — возмущённо ответила Дезина.

— Помедленнее, не всё сразу! — воскликнул я, поднимая руку. — Почему вы говорите о духе?

— Дух Бальтазара обитает в Совеи башне, — объяснил Сантер, озадаченно качая головой. — Однажды он чуть не напугал меня до смерти. Но он кажется безобидным и скорее услужливым.

— Возможно, так и есть, — сказал я, с трудом веря, что говорю нечто подобное. Для меня Бальтазар был источником всего зла. Тем не менее мне на своём опыте пришлось пережить подобное с врагом.

— Лиандра — маэстра, похожая на Сову, и у неё сильная воля. Без сомнения, подавить её дух не так-то просто, но именно это с ней и приключилось. Коларон знает способ заставить даже своего самого сильного врага поверить в то, что тот на самом деле служит некроманту. Но вам тоже должно быть это известно, маэстра, поскольку Орикес сообщил нам, что на вас было совершенно нападение.

— Верно, — прорычал Сантер. — Это случилось два дня назад. Мы вернулись в цитадель, и один из стражников у ворот отдал под козырёк, а когда мы пошли дальше, он выстрелил в Дезину сзади из арбалета.

Прима подняла руку и откинула назад шевелюру, чтобы показать нам едва заживший рубец.

— Видите, покушение почти удалось. Я знаю этого солдата с детства, и он всегда находил для меня доброе слово. Он бы не пожелал мне дурного, и когда понял, что натворил, мы едва успели помешать ему покончить с собой из-за отчаяния. Он ничего не помнит, только то, что я, словно мёртвая, лежала на земле. Хорошо, что я ещё вовремя пришла в себя,

иначе товарищи убили бы его.

— Что стало с этим человеком? — спросил я.

— Он в отпуске, и Орикес расследует дело. Его зовут Элдрид, и он прослужил в Пятом легионе почти двадцать лет. Теперь его жизнь превратилась в груды пепла, и он не знает, что делать дальше, — подавленно ответила Дезина. — Трудно оставить его в легионе. Он сам не может себя простить, а товарищи избегают его. И всё-таки всё указывает на то, что это не его вина. Значит вы говорите, — решительно сказала она, — что этот император-некромант обладает даром управлять другими людьми? Даже Совами?

— Да. В большой мере и выражено это по-разному. Одна наша подруга тоже стала жертвой императора-некроманта и находилась в крепких тесках его чар. Прежде чем Зокора сняла с неё чары, она была нашим злейшим врагом. Позже она пожертвовала жизнью ради меня. Другой тип магии немного более очевиден. У врага есть ошейники, которые могут заставить поверить тех, кто их носит, в любой фантом и в любую сочинённую ими ложь. Мы с Лиандрой стали жертвами этого типа заклинания, и даже эльфы не застрахованы от него. Но ошейник невозможно спрятать, и до сих пор все они выглядели одинаково. Так что если заметите серебряный ошейник с чёрным камнем, будьте начеку, поскольку тот, кто его носит, сам не свой.

— Это полезная информация, — промолвил Сантер. — Я ещё никогда такого не видел, но мы будем начеку.

— Однако другой вид чар — тот, что без ошейника — кажется мне более опасным, — задумчиво заметила Дезина. — Эта сэра Зокора — жрица Соланте, тёмная эльфийка, верно?

Я кивнул.

— И вы говорите, что у неё есть способ снять чары?

— Да. Но... это всё равно что тушить огонь огнём, так что это не то, что стоит начинать необдуманно. В ритуале жертву посвящают смерти, и он связывает любую свободу воли и мысли и делает из жертвы куклу. Он заменяет чары некроманта на другие, ещё более сильные, потому что они образованы при помощи божественной силы. И когда Зокора потом снимает эти чары, чары некроманта тоже разрушаются. — Я вспомнил тёмное отчаяние в глазах Наталии, когда она была ещё Поппет. — Для Зокоры это, наверняка, непросто, но... возможно.

Я вспомнил кое-что ещё.

— Есть и другой метод, но он контролирует не разум жертвы, а его тело, которое становится для некроманта марионеткой. Недостаток этого способа состоит в том, что некроманту приходится всё время прибывать в своей жертве, в то время как сама жертва думает, что спит. Зокора выяснила, что в данном случае жертва носила с собой заколдованный предмет... или что-то вроде этого. Я лишь знаю, что удалив этот предмет, жертву можно освободить от принуждения, даже без какого-либо для неё вреда, однако без воспоминаний.

— Орикес обо всём этом знает? — спросила Дезина.

— Отчасти. Ему известно об ошейнике и о том, что Зокора смогла, по меньшей мере, снять чары, наложенные на Наталию. Мы ещё не успели коснуться этой темы, я подниму её завтра.

— Хорошо, — ответила Дезина. Она немного поморщилась, когда продолжила. — Наверное, легко представить, что мне хотелось бы узнать больше подробностей, но у меня сейчас назначена встреча с вашей маэстрой, поэтому прошу меня простить. Сантер ещё

задержитесь здесь ненадолго, возможно, вам удастся выяснить больше.

— Задержусь? — спросил Сантер.

Она улыбнулась.

— Да, задержитесь. — Она встала и слегка поклонившись, покинула стол так стремительно, что позади развивалась юбка и можно было бы подумать, что она сбежала.

Мы смотрели ей вслед.

— О прощальных приветствиях в Аскире, видимо, не высокого мнения, — заметил я.

Сантер засмеялся и махнул рукой.

— Это всё её характер. Она не имеет в виду ничего плохого. Просто обычно её мысли уже в другом месте, и тогда она спешит побыстрее до него добраться.

— Полагаю, она взяла это от своих приёмных отцов, — пошутила Серафина, но быстро снова стала серьёзной. — Кажется, она хорошо справляется с потерей своих способностей. Всё же для неё, наверное, это был тяжёлый удар.

— Она их не потеряла, — услышал я свой голос и сам был удивлён. — Не спрашивайте, откуда я это знаю, но это правда. — Я не хотел подробно обсуждать новые способности Искоренителя Душ, но не думал, что ошибаюсь.

— Вы уверены? — спросил Сантер, и я кивнул. — Это даст ей надежду.

— Раз мы уже здесь, и у нас ещё есть время, стоит продолжить обмениваться информацией. — Я поднял руку, чтобы привлечь внимание служанки. — Кроме того, я сильно проголодался и планирую утолить свой голод. Не хотите ещё какое-то время составить нам компанию?

— Мне даже было приказано это сделать. Вы же сами слышали.

Мы продолжали разговаривать, пока ели. Неудивительно, что комендант и Орикес хотели сначала выяснить и собрать воедино все сведения: было захватывающе узнать, кому что известно. Магические порталы, благодаря которым наше путешествие вообще стало возможным, были хорошим примером. Как поведал нам Сантер, Дезина только недавно обнаружила такой портал, но для нас в нём было мало пользы, поскольку он находился в Совьей башне и доступен только для маэстро. Сантер был скептически настроен в отношении порталов.

— Дезина объяснила, что в них человека засовывает в мешок, и в другом месте выворачивает. Мне как-то становится не по себе, когда я думаю об этом. Когда тебя выворачивает наизнанку, чувство, должно быть, не из приятных.

— Мешка я ещё никогда не видел, — заметил я. — На самом деле, ничего из этого не замечаешь, просто внезапно оказываешься в другом месте. Только нужно быть осторожным, чтобы ничего не выступало за нарисованный на полу золотой край, потому что то, что за краем, обрезается, словно гильотиной.

— Так вы хотите сказать, что никакой опасности не существует? — спросил он, беспокойно трогая свою кружку.

— Порталы использовались веками, — заметила Серафина. — Если учесть трудности нашего путешествия, то, вероятно, нет более безопасного способа добраться до другого места.

— Вы должны знать, что от магии мне не по себе, — объяснил Сантер. — Я просто не могу её оценить. Дайте мне меч, и я знаю, что с ним делать. С магией всё иначе. Кажется, она полезна везде, не знает границ, и всё же Дезина говорит о правилах, нарушение которых может иметь фатальные последствия.

Я подумал о том, как у меня каждый раз начинала болеть голова, когда Лиандра пыталась объяснить мне магию, поэтому лишь кивнул.

В какой-то момент мы заговорили о нарушившем мир корабле под флагом Иллиана.

— Да, здесь причалил корабль под этим флагом. Но никто не знал, что это за страна, — сообщил Сантер. — Комендант должен был бы знать, но, возможно, ему об этом даже не доложили.

— И что с этим кораблём? — спросила вместо меня Серафина. — Он заплыл в порт и начал обстрел?

— Отнюдь. Его лишь использовали для контрабанды нескольких сотен одухотворённых ящеров, которые во-первых, выполняли рабский труд для некромантов, и во-вторых, должны были поддержать атаку, посеяв страх и панику в городе. — Сантер рассеянно почесал себе затылок. — Дезина убила некроманта, который держал ящеров под своими чарами, и они перешли на нашу сторону. Эти некроманты, кажется, в самом деле знают толк в том, как контролировать других.

— Ящеры? — удивился я.

— Да. Не хочу называть их животными, потому что они способны мыслить и верят в богов, но они выглядят устрашающе. Добрых девять футов высотой с хвостом, которым они наносят удары и когтями, которые способны разорвать человека в клочья. О зубах я даже думать не хочу. Но им здесь слишком холодно, они жалуются на то, что почти не могут двигаться, и это правда: они очень медленные. — Сантер покачал головой. — Теперь они здесь и клянутся, что они наши союзники, и даже комендант толком не знает, что с ними делать. Они сидят в старом подземелье под городом и мёрзнут.

— И этот корабль привёз сюда этих существ? — переспросил я. — А вы знаете, откуда они?

— Нет, — ответил он. — Они сами тоже не знают. Только то, что они очень далеко от своего дома.

— Они не уроженцы нашей родины, — уверенно сказал я. — Должно быть, корабль плыл под ложным флагом. Что ж, этого следовало ожидать. Но как вы уже сказали: комендант должен был знать, что с ним что-то не так.

— А что об этом знает прима? — спросила Серафина.

Сантер покачал головой.

— Думаю, она над этим работает. Она учёный, владение магией — лишь малая часть её работы. На самом деле, она должна беречь и исследовать хранящиеся в башни знания. Без сомнения, она что-нибудь выяснит.

Я вспомнил о хранителе знаний. Знания уже всегда имели силу. Но хранитель был стариком.

— Она старше, чем нам кажется? — спросил я.

— Нет, — ответил Сантер. — Ей немного за двадцать, двадцать два или три, не больше. Это заметно по многим вещам, но острота её ума позволяет ей учиться намного быстрее, чем любой другой человек, которого я знаю. Она может объяснить, почему на небе светят звезды и почему рыба не тонет в воде. Она знает секреты кузнечного дела, которые даже гильдия уже давно забыла. А когда она раскрывает какую-нибудь загадку, она так радуется, что прыгает, танцует и поёт, смеётся от счастья... а пол отрезка свечи спустя уже желает взяться за следующую загадку. Она игривая и в то же время серьёзная, но больше всего мне нравится в ней то, что обычно она несёт свою ношу с улыбкой на лице.

«А вы, дружище, уже полностью в её власти», — подумал я, пытаясь скрыть улыбку.

— Итак, — сказала Серафина. — У вас нет времени, чтобы показать нам город. Это понятно. Но скажите, может вы кого знаете, кто мог бы это сделать? Желательно такого человека, кто действительно знает город.

Сантер покачал головой.

— Прямо сейчас никто не приходит в голову. Лучше попросите штаб-полковника Орикеса назначить адъютанта для генерала, это было бы... подождите! Есть тут кое-кто.

Сантер ухмыльнулся. — Он имеет склонность совать нос во все дела, которые его не касаются, и уже знает о многом, что мы стараемся держать в секрете.

Я засмеялся.

— Кажется, он именно тот, кто нам нужен. Где нам его найти?

— Спуститесь в порт. На севере находится портовый пост. Когда-то их было два. Другой, южный пост, находился, как можно догадаться, на юге. Это здание теперь принадлежит мужчине по имени Истван. Он первый приёмный отец Дезины. Он растил её прежде чем она попала в Совью башню. У него там постоянный двор «Сломанный Клинок» и там же вы найдёте Ласку. Он брат Дезины, в том же смысле, что Истван — её отец. Но есть одна проблема.

— И какая? — спросила Серафина.

— Он вор. Лучший из всех. Все об этом знают, но никто так и не смог его повязать. — Сантер посмотрел на меня. — В этом человеке больше граней, чем можно сосчитать. Вполне возможно, что он шпион коменданта. Или нет. Могу сказать лишь одно: Дезина ему полностью доверяет, а это нужно ещё заслужить. Я думаю... о нет! — Он посмотрел на кого-то или что-то за моей спиной и громко застонал.

Я повернулся, коснувшись при этом Искоренителя Душ. Сначала я не заметил ничего интересного, затем увидел униформу салатного цвета Морских Змей и широкую ухмылку на лице коренастого человека. Я понял, что именно его вид заставил Сантера застонать, и это сразу же подтвердилось, когда он через весь зал громко позвал «Ей Сантер!».

— Извините, — быстро промолвил Сантер и встал. — Это Февре. Посмотрим, удастся ли мне ещё предотвратить несчастье.

Что он имел в виду, также стало сразу очевидно, когда один из Быков, якобы случайно, встал на пути морского пехотинца.

— Эй, вы заградили мне дорогу, — констатировал капрал очевидное.

— Ты же змея, — заметил солдат из легиона Быков, указывая пальцем на пол. — Так ползи, тогда и сможешь пройти.

Сантер уже был на пол пути к нему, люди уступали ему дорогу, но было слишком много народу, чтобы двигаться быстрее.

Мы с Серафиной встали и обменялись взглядами. Она пожала плечами, и мы последовали за нашим новым высоким другом.

— Знаешь что? — дружелюбно сказал Февре Быку. — Есть ещё и другой способ. Я просто позабочусь о том, чтобы ты освободил мне дорогу.

— И каким образом?

— Сделаю из быка мерина. В большинстве случаев это содействует мыслительному процессу, — порешил Февре, сразу заехав коленом в то место, которое должно было показать больше всего эффекта. Бык со стоном согнулся пополам. Один из его дружков схватил табуретку, хозяин запрыгнул на прилавок, чтобы в отчаяние умолять о благоразумие,

но табурет уже летел и не задев капрала, попал другому Быку в поясницу, после чего тот развернулся и потянулся за Февре.

Но тот был не настолько глуп, чтобы оставаться на месте, он уклонился от этого и следующего удара, но третий Бык схватил его, поднял и бросил на стол. Морской пехотинец заскользил по столешнице, сметая тарелки, кубки и бутылки прямо на колени гостям. Один из них схватил серебряную тарелку, которая вместе с половинкой индейки оказалась у него на коленях, и стукнул Февре по голове, так что раздался гулкий металлический звук. После чего Февре упал на пол.

А тут уже и Сантер подоспел, оттолкнул в сторону сначала одного Быка, потом другого и поднял оглушённого Февре за шиворот.

— Ребята! — крикнул он, успокаивающе подняв руку. — Нет причин... — В этот момент кто-то ударил его стулом по спине. Сантер вздохнул и медленно повернулся, держа в одной руке оглушённого морпеха.

— Ты не хочешь со мной ссориться, — объявил он стоящему перед ним Быку.

— Почему нет? — Другой ухмыльнулся и замахнулся, только чтобы с удивлением обнаружить, что я схватил его за руку.

— Будь благоразумен, друг, — сказал я. — Пока ещё не так много сломалось и...

— Эй, ты предаёшь Быков! — заявил парень, плюнув мне в лицо и пнув в промежность. Он не попал в цель, возможно, потому, что Серафина как раз заехала ему бутылкой по голове.

— Финна, — крикнул я. — Оставь это!

— Хорошо, — сказала она, отходя в сторону, чтобы освободить для падающего Быка место, и скрестила руки на груди. Она увидела то, что у меня за спиной и широко ухмыльнулась. — Как хочешь! — На этот раз мне на голову обрушилась ножка стула. Я встряхнулся, как собака, которую пнули, нырнул под Быка, которого Сантер как раз перекидывал через меня, схватил парня с ножкой стула и услышал смех Серафины. Парень ударил меня ногой.

— И что теперь? — спросила она, уклоняясь от бокала, который бросил в неё другой. Рядом со мной раскололся стол, когда на него кряхтя, приземлился Бык. Тем временем парень, которого я держал, снова попытался меня ударить. И судя по его ухмылке, ему всё ещё было весело. Позади я услышал мольбы хозяина, затем подлетела бутылка, и сильно ударила меня по голове.

— Ничего не поделаешь, — крикнул я Серафине, в то время как вино потекло мне за шиворот, поднял парня и швырнул навстречу двум другим Быкам, так что они и парень, которого я бросил, смели посуду с другого стола. — Иногда... ай... иногда драки просто не избежать!

Веселье длилось около одной двадцатой отрезка свечи, затем дверь в зал для гостей распахнулась, и в комнату ворвался тенет Быков с дубинками в руках. Было просто удивительно, как сильно можно разгромить таверну за такое короткое время.

И спустя всего несколько мгновений Сантер, Серафина, Февре и я выстроились в ряд вместе с другими Быками, в то время как штаб-лейтенант поста подробно объяснял, что он думает о случившемся. Он удивительным образом соединил происхождение присутствующих с честью империи и легионов. Самый приятный пример сравнивал нас с тараканами. Это было откровением, потому что до сих пор мне не приходилось слышать такого сердечного и колоритного выговора. Напоследок он обратился ко мне.

— Чему ты улыбаешься, новобранец? Тебе всё ещё весело? В этом случае я смогу тебе помочь!

— Мне очень жаль, — ответил я. — Дело в том... — Я ещё попытался сдержаться, но не смог и громко расхохотался. По какой-то причине это не понравилось лейтенанту, потому что он шагнул вперёд и ударил меня дубинкой по голове.

Это было то, что слишком часто случалось со мной в последнее время, и к чему я просто не хотел привыкать.

Позже я узнал, что понадобилось четыре человека, чтобы донести меня до поста.

Когда ввязываешься в драку, лучше не носить с собой изгоняющего меча, потому что это усложняет положение при отказе сдать его во время ареста. В этом случае проблему решить было несложно. Дежуривший офицер узнал Сантера, и когда тот объяснил, что случилось, нас отпустили. Но было уже поздно, потому что в тот же момент дверь открылась, и вошла Дезина.

— Ваша доля нанесённого ущерба, Сантер — целых четыре золотых и три серебряных монеты, — величественно сообщила она ему. — Я думала, что такие шутки... о боги, — воскликнула она, когда её взгляд остановился на Февре. — Сама могла бы догадаться!

Февре втянул голову в плечи.

— Я не хотел, сэра, — быстро сказал он. — Я всего лишь собирался спросить Сантера, не хочет ли он выпить. Но до этого так и не дошло.

— В своё оправдание могу лишь сказать, — промолвил Сантер. — Что драку действительно начали не мы. Генерал тоже ждал и заработал три удара, прежде чем швырнул через комнату первого задиру.

— Какой генерал? — спросил дежурный офицер и побледнел, когда Сантер указал пальцем на меня.

— Думаю, — дружелюбно заметил я. — Нам лучше уйти.

— Кажется, это вполне хорошая идея, — холодно сказала Дезина. — Я искала вас не потому, что мне этого хотелось. — Она бросила на меня испытующий взгляд. — Ваша подруга получила новости. И боюсь, не очень хорошие. Похоже, ваша страна пала.

6. Наследие Розы

Позже я почти не помнил, как вернулся в цитадель, только то, как я ворвался в наши апартаменты.

Там уже ждала Лиандра, беспокойно меря шагами комнату.

Варош развалился на моей кровати, а на одном из стульев сидела Зиглинда и выглядела подавленной.

Я обнял Лиандру, пока Серафина тихонько закрывала за нами дверь.

— Где ты был, Хавальд? — спросила Лиандра со слезами на глазах, и не дождавшись ответа: — Элеонора мертва!

Она ещё сильнее прижалась ко мне, и её плечи задрожали.

— Заглинде стало об этом известно... пришло сообщение от Яноша... Знаешь, он жив?

— По крайней мере, одна хорошая новость, — со вздохом промолвил я, крепче прижимая её к себе. Глядя ей за плечо, я поймал взгляд Зиглинды. — Я рад за тебя, Зиглинда.

Дочь хозяина постоянного двора лишь мельком посмотрела на меня.

— Этой одной новости было бы достаточно.

— Но вестей было больше, — сказала Лиандра, глубоко вдохнула и шмыгнула носом.

Я вспомнил свой последний сон о моей гордой королеве. Значит она действительно была мертва. Я почувствовал боль в сердце и глубоко вздохнул.

— Как пал Иллиан?

— Я ещё не знаю, — ответила она. — Вот, — она указала на папку с кожаной обложкой, которая лежала на нашей кровати, где теперь рядом с Варошем устроилась поудобнее и Зокора. — Прочти сам.

Я хотел взять папку, но Зиглинда оказалась быстрее. Я удивлённо посмотрел на неё.

— Это сообщение было адресовано мне лично, — сказала она, открыла папку и одарила меня взглядом своих зелёных глаз. — Вам не нужно знать то, что Янош пишет в начале письма, Хавальд. — Она набрала в лёгкие воздуха и прочитала. — Только что в лагерь прибыл посланник с сообщением, что враг повсюду провозглашает о падении королевы, и о том, что Иллиан теперь находится под властью Талака. Я отправил разведчиков, чтобы узнать больше, а пока мы отступим к Громовой крепости. — Она захлопнула папку. — Это всё, что нам известно.

— Ты выглядишь не очень удивлённым, — подозрительно заметила Линдара.

— Всё не так плохо, как кажется, — сказал я, ещё раз доказывая, насколько неумело я иногда выражался.

— Не так плохо? — вспыхнула Лиандра. Слезы были забыты, по её телу пробегали искры, а глаза вспыхнули красным огнём. — Не так плохо, говоришь? Наша родина пала, и я потеряла единственного друга, который у меня когда-либо был!

Известие о смерти моей королевы причинило мне боль, теперь же сердце сжалось от другой боли, из-за которой у меня почти перехватило дыхание. «Она это не серьёзно», — сказал я себе. Но мне было как-то трудно в это поверить.

— У меня было предчувствие. Сон, можно сказать.

— Неужели? — Её тон был резким.

Все остальные смотрели на нас так, как будто мы разыгрывали спектакль, но Лиандре

было всё равно. — Почему ты ничего об этом не сказал?

— Потому что это был сон. Я не мог знать, правдив ли он. — Она хотела что-то ответить, но я поднял руку. — Подожди. Я расскажу тебе, что мне снилось.

— Рассказывай, — приказала она.

Я всё ещё ощущал её гнев. Мне самому было сложно оставаться спокойным, но её реакция была понятна. Поэтому я придвинул один из стульев и начал рассказывать о сне, приснившимся мне в Алдаре незадолго до того, как «Копьё Славы» прибыло в порт, и я узнал о том, что Лиандра была захвачена врагом.

— В этом сне Элеонора сказала мне, что её тело подводит её, и лишь молитвы священников поддерживают в ней жизнь. Она разработала последний план, чтобы бросить вызов противнику и дать надежду народу королевства. Враг обещал отступить, если она принесёт ему себя в жертву. Она не поверила в его обещание, но её план не ограничивался только им.

Я поведал, как королева в моём сне отказалась от себя, противостояла тёмной магии, посрамила врага, а затем исчезла в пламени Бороны, не оставив никаких следов.

— Никто не видел, как она умирает, — тихо закончил я. — Это был её план. Она ушла в свет и провозгласила, что по-прежнему будет бдеть над Иллианом. В то же время она пристыдила врага и доказала, что нельзя верить его клятвам. Но в этом сне столица ещё не пала. — Я помедлил. — Есть способ узнать, насколько правдивым был сон. Но для этого ты должна дать мне Каменное Сердце, Лиандра. Меч играет в нём определённую роль.

Она посмотрела на меня со слезами на глазах, затем протянула свой меч.

Я изо всех сил старался не касаться Каменного Сердца, и теперь, когда взял его, понял, что правильно поступал. В моих руках он был холоден, как лёд, и мне навстречу полыхнул такой гнев, который хоть и не удивил, но был непонятен из-за своей интенсивности. Я уже всегда знал, что Каменное Сердце меня терпеть не может, тем не менее меня поразила абсолютность этой неприязни.

Я проигнорировал лёд под пальцами и пылающее пламя глаз, когда нажал на рубины так, как показала мне во сне Элеонора. Раздался щелчок, и рукоятка отделилась от меча.

Я снял навершие и рукоять, и там, как во сне, на хвостик клинка был намотан тонкий пергамент.

Печать была надломлена, внутри было слишком мало места, но документ, похоже, остался целым. Я снял его с хвостика и протянул Лиандре.

— Вот.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Ты знаешь, что в нём написано?

— Это завещание Розы Иллиана. Она назначила того, кто после неё получит королевский сан.

От громкого металлического стука вздрогнул не только я: на моих коленях части Каменного Сердца соединились, и он сверкнул на меня своими красными глазами. В следующий момент он упал с моих колен и скользнул к Лиандре, чтобы встать рядом с ней, будто ведомый призрачной рукой.

Лиандра даже не обратила на него внимания, её взгляд был прикован только к документу, который я ей протянул.

— Кто это? — выдохнула она.

— Я не знаю, у меня есть только предположение.

— Ты её паладин, читать документ — твоя работа, — заметила она.

— Это было много лет назад, — возразил я. — Теперь это ты. Сообщение предназначено для тебя.

Она всё ещё не забирала его.

— Как такое может быть? — прошептала она. — С тех пор, как я владею Каменным Сердцем, я не была в Иллиане.

— Элеонора была умной женщиной. Она знала, что в конечном итоге произойдёт. Даже без врага её дни были сочтены.

Она медленно протянула руку, чтобы взять документ, затем полностью сломала печать и развернула. А когда прочитала, её глаза расширились, а рот округлился. Она недоверчиво посмотрела сначала на меня, потом на остальных.

Я встал, взял Каменное Сердце и обжёг себе пальцы ледяным огнём. Но на этот раз мне было всё равно, и я сжал его крепче. К моему удивлению, он, кажется, как уступил.

— Встань на колени, Лиандра, — сказал я величественным тоном.

— Боги, — прошептал Варош, который первым понял, что происходит. Лиандра посмотрела на меня, затем соскользнула с кровати и встала передо мной на колени. Возможно, это был первый раз, когда её движения выглядели не совсем элегантно. Она смотрела на меня широко распахнутыми, залитыми слезами глазами, в то время как её рука скомкала документ.

Я потянул за рукоятку Каменного Сердца, он снова хотел оказать мне сопротивление, но мне надоело его игры. Я ухватился сильнее и поклялся, что он пожалеет, если будет продолжать сопротивляться. Я почти почувствовал в нём что-то вроде страха, когда вынимал из ножен. Сияющий свет заструился вокруг лезвия, пока оно не засияло так ярко, как раскалённая сталь. Я поднял меч вверх, схватил обоими руками, а потом осторожно опустил.

— Ради любви Астарты, — прошептал я, касаясь лба Лиандры остриём меча, — справедливости Бороны, — её левого плеча, — и жизни, которую нам даёт Сольтар, — правого плеча, — вы, Лиандра и Гиранкур назначаетесь носить венец Иллиана. Объявляю перед богами и этими свидетелями, что вы готовы нести тяжесть короны, взять на себя это тяжёлое бремя ради страны и народа Иллиана, служить Иллиану и всем, кто его населяет, защищать и почитать их, пока Сольтар не призовет к себе вашу душу, где вам придётся дать отчёт о своём правлении.

Лиандра посмотрела на меня, её губы дрожали, а слёзы так и навёртывались на глаза.

— Я... — начала она и сглотнула. — Да, — выдохнула она, — я готова!

Лезвие Каменного Сердца в последний раз ярко вспыхнуло, собрав свет вокруг себя, который был потом излит на Лиандру. Он окутал её, окружил и проник внутрь, так что теперь это она светилась, словно светлое явление богов. Затем он медленно погас.

— Я засвидетельствую это перед Сольтаром, — благоговейно объявил я, требовательно глядя на Вароша.

Он улыбнулся, не разжимая губ и ответил:

— Я подтверждаю это перед Бороном.

Затем я посмотрел на Зокору, которая внимательно за всем следила.

— Я произнесу клятву перед Солонте, которая также является Астартой, — сказала она с улыбкой. — Это то, что ты хотел услышать, Хавальд?

— Да, — ответил я. — Именно это.

Я взял ножны Каменного Сердца и вернул лезвие на место.

Он сопротивлялся, но я не посчитал нужным, дать ему ещё выпить моей крови, поэтому настойчиво сообщил ему об этом. С лёгким щелчком он исчез в ножнах, и я поставил меч рядом с Лиандрой.

— Вставай, — прошептал я.

Она медленно поднялась, и когда уже стояла, я упал перед ней на колени; Варош и Зиглинда поступили также.

— Пусть боги благословят вас, Лиандра, королева Иллиана, хранительница королевства, сердце и любовь Иллиана, — произнёс я хриплым голосом.

— Однажды я уже присутствовала на коронации людей, — заметила Зокора с кровати, где удобно устроилась на наших подушках. — Это заняло девять отрезков свечи, было произнесено множество клятв, а три дюжины священников воспевали хвалу. Три дня спустя новый король умер. Должна сказать, твой способ нравится мне больше, Хавальд.

— Спасибо, — язвительно ответила моя королева. — Это было именно то, что я хотела услышать.

— Но опять же, Каменное Сердце в тот раз не засветилось, — сказала тёмная эльфийка. — Это оставляет для тебя надежду.

Лиандра повернулась ко мне.

— А эта коронация имеет законную силу? И почему ты сделал всё таким образом? Разве было бы не лучше пойти в храм? И вообще у тебя есть право меня короновать?

— Мне показалось, так будет правильно. Боги видели это и здесь, а Каменное Сердце утвердил тебя. Я не короновал тебя. Это сделали боги и Каменное Сердце, королевский меч Иллиана. Но если тебя это успокоит, то это та же самая клятва, которую давала Элеонора.

— Как это? — удивилась она. — Я думала, она была коронована в храме.

— Да. Но с тех пор, как Владир Хитрый был случайно обезглавлен Каменным Сердцем во время коронации, при коронации используется только копия меча. Элеонора узнала об этом, попросила меня взять Каменное Сердце, и мы на носилках вынесли её в маленький садик, который она так любила. Там она попросила меня короновать её снова. Она сказала, что должна знать, по праву ли носит венец. Для неё Каменное Сердце тоже воссиял. — Я улыбнулся. — Если это было достаточно хорошо для нее, моя королева, то и для вас тоже.

И если бы Каменное Сердце попытался во время коронации хоть раз взбрыкнуть, я бы его расплавил. Я был уверен, что эта чёртова штука тоже об этом знала.

— Моя королева, — повторила она. — Вот значит кем я стала для тебя сейчас?

— Да, — тихо ответил я и сглотнул. — Вы не можете быть чем-то большим. Разве этого недостаточно?

Её фиолетовые глаза расширились, когда она поняла, о чём я говорю.

— Этого должно быть достаточно, верно? — выдохнула она.

— Да.

— Тогда встаньте, граф Родерик фон Тургау. И все остальные тоже. — Она одарила нас жёстким взглядом. — Не хочу больше никого из вас видеть перед собой на коленях.

Затем она засмеялась и вытерла слёзы. — И вот я уже сделала свою первую ошибку... Зиглинда, подойди и встань на колени. В последний раз. — Лиандра улыбнулась и покачала головой. — Видимо, мне придётся научиться лучше следить за своими словами.

Она вытащила Каменное Сердце, в то время как Зиглинда склонила перед ней голову.

Она слегка коснулась клинком лба и плеч Зиглинды.

— Во имя Иллиана, встаньте, Зиглинда фон Эберхерц, рыцарь Ордена Розы.

Зиглинда изумлённо посмотрела на неё, и Лиандра засмеялась.

— Этих слов достаточно, — промолвила она. — Хавальд в этом хорош, а я следую его примеру. — Она взглянула на меня. — Когда-то существовал Орден Розы, их называли сорок верных сторонников. Думаю, ты знаешь эту историю, Зиглинда. Ты возродишь этот орден. А теперь встань.

Зиглинда медленно поднялась и оцепенело покачала головой.

— Эберхерц? — спросила она.

— Я не смогла придумать ничего лучше. Ведь Эберхард означает именно это. Твой отец обрадуется, потому что земля перед Грозовым перевалом и вокруг Молота теперь будет принадлежать вам. Если мы сможем её удержать.

Лиандра принесла Каменному Сердцу жертву в виде крови, которую тот жадно выпил, и вернула его обратно в ножны.

— Это всё меняет, — сказала она, снова одарив меня долгим взглядом. — Зиглинда, как только мы найдём портал, ты вернёшься домой и будешь там говорить за меня. Каковы будут приказы, нам ещё предстоит обсудить, но я буду защищать Иллиан, пока в моих жилах течёт кровь, клянусь всеми богами! — Она набрала в лёгкие воздуха. — Но теперь я прошу оставить меня, чтобы я могла успокоиться. Нет, Хавальд, — тихо добавила она, — ты останешься здесь.

7. Королева

Она подождала, когда Варош закроет за собой дверь, затем подошла к окну и посмотрела вниз, на тёмный внутренний двор цитадели, освещённый лишь несколькими фонарями. Я подошёл сзади, наши взгляды встретились в тёмном стекле, и она прижалась лбом к прохладному стеклу.

— Как давно ты об этом знал, Хавальд?

— Я не знал, только предполагал. И уже давно. — Она прислонилась ко мне, и я почувствовал её тепло.

— Как?

— Я был паладином Элеоноры, а до этого — её отца. Я знал её с младенчества, и в какой-то момент ей пришла в голову идея, что мы должны подружиться. — Я улыбнулся в темноту. — У неё были свои представления о том, что должен делать паладин. Это также включало в себя катание на моих плечах или повествование историй. Она была подвижным, любознательным ребёнком, всё время в движении, а когда могла ещё ходить, то всё время бегала. И она была умной. Она знала, что больше никогда не сможет ходить и что её дни сочтены. Знаешь, что она испытывала боль? — Она кивнула. — Врачи дали ей порошок, но из-за него она почувствовала вялость и рассеянность. Она приняла его всего один раз.

— Хавальд, я знала её много лет. Мне всё это известно. Она страдала, потому что ей нужен был ясный ум для того, что она должна была сделать.

— Да. — Я набрал в лёгкие воздуха. — Ещё будучи ребёнком она часто говорила о своей смерти. Она была не прочь умереть, переживала только о том, что будет после её смерти. Наследника не было, а даже если бы она попыталась забеременеть, не было уверенности в том, что ребёнок выживет. Однако она обязательно умерла бы при родах. Поэтому говорила о том, что нужно найти того, кто пригоден для короны. И такому человеку нужна непоколебимая воля и сердце, чтобы он смог противостоять отчаянию, появляющемуся, когда посылаешь на верную смерть того, кого любишь.

— Каменное Сердце, — выдохнула она. — Вот почему она дала его мне.

— Да. — Одно мгновение я молчал. — Я долго не понимал, на самом деле, понял совсем недавно. Когда она отдала его тебе, она знала, что это будет отчаянная битва. Война убивает любимых людей, но королева обязана это терпеть. И есть ещё кое-что: ты знаешь, почему эльф принёс тебя ко двору Элеоноры?

— Нет. Я понятия не имею, почему моя мать так поступила.

— Есть кое-что, чего многим неизвестно: эльфы и люди очень похожи. Никто точно не знает, что происходит, когда эльфы и люди производят потомство. Ребёнок может быть человеком или эльфом или таким же, как ты: полуэльфом, объединяющим в себе обе расы. — Я притянул её ближе к себе. — Королевская семья Иллиана происходит ещё из старой империи. Возможно, там были предки, которые произошли от эльфов, потому что примерно двести лет назад случилось кое-что, что происходит очень редко: от союза двух людей родился эльфийский ребёнок. Я тогда ещё не был при дворе, но до меня дошли слухи. И однажды я видел этого ребёнка, когда он выехал на лошади в компании телохранителя. У мальчика были фиолетовые глаза и светлые волосы — и твоя улыбка. Не было никаких сомнений в том, что он был законным наследником. У него были черты лица его отца и матери, тем не менее королева поклялась перед Бороном, чтобы доказать, что не изменяла

королю. Но ребёнок всё равно оставался проблемой. Эльф, который будет править королевством людей? Потом я услышал, что он умер. Во время охоты произошёл несчастный случай. Говорили, что его растерзал медведь.

Спустя годы старый егерь, который был там в то время, поведал мне, что он организовал встречу между королевской четой и посланником эльфов. Он сказал, что ребёнок не был убит, но другого ребёнка, умершего от судорожного кашля, скормили медведю с благословения Сольтара. А родители, обливаясь слезами, возвратили королевское дитя эльфам.

— Ты имеешь в виду...? — выдохнула она.

— Я не знаю. Эту историю рассказал старик, который слишком много пил и иногда уже даже не помнил своего имени. Но когда я впервые увидел тебя в «Молоте», я заметил, что ты очень похожа на это королевское дитя, но сразу же отбросил эту идею. Однако позже, когда услышал, что ко двору тебя принесла эльфийка... Я не думаю, что ты бастард, — тихо заметил я. — Скорее, ты стала сюрпризом для своих родителей, случилось что-то странное и от двух эльфов на свет появилась ты. Я прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как некоторые люди возвращаются. Иногда я встречаю кого-то, кого знал в юности, и он точь-в-точь похож на того другого, а потом я узнаю, что это его дальний родственник. Все, кто было до нас, ещё в нас, Лиандра, и иногда они возвращаются. Эльфы живут дольше нас, в них ещё находится наследие тех, кого эльфы называли древними. Возможно, в этом эльфы не отличаются от людей, и иногда возвращается то, что долгое время считалось утерянным.

— Так ты хочешь сказать, что я ребёнок этого принца, которого тогда отдали эльфам? — спросила она.

— Может быть. Я знаю, что история о пропавшем королевском ребёнке завораживала Элеонору. На самом деле, я не удивился бы, если бы она связалась с эльфами, узнала о тебе и всё устроила так, чтобы тебя привезли к ней. Ребёнок за ребёнка. Для эльфов это важно, во всём есть круговорот, каковым они считают жизнь. Я не знаю, так ли это на самом деле, но почему бы и нет.

— Вот почему она обучала меня и всегда поддерживала. Она наняла для меня лучших учителей, и сама часто посещала занятия. Она всё это спланировала. Сделала меня такой, какая я сегодня.

— Или же это было просто совпадением и не более того. — Я в этом сомневался. Может тело Элеоноры и было сломлено, но не её дух. Мы так и не смогли узнать, кто совершил на неё покушение. Она боролась с тем, что в конечном итоге это покушение увенчалось успехом, потому что она не могла произвести на свет наследников, а продолжительность её жизни после попытки убийства сократилась. Это было бы в её духе, таким образом помешать планам её убийц.

— Сколько ещё секретов ты хранишь? — спросила она.

— Слишком много, — честно ответил я. — Я прожил много долгих лет, и многое повидал, о чём сегодня уже забыли. По большей части я и сам забыл, пока улыбка или фиолетовые глаза не напомнили мне об этом.

Она медленно кивнула.

— Думаю, я тоже только теперь начинаю тебя понимать. Теперь, когда уже слишком поздно.

Я ничего не ответил, просто сильнее прижал к себе.

Она вздохнула.

— Есть кое-что, что мне нужно тебе рассказать, Хавальд. Секрет.

— Ты не обязана.

— Но я хочу. — Она шевельнулась в моих руках, и я почувствовал её улыбку, когда она ощутила мою реакцию.

— Послушай меня. Я была несправедлива к тебе сегодня. Всё не совсем так, как ты думаешь, но Каменное Сердце... Каменное Сердце уже всегда был против тебя.

— Я знаю.

— А причина тебе тоже известна? — Она повернулась в моих руках, чтобы положить голову мне на плечо.

— Нет. Когда я короновал им Элеонору, казалось, что меч даже расположен ко мне, но я уже владел Искоренителем Душ.

— Всё очень просто, — сказала Лиандра так тихо, что я почти её не расслышал. — Я поклялась на Каменном Сердце, и нет ничего, что заставило бы меня сбиться с пути.

Я кивнул, потому что слишком хорошо знал об этом. — Ничего, кроме одного, — продолжила она шёпотом. — Я никогда раньше не любила по-настоящему. Хавальд, я пришла к тебе непорочной.

Это были те же слова, что сказала Наталия. Я снова сглотнул, потому что предчувствовал, что то, что она скажет сейчас, будет очень болезненным.

— Я люблю тебя... и Каменное Сердце это знает и видит в тебе величайшую опасность для моей клятвы. И он прав. — Она вытерла слёзы со щеки и подняла глаза. — Теперь он успокоился, потому что ему кое-что известно, и мне тоже. Но я хочу в этом убедиться. Хавальд... ты разделишь со мной корону?

О боги, как же сильно мне этого хотелось.

— Нет, Лиандра, — мягко ответил я. — Для меня существует другой план. И в какой-то момент он уведёт меня от тебя, и мне придётся уйти.

— Но я твоя королева. — Она улыбнулась со слезами на глазах.

— Это так, — промолвил я.

— Ты должен делать то, что я тебе приказываю.

— В пределах возможного, — ответил я.

Она высвободилась из моих объятий, подошла к Каменному Сердцу и вложила мне в руку. Он был так же удивлён, как и я сам.

— Иди к Серафине и отдай ей Каменное Сердце, пусть она присмотрит за ним сегодня ночью. Подожди четверть отрезка свечи, а потом возвращайся ко мне. И помойся, от тебя воняет пивом.

— Но... — начал я, и она прижала палец к моим губам.

— Вы хотите не подчиниться приказу своей королевы, граф Родерик? — спросила она холодным голосом, но на её губах играла улыбка.

Я поклонился и последовал её указу.

Когда я вернулся четверть отрезка свечи спустя, она уже меня ждала. На ней было одно из платьев из Газалабада, которое могло свети мужчину с ума, она надушилась, а на её губах играла незнакомая мне улыбка. В ней что-то скрывалось: предвкушение и тайна.

— На этот раз, — тихо сказала она, притягивая меня на подушки, — Каменное Сердце не будет нам мешать.

8. О Перьях и Драконах

Утром, ещё перед восходом солнца, Серафина застала меня сидящим в саду цитадели. Там был небольшой пруд с карпом. Я ни о чём не думал, просто наблюдал за карпом, который полностью меня игнорировал.

Искоренитель Душ почувствовал её приближение, затем она нежно положила руку мне на плечо.

— Хочешь побыть один, Хавальд? — спросила она.

Я призадумался.

— Нет, — наконец ответил я.

Она кивнула, села на скамейку рядом со мной, и мы вместе стали наблюдать за карпом.

Штаб-полковник Орикес разгладил королевское завещание из рукояти Каменного Сердца и бросил на всех нас укоризненный взгляд, как будто хотел сказать, что так нельзя обращаться с важными документами.

— Я не сомневаюсь в подлинности этого документа, — решил он, пока Серафина наливала всем кофе. — Я просто не знаю, что теперь из этого выйдет. — Пробил только второй колокол, и, в отличие от меня, полковник выглядел свежим и выспавшимся. Лиандра казалась одновременно грустной и удовлетворённой, но что-то в ней изменилось. Серафина больше молчала, и от её глаз мало что ускользало. Я неоднократно замечал, как её взгляд останавливался на мне и Лиандре.

Орикес посмотрел на документ, затем вздохнул и повернулся ко мне.

— Вы устроили коронацию, генерал фон Тургау. Не знаю, случилось ли такое когда-либо прежде, чтобы генерал императора короновал короля и соответствует ли это правилам.

— Она законна, — сообщил я полковнику и рассказал о второй коронации Элеоноры в саду.

Орикес выслушал, а потом вздохнул.

— Ваше Высочество, — официально сказал он. — Готовы ли вы предстать перед священником Борона, чтобы он мог подтвердить ваши права на корону вашей родины?

— Варош... — начал я, но полковник покачал головой.

— Я не имею ничего против ваших товарищей, генерал, но по его собственным словам, он всего лишь адепт, и у него ещё нет священнического сана.

— Это совсем не проблема, штаб-полковник, — спокойно ответила Лиандра. — Если вы этого желаете, я ещё сегодня пойду в храм Борона и покорюсь богу в его праведности.

— Хорошо, — сказал Орикес, массируя виски. — Окончательное решение примет комендант, но я полагаю, что дальше мы будем действовать так, как будто коронация имеет силу.

— Она имеет, — спокойно промолвила Лиандра, и в её тоне была такая уверенность, что заставила моргнуть Орикеса. — Кроме того, это многое упрощает. Иллиан был первым из Новых королевств, остальные образовались из него. Летазан и Джасфар уже перешли врагу, а значит Иллиан теперь ответственен за эти королевства. Иллиан был основан Асканноном. Он был и остаётся частью Старой империи.

— Да, — согласился Орикес. — Так можно обосновать дело, и, возможно, найдутся документы, подтверждающие это. Я немедленно организую их поиск. — Он снова посмотрел на бумагу, разглаживая её во второй, а то в третий раз. — Таким образом вы

сможете предстать перед советом и попытаться его убедить.

— Я преуспею, — решительно сказала Лиандра.

— Может быть, но я в этом не совсем уверен. Вам не поверят. Будут говорить, что вы узурпатор, которую короновал возлюбленный. Будут говорить, что враг побеждён и утверждать, что угроза не так велика, как вы говорите. В то же время одна из коронованных особ предостережёт, что могут пройти годы, а от и десятилетия, прежде чем Талак проведёт свои легионы через неизведанные земли, лежащие между нами. Потом укажет на тот факт, что императору-некроманту придётся вторгнуться в Старую империю через Бессарин. Потом появится и тот, кто напомнит, что в Бессарине уже и так есть большая армия, и было бы неуместно нарушить баланс сил в королевствах. — Полковник беспомощно пожал плечами. — И таким образом всё останется по-прежнему. — Он по очереди посмотрел на всех нас. — По счёту — это будет сотый королевский совет. Они всегда были одинаковыми. Ни одно из королевств никогда не было готово позаботиться о чём-то другом, кроме как о своей шкуре. Они привели в упадок крепости, семафорные башни, верфи и дороги, даже армии находятся в плачевном состоянии. Только у Остмарка есть достойная упоминания армия, но она занята борьбой с варварами, которые в настоящее время особенно сильно наступают на наши восточные границы. — Он посмотрел на меня. — Аскирский договор на протяжении столетий обеспечивал мир, но теперь он стоит на нашем пути, потому что альянсу необходимо единогласное решение, когда речь касается объявления войны другому королевству.

— Не могу поверить, что так случится, — возмутилась Лиандра, в то время как в её волосах заплясали мелкие искры. — А кто здесь говорит об объявлении войны? Старой империи уже угрожают, война уже давно началась!

— Это вы так говорите, Ваше Высочество. Комендант думает так же. Но есть птица, которая прячет голову в песок, когда пугается. Именно такой вид у нас носит короны, а кто не хочет ничего видеть, тот и не увидит.

— Но сам Аскир поддержит нас? — напряжённо спросила Лиандра.

— Насколько позволяет договор, да. Воскресить Второй легион — это замечательный ход, и единственное, что нам остаётся. — Орикес сцепил руки. — Договор его не касается, поскольку он считался пропавшим без вести. Так для нас осталась лазейка. — Он встретился со мной взглядом. — Есть инструкции и правила, как снаряжать легион в военное время. В общей сложности Второй легион будет сформирован в полном составе из десяти тысяч солдат плюс четыре тысячи обоз. Вы получите лучшее снаряжение и материал, который мы сможем найти в наших арсеналах. Уже сейчас становится очевидно, что будет много желающих служить во Втором легионе. Но боюсь, это всё, что у нас есть.

Я недоверчиво посмотрел на него.

— Согласно последней информации, у противника на поле боя сил в десять раз больше, а перебросить он может и в двадцать раз. И эта оценка не включает тот тип войск, который мы видели на Огненных островах. Один легион не сможет победить.

— Ему придётся, генерал, — сказал Орикес. — Чтобы вы знали, я назвал коменданту ваши причины для передачи командования легиона кому-то другому, но он их не принял.

— У него тоже есть причины?

— Он стоит на своём. Если бы вы не соответствовали требованиям, то не носили бы кольцо.

— Хавальд, — сказала Лиандра, накрыв мою руку своей. — Этого будет достаточно.

Потому что я знаю, что смогу привлечь королевский совет на нашу сторону.

— У вас есть план? — вежливо спросил Орикес.

Лиандра обнажила зубы.

— К тому времени он у меня будет.

— Хорошо. Мы должны проинформировать коменданта, — промолвил Орикес, вставая из-за стола. — Ваше Высочество, не сопроводите меня?

— А что насчёт меня? — спросил я.

— В вашем присутствии, генерал Копья, нет необходимости. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Может вам стоит пойти в храм Сольтара. Один из священников был сегодня здесь и искал вас.

— Чего он хотел?

— Поговорить, однако причину мне не назвал.

Мне с трудом удалось подавить вздох. Возможно, к этому моменту я смирился с тем, что мне приходится служить Сольтару, тем не менее посещать храм мне не особо хотелось. Ни его, ни в храм других богов. Почему-то в большинстве случаев я при этом оказывался в проигрыше.

— Когда найду время, — соврал я.

Орикес удивлённо посмотрел на меня.

— Выбор за вами. Я лишь передал послание.

Я встал из-за стола.

— Увидимся позже, — сказала Лиандра с неуверенной улыбкой.

— Да, — тихо ответил я. — Позже.

Я оглянулся на пороге двери. Я редко видел её такой потерянной. Наши взгляды встретились, но я не знал, что ещё сказать, поэтому с трудом улыбнулся и закрыл за собой дверь. Мгновение я стоял там, гадая, как долго мне ещё будет больно, затем приподнял подбородок и расправил плечи. Здесь ты почти везде был на виду, и хотя охранники делали вид, что смотрят прямо перед собой, не было причин продолжать демонстрировать им драму.

Я вернулся в наши покои и постучал в дверь женщин. Открыла Зиглинда и поприветствовала меня улыбкой, которой мне так сильно не хватало в последние дни.

Возможно, её и Яноша свели вместе магические чары, но когда она ещё считала его мёртвым, она так печалилась, что я не сомневался в их настоящей любви.

Эта улыбка смягчила её, и теперь она больше напоминала дочь хозяина постоянного двора, с которой я познакомился. Суровость, которую она выказывала прежде, была не в её стиле.

Как и во всех комнатах под крышей цитадели, дверь открылась в небольшую гостиную со столами, стульями и буфетом. К своему удивлению я обнаружил там Сову Дезину, которая разговаривала с Серафиной и теперь спонтанно повернулась ко мне.

— Времени просто нет, чтобы поговорить основательно, — промолвила она. — Но вы не можете себе представить, насколько полезно пообщаться с тем, кто лично пережил Старую империю. — Она оглянулась на Серафину. — Нам нужно будет продолжить наш разговор, Хелис, это точно!

— Ей всё время мало, — заметила Серафина. — За каждым ответом следует три новых вопроса.

— Только тот, кто спрашивает, получает ответ, — ответила прима, и в этот момент

выглядела намного моложе, чем была на самом деле. — Вы хотите похитить её у меня, генерал?

— Нет, если она не захочет. В противном случае она будет отбиваться.

Я пододвинул стул, пока Зиглинда с улыбкой наливала мне кофе. Раньше ей нравилось делать подобные вещи, но в последние дни она всё чаще от них отказывалась. Я почти больше не имел дел с Зиглиндой, но был счастлив признать, что скучал видеть её такой.

«Яношу повезло», — подумал я и почувствовал боль.

— Лиандра и Орикес на аудиенции у коменданта. В данный момент я им не нужен, — сообщил я женщинам. — Хелис, мы могли бы взглянуть на город.

Серафина кивнула.

— Я с удовольствием пойду с тобой.

— Хорошо, — сказала на это Дезина. — Иначе я бы ещё больше надоедала вам. — Она поднялась из-за стола со стремительностью молодого жеребёнка. — Да благословят всех вас боги. — Сказав это, она уже исчезла за дверью.

— Интересно, она всегда такая? — поинтересовалась Серафина, когда мы покидали цитадель.

— Кто? Сова?

— Да, она.

— Нет, я так не думаю, — ответил я. — Я слышал, что она целыми днями изучает старые тексты, а это требует большой дисциплины. Ей редко удаётся вести такой оживлённый разговор.

— Хавальд, — сказала Серафина. — Она не на много старше Хелис.

— Об этом легко забываешь. Ты вернула свою молодость, не сожалея и не испытывая угрызений совести. Но я постоянно об этом забываю, потому что ты не кажешься молодой.

— Спасибо, — казалось бы язвительно ответила она, но на её губах заиграла улыбка.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Скажи, почему, собственно, ты поехала с нами? Армин и Файлид с удовольствием оставили бы тебя в Газалабаде и осыпали почестями.

— Армин возможно, а вот с Файлид я бы не была так уверена, — заметила она. — Она меня боится. Но и мой брат всегда странно на меня смотрел, когда замечал, что я отличаюсь от той, кем была раньше. — Она вздохнула. — Думаю то, что мы забываем прежнюю жизнь, имеет смысл. Не пойми меня неправильно, я Хелис и хочу быть ей, но для меня это похоже на то, будто годы Хелис и Серафины соединились. Две разные жизни и всё же одна. Хелис тоже было нелегко, она выступала в семейном цирке. А потом приключившееся с ней по вине Ордуна несчастье... — Она обняла себя руками, будто замёрзла. — Я не могу продолжать эту жизнь, когда мир балансирует на краю пропасти. Я обрела милость, и просто чувствую, что моя жизнь имеет больше смысла, если я буду поддерживать тебя всеми силами.

— Меня? — удивился я. — Наверное, ты имеешь в виду Лиандру.

— Нет, тебя. Лиандра так занята своей миссией, что у неё едва есть место для чего-либо ещё. Ты сам это сказал. — Она посмотрела на что-то за моей спиной и прищурилась. — Что случилось там впереди? — спросила она. — Разве это не Зокора? Боги, она с кем-то дерётся?

Я проследил за её взглядом и увидел, что Зокора чувствует в схватке с четырьмя солдатами из Перьев, которые сражались с тёмной эльфией на боевых посохах. В первый момент я испугался, затем увидел, что Варош стоит в стороне и разговаривает с другими Перьями — всего лишь тренировочный бой. Мы сделали всего несколько шагов в их

направлении, когда первый солдат пролетел по воздуху и упал, сильно ударившись о землю. Второй потерял боевой посох, третий откатился в сторону, четвёртый упал там, где она стояла, в то время как Зокора поймала его посох и перевернула, прежде чем поднять его, как копьё для парада.

Пока четыре Пера со стонами приводили себя в порядок, их товарищи недоверчиво моргали, а Варош позволил себе слабую улыбку. Зокора увидела нас и величественно подозвала жестом, как будто мы и так уже не направлялись к ним.

— Ты помнишь Кеннарда? — спросила она вместо приветствия. — У Перьев такой же стиль боя. Эти четверо — мастера, но они не смогли меня одолеть. — Перья не особо обрадовались суровому суждению Зокоры, но она уже продолжила: — Значит я проиграла Кеннардю не из-за техники или стиля, а самому человеку. Я спрашивала, знаком ли кто с ним, ведь он сказал, что он отсюда. Но его никто не знает, Хавальд. — Она посмотрела на меня тёмными глазами, в которых светился красный огонь. — Я хочу знать, кто он такой, этот Кеннард!

— А мы, в свою очередь, хотели бы знать, кем будите вы, сэра, — сказал один из солдат, который снова поднялся и теперь стоял перед ней, схватившись за живот.

Зокора гордо подняла голову.

— Я Зокора фон Ясенло. Моя мать — Избета, дочь Лохезы, дочери Джекхалы. Я крови Шипов, мой тотем — кошка, а моё слово — это слово посвящённого воина Соланте, сестры Астарты, которую вы люди почитаете.

— Значит из народа тёмных эльфов, — констатировал солдат. — Нам была оказана огромная честь, 'сева'сол'анте, — добавил он с улыбкой и низко поклонился. — Поэтому Астарта сказала, — интонировал он звучным голосом, — что для глубин земли тоже нужен свет, который светит и сияет, и ведёт тех, кто хочет верить и защищает там, где тьма сеет отчаянье. Для тех, кто хочет бороться с тьмой даже в самых тёмных глубинах, я хочу быть щитом, проводником и защитой, мечом и факелом одновременно, чтобы сокрушить то, что может жить только во мраке. Я хочу быть Сол'анте для тех, кто следует за мной, светом во тьме и защитой от мрака.

— Богиня, — прошептала Зокора и впервые с тех пор, как я с ней познакомился, выглядела почти растроганной. — Откуда...?

— Мы — Перья, — с улыбкой ответил солдат, который был капралом. — Мы писцы и учёные империи. Знать о таком — это наша работа.

— Хорошо, — сказала Зокора. — Я ищу знания об одной из сестёр, Джаране окт Талисан из племени Ночных Лошадей.

— Почему вы думаете, что мы сможем вам помочь?

— Ты говоришь, что твоя работа — знания.

— Только того, что касается истории империи и её союзников.

— Джарана окт Талисан принадлежала к клану Драконов, то есть к лейб-гвардии вашего императора. Это вам поможет?

Перья обменялись взглядами, затем капрал кивнул.

— Да, должно.

— Извините, капрал, — обратился я к мужчине, прежде чем тот успел отвернуться. — У меня вопрос. — Он посмотрел сначала на меня, затем на Серафину. На мне не было униформы, поэтому он не знал, кто перед ним стоит.

— Спрашивайте.

— Она тёмная эльфийка.

— Да.

— Разве вы не боитесь её народа?

— Почему мы должны бояться? — задал он встречный вопрос. — Они были нашими союзниками.

— Это и я могла тебе сказать, — весело промолвила Серафина.

— Почему не сказала?

— Ты не спрашивал.

Конечно нет. Откуда мне было знать...

Нет, как же: Серафина и мёртвая тёмная эльфийка, которую мы нашли в ледяных пещерах под Громовыми горами, были современниками.

— Скажи, ты была знакома с тёмной эльфийкой из Громовых гор? — спросил я.

Серафина кивнула.

— Как можно знать кого-то, с кем иногда встречаешься. Она со своими хищными кошками держалась в стороне. Она не была частью Второго легиона и не принадлежала к гарнизону Громовой крепости. Являясь Драконом, она была агентом императора. Это всё, что я о ней знала.

— Игнорировать кого-то из моего народа порой может стать фатальной ошибкой, — констатировала Зокора.

— Это скорее она меня игнорировала.

— Это было её полное право, — объяснила Зокора.

Я заметил, как Серафина открыла и закрыла рот, чтобы потом ограничиться улыбкой.

Зокора посмотрела на меня.

— Тебе что-то от меня нужно, Хавальд?

— Нет, — ответил я. — Мы просто собирались в город и...

— Главные ворота там, — услужливо сообщила она и снова повернулась к капралу Перьев. — Где мы начнём поиск?

— В архиве. Там есть все ответы, — отозвался капрал. Солдат слушал наш разговор с таким явным интересом, что почти можно было наблюдать, как растут его уши. — Однако сначала мы должны получить разрешение и...

— От кого?

— От архивариуса или штаб-полковника Орикеса. Но это займёт некоторое время, он...

— Сейчас пойду к нему и скажу, чтобы он дал разрешение, — заметила Зокора и посмотрела на Вароша. — Ты идёшь?

Варош виновато посмотрел на меня и поспешил за ней.

— Но чтобы увидеть штаб-полковника, вам сначала нужно назначить время приёма, — крикнул ей вслед солдат, но она его не услышала.

— Что здесь такого забавного, Хелис? — спросил я, когда мы проходили через главные ворота. Все это время она изо всех сил старалась оставаться серьёзной.

— Да ничего, — ответила она и тихо засмеялась.

9. Незнакомка

— О чём ты думаешь, Хавальд? — спросила Серафина. — Ты как-то притих. — Мы как раз миновали ворота, ведущие в Верхний город.

— Думаю, что мы слишком многого ожидали от Аскира, — задумчиво ответил я. — Лиандра никак не сможет повлиять на этот королевский совет. — Я остановился и оглядел улицу. Это был купеческий квартал в первом кольце после цитадели. Здесь жили богатые и сильные мира сего. Повсюду были небольшие парки, а стены домов украшены рельефом и мозаикой или просто красиво покрашены. Ещё было слишком холодно для множества клумб, летом эта улица представляла собой ещё более красочное зрелище.

— Осмотрись по сторонам, — попросил я её. — Здесь всё спокойно и культурно, даже мирно. Этот город богат во многих отношениях. В том числе в обеспечении безопасности своих жителей. — Людей на улице было не много, всего одна сэра в широком одеянии с опущенным на лицо капюшоном следовала за нами на некотором расстоянии. — Разве так выглядит город в состоянии войны? Нет, — сам ответил я на свой вопрос и покачал головой. — Они спят или делают то, о чём сказал Орикес: засовывают голову в песок и не хотят видеть, что происходит.

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Всё именно так, как сказал Орикес. Мы получим Второй легион, и на этом помощь от Семи королевств будет исчерпана, что бы ни говорила и ни делала Лиандра перед королевским советом.

Когда я уже собирался идти дальше, я по привычке прикоснулся к рукоятке Искоренителя Душ. В переулках не скрывалось никаких тёмных теней, но женщина позади, которая теперь приблизилась, так отчётливо выделялась, как будто полностью состояла из света. Она подняла руки, и я резко повернулся с Искоренителем Душ в руке.

Но она только откинула капюшон и посмотрела на нас тёмными, спокойными глазами. Что-то в этой женщине смущало меня. Её кожа была того же золотистого оттенка, как у Серафины, волосы и брови чёрные, как оперение ворона, глаза такие же тёмные, какие я видел только у Зокоры. В целом она казалась скорее неприметной, но не была таковой. Что-то, нет много чего, было в ней странным, но я не мог точно сказать, что. Кроме того, она почему-то казалась мне знакомой, хоть я мог бы поклясться, что никогда не видел её прежде.

— Вы всегда так пугаетесь, генерал? — спросила она хриплым голосом, который заставил удивлённо моргнуть не только меня, но и Серафину. Она посмотрела на обнажённое бледное лезвие Искоренителя Душ и выгнула бровь. — Вы хотите как-то использовать меч, или вам просто нравится вытаскивать его из ножен?

— Кто вы? — спросил я, вставляя обратно Искоренителя Душ и оглядываясь вокруг. Никто не обращал на нас внимание; не что не указывало на то, что это засада.

— Меня зовут Сара, — представилась она. — Сара Лабат.

— Красивое имя, — ответил я, поскольку не мог придумать ничего другого.

— Я знаю, — сказала она с улыбкой. — Я сама выбрала его. Оно не хуже любого другого. Я здесь, чтобы указать вам путь, генерал.

— Вот как? — с сомнением спросила Серафина. Она тоже украдкой оглядывалась, но нас всё ещё никто не атаковал с обнажённым клинком. — И что же это за путь?

Женщина подняла левую руку, чтобы указать на боковой переулочек.

— Видите тот дом? — спросила она, указывая на согревшие руины, которые виднелись в конце переулочка.

— Да, и что с ним?

— Начните свои поиски там. Да придут с вами боги, — промолвила она, натягивая капюшон и уходя размеренным шагом.

Мы смотрели ей вслед, пока она не свернула за угол.

— Это было странно, — заметила Серафина.

— Поддерживаю. У меня даже было такое ощущение, будто я её знаю, но это не так.

— Зато я вспомнила, где видела её в первый раз. Она стояла на берегу и наблюдала, как наш корабль входит в порт. Кроме того, у меня тоже такое ощущение, будто я должна её откуда-то знать.

Я снова огляделся вокруг, но никто не обращал на нас внимания.

— Что будем делать теперь?

Серафина улыбнулась.

— Пути для того и существуют, чтобы ходить по ним, верно? — заметила она, проверяя, на месте ли её кинжалы.

Дом был типичным для Аскира. Прямоугольной формы с толстыми внешними стенами, на которых узкие окна начинались только со второго этажа. Пройдя через ворота, мы оказались в проходе, ведущем в широкий внутренний двор. Справа и слева была дверь, а во внутренний двор ещё одна. С обеих сторон находились бойницы. Все эти дома были небольшими крепостями. Учитывая высокие стены, защищающие Аскир, строить дома таким образом казалось мне излишнем.

— Возможно, это ты так думаешь, — сказала Серафина, когда я заговорил об этом. — Но есть и другие угрозы, помимо вражеской армии. Могут начаться беспорядки, проникнуть внутрь убийцы или просто воры. Этот дом когда-то принадлежал богатому торговцу, который хранил ценные вещи.

Входная дверь была открыта, дверные полотна обуглены, но заржавевшие стальные ленты ещё скрепляли почерневшие доски. Этого было достаточно, чтобы протиснуться в дверь. Прочные внешние стены ещё стояли; они были построены из так хорошо мне знакомых имперских блоков. Но по большей части, дом представлял собой пустую оболочку; обугленные балки, стропила и камни упали во двор, оставив там груды обломков.

Огонь вспыхнул на верхнем этаже слева, если смотреть со стороны входа. Пламя было горячим и сильно бушевало. По сводчатому потолку коридора тянулись трещины, и хотя пожар, должно быть, случился много лет назад, здесь всё ещё пахло копотью и холодным дымом.

Одна из боковых дверей была приоткрыта, другая крепко заперта. Я открыл незапертую шире, и ржавые петли так закрипели, что у меня по позвоночнику пробежала холодная дрожь, и мы оказались в большом холле, в котором ещё были видны следы бывшего богатства, но также остатки лагеря, который разбивали здесь животные и люди. Через этот холл мы попали в коридор, проходящий через весь периметр дома. Здесь, на первом этаже, разрушения были не такими большими, хоть повсюду и была сажа.

Не всё было разрушено, кое-где ещё стояла мебель, которую можно было бы спасти, но большую часть, неприкреплённую к полу или стенам, уже давно разграбили.

Хоть этот дом и имел прямоугольный план горизонтальной проекции, он сильно

напоминал мне наш дом в Газалабаде, по которому я внезапно затосковал.

Мы осторожно пошли дальше, испугивая тут и там маленьких животных. А когда добрались до места, где пол следующего этажа обрушился, Серафина указала наверх. Там, над нашими головами, вверх ногами свисали и спали добрые три дюжины летучих мышей.

— Мне не нравятся эти монстры, — заметила она. А вот я был рад, что это не пауки.

Приложив немного усилий, мы смогли пройти мимо обвала и вернуться к проходу у входа с другой стороны. Здесь мародёрство было не таким очевидным. Чтобы попасть сюда, нужно было перелезть через обвалившийся потолок и балки, и когда я открыл последнюю дверь с этой стороны, я нашёл за ней элегантный солон, который в значительной степени остался нетронутым пожаром и грабежом. Всё было покрыто лёгким слоем копоти.

С одной стороны стоял спинет, на высоких полках лежали книги, частично покрытые копотью и разбухшие — зрелище, причинившее мне боль. Сначала я не увидел в комнате ничего особенного и уже хотел покинуть её, как вдруг обнаружил кое-что, что заставило меня остановиться.

— Хелис? — тихо воскликнул я, подходя ближе к камину и глядя на картину на стене.

— Это что, Дезина? — подходя, спросила Серафина.

— Кажется, именно так, верно? — Я огляделся по сторонам и увидел тяжёлое кресло, которое выглядело довольно прочным. Я подтащил его и осторожно поднялся, чтобы аккуратно удалить рукой копоть с нарисованного лица.

На картине была изображена молодая, богато одетая женщина. Она смеялась, протягивая гордому жеребцу яблоко. Это была мирная сцена, на заднем плане раскинулись луг, лес и возделанные поля, впереди на траве лежало одеяло с корзиной и посудой, вином, хлебом и сыром. Рядом с корзиной на камне стояло два бокала, свидетельствовавшие о близком единении.

Сходство с Дезиной было сильным, особенно глаза, губы и подбородок.

— Что вы здесь делаете? — донёсся от двери суровый голос.

Я был так поглощён картиной, что не слышал, как она пришла и чуть не упал с кресла.

Почему-то меня не удивило, что в дверном проёме с распущенными волосами и сердитым выражением лица стояла сама прима с тонким мечом в руке.

— О, — сказала она, когда узнала нас, и опустила меч. Всё же, похоже, она была не рада видеть нас здесь.

— К нам подошла женщина и сказала, что здесь для нас есть путь, — объяснил я. — Нам просто было любопытно. Это был ваш дом, прима? Кроме этого кресла, мы ничего не трогали.

Но она совсем не слушала. Как замороженная, она смотрела на картину. Подняв руку, она тихо произнесла слово, и что-то шевельнулось...

Она вздохнула.

— Проклятье! Как я ненавижу, когда забываю об этом!

Вероятно, она имела в виду тот факт, что больше не могла пользоваться магией, но печаль в голосе не имела к этому никакого отношения. Она медленно подошла к картине, и Серафина уступила ей место.

— Это был мой дом, но недолго. Я его не помню, — хрипло сообщила она нам. — Моя семья была убита здесь мастером Ролкаром, меня он пытался утопить в акватории порта, когда мне едва исполнилось три года. — Она всё ещё смотрела на картину. — Я видела портреты моей матери, но ни один из них не может сравниться с этим. — Она подошла

ближе к полотну и провела пальцем по саже. Под ней оказались великолепные цвета.

— В этой картине что-то есть, — заметила она. — Возможно, что... — Она с силой ударила по тяжёлой раме, и большая часть сажи слетела вниз и закружилась вокруг меня, попадая в нос и глаза. Кашляя и чихая, я спрыгнул с кресла и отчаянно заморгал.

Серафина протянула мне свой бурдюк с водой, чтобы я вымыл глаза. И когда я снова смог видеть, оказалось, что один этот удар Дезины сбросил с картины почти всю сажу.

— Она совсем не повреждена, — удивлённо заметила она. — Кто-то применил здесь магию, я это чувствую.

— Божьего благословения и правосудия вашей семье, прима, — пожелал я.

Она рассеянно кивнула, не сводя глаз с картины своей матери.

— Я долго не знала, что у меня есть семья, — поведала она, наконец отведя взгляд от картины. — Остаётся вопрос, что вы здесь делаете. Это злосчастное место. Совсем недавно здесь снова убили человека. Что заставило вас войти в этот дом? Испуганный сосед на другой стороне улицы увидел вас и предупредил стражу, а та, в свою очередь, меня. Как это связано с путём и той женщиной, что вы упомянули?

— Этого мы ещё не знаем, — признался я и рассказал о странной встрече.

— Имя и описание внешности ни о чём мне не говорит, — сказала она, нахмурившись. — Есть ещё что-нибудь, что вы могли бы рассказать?

Я колебался говорить ей или нет.

— Что это, генерал?

— Мой меч... Он позволяет мне видеть людей и вещи иначе, но эта способность появилась совсем недавно. Поэтому я не совсем уверен, но похоже, меч представляет людей с сильным талантом по-другому, более сияющими. Вы, прима, светитесь, словно яркий свет. Думаю, у вас мощный талант к магии, как и у Лиандры и этой женщины по имени Сара.

— Мой талант исчерпался, — ответила она. — Очевидно, что ваш меч не различает разницы. Значит вы говорите, что эта женщина — маэстра.

— Думаю, что у неё, по крайней мере, есть к этому талант. Мне трудно описать восприятие Искоренителя Душ, но мне кажется, что таким образом он показывает мне таланты. — Я заколебался, она вопросительно посмотрела на меня, и я продолжил: — Лиандра обладает могущественным талантом, у той женщины он, возможно, даже ещё больше. Но ни одна из них не сравнится с вами, прима. Я не думаю, что вы потеряли свой талант. Только что... чего вы хотели добиться своим жестом?

— Что вы имеете в виду?

— Недавно вы подняли руку и произнесли слово. Вы ведь прибегли к магии, верно?

— Да, — осторожно сказала она. — Но ничего не произошло.

— Мой собственный талант минимален, — сказал я, — но я чувствую магию, когда она проявляет активность. И только что она проявила активность.

— Неужели? О каком минимальном таланте вы говорите?

— Я могу зажечь курительную трубку, не более того.

— А как вы видите себя в восприятии вашего меча?

— Никак. Я являюсь центром его восприятия и не вижу себя.

— Хм, — хмыкнула она, снова поворачиваясь к картине. Она закрыла глаза, подняла руки, сделав сложно-воспроизводимое движение и глубоко вдохнула, чтобы затем замереть.

Мы с Серафиной переглянулись; мой затылок начало покалывать, и давление на виски медленно увеличивалось, в то время как сажа и пыль у ног Дезины двинулись лёгкой волной.

Я коснулся плеча Серафины, и мы осторожно отошли от примы.

— Она пытается использовать магию, не так ли? — тихо спросила Серафина. Я лишь кивнул.

— А зачем мы тогда отступили?

— Потому что она делает это иначе, чем Лиандра. — Я прижал руки к вискам, где давление становилось постепенно невыносимым. — Я почти это вижу, она ищет и нащупывает что-то и...

В следующий момент раскалённые копыя ударили мне в виски, внезапная боль пронзила меня, а перед глазами вспыхнули яркие цвета. Я даже не успел вскрикнуть, когда горячая волна из белого света сбила меня с ног, и я растворился в ней ещё прежде, чем упал на почерневший пол...

Когда я пришёл в себя, моя бедная голова пульсировала, словно кузнечный цех, и я увидел встревоженные лица Серафины и Дезины, склонённые надо мной. Затем мне пришлось чихнуть, что ещё усугубило мою головную боль. Мне казалось, что мой череп сейчас взорвётся.

— Как вы себя чувствуете, генерал? — тихо спросила Сова. Её ладони находились рядом с моими висками, не касаясь их.

— Как будто мене переехала телега, запряжённая волами, — ответил я и сглотнул; в горле пересохло. Я моргнул и огляделся. Старых окон больше не было, как будто буря выбросила их во двор, и вся сажа в этой комнате тоже исчезла.

Картина над камином сияла яркими красками, как будто никогда не была покрыта сажей.

— Что случилось?

— Началась буря, — сообщила Серафина, неловко глядя на Дезину. — В тот же момент ты застонал и упал на пол. Всё это случилось в мгновение ока, но тебе понадобилось время, чтобы прийти в себя. — Она повернулась к Дезине. — Что только что произошло?

— У меня есть предположение, — отозвалась она и закрыла глаза. В то же время я почувствовал, как последняя боль утихла в моих висках.

— Независимо от того, что вы сделали, спасибо, — заметил я, осторожно поднимаясь с пола. Давление и пульсирующая боль исчезли, и меня не беспокоила никакая головная боль. По крайней мере сегодня, мой череп не расколется.

— Не благодарите меня, — сказала она, всё ещё стоя на коленях рядом со мной. — Я чуть вас не убила.

— Это не так-то просто, — заметила Серафина и помогла мне подняться.

— И я этому рада.

— Так что вы только что сделали? — спросил я, прислушиваясь к себе. Головная боль редко покидала меня полностью, и теперь было как-то странно больше ничего не чувствовать.

— Скажите, генерал, вы же нашли этот волчий храм, в котором сражались с Бальтазаром. Вы случайно не соприкасались с потоком миров?

Я нахмурился.

— Думаю, да, когда накрывал кристаллы шарами.

Я рассказал ей об этой битве и о том, как умер Бальтазар.

— Возможно, это как-то связано, хоть и не полностью всё объясняет. Я могу сказать, что с вами. В вас есть необъяснимая магическая сила. Я говорю не о таланте, а том, что к

вам привязана магия, словно зерно в зернохранилище. Когда маэстро творит магию, он черпает её из окружающей среды. Из потока миров, если так хотите. Но когда вы поблизости, то оказываетесь более лёгкой мишенью — и тогда он берёт её у вас.

Я бестолково посмотрел на неё, и она вздохнула.

— Это трудно объяснить, для меня это что-то новое, чего я ещё никогда не встречала в книгах. Смотрите на себя, как на сосуд, в котором хранится магия. В нём трещины, и из них магия вытекает, когда маэстро использует её. И я только что запечатала эти трещины. Похоже, это помогло.

Я покачал головой.

— Как такое может быть? — спросил я. — Я...

Но Серафина перебила меня, накрыв мою руку своей.

— Искоренитель Душ, — тихо промолвила она. — Он забирает жизни других людей и отдаёт тебе. Жизнь — это не что иное, как разновидность магии, и всё, что ты поглотил, ещё находится внутри тебя.

Это было странно, но имело смысл.

— Эти трещины в моём... сосуде. Вы их заделали?

— Да, — ответила Сова. — Это было несложно. Вы сами держали себя закрытым, но оболочка была... скажем так, в ней был беспорядок.

— Как в корзине из ивы, которая плохо сплетена?

Она засмеялась.

— Да. Можно и так сказать. Я в нескольких местах заново её переплела. Что это теперь для вас значит, я не знаю и не понимаю, но никто больше не сможет пользоваться вами без спроса.

— Тогда всё в порядке, и я всё же у вас в долгу, — серьёзно сказал я. Находиться рядом, особенно с Лиандрой, часто было невыносимо. Если теперь это прекратится, я буду рад.

— А что насчёт вас? — спросил я, глядя на чистую комнату, из которой пропала вся сажа и грязь. — Похоже, что ваше заклинание всё-таки достигло желаемой цели.

— Вы оказались правы. Это было похоже на то, будто ощущение магии застыло, как нога, которая затекает и немеет. Чтобы чувство вернулось, мне просто нужно было привести его в движение. — Она лучезарно улыбнулась. — Я пыталась убедить себя в том, что потерять магию не так ужасно, но поверьте, я рада тому, что всё ещё могу пользоваться ей.

— Я просто не понимаю, почему это так сильно на него подействовало, — размышляла Серафина. — Лиандра достаточно часто прибегала к магии, но он никогда не терял сознания.

Дезина пожала плечами.

— У меня ещё не было возможности поговорить с ней подольше. Теперь, как я слышала, она стала королевой, подкинув проблему даже коменданту. Но на вашей родине поток миров ещё тёк, в то время как здесь он иссяк. Я научилась обходиться крохами. То, что ваша спутница брала из потока миров, мне приходилось вытягивать из всего остального. Не могу объяснить это точнее. Я беру больше из других источников, чем она.

— Хм. — Мне не особо хотелось занимать мысли магией. Для меня это всегда было болезненным опытом. Но оставались открытыми несколько вопросов, хотя я был склонен согласиться с Серафиной: большинство странностей, случившихся со мной, брали своё начало от Искоренителя Душ, так почему бы и этой тоже.

— Ты действительно в порядке? — спросила Серафина.

— Давно уже не чувствовал себя настолько хорошо, — заверил я её.

— Это обнадёживает. Тем не менее мы ещё не выяснили, что хотела от нас эта женщина по имени Сара.

— И кто она такая, — задумчиво добавила Дезина. — Талант к магии очень редок. Я знаю только одну маэстру, всё ещё пребывающую в Аскире. Она может менять свою внешность и...

— Асела, — прошептала Сарафина, сжимая мою руку. — Вы имеете в виду, что это могла быть Асела?

— Возможно.

Серафина так сильно затрясла головой, что её волосы разметались в стороны.

— Если бы это была она и на стороне врага, то сейчас мы были бы мертвы!

— Тогда это либо не она, либо она не наш враг. Или она играет с нами в игру, которую мы не понимаем, — заметил я. — Других вариантов нет. — Я огляделся по сторонам и прикоснулся к Искоренителю Душ. Поблизости находилось лишь несколько крыс. — Это также не может быть ловушкой, поскольку возможностей для неё было уже достаточно.

Не успел я это сказать, как почувствовал, что снаружи кто-то приближается.

— Итак, что она хотела нам показать, кем бы она ни была? — спросила Серафина.

— Давайте выясним, — предложила Дезина.

— Но не в одиночку, — раздался от двери голос Сантера. Он с любопытством огляделся. — Охранник доложил, что вы пошли сюда, чтобы поймать мародёров. Полагаю, прима, вы поймали этих негодяев с поличным. Они выглядят опасно, мне вызвать охрану, чтобы их арестовали?

— Она всё равно только отдаст честь, если он покажет им своё кольцо, — со смехом сказала Дезина. — Маэстра на улице намекнула им, что здесь есть путь. Но мы пока его не нашли. Вы нам поможете?

— Конечно, — ответил Сантер. — Тем более, что Орикес настаивает, чтобы я не позволял ходить вам одной.

— Ему надо прекратить волноваться. Посмотрите, — взволнованно сказала она, таща Сантера за руку к картине. — Вот что мы нашли. Разве это не чудесно? Это моя мать, Сантер!

— Мы пока продолжим поиск сами, — сообщила Серафина, давая понять взглядом, чтобы я следовал за ней.

Причину можно было легко заметить, лишь взглянув на Сову и высокого штаб-лейтенанта вместе.

10. Портал в подвале

— На это почти больно смотреть, — заметила Серафина, пока я в старой кухне отодвигал обугленную балку, чтобы мы могли подобраться к двери подвала. — Они безумно влюблены друг друга и не хотят в этом признаваться.

— У них есть свои причины, — сказал я, открывая дверь. Петли жутко запротестовали, и мы болезненно поморщились.

— Может потому, что она его начальница. В таком случае любовная связь запрещена.

— Но ты и Джербил, разве вы тоже не были влюблённой парой? — удивлённо спросил я, беря за рукоятку Искоренителя Душ, чтобы видеть в уходящей вниз темноте.

— Всё же это не приветствовалось. И никто из нас не был другому начальником, во всяком случае, не совсем. Именно по этой причине мы и отказывались от должности офицера. Если такое случалось среди унтер-офицеров, на это иногда смотрели сквозь пальцы... Нам нужен фонарь. — Она оглядела кухню, но ничего не нашла.

— Если в подвале он есть, я его найду, — сказал я. — По крайней мере, там должна быть хотя бы свеча.

Я осторожно спустился в подвал. Здесь мне помогло зрение Искоренителя Душ; мечу не требовался свет, чтобы что-то увидеть. Всё было нетронутым, даже сажа сюда не попала. Кладовая была наполнена, хоть костями и пылью больше никто не сможет насытиться; зато вина были ещё в порядке. И это стало неожиданностью, поскольку балка не представляла серьёзного препятствия для мародёров.

Подвал был обширным, как и весь дом, и имел много комнат, каждая из которых была защищена крепкой дверью, но ни одна из них не была заперта. Эти комнаты были заполнены сундуками, ящиками, бочками и прочим; клочья паутины свидетельствовали о том, что мы первые пришли сюда спустя долгое время. Серафина следовала за мной, положив руку мне на плечо.

Вскоре появился яркий свет, пролетев мимо моей головы, чтобы подняться к потолку. Дезина и Сантер теперь всё-таки последовали за нами. Серафина облегчённо вздохнула, убрав руку с моего плеча.

— Дом теперь принадлежит тебе? — услышал я вопрос Сантера.

— Моему дедушке, гильдейскому мастеру, — ответила Дезина. — А может всё же мне, теперь, когда мы знаем, что я его внучка. Чего тут только нет... Посмотрите, там даже стоит футляр для арфы.

Мы подошли к последней комнате в подвале, здесь тоже не было ничего особенного. Стояли старые шкафы, мебель и большое кресло, которое пришлось бы мне по нраву, однако без устроенного в нём крысиного гнезда.

— Ни ловушки, ни засады и никакого пути, — объявил я, поворачиваясь кругом, чтобы более внимательно изучить комнату. — Я не понимаю. Должна же была быть у неё причина, чтобы послать нас сюда.

— Значит мы не всё проверили, — заметила Серафина. — Что насчёт фальшивых стен?

Я попытался представить себе подвал; хоть я и не смог бы нарисовать план горизонтальной проекции, всё же хорошо ориентировался в комнатах.

— Если они есть, то только тут, — отозвался я, подходя к лестнице. Эта лестница была не парящей, а имела фундамент. Искоренителя Душ не интересовали безжизненные камни,

его восприятию было на них плевать. Но когда я с помощью клинка пытался обнаружить какие-то следы, то в том месте заметил мышь, так что там должна была быть пустота.

— Если бы только здесь был Ласка, — сказала Дезина рядом со мной, разглядывая вместе с нами стену, поддерживающую лестницу. — У него есть талант выслеживать скрытое.

— Вы уже его навещали? — спросил нас Сантер.

— Нет, ещё не было возможности. — Я постучал рукоятью кинжала по стене, в одном месте звучало так, будто она не особо прочная.

— Мы могли бы выбить стену, — сказал Сантер, вопросительно глядя на Дезину, которая пожала плечами.

— Я не могу найти механизм, — заметила она. — А будет здесь в стене дыра или нет — это всё равно уже не важно.

Я хотел вытащить Искоренителя Душ, чтобы с его помощью пробить камень, но Сантер просто подошёл и ударил кулаком в стену. Раздался приглушённый грохот, и в том месте образовалась дыра: камни на самом деле были прикреплены к гнилой деревянной стене лишь тонким слоем из фальшивых кирпичей. После ещё двух ударов и трёх пинков проход был расчищен.

Свет Дезины влетел в это пространство, а Сантер просунул в него голову.

— А тут вовсе и нет никакого механизма, — сообщил он нам. — Просто замуровали. Но там дальше есть дверь. Подождите, я расчищу проход побольше.

Он вошёл и изнутри ударил ногой по дереву, доски треснули, а фальшивые кирпичи обвалились. Через некоторое время фальшивая стена была устранена, а обломки убраны в сторону. Настоящая стена, о которой он говорил, была сделана из массивного камня и имела тяжёлую стальную дверь с засовом с внешней стороны. В середине двери было вставлено толстое стекло, и увидев его я понял, что мы обнаружили.

— Портальная комната, — взволнованно воскликнула Дезина, когда я уже собирался сказать об этом. — Дайте посмотреть!

Задвижки в облаке пыли и ржавчины сдвинулись в сторону, дверь со скрипом и скрежетом открылась, хотя никто её не касался, и свет Дезины, который казался мне почти таким же возбуждённым, как его хозяйка, влетел в комнату.

— Ах, да, похоже на то, — согласился я, когда мы столпились у входа. Толстый слой пыли показывал, что прошло много времени с тех пор, как кто-то был здесь, но восьмиугольную золотую кайму из золота всё ещё было хорошо видно.

Но прежде всего отрадно было видеть порталные камни, которые всё ещё находились в углублениях.

Я попросил Дезину направить свет выше к потолку, ища там метку, которая давала информацию о комбинации порталных камней для этой комнаты, и с какого из углублений следовало начинать счёт при раскладываенье. До сих пор в каждой порталной комнате это было по-разному, возможно для того, чтобы ввести в заблуждение посторонних лиц.

Дезина знала о порталах, она нашла один в Совей башне, всё же она с интересом слушала, когда я объяснял, что означают эти метки.

— Совий портал другой, — сообщила она. — У него три кольца и в другом он тоже отличается. Но прежде всего, только мы с Сантером можем использовать его, потому что больше никто не может войти в башню.

— А что насчёт Лиандры? Она маэстра.

— Когда мы встретились, башня её не впустила, — рассеянно объяснила она. — Её клятвы не связаны с имперским городом или императором. — Она посмотрела на меня. — Мне было бы интересно посмотреть, как он работает.

— Нет! — возразил Сантер. — Я не хочу туда входить!

— Это безопасно. Я же тебе говорила! Серафина и генерал уже много раз путешествовали таким образом.

Однако Сантер всё же сомневался.

— Сначала нужно рассчитать, как должны лежать камни, чтобы мы могли вернуться обратно, — объяснил я. — А также следуют сделать запись выложенного здесь узора. Кто знает, куда он нас приведёт.

— Может в какую-то пустоту, — пробормотал Сантер. Он всё ещё был не в восторге. Он осторожно вошёл в круг и огляделся. — Как им пользоваться?

— Нужно разложить камни, которые по цвету и комбинации указывают на место назначения, — объяснил я. — Потом...

— Боги! — прервал он меня и наклонился, чтобы подобрать камень в центре. — Это драгоценные камни размером с мой большой палец! Он поднял один, тёмный рубин. — Должно быть, они невероятно ценные.

— Сантер, — сказала очень спокойно Дезина. — Слушай меня внимательно. Эти камни магические и...

В тот момент, как Сантер это услышал, он выпустил камень из рук, как будто тот загорелся. Мы все наблюдали, как он упал на пол, один раз подпрыгнул, а потом остановился на краю углубления в центре.

— Ух! — с облегчением выдохнул Сантер. — Я уж было подумал, что он треснул.

— Не... — начал я, но опоздал. Когда Сантер наклонился, чтобы подобрать камень, тот упал в углубление. Поднялась пыль, и Сантер мгновенно исчез. —... прикасайся, — закончил я фразу и в тот же момент недоверчиво покачал головой.

Дезина побледнела.

— Хочу надеяться, что он ошибся, и портал не ведёт в какую-нибудь ловушку, — промолвила она. — Что будем делать теперь?

— Вот это, — сказал я, подняв один из лежащих на краю камней, чтобы потом снова его бросить. Вновь поднялась пыль, и кашляющий Сантер оказался перед нами. Как по мне, то слишком близко к краю.

Он растерянно посмотрел на нас, потом поспешил выйти из восьмиугольника.

— Лиандра объяснила мне, что то, что находится в этой и в другой порталных комнатах, меняется друг с другом местами, — поведал я. — Я действовал быстро, чтобы он не успел покинуть восьмиугольник с той стороны.

— А что, если бы я стоял на черте восьмиугольника? — спросил Сантер, бледнея. Видимо, он уже сам понял, каким будет ответ.

— Тогда вы вернулись бы только частично, — объяснил я, сглатывая. — Посмотрите на носок своего сапога. — Он посмотрел вниз: кончик его левого сапога был отрублен словно топором, а из дырки выглядывал носок.

Он с сомнением посмотрел на нас.

— И это вы называете безопасным?

— Если соблюдать меры безопасности, — заметила Серафина.

— С вами ничего не случилось, — с облегчением сказала Дезина. — И это самое

важное. Что вы обнаружили на другой стороне?

— Ничего, — ответил Сантер. — По крайней мере ничего, что я смог бы разглядеть. Было ужасно темно. Я как раз собирался на ощупь найти дверь, когда вы вернули меня обратно. — Он поднял свои руки. — Посмотрите, — пожаловался он. — Я всё ещё дрожу от испуга!

Чуть позже мы вышли на улицу.

— Значит мы нашли путь, о котором говорила сэра, — задумчиво заметила Серафина. — Для нас это большое преимущество. Теперь не только Газалабад находится рядом, но и Громовая крепость всего в одном шаге от нас. Зиглинда обрадуется, поскольку на спине грифона возвращаться в Южностранье довольно долго. А она очень хочет воссоединиться с Яношем.

— Портал также ведёт и в другие места, — напомнила нам Дезина. — Мы должны выяснить, где находится то тёмное место, которое исследовал для нас Сантер.

— Исследовал, — пробормотал Сантер. — Это вы ещё мягко выразились.

Я огляделся, не поджидает ли нас где одетая в тёмное женщина, чтобы объяснить, почему она нам помогает. Но сэры нигде не было видно.

Теперь, когда мы нашли портал, который можно было использовать, в отличие от портала в Совеи башне, следующим шагом было найти Лиандру и отправить Зиглинду домой. Дезина и Сантер с нами попрощались.

— Я подумываю, не вернутся ли мне с Зиглиндой домой, — сообщил я Серафине, пока мы медленно шли по широкой улице к воротам, которые соединяли цитадель с торговым кварталом. — Здесь я практически бесполезен, а дома, возможно, смог бы заняться чем-нибудь более полезным.

— Ты здесь вовсе не бесполезен, — возразила она. — Тебе просто так кажется, потому что приходится ждать, пока легион будет готов. Безусловно, здесь найдётся что-нибудь, чем ты сможешь заняться.

— Чем, например? Лиандра занята, заводит новые знакомства по дипломатическим каналам. Я знаю, что этой работой нужно заняться ещё до начала королевского совета. Уже сейчас состоится много посольских балов. Ты можешь себе представить меня на одном из них. Облачённого в бархат и шёлк. Чтобы выглядел благородно, наблюдая, как они дипломатично крадутся вокруг друг друга и говорят о чём угодно, только не о том, что важно? Да я сойду с ума, чем точно не помогу нашей королеве.

Серафина бросила на меня со стороны непонятный взгляд.

— Что? — спросил я немного сварливо. Стоило только подумать о том, что я буду сидеть здесь, ничего не делая, и у меня портилось настроение. Я лишь надеялся, что она знает, что раздражает меня не она.

Её глаза засверкали, а на губах появилась улыбка, какую я прежде ещё не видел.

Казалось, ей было ужасно весело, хоть я и не понимал, что её так развеселило.

— Да ничего такого, — попыталась она отвертеться.

Я остановился, и упрямо уставился на неё.

— Хавальд, — вздохнула она. — Тебе лучше не знать то, о чём я думаю.

— Я хочу знать, — настаивал я.

— Ну ладно. Я подумала, что ты милый, когда так злишься. — Её обезоруживающая улыбка сразила меня наповал.

— Теперь не говори, что я тебя не предупреждала.

Милый? Я в поисках помощи посмотрел на небосвод, где якобы жили боги.

— Хватит стоять, пошли дальше, — с улыбкой позвала она и дружески ущипнула меня за бок. — Признайся уже, тебе хочется улыбнуться.

— Нет, не хочется!

— Слишком поздно, — заметила она. И это было правдой, потому что теперь я не смог сдержать смех.

11. Кольцо генерала

Когда мы подошли к воротам, один из охранников вышел вперёд и отдал меня честь.

— Генерал Копья сэра граф фон Тургау? — спросил он.

Я остановился и ответил на приветствие.

— Да, сержант. В чём дело?

— Комендант хочет вас видеть, генерал Копья. При первой же возможности, сэра!

Это означало прямо сейчас.

— Спасибо, сержант, — ответил я, переглянувшись с Серафиной, которая лишь пожала плечами.

— Тогда я пойду найду Лиандру, — объявила она. — Тебе лучше выяснить, чего от тебя желает комендант.

— Можете пройти к нему, — сказал адъютант коменданта, вскакивая, чтобы открыть мне дверь в кабинет наместника. — Он ждёт вас.

После неоднократного упоминания о том, что не стоит заставлять ждать коменданта, я воспринял это как плохой знак. Я перешагнул через порог и увидел коменданта у окна; он стоял, скрестив руки за спиной и смотрел на город.

Адъютант тихонько закрыл за мной дверь, и я заметил в комнате кое-что новое: стул, который стоял в двух метрах от письменного стола в самом центре комнаты.

— Садитесь, — приказал мне комендант Кералос, всё ещё стоя ко мне спиной. Я сделал, как мне велели.

И снова наместник не стал терять время даром.

— Как вижу, вы сегодня не одели униформу, — начал он. Правильно, видимо, он увидел моё отражение в стекле. — Мудрое решение. Я слышал, что вы выпивали в «Серебряной Змее».

— Да, — лаконично ответил я.

— И не сказать, что были вы там образцом для подражания, — заметил он. — На моём столе стоит чаша. Ваша доля ущерба составляет четыре золотых и три серебряных монеты. Кроме того, вы не оплатили счёт, а вместе с тем, что выпила сэра Хелис, получится ещё девять золотых и восемь серебряных монет. Эльфийское вино, как я слышал. У сэры дорогой вкус. Четырнадцать золотых и одна серебряная монета. Восемнадцать золотых и четыре серебряных монеты, если вы также хотите взять на себя долю ущерба сэры. Пожалуйста.

Я сглотнул. За такие деньги в некоторых местах можно было бы купить лошадь.

Я вытащил свой кошелек и отсчитал монеты.

Они громко зазвенели в чаше, и только тогда комендант повернулся ко мне лицом. Его серые глаза внимательно изучили меня, но, на удивление, в уголках его губ прослеживалась скрытая улыбка.

— Почему вы не остановили драку? — наконец спросил он. — Или вам нравятся такие развлечения.

— Нет, сэра, — сухо ответил я. — На самом деле, мы с Сантером пытались пресечь её в зародыше.

— Вот как? А как же охране удалось положить конец этому конфликту?

— Они вошли, офицер крикнул внимание, и всё закончилось. Ну, и дубинки тоже немного поспособствовали этому. — А как ещё? Я не понимал, куда клонит этот человек.

— Как вы думаете, фон Тургау, что произошло бы, если бы генерал легендарного Второго легиона поднялся и всего лишь отчётливо прочистил горло? Думаете, эта драка началась бы? — Он не стал ждать ответа, мы оба знали, каким он будет. — Вы — генерал Копья, граф фон Тургау, генерал самого известного легиона, который когда-либо существовал, — продолжил он. — Поэтому на вас лежит огромная ответственность. Вы генерал Быков, но мне кажется, вы не совсем понимаете, что это значит. Прима из башни попросила меня объяснить вам некоторые вещи. Поэтому слушайте.

А я и так до сих пор ничего другого не делал, кроме как слушать.

— Кажется, у вас сложилось ошибочное представление о том, что вы не достойны кольца и звания. Вы нашли кольцо и сами одели его, поэтому чувствуете себя обманщиком. Это так?

Я кивнул.

Он ждал ответа.

— Да, сэр!

На этот раз я был уверен, что на его лице появилась улыбка. Видимо, ему ещё и весело!

— Вы владеете изгоняющим мечом. Об этих мечах ходит много слухов. Например, что они сами выбирают своих хозяев. Или что они возвращаются, если их потерять. У вас уже был такой опыт?

— Да, сэр!

— Хорошо, — сказал он, и теперь улыбнулся совсем открыто и удобно прислонился к своему письменному столу. — Мечи и кольца — это творения Асканнона. И в то, и в другое он вложил мощную магию, которая прежде всего гарантирует то, что ими невозможно злоупотребить. Кольца и мечи ищут своих владельцев странным образом. Важен не кто-то конкретный, а тот, кто обладает способностями, которые эти предметы или их создатель обнаруживает в них. Они не непогрешимы, но их очень сложно обмануть. — Он вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул. — В общем, любой, кто обладает необходимыми способностями и желанием использовать их, мог бы одеть кольцо. Но могу поспорить, что вы были единственным, кто обладает всем перечисленным, иначе кольцо выбрало бы другого владельца.

В этом был смысл.

— Кольцу требовался владелец. Оно выбрало вас, или, если быть точнее, эта сделала магия, а значит решение принял сам Асканнон. Со мной уже дважды случалось так, что я хотел кого-то повысить в должности, а новое кольцо противилось этому. — Он наклонился вперёд. — А это значит, что у вас есть способности и желание командовать Вторым легионом. — Он протянул руку. — Дайте его мне.

— Я не могу его снять.

Он продолжал смотреть на меня с вытянутой рукой.

Я потянул за кольцо, и оно сползло с пальца. Я молча положил его на ладонь коменданта. Он поднял кольцо, и мы оба уставились на него.

— Я мог бы обойти с ним офицеров и проверить, найдётся ли кто-нибудь, кого оно примет в качестве владельца. — Он слегка наклонился, казалось, его взгляд сейчас меня пронзит. — Нам нужен командир Второго легиона, фон Тургау. Этот легион единственный, кто может непосредственно выступить против врага. — Он подбросил кольцо и снова поймал. — Мне кажется крайне маловероятным, что я смогу найти кого-то, кто удовлетворит кольцо. Но мне не нужен генерал на службе империи, который не хочет им

быть. Возможно, кольцу этого достаточно, но не мне! Итак, фон Тургау, вы хотите взять на себя это командование? Хотите провести Второй легион в самое сердце врага и сокрушить его? Если вы этого хотите, тогда скажите сейчас. Если нет, то можете идти, и вам даже не нужно отдавать честь на прощание.

Я посмотрел на кольцо, обдумывая, каковы будут последствия. Каким бы непобедимым не считался Второй легион, будут потери, возможно, тяжёлые. Солдаты — это оружие, а оружие часто уничтожается в бою.

Смогу ли я? Да и хочу ли? Пятнадцать тысяч мужчин и женщин, а их выживание зависит от моего решения. Ужасающая мысль. Но легион единственное, что у нас было, если смотреть на это в долгосрочной перспективе. За исключением Остмарка, у Семи королевств не было армий, которые могли бы сразиться с этим врагом, а Остмарк сам нуждался в этих войсках, чтобы противостоять варварам.

Я протянул руку и с удивлением обнаружил, что дрожу.

— Да, комендант, сэр. Я хочу командовать Вторым легионом.

Он молча опустил кольцо мне в руку, наблюдая, как я его надеваю.

— Добро пожаловать обратно, генерал Копья. Теперь вам остаётся сделать ещё одно. Обратитесь к генерал-сержанту Третьего легиона, Реллин. Вы найдёте её на первом этаже цитадели, её кабинет отыскать не сложно. Пусть она покажет вам, что значит быть Быком.

— Я немедленно встречусь с ней, сэр, — ответил я.

— Хорошо. И ещё кое-что. Когда пойдёте к Реллин, оставьте свой меч. Вы должны ощутить всё, что ощущают Быки, которые сражаются не благословлённым богом оружием. — Он посмотрел мне в глаза. — Не волнуйтесь, генерал Копья, мы не собираемся тратить ваши таланты зря, но побыть несколько дней в шкуре тех, кем вы будите командовать, вам не повредит.

Я кивнул, потому что он был прав.

— Могу я спросить, как продвигаются дела с формированием легиона?

— Конечно. Я проинструктирую Орикеса, чтобы он прислал вам отчёты. Легион почти в полном составе. Уже только в Аскире вызвалось шесть тысяч добровольцев. Самые лучшие из них в ближайшее время будут отправлены в Газалабад, так что дела продвигаются хорошо. Обычно требуется год, чтобы собрать полный легион, но, похоже, Касале полна решимости сделать это вдвое быстрее. Окажите мне услугу, когда увидите её снова, передайте, что красть лучших офицеров из моих других легионов не особо мило с её стороны.

Конечно, я мог бы передать, однако подозревал, что мне будет не доставать необходимой настойчивости. Хорошие офицеры были на вес золота, и чем больших из них она могла украсть, тем лучше.

Он протянул мне руку, и я её пожал. У него было крепкое рукопожатие.

— Если у вас возникнет больше вопросов, обращайтесь к Орикесу. А в остальном, генерал, пришло время для вашей тренировки!

Серафина ждала в коридоре перед приёмной.

— Что он хотел? — спросила она, когда я вышел.

— Отчитал меня, на это было прямо любо-дорого смотреть, — объяснил я и не смог сдержать улыбки. — У этого человека можно кое-чему поучиться. Он убедил меня принять кольцо генерала и в то же время навязал тренировки, чтобы я мог стать Быком.

— Думаю, скоро у тебя не будет времени жаловаться на безделье.

Я и сам этого опасался.

— Можешь пока взять на сохранение Искоренителя Душ? — попросил я. — Инструктор не знает, кто я такой, и комендант желает, чтобы пока так и оставалось, поэтому я не могу носить меч с собой.

Она с сомнением посмотрела на мой клинок.

— Я не вижу смысла носить оружие, которым не могу пользоваться.

Я протянул ей Искоренителя Душ.

— Попробуй.

Она посмотрела на охранников у двери коменданта.

— Давай пройдем в твои покои, — предложила она. — Есть строгие указания на тот счёт, если кто-то обнажит здесь свой меч.

12. Третий легион

Когда я вошёл в свои комнаты, то обнаружил, что вещей Лиандры там больше нет. Я спросил об этом Серафину.

— Ей дали свои собственные по соседству, — объяснила она. — Здесь достаточно пустых покоев, они предназначены для высокопоставленных гостей или главнокомандующих других легионов.

По крайней мере, Лиандру разместили на так далеко. Но с другой стороны, между нами теперь образовалась дистанция, которая не очень мне понравилась, хоть это и было моим решением. Серафина продолжила, прервав мои гнетущие мысли. — Сейчас она ищет подходящий дом для посольства. Похоже, ей самой нужно будет устроить несколько приёмов. — Она подняла на меня глаза. — Она тоже не особо этому рада. По меньшей мере, она такая же нетерпеливая, как и ты. Но существуют традиции и правила, которых она должна придерживаться. Большую часть работы, как ты и сказал, нужно сделать заранее. Кстати, она спросила, не хочу ли я стать её послом.

— Тебя? — удивился я. — А разве ты не чувствуешь свою принадлежность к Бессарину?

— Скорее к империи в целом. Но да, я родом из Бессарина. Она спросила, потому что доверяет мне. Но я отказалась не по этой причине.

— Ты отказалась? Почему?

— У меня другие планы, и она приняла это, хоть и неохотно. Она бы с удовольствием назначила Вароша, но он тоже несвободен. Орикес кого-нибудь найдёт для неё, в чьей надёжности он на сто процентов уверен. Зиглинда получила задание найти на родине тех, кого Лиандра хотела бы видеть здесь. Она составила список, но боится, что большинство из них уже мертвы, рассеяны по стране или заперты за стенами Иллиана.

— Хм. Будем надеяться, что Зиглинде повезёт, — заметил я. — Где Лиандра сейчас?

— В храме Борона, она хочет официально провести там свою коронацию и готовится.

Пока мы разговаривали, я отцепил от пояса Искоренителя Душ и вручил ей меч. Она замешкалась, но потом взяла его и взвесила в руке.

— Каменное Сердце другой, — решила она. — Это сразу чувствуется. Искоренитель Душ более сдержанный. — Она решительно схватилась за рукоятку клинка и вытащила его. Искоренитель Душ так легко выскочил, что если бы я не отскочил, она задела бы меня остриём.

— О, прости, — поспешно сказала она. — Не думала, что он будет таким подвижным и быстрым.

— А ещё он острый, как бритва. — Она почти меня задела; не хотелось бы мне узнать, каково это, закончить на лезвии Искоренителя Душ.

Она восхищённо посмотрела на искусно выпаленный клинок.

— Он великолепен, — заметила она. — Асканнон действительно был мастером-кузнецом. Но я не вижу с его помощью того, что ты описал. Для меня это просто очень хороший меч. — Она посмотрела на меня. — Теперь я должна дать ему кровь, чтобы вернуть в ножны?

— Нет, — ответил я, качая головой. — С тех пор, как он выпил кровь Наталии, он больше не испытывает жажды.

Мне уже сейчас не хватало на поясе его веса, но у Серафины он был в надёжных руках.

Она осторожно вернула его в ножны и подвесила к своему поясу.

— Тебе известно, когда Зиглинда собирается пройти через портал? — спросил я. — Мне хотелось бы с ней попрощаться.

— Она уйдёт только ночью, так что нет смысла спешить.

Я ещё мгновение помедлил, но время, пожалуй, пришло.

— Мне пора к этой генерал-сержанту, — заметил я.

— Полагаю, мы сможем увидеться вечером.

— Найдём друг друга.

Нижнее кольцо цитадели было в основном предназначено для Перьев, которые в широких коридорах суетливо исполняли свою работу. Сюда всё время кто-то приходил и уходил, и почти у каждого прибывшего вместо меча были с собой тонкие кожаные папки, на которых, казалось, покоилась мощь Старой империи. Знания зачастую были более могущественными, чем мечи.

На белых камнях в коридоре были изображены символы, а для тех, кто умел читать, также висели вывески. Там было изображено перо, а под ним на вывеске имя и звание Орикеса, а через две двери я сначала обнаружил знак Первого легиона, потом Второго, и остановился перед дверью. На вывеске было написано Амаранис Касале, генерал-сержант, Второй легион. Под её именем было ещё два, оба штаб-сержанта. Через закрытую дверь доносились тихие голоса. Я мгновение помедлил и открыл дверь,

за которой оказалась большая комната со скамейками и ещё двумя куда-то ведущими дверями на заднем плане.

Перед ними стоял стол, за которым сидел солдат в униформе Быков с символом Второго легиона на рукаве. Рядом сидел писарь из Перьев, погружённый в чтение груды папок.

Добрых две дюжины мужчин и женщин занимали скамейки; некоторые подняли глаза, когда я открыл дверь, другие продолжали дремать.

Солдат за столом бросил на меня быстрый взгляд.

— Вы принесли с собой свои документы? — спросил он. У всех, кто ждал, была с собой папка с зажимом в кожаном переплёте.

— Нет, сэр, — вежливо ответил я.

— Тогда вы ошиблись дверью, — сообщил он мне слегка раздражённым голосом. — Если вы хотите присоединиться к легиону, то идите к призывному пункту на Храмовой площади. Там вы сможете получить свои документы. После этого возвращайтесь.

Пока я снова закрывал дверь, писарь повернулся к сидящему рядом сержанту.

— Почему каждый идиот приходит сначала в цитадель, как будто комендант хочет лично принять от него присягу?

Ответ сержанта я уже не услышал, но догадывался, каким он был.

Я стоял перед дверью, чувствуя себя странно. Это была всего лишь идея, не более того. Заново мобилизовать Второй легион, чтобы бросить его против врага. Но идея превратилась в реальность, и эти мужчины и женщины в комнате за дверью скоро будут под моим командованием и столкнутся с врагом, объединившемся с тёмными силами. Врагом, который не может быть более безжалостным.

— Вы пришли или уходите? — спросил молодой рекрут, который выглядел так, будто приехал прямо с фермы. На нём были деревянные башмаки и одежда из грубого льна. Не хватало ещё только соломы в волосах. Он не мог быть намного старше десятка и трёх лет, и казалось, чуть не лопаётся от нетерпения.

— Простите, — вежливо сказал я, освобождая дорогу.

В комнатах Третьего легиона было более спокойно. Здесь сидело всего три человека на скамейках, тоже с папками в руках.

Писаря не было, только сержант со скучающим выражением лица оторвал взгляд от своей работы.

— Да? — равнодушно спросил он.

— Меня зовут фон Тургау. Генерал-сержант меня ждёт.

— Тебе туда, — сказал он, указывая большим пальцем на правую из двух дверей за спиной. — Постучи, иначе она оторвёт тебе бошку.

Я прошёл мимо него, постучал, услышал «входите», вошёл и закрыл за собой дверь, разглядывая комнату и женщину за столом, которая теперь встала и нахмурилась.

Этот кабинет был обставлен так же скудно, как кабинет коменданта.

Тяжёлые доспехи стояли на подставке в углу, шкаф, подставка для карты, полка для свитков и книг, низкий комод, к которому небрежно был прислонён тяжёлый топор. Позади письменного стола находилось окно, через которое хорошо был виден учебный плац. Поскольку комната была со стороны улицы, окно было не очень большим, и закрывалось тяжёлыми железными ставнями, в которых имелась бойница для арбалетчика.

— Вы — генерал Копья, который не знает, кто такие Быки, — заметила она, и долгий взгляд, которым она окинула меня, не оставлял сомнений в том, что любые ожидания в отношении меня, могут её только разочаровать. — Пока вы этого не узнаете, вы для меня не более, чем новобранец. Так что давайте обойдёмся без любезностей. Понятно?

— Да.

— Кто ты, по-твоему, такой? Следует отвечать да, сэр!

— Да, сэр!

Эти слова дали понять, чего следует ожидать дальше.

Как и многие Быки, генерал-сержант Реллин выглядела скорее коренастой, что было связано не столько с её ростом, сколько с выраженными мышцами, которые она приобрела за годы ношения тяжёлых латных доспехов.

Она обошла свой стол и встала передо мной. Её глаза были ясного светло-зелёного оттенка, нос сломан как минимум дважды, широкий подбородок украшал небольшой шрам, со следами грубого шва. Может она и не была красавицей, но её взгляд давал понять, что неважно, нравилась она как женщина или нет.

— Самый простой способ показать — это дать тебе почувствовать. — Морщинки на её лбу стали глубже. — Надеюсь, что я не зря потрачу на тебя своё время.

Я расправил плечи, встал смирно, глядя прямо перед собой. Я смогу это пережить.

— Да, сэр!

— Ты уже служил раньше? — спросила она, внимательно разглядывая меня.

— Не в легионе.

— Значит наёмником, — недовольно заметила она. Я хотел возразить, но в каком-то смысле это была правда.

— Нашего оружейного мастера ты найдёшь в подвале. Пусть он снабдит тебя оружием и подберёт доспехи, а завтра ты снова явишься сюда ко второму колоколу.

— Да, сэр!

— Свободен!

Быки были тяжёлой пехотой Старой империи.

Тяжело бронированные подразделения, сражающиеся и передвигающиеся пешком. Насколько я знал, Аскир был единственной империей, которая могла бросить на поле боя такого типа подразделения. Причина была очевидна. Много лет назад у себя на родине я купил ратные доспехи. Они обошлись мне по меньшей мере в двести золотых, а кузнец потратил год своей жизни, подгоняя их под мою фигуру. Только дворяне и богатые господа могли себе такое позволить.

На поле боя победить человека в таких доспехах нелегко. В ближнем бою только Клюв Ворона — тяжёлый топор с шипом или копьё всадника могли их пробить. Тяжёлый арбалет тоже, однако они не так часто встречались. И, конечно, арбалеста, но чтобы обслуживать метатель болтов такого типа, требовалось двое солдат.

Если выставить таких тяжело снаряжённых солдат в ряды, вооружить их мечами, щитами и копьями, то мало кто смог бы остановить Копьё Быков. «Где стоим, не отступаем» — таков был девиз Быков.

Да оно и понятно. С таким весом на плечах отступление или даже бегство было невозможно.

Что касается меня, то мне уже хватило урока, когда оружейный мастер надел на меня тяжёлый шлем и повернул, чтобы тот защёлкнулся на шее.

Я знал, что в этих доспехах можно ходить и даже бегать. Я сам это видел; Касале носила эти доспехи так, будто они ей совсем не мешали.

Однако я боялся сделать в них даже шаг.

Оружейного мастера я нашёл на подземном этаже цитадели, и узнал, что они уходят глубоко под землю, их было как минимум ещё семь.

В оружейную на подземном этаже можно было спуститься по рампе с улицы, так что туда могли подъехать даже оборудованные фургоны — тяжёлые стабильные фургоны, запряжённые четырьмя волами.

Посетителей было много.

Вдоль проходила решётка с пролётами для выдачи оружия, в общей сложности восемь, и каждая из этих раздач была занята. Только два оружейных мастера были свободны, когда я пришёл. Один молодой человек, едва достигший возраста, когда появляется борода, другой — седовласый ветеран, у которого не было двух пальцев на левой руке и одного уха. Он бросил на меня недовольный взгляд, который должен был предупредить, чтобы мне вдруг не пришлось в голову беспокоить его. Но я всё же побеспокоил.

— Тебя прислала Реллин, верно? — сказал ветеран, взяв мои документы и бросив на них взгляд.

Очевидно, ему не понравилось то, что там было написано, потому что он нахмурился. Затем внимательно осмотрел меня с ног до кончиков коротких волос и вздохнул.

— Идёмте со мной, — сказал он, открывая решётчатую дверь у своей раздачи. — С таким ростом нам придётся немного покопаться.

Потребовалось больше одного отрезка свечи, прежде чем все детали были подобраны по размеру, проверены и отрегулированы все пряжки и каждая деталь сидела на своём месте, удовлетворив оружейного мастера. Замеченный мною ранее молодой оружейный мастер за это время успел снабдить новыми доспехами трёх новобранцев из легиона Быков.

Без одежды я весил чуть больше двухсот сорока фунтов, то есть почти ровно три камня. Под конец оружейный мастер взвесил доспехи. Весы показали семьдесят три фунта, таким образом эти доспехи были легче, чем мои старые, ратные.

Оружейный мастер заставил меня сделать всевозможные упражнения, приседания и отжимания.

— У тебя достаточно мышечной массы, мой мальчик, — благосклонно заметил он, когда я, тяжело дыша, снова выпрямился. — Остаётся только к ним привыкнуть.

Однако я знал, почему мне не нравятся тяжёлые доспехи. Они, без сомнения, обеспечивали защиту, но в то же время замедляли, а именно в том стиле, в каком я сражался с Искоренителем Душ, мне была важна скорее скорость.

В комплект доспехов входило два шлема, один закрытый с забралом, другой открытый, типа шлема для верховой езды, снабжённый стальной маской для лица. Тяжёлый шлем использовался во время полевого сражения, лёгкий предназначался для патрулирования.

Я узнал, что доспехи изготавливались здесь, в имперском городе, в кузнице на Арсенальной площади и им была присуща своего рода магия, но даже оружейный мастер не смог сказать мне, какая именно. То, что имена солдат появлялись на груди, должно быть, было частью этой магии.

— Может она просто заключается в том, чтобы быстрее привыкнуть к тяжёлой стали, — предположил мужчина и под конец похлопал меня по стальным плечам. Раздался глухой звук. — Пусть вам сопутствует удача богов, солдат.

Я закинул тяжёлый мешок с другим снаряжением себе на плечо, глубоко и гулко вздохнул и с трудом поплёлся прочь.

Серафина носила такие доспехи годами...

С чем справилась она, с тем справлюсь и я. Однако, когда я добрался до своих комнат, я был рад сразу же избавиться от стали.

Я надеялся встретиться с Лиандрой, но мы разминулись. Как я узнал, она уехала на бал. Она оставила сообщение, что скорее всего вернётся поздно.

Так что это Серафина помогла мне избавиться от доспехов, пока Зиглинда наблюдала. Дочь хозяина постоянного двора удобно устроилась в кресле, изучая скреплённые печатью документы: инструкции Лиандры, которые она заучивала наизусть, чтобы они не потерялись.

— Алданское посольство в данный момент является тем местом, где тебя обязательно должны увидеть, — проинформировала меня Серафина, дёргая за непокорную пряжку. Наконец та расстегнулась. — Это как-то связано с нападением на Аскир, алданцы почувствовали в защите. Лиандра получила личное приглашение от специального посланника, баронета Таркана фон Фрайзе. Дезина сказала, что по крайней мере алданцы теперь точно знают, какую опасность представляет Талак. Они будут нашими лучшими союзниками. Если принц Тамин сохранит свою голову и трон.

— А что с Закорой и Варошем? — спросил я. — Их почти не видно.

— Они чуть ли не всё время проводят внизу, в архивах, — объяснила Зиглинда. — Варош поднялся наверх всего один раз, чтобы спросить, слышала ли я когда-нибудь о мече под названием Гибель Страха.

— Ну и как? Слышали? — спросил я. До того, как она заполучила Ледяного Защитника я мог бы поклясться, что ей суждено было стать бардом, а поскольку она была дочерью хозяина постоянного двора, то могла слышать от людей много разных слухов. Мне казалось, что я сам слышал когда-то об этом мече, но не мог вспомнить где.

— Нет, — ответила она, качая головой. — Никогда. Это всё, что он хотел знать, затем Варош снова спустился в архивы.

— Хм. Это изгоняющий меч, как думаете? — спросил я, но она лишь пожала плечами. Поэтому я спросил её о другом. — Когда вы собираетесь нас покинуть?

— Скоро, — отозвалась она, взглянув на свечу, измеряющую время, которая горела на каминной полке. — Думаю, в полночь. Если повезёт, в это время как раз и Янош подрастет в Громовую крепость. — Она улыбнулась. — Я рада, что он ещё жив. — При этих словах её глаза засверкали. — Мне не нравится Аскир. Здесь слишком много людей, он слишком большой, и нет покоя. Я счастлива вернуться и заняться чем-нибудь полезным. Здесь я чувствую себя бесполезной.

Я кивнул, потому что думал так же.

— Вы уже посетили храм? — спросила она.

— Нет. А что?

— Этот священник Сольтара снова был здесь и спрашивал о вас.

— Может, тебе стоит сходить, — предложила Серафина, дёргая за мой последний паголенок, который с громким лязгом упал на пол. — Если священник всё время спрашивает о тебе, это может быть важно. Разве ты не говорил, что примирился со своим богом?

— В последний раз, когда я посетил его храм, я положил к его ногам Наталию. Это было не так давно. До того, как мы отправились в путешествие, я столетиями не посещал ни один из его храмов. И, похоже, тогда его это не беспокоило.

Серафина засмеялась.

— В этом я не сомневаюсь. Когда бог желает тебя видеть, то обязательно найдёт. Но здесь речь идёт об одном из его священников. Разве ты не должен спросить, чего он хочет?

— Он мог бы оставить сообщение, — настаивал я, но Серафина просто с улыбкой посмотрела на меня, как будто я её развеселил. Я вздохнул. — Хорошо, — уступил я. — Я пойду к нему.

— Сейчас?

Я неохотно скривился и в конце концов вздохнул.

— Ладно. Сейчас, так сейчас. Но только после того, как приму ванну. Не хочешь пойти со мной?

— Я уже думала, ты не спросишь, — засмеялась она, и даже Зиглинда улыбнулась.

Я как раз закончил мыться, когда в дверь постучали.

Я обернул полотенце вокруг талии и открыл. К моему удивлению, это была Зиглинда.

Я пригласил её войти, она неуверенно ждала, пока закроется дверь, затем сделала глубокий вдох.

— В военное время неизвестно, увидимся ли мы вновь, Хавальд, — тихо промолвила она. — Поэтому мне нужно сказать то, что хочу. Во-первых, я знаю, что вы беспокоитесь обо мне. В этом нет необходимости, я выбрала свой путь и иду по нему с гордостью. Я многому у вас научилась. Во-вторых... Пожалуйста простите меня за наглость, что я затрагиваю эту тему, но я также научилась кое-чему от Яноша о жизни и любви.

Лиандра никогда не подходила вам, сэр Родерик. Она наша королева, это её судьба. Но только одна женщина может заставить вас улыбаться и смеяться, и это не Лиандра. Лучше не закрывайте своего сердца. Я наверняка знаю, что это навредит лишь вам.

— Зиглинда... — начал я, но она подошла и крепко меня обняла.

— Пусть боги защитят вас и одарят своей милостью, Хавальд, — выдохнула она и сглотнула. И убежала, прежде чем я успел сказать что-то ещё.

— Тебя как следует погоняли? — спросила Серафина, когда мы направились в храм.

Зиглинда уже ушла. Она была в компании Дезины, которая хотела открыть для неё портал в Громовую крепость и пойти туда вместе с ней. Сантер собирался сопровождать их, хоть ещё и не изменил своего мнения о порталах. Прима была очень живой, Серафина говорила с ней не так давно; казалось, что молодая женщина всё время чем-то занята. Если среди всех своих прочих забот она хотела выделить время, чтобы осмотреть старую, заледенелую крепость, то так тому и быть.

— Ещё нет. Я лишь получил доспехи, — ответил я, покрутив плечами, которые уже сейчас были напряжены. — Боюсь, что уже только эти доспехи могут вымотать.

— Требуется много времени, чтобы привыкнуть к ним, — подтвердила она. — Когда становишься новобранцем, то целый год носишь их каждый день двенадцать отрезков свечи. И в начале даже не можешь поверить, что позже едва будешь их замечать. Но это действительно так, потом больше уже о них не думаешь. И самое позднее, когда отскакивает первый удар меча или нагрудник защищает от болта, ты благодарен за доспехи. В конце ты можешь заниматься в доспехах всем, кроме плаванья.

— У меня нет года, и я буду счастлив, когда мне больше не придётся носить эти доспехи.

— У тебя есть ещё другие, — напомнила она. — В них ты можешь проводить парады.

Генерал-сержант Касале ещё в Газалабаде подобрала для меня доспехи генерала. И вот чудо, они пережили долгое путешествие в Аскир и теперь лежали в моей комнате в сундуке. Будь моя воля, они бы там и остались.

13. Ангел Сольтара

Тем временем уже стемнело, но для Аскира вечер был довольно тёплым. Храмовая площадь, на которой стояли дома богов, находилась к востоку от цитадели, в задней части города, районе, где проживало много художников и учёных.

Как я узнал от Серафины, там также находились три академии. Задача одной из них состояла лишь в том, чтобы доносить до будущих учёных секреты математики и музыки. Я был удивлён, почему математика была вместе с музыкой, но и здесь у Серафина нашлось объяснение.

— В музыке есть закономерность, чтобы она звучала и была гармоничной, — объяснила она, когда мы шли по широким улицам, которые теперь больше соответствовали моему представлению об имперском городе. Здесь, внутри четырёх защитных валов, город имел широкие улицы и великолепные здания, которые больше не были похожи на крепости. — Так что есть смысл преподавать и то и другое вместе. Мой отец брал там уроки, чтобы научиться строить дороги и мосты. И он играл на спинете. Так он и познакомился с моей матерью.

Пока мы шли, казалось, её мысли блуждают где-то далеко. Я дал ей время, размышляя, каково это, оплакивать человека, который умер семьсот лет назад, а ощущать боль, как будто это только что случилось. Она уже говорила, как ужасно себя чувствует из-за того, что умерла раньше своего отца. Вряд ли для отца существует судьба более жестокая, чем пережить своего собственного ребёнка.

Вечер был спокойный, на широких улицах почти ничего не происходило. Один из торговцев загружал тяжёлыми ящиками телегу, запряжённую лошадьми. В остальном всё было тих и мирно.

— Асканнон тоже любил музыку. Он сказал, что она бережёт его от безумия. Слишком много власти и ответственности плохо для человека, — подумала она вслух. — Требуется много силы, чтобы она не ввела в заблуждение. Мой отец всегда говорил, что власть ведёт к злоупотреблению и не должна ложиться на плечи одного человека. Её нужно с кем-то делить, чтобы у здравого смысла был хотя бы один голос, который мог бы возразить.

— А что насчёт Асканнона? — спросил я, продолжая путь.

— Асканнон сам говорил о себе, что впал в безумие. — Она улыбнулась. — Заявлял, что у него мания величия и что есть несколько трюков, чтобы не сойти с ума окончательно.

— И он назвал их тебе?

— Да. — Она улыбнулась в темноту. — Он проживал несколько жизней. Как храмовый писец, здесь на площади, как учёный академии и как сапожник, зарабатывающий себе на жизнь в небольшом киоске на рынке. Только так он мог понять, что движет людьми, что на них влияет, делает счастливыми или неудовлетворёнными. Он сказал, что власть обязует творить мир. — Она тихо засмеялась. — В детстве я подслушала разговор между ним и моим отцом, в котором император жаловался, что он сам себе раб. Истинному тирану и деспоту было бы легче. Он же проклят совестью, которая порабощает его сильнее, чем он когда-либо смог поработить кого-то ещё.

Это говорило за него. Я подумал о своей родине.

Элеонора была великой королевой, но не каждая коронованная особа вела себя, как она. Её собственный прадед был вспыльчивым ублюдком, правящим твёрдой рукой и без голоса

разума. Если я правильно помнил, он ещё как раз вовремя свалился с лестницы и сломал себе шею. Ропот на улицах стал уже достаточно громким, указывая на бунт.

И как обычно в таких случаях, я не был уверен, действительно ли это был всего лишь несчастный случай. Его отец, правящий перед ним, был ненамного лучше, однако в другом смысле: он уступал любому изложенному требованию и почти обанкротил страну. Затем был один, сошедший с ума, который носил женскую одежду, а по ночам бродил по залам королевского замка, читая стихи. Ещё один, который посвящал всё своё время книгам, и другой, желавший расширить и покрыть позолотой свои замки и дворцы. И время от времени те, кто было достаточно разумен, чтобы поддерживать и обновлять королевство.

Но независимо от того, что эта семья сделала неправильно, она произвела на свет Элеонору, и, без сомнения, та войдёт в книги учёных и историков, как величайшая из них.

Теперь корону Иллиана носила Лиандра. Если нам удастся спасти нашу родину, мы увидим, станет ли она хорошей королевой. Во всяком случае, я был твёрдо в этом убеждён.

Она предложила мне править вместе с ней. Но я предпочёл бы сразиться со всеми силами тьмы, чем возложить на себя такую ответственность.

— Твой отец хорошо его знал? — спросил я. — Я имею в виду императора.

Серафина кивнула.

— Они были друзьями. Похоже, император также интересовался мной. Он всегда спрашивал, как мои дела и привозил подарки...

— Значит вот всё как было, — перебил я. — Ты и его обвела вокруг пальца.

— Совершенно верно! — Она захихикала. — Коварный талант, который маленькие девочки получают от богов и который мне удалось использовать в полной мере.

— Не сомневаюсь. И какие же подарки император преподносил ребёнку?

— Сладости с рынка, пони, свёрток шёлка из Ксианга, кинжал, который он сам для меня выковал и жемчуг для нашей свадьбы. А ещё истории. — Она нежно улыбнулась. — Он рассказывал мне истории о далёких странах, о богах и героях, которые всегда появлялись в тот момент, когда в них была нужда. Что ход истории изменяли маленькие подвиги. Великие герои требовались только в том случае, когда маленькие отсутствовали. «Несправедливость начинается с малого», — говорил он. «И в малом с ней легко бороться. Там её нужно искоренять, прежде чем она вырастит как сорняки.» — Она остановилась и посмотрела на меня. — Думаю, что у этого человека были свои недостатки, но в детстве я его обожала. Однако одно я знаю наверняка: составив законы, он сам строго придерживался их, и это то, что делает его великим человеком, а не владение магией. Не его могущество, а справедливость. — Она положила мне руку на плечо. — Хавальд, я не могу поверить в то, что он ушёл к Сольтару. Я знаю, что он вовлечён в этот конфликт. Нет ничего, что он ненавидел бы так сильно, как наездников душ, и немыслимо, что мы выступим против этого некроманта без его поддержки.

— Благочестивая надежда, — ответил я. — Можно подумать, что у него уже было достаточно возможностей, чтобы вмешаться.

— Какое-то происшествие расстроило его планы, — предположила она. — И я думаю, это связано с тем, что Бальтазар, Асела и Фелтор попали под власть этого императора-некроманта. Я теперь уверена, что всё было именно так, поскольку лишь это объясняет то, что произошло. Дезина сказала, что хотела поискать доказательства в архивах башни. Но для этого ей нужно достичь следующего уровня мастерства. Она уже впала в отчаяние по этому поводу. Видимо, ей нужно сдать своего рода экзамен, но она не знает, как с ним справиться.

— Она сказала, о чём речь? — спросил я.

Как и в Бессарине, эта площадь была квадратной, с храмами трёх богов по углам. Однако здесь стоял ещё четвёртый храм, тёмный и заброшенный, и насколько я мог судить издали, с замурованными окнами. Он был проще и меньше великолепных домов других богов и значительно старше.

— Нет.

— Спроси её при случае. Ты хорошо знала Бальтазара и других Сов. Может быть тебе известно что-то, что могло бы помочь ей справиться с экзаменом.

— Я вряд ли смогу поддержать Сову.

— Кто знает? — Я махнул рукой в сторону далёкого тёмного храма. — Скажи, ты знаешь, кому там поклоняются?

Она посмотрела на храм и нахмурилась.

— Думаю, это был сам бог-отец. В мои дни храм был уже замурован. Думаю, он дал указание своим священникам поддерживать и служить другим богам. Он сказал, что это не его эпоха, а его богов-детей, и что он вернётся, когда придёт время.

— И он оставил открытым, когда это случится?

— Само собой, — ответила она. — Ты ожидал чего-то другого?

В конце концов, мы добрались до храма Сольтара. Это было великолепное здание с высокими колоннами и широкими лестницами и сразу тремя большими открытыми бронзовыми воротами с узорами. За воротами я увидел большой зал, слабо освещённый ночными светильниками. До нас донеслось многоголосое песнопение. Перед нами шла группа, несущая в храм тело на носилках, за ней следовали скорбящие со склоненными головами. На ступенях храма стояли и разговаривали три священника и адепт, в то время как послушник подметал метлой ступени, а другой у подножья лестницы раздавал бедным воду, хлеб и благословение. Вода и хлеб — еда скудная, но её достаточно для того, чтобы жить. Было время, когда я мог даже убить за свежую буханку хлеба.

Сольтар был богом света, который также подчинил себе ночь. Его обещание людям заключалось в том, что после величайшей темноты всегда следует день, а величайшее отчаяние всегда сменяется надеждой.

Сколько в этих историях о богах было правдой?

От Зокоры я узнал, что когда-то в самом деле существовал бог темноты, Омогор. Ещё прежде, чем появились люди, он был побеждён богами света.

Астарта, которая олицетворяла у людей прощение, любовь и гармонию, почувствовала в этой войне и в качестве награды за битву отдала тёмным эльфам, следовавшим за ней, часть себя, которая казалась мне суровой и жестокой и всё же была справедливее, чем прежняя тьма.

В Бессарине Серафина показала мне святыню, где поклонялись богу света, когда тот ещё правил исключительно днём.

Прежде чем бог принёс людям огонь и свет, ночь была жутким и страшным временем. В ту пору считали, что если умереть в темноте, душа будет потеряна.

Я стоял перед лестницей храма и размышлял о том, что, якобы, дал людям сам бог-отец: надежду, как самую великую силу, способную преодолеть всё.

Почему, собственно, Сольтау поклонялись как богу смерти? Разве он не должен по-прежнему оставаться богом надежды и света. Может мне стоит спросить.

— Не хочешь сделать следующий шаг? — забавляясь, спросила Серафина. — Нужно

всего лишь поднять ногу, и уже будешь на лестнице, а там справишься и с остальным.

— Я как раз собирался, — заверил я и сделал этот первый шаг.

В меня не ударило молнией. Молодой священник поднял глаза и дружелюбно кивнул нам. Затем, сразу за входом, к нам подошёл другой священник.

— Идти дальше с оружием запрещено, — с негодованием сообщил он. — Отдайте его мне, — Когда будете уходить, получите свои орудия убийства назад.

— Тогда мы подождёт здесь. Кто-то из этого храма хотел поговорить со мной, и я пришёл, чтобы осведомиться, в чём дело.

— Тогда скажите мне, кто вы такой, — потребовал священник. — И я спрошу, правда ли то, что вы говорите.

— Родерик фон Тургау.

— Ждите здесь, — резко промолвил он. — Не входите в зал со своим оружием!

Вскоре он вернулся, но выглядел не особо счастливым.

— Первосвященник ожидает вас, я провожу вас к нему. Вы можете оставить свой меч при себе. Женщина подождёт здесь.

— Нет.

— Простите? Я сказал, что первосвященник желает поговорить с вами.

— Я и в первый раз это услышал.

— Ну так что?

— Я подожду, пока не запустят также сопровождающую меня женщину.

— О ней первосвященник ничего не говорил.

— Тогда спросите его, — предложил я. Мужчина посмотрел на меня так, будто у него на языке крутилось ругательство, затем молча повернулся и поспешил проч.

— Хавальд, — тихо сказал Серафина. — Я могу подождать здесь, ничего страшного.

— Нет, — возразил я, оглядывая роскошное здание. Через открытую дверь, ведущую в главный зал, я увидел вдалеке статую моего бога. Мне показалось, что он смотрит на нас из-под натянутого на лицо капюшона. Впервые я заметил, что мантия на нём похожа на мантию Сов.

За исключением первосвященников, которые во время церемонии раз в год меняли одежды бога, никто не знал, как выглядит Сольтар. Возможно, он стоял с закрытыми глазами.

Священник вернулся.

— Первосвященник приглашает вас и сопровождающую вас женщину к себе. Если это для вас приемлемо и больше нет никаких возражений. — Мне показалось, что я услышал скрежет его зубов. Хоть он и был служителем моего бога, всё же не нравился мне.

Он провёл нас мимо статуи бога глубже в храм, чтобы открыть обшитую дверь. За ней последовал длинный коридор, в конце которого была ещё одна дверь. Её он тоже открыл и закрыл за нами после того, как мы вошли.

Человек, поднявшийся из-за своего роскошного письменного стола, был под своей драгоценной расшитой мантией старым, маленьким и худым. У него были хитро-сверкающие, внимательные глаза.

— Меня зовут Джон, — представился он. — Присаживайтесь. — Он указал на два мягких стула перед своим столом.

Эта комната была обставлена с такой роскошью, которая была бы достойна императора. Куда бы я не глянул, везде было золото, драгоценные камни, чёрное дерево и тёмный шёлк.

Стул, который заскрипел под моим весом, был мягким, инкрустирован золотом и украшен позолотой во всевозможных местах. Он блестел и переливался, словно трон правителя, и всё же на нём сидели всего лишь посетители. Настоящий трон стоял за этим письменным столом, настолько большим, что на нём можно было бы установить фигуры целого поля битвы.

— Вы посылали за мной? — спросил я.

Он улыбнулся фальшивой улыбкой и сложил руки.

— Не совсем, — ответил он. — Один из наших послушников немного переусердствовал и не подумав, превысил полномочия своего положения. И всё же хорошо, что вы сейчас здесь.

— Значит вы не желали говорить со мной? — переспорил я.

Его улыбка была слишком искусственной, и мне не понравилось, как он игнорирует Серафину.

— Я этого не говорил. Только то, что это не я пригласил вас. Но поскольку вы уже здесь... у вас на талии висит кое-что, что принадлежит храму.

— Он посвящён Сольтару, это верно. Но мне передал его священник бога.

— У него не было на это права. Это оружие слишком могущественное для смертного. Самое безопасное место для этого клинка — здесь, где мы уже долго хранили его, прежде чем его украли. Передайте этот меч мне. Тогда сможете уйти в осознании, что исправили многовековую несправедливость. Вы также получите благословение.

Я моргнул.

— Вашем намерением было не говорить со мной, а забрать мой меч? — недоверчиво спросил я, только чтобы убедиться в том, что правильно понял.

— Именно так, сын мой, — дружелюбно ответил он. — Он предназначен не для вас. Он подвергает вашу душу опасности. Надеюсь, вы ещё не так долго владеете им.

Ещё не так давно я бы без колебаний передал ему в руки Искоренителя Душ, но сейчас моё мнение изменилось.

Каждая клеточка во мне противилась этому.

— Мне его отдали.

— Это главный храм нашей веры, все остальные храмы второстепенные, — сказал священник Джон, отказавшись от фальшивого дружелюбия. Этот человек не привык, чтобы ему противоречили. — Кто бы это ни был, он не имел права передавать это оружие кому-либо без нашего разрешения. Он будет призван к ответу.

А вот в этом я сильно сомневался. Отец Уриос уже в течении столетий прибывал у Сольтара.

— Это реликвия нашей веры, на которую вы не имеет права, — повторил он, встал и требовательно протянул руку. — Под этим небом я верховный священник нашего бога, хотите отказать мне в том, что принадлежит богу?

Я взглянул на Серафину, но от неё ждать помощи не приходилось, она выглядела такой же удивлённой, как и я.

Искоренитель Душ был посвящён Сольтару, на его ножнах был знак бога, и он был передан мне одним из его священников. Как бы я иногда не конфликтовал с моими богом, я не мог не отдать его высшему представителю на этом земном диске то, что принадлежало ему, хоть это и казалось неправильным.

Я молча схватился за ремень, отстегнул Искоренителя Душ и положил на стол перед

мужчиной.

— Спасибо, — поблагодарил он и потянулся к мечу. — Теперь вы можете идти.

Я встал, уже собираясь отвернуться, когда священник попытался поднять оружие и ему не удалось.

В Газалабаде другой священник моей веры смог взять его и вынуть из ножен. С ним не произошло ничего подобного, но этому человеку он не подчинился.

— Что вы сделали? — прорычал Джон. — Что это за колдовство? Клинок такой тяжёлый, как сотня камней!

Я подошел к столу, взял Искоренителя Душ и уклонился от первосвященника, когда тот попытался схватить меня и меч.

— Что вы делаете?

— Я снова забираю его с собой, — отозвался я. — Очевидно, он не предназначался для вас.

— И тем более для вас! Этот меч вручается самим Сольтаром! — возмутился он. — Вы не выйдете из храма с этим клинком, прежде вам придётся меня убить!

Я положил руку на рукоятку меча. Стоявшая рядом Серафина слегка покачала головой, но на этот раз я не желал проявлять благоразумие.

— Вас и любого другого, в случае необходимости, — объявил я. — Если вы его хранили, то знаете, что это за меч. Так что не заставляйте меня.

— Вы мне угрожаете? — ошеломлённо спросил Джон. — Этот меч будет принадлежать только одному человеку, и он примет его из руки бога. Никто другой не сможет им владеть. Посмотрите на себя! Очевидно, вы готовы убить священника своего бога. Так скажите, разве ваша душа уже не в опасности?

Я наклонился вперёд, приблизившись к нему, но он не отшатнулся, а лишь с самодовольным возмущением сверкнул на меня взглядом.

— А что, если я скажу, что получил меч из руки бога? И не один раз, а целых три? Вы не сможете сдвинуть его с места, и он вернётся ко мне и в четвёртый раз.

— Тогда я скажу, что это невозможно!

— И почему же? — опасно тихо спросил я. В этот момент внутри меня как будто прорвалась плотина. Всё, что я с трудом скрывал в себе, выплеснулось наружу, вызвав чувство гнева, какое я редко испытывал. Это был неподходящий момент, ожидать от меня терпимости и благочестия. Искоренителю Душ я доверял больше, чем этому человеку, какую бы мантию он не носил.

— Потому что только одному суждено владеть этим клинком! Он не кто иной, как ангел Сольтара, который будет послан, чтобы в этом мире положить конец раздорам богов! — сердито закричал священник, указав дрожащим пальцем на меня. — Вы вряд ли захотите быть тем, кто навлечёт на нас наводнения, чуму и землетрясения, разрушит порядок мира и захочет убить бога? Тёмная Зараза Безымянного проклята достаточно, но никто не проклят так, как тот, кого пошлёт к нам Сольтар. Поскольку его ангел будет носить имя, само по себе являющееся проклятьем!

— О боги, — тихо прошептала Серафина, высказав то, о чём подумал я.

— Вы этого хотите? — бушевал первосвященник, с силой ткнув костлявым пальцем мне в грудь. — Хотите стать последним, кто останется стоять в море крови и поднять этот клинок против врага, которого невозможно победить? Хотите бросить легион мёртвых в финальную битву? Объединить потерянных под один знаменем и бросить вызов тьме и

самому богу? Хотите быть этим ангелом?

На мгновение я оцепенел, и мне в голову пришла странная мысль, что, видимо, придётся просить прощение у эссэры Фалы. Кажется, она всё-таки была права.

Дело не в том, что ангел спустится с небес по золотой лестнице, видимо, было достаточно служить Сольтару и быть настолько глупым, чтобы владеть определённым мечом.

— Вы когда-нибудь задумывались, брат Джон, а есть ли у того, кто получит этот меч, выбор? — спросил я, и меня охватило странное спокойствие, которое тем более было удивительным после охватившего меня ранее гнева.

— Сольтар всегда даёт нам выбор, — теперь тоже немного спокойнее ответил Джон и испытующе посмотрел на меня. Да, я мог выбрать, но был всего один выбор.

— Полагаю, то, что вы процитировали, является пророчеством, — продолжил я. — О чём оно?

— О битве богов. О боге, который должен быть убит, но остаётся непобедимым. О сражении, которое покроет весь наш мир смертью, о битве самих богов. И о том, что в конце тот, кто сойдётся с богом в этой финальной схватке, потерпит поражение и закончит на этом клинке.

Это было не то, что я хотел услышать.

— Что произойдёт, если этот ангел божий не появится?

— Тогда мир обречён.

— Он обречён и в том случае, если ангел придёт. Вы сами это сказали.

— Не совсем. Потому что когда ангел умрёт, останется надежда.

Слова священника звучали всё тише. Теперь он снова сел на свой стул, устало и подозрительно глядя на меня. — Мир будет обречён, если дело не дойдёт до этой финальной битвы.

— Той, которую ангел проиграет.

— Да, — ответил Джон, устало потирая виски. — Это загадка, и с тех пор, как мы впервые услышали слова бога, мы пытаемся их разгадать. Эта финальная битва необходима, чтобы надежда выжила. Без этой битвы надежды тоже больше не будет. Это не имеет никакого смысла, поскольку ангел не сможет убить бога. Есть только один человек, кто сможет: дочь Дракона.

Я знал кое-кого, кто очень сильно боялся дочери дракона.

Священник посмотрел на меч, который я всё ещё держал в руке.

— Вы... вы уже им пользовались? — тихо спросил он.

— Да.

— Часто?

— Слишком часто.

Он набрал в лёгкие воздуха.

— Вы уже убили им кого-то, кто этого не заслуживал?

Я колебался.

— Не уверен. Во время боя... кто заслуживает смерти, а кто нет?

Он покачал головой.

— Я не это имел в виду. Это должна быть очень особенная смерть, предвещающая финальную битву. Думаете, вы бы заметили, если бы убили невинного человека? Может, ребёнка?

— Нет, — в ужасе запротестовал я. — Я много чего сделал, но никогда не убивал ребёнка!

— Тогда ещё не поздно, — с облегчением вздохнул Джон. — Это должна быть чистая душа, непорочная в глазах богов. Величайшее из всех грехов, потому что вы должны убить этим клинком того, кто вас любит. И вряд ли это может быть убийством кого-то другого, а не ребёнка. И вы уверены...

— Да, — хрипло ответил я. — Я уверен, что никогда не убивал ни в чём неповинное дитя. За всю свою жизнь я не покушался на жизнь ребёнка и в будущем этого тоже никогда не произойдёт!

— Тогда отдайте меч мне. Я буду его хранить, как и все, кто придёт после меня. И будем молиться о том, что этот ангел ещё не родился, что пройдёт много времени, прежде чем он потребует оружие.

Я взвесил в руке Искоренителя Душ.

— Насколько ясны божьи слова? Пророчества не всегда легко интерпретировать, к моему несчастью, мне пришлось уже испытать это на себе.

Священник долго и пытливо изучал меня, затем встал.

— Следуйте за мной.

Мы с Серафиной переглянулись. Она, наверное, была такой же бледной, как и я. Затем мы последовали за Джоном. Он провёл нас обратно через зал, мимо статуи бога к большому алтарю, украшенному дарами. В зале были другие священники и верующие. Сначала они лишь с любопытством подняли глаза, но когда первосвященник жестом пригласил нас следовать вместе с ним за алтарь, я услышал бормотание других священников, немедленно поспешивших к нам.

Священник, приветствовавший нас, тоже был среди них, и он загородил нам путь.

— Вам туда нельзя! — запротестовал он, но первосвященник поднял руку.

— Уходи. Пока что ты ещё не принимаешь решений!

С видимым усилием мужчина сдержался, замерев на месте, в то время как мы последовали жесту первосвященника, который проводил нас к лестнице, ведущей в подвал за алтарём.

Там оказался длинный коридор, заканчивающийся круглой комнатой. В центре находился круглый пьедестал, на котором сиял золотистый свет в виде шара. Казалось, он слегка движется и был таким ярким, что ослепил нас. Прикрыв рукой глаза, я посмотрел вверх. Поверх этого богато украшенного потолка, должно быть, стояла статуя бога. Мы находились в святой святых храма.

— Это книга нашего бога, — прошептал первосвященник с трепетом в голосе, Во всех других храмах есть только копии, но это слова самого бога.

— На книгу совсем не похоже, — заметила Серафина, выражая вовсе не сомнения. Перед лицом этого парящего, огненного шара, её голос тоже прозвучал затаённо и благоговейно.

И дело было не только в сиянии, это было ощущение изумления, божественной близости, как будто чувствовалось биение далёкого сердца, а эта маленькая комната имела размер, незримо запечатлевавший наши чувства, как будто на расстоянии вытянутой руки в этом огненном шаре открывался другой мир, отличимый от нашего. Должно быть, это действительно были врата в чертоги Сольтара.

И было шумно, казалось, бормочет тысяча голосов и возникало чувство будто

понимаешь, о чём они говорят.

Всего этого было достаточно, чтобы поставить меня на колени и в благоговении склонить голову.

— Это не книга, дитя моё, — прошептал священник. — Это принявшая форму воля нашего бога. Тот, кого не опалит огонь, может протянуть руку в самое сердце света, и ему откроется божественное послание.

— Хотя я и служу Астарте, — тихо и затаив дыхание промолвила Серафина. — Для меня это большая честь. — Она тоже преклонила колени и склонила голову. Я посмотрел на Джона, который задумчиво изучал меня. Казалось, яркий свет совсем его не слепит.

— Запустите туда руку, — велел он. — Это испытание. Если вы потерпите неудачу, ваша рука превратится в пепел. Если справитесь, вам откроется действие бога.

Я не хотел лезть в это пламя, жар которого обжигал мне щёки, хотя я стоял на коленях в добром шаге от него. Но мне также была нужна уверенность. Я хотел знать, есть ли причины бояться, поэтому протянул руку.

Пламя было тёплым, но оно не обжигало меня.

Я не знал, чего ожидал, может, что увижу самого бога. Но всё было не так. Я лишь услышал голос. Он был тихим и даже показался мне знакомым, как будто я уже часто его слышал. И каждое слово имело вес тысячи миров и заставило меня содрогнуться.

— ... в конце придёт тот, кого я избрал своим ангелом, чтобы пронести меч света через рать врага. За ним последует легион мёртвых, на его стороне боги и надежда. Узнают его по проклятью, которое он носит в качестве имени, и по тому, что он умирал тысячу раз. Его знамение — ночь в глазах. Смерть — его спутница, и когда он придёт, земля содрогнётся, а потоки вод поглотят людей, чума будет следовать за ним по пятам. Под своим знаменем он соберёт для последней битвы тех, кто погиб за него. Только он один справится с богом, но не сможет его убить. Он сам будет тем, кто умрёт на моём клинке, таким образом распространив надежду. Знак его прибытия — чистая душа, которая будет любить его и умрёт на моём клинке. Его щитом будет только надежда, но и не меньше, чем она. Она будет иметь вес для тех, кого он любит и тех, кто последует за ним до самой смерти.

Когда я вытащил руку из пылающего шара, эхо голоса, казалось, будет звучать вечно, заставив меня вздрогнуть.

— Это его слова, Родерик фон Тургау, — прошептал первосвященник. — Но есть некоторые отрывки, которые мы не понимаем. — Казалось, в свете божественного пламени его глаза тоже полыхают этим пламенем. — Это вы являетесь тем, о ком он говорит?

Я сглотнул и прочистил горло.

— Да, — ответил я хриплым голосом. — Кажется так.

Рядом со мной Серафина сдавленно вскрикнула, слёзы залили её лицо и переливались на свету, как шлейф из звёзд.

Священник Джон молча провёл нас обратно в свой кабинет и запер дверь, затем прислонился к ней и посмотрел на нас. На его лице читались печаль и отчаяние.

— Мне почти девяносто, — прошептал он. — Ходить по этой земле мне осталось недолго, скоро бог заберёт меня. Я молился о том, чтобы никогда не дожить до того времени, когда потребуют этот меч.

— Спросите меня, — с горечью произнёс я. — Когда я брал его, то не знал, какова будет моя судьба. Я пытался уклониться от неё, но это невозможно.

— Ещё как возможно, — заметил священник и устало подошёл к небольшому шкафу

слева, чтобы открыть его и достать три богато украшенных бокала и бутылку. — Если умрёте прежде, чем предстанете перед этим тёмным богом, чтобы сразиться с ним. Потому что если вы тот — действительно тот, кто направляет его меч — это не означает, что вы бессмертны или непобедимы. Меч может помочь вам, но этого недостаточно. Один вы не сможете победить, вам нужны другие люди рядом с вами. Они все умрут, и останетесь стоять только вы. Но эта жертва необходима, чтобы надежда продолжала жить.

— Это несправедливо, — прошептала Серафина. — Абсолютно несправедливо. — Она посмотрела на меня, её глаза всё ещё были влажными, и в первый раз с тех пор, как я узнал её, казалось она с трудом сохраняет самообладание. — Ты обещал мне, что всё будет хорошо! Ты обещал это, Джербил!

— Есть вещи, которые человек не может обещать, дитя моё, — сказал Джон, протягивая нам бокалы.

— Вы не понимаете, — запротестовала Серафина. — Он смог вернуть меня после того, как я умерла. Он победил смерть! Если он что-то обещает, то всегда выполняет, и даже боги не могут этому помешать!

— Только Сольтар повелевает жизнью и смертью, — предостерег священник. — Я не знаю, о чём вы говорите, но даже если он ангел, он всего лишь слуга, а не господин.

— Ты обещал! — повторила она, теперь повернувшись ко мне и протянув руки. — Ты обещал, когда огонь погас и стало холодно. А ты всегда держишь своё слово!

Я взял её руки в свои, почувствовал её дрожь и притянул к себе.

Одно я знал наверняка: Джербил Конай имел в виду каждое слово, которое говорил. Как далеко простиралась воля человека? Была ли она достаточно сильной, чтобы противостоять самим богам?

По крайней мере, нельзя было сказать, что Джербил не пытался. Вероятно, он был таким же упрямым, как и я.

— Если это возможно, то я сдержу его обещание, — тихо сказал я.

Через её плечо я посмотрел на священника, который, прислонившись к письменному столу, потягивал вино из кубка. Он выглядел удручённым, и теперь было ясно видно бремя его возраста.

— Если это действительно я, что тогда? Есть другие пророчества, путь, который вы можете мне указать?

— Хотелось бы мне, чтобы всё было именно так. Но нет. Необходимо, чтобы произошло это сражение ради сохранения надежды. Как это будет, что должно случиться и какие шаги необходимы — это можете понять только вы в тот момент, когда они будут сделаны. Я могу сказать лишь одно: хоть богу, с которым вы должны сразиться, и возвещается в том же пророчестве победа, всё же он вас боится. — Он пожал плечами. — Может он знает больше, чем мы или лучше понимает божье слово. Мы даже не знаем, что это за бог, которого нужно убить. Я долго думал, что это Безымянный, но многое не сходится.

— Зато я знаю, — промолвил я. — Его зовут Коларон Малорбиан, и он стремится заполнить плащ Омогора, бога тьмы.

— Омогора? Тогда мы обречены. — Он сделал плоток и горько засмеялся. — Мы так или иначе обречены, но в одном случае останется надежда. — Он посмотрел мне в глаза. — Помните: если это действительно вы, то не должны потерпеть поражение прежде, чем наступит этот последний момент. Это единственный способ сохранить надежду.

— Но ангел предстанет перед богом один, и только дочь дракона может его убить,

верно? — спросил я.

— Так говорит бог, и это противоречие, но должно быть решение.

— И оно есть, — промолвила Серафина, приподняв залитое слезами лицо с моего плеча. — Останется надежда, а значит будет потом. Бог говорит не о том, что Коларон в плаще Омогора победит. А только о том, что мы обречены, если не произойдёт того сражения. Так что есть надежда на потом.

— В пророчестве, что я только что услышал, бог ничего не говорит о дочери дракона, — вспомнил я.

— Да, — подтвердил священник. — Но он говорит об этом в другом месте. Когда плащ тьмы будет украден, боги вступят в битву с тем, кто его носит, но ложного бога убьёт именно дочь дракона.

— И это всё? — Я был разочарован.

— Да, всё. Но это относится к плащу тьмы, то есть Омагору.

— Этого достаточно, — решительно сказала Серафина. — Она убьёт его. Ангел и эта финальная битва необходимы, чтобы она смогла его убить. Он будет побеждён. Это надежда.

— Но похоже, что я этого уже не увижу, — заметил я и сам сделал большой глоток вина.

— Мы, слуги нашего бога, всячески будем вас поддерживать, — тихо сказал священник. — Просто скажите, что нужно сделать.

— Как только я буду знать сам, — ответил я, ставя пустой бокал на стол.

— Хорошо, — произнёс он. — Благодарение богам, что ещё есть время, поскольку вы ещё не убили чистую душу.

«По крайней мере, ребёнка», — с горечью подумал я. Боги, как я ненавидел такие пророчества. Казалось, что с их помощью, можно заглянуть в будущее, но понимать их по-настоящему начинаешь только когда уже всё заканчивается. Так какая в них была польза?

Первосвященник проводил нас в главный зал, где мы остановились и посмотрели на статую Сольтара.

— Есть ли что-нибудь ещё, из-за чего нам стоило бы здесь задержаться? — тихо спросила Серафина.

Я посмотрел на бога, затем на первосвященника и покачал головой.

— Пока нет.

— Возможно, всё-таки есть, — возразил первосвященник. — На лестнице в храм вы найдёте послушника по имени Герлон. Он... он очень любопытный и пытливый, и нашёл кое-что, что лишило его покоя. Он заблуждается в своём предположении, но, возможно, будет лучше, если вы поговорите с ним. Идите к нему, поскольку это он спрашивал о вас в цитадели.

— Я хочу знать, что здесь происходит, — вмешался священник, который встретил нас вначале и хотел помешать войти в святое святых.

— Это брат Мирча, — представил первосвященник мужчину. — Он будет моим преемником. Скоро. — Он бросил на Мирчу предупреждающий взгляд. — Но пока он не носит мою мантию, ему придётся подчиняться. Пока ещё я это истолковываю слова нашего бога. — Теперь он обратился прямо к Мирче. — До тех пор ничего не требуй, а учись, пока тебе самому не будет разрешено требовать и обучать.

Мы с Серафиной переглянулись и поспешно поклонились, в то время как Мирча сжал кулаки. Во взгляде, брошенном на меня, был упрёк за его унижение.

На этот раз, когда мы повернулись, собираясь уйти, нас никто не остановил. Я бросил

последний взгляд на моего неподвижно стоявшего бога. Я ощутил на себе его бремя.

— Клянусь, я никогда больше не буду жаловаться на слишком много свободного времени, — промолвил я, когда мы перешагивали через порог храма. — Я огляделся, в поисках названного священника. Брат Герлон стоял недалеко со своей метлой и делал вид, что не замечает нас, пока неизменно подметал одно и то же место. Я хотел подойти к нему, но Серафина схватила меня за рукав и потянула в сторону.

— Хавальд, — тихо и настойчиво сказала она. — Я тебя не понимаю. Как ты можешь быть таким спокойным? Мы только что узнали, что все умрём!

— Возможно, — улыбнулся я. — Но есть надежда, ты сама это слышала.

— Хавальд! — возмущённо крикнула она, ещё немного и она топнула бы ногой. — Я совершенно серьёзна! Объясни мне, как ты можешь оставаться таким спокойным!

— Не могу. Но когда прошёл первый испуг, я понял, что мы не узнали ничего нового. Нам уже было известно, что Коларон Малорбиан хочет стать богом и желает заполучить плащ Омагора. Мы знали, что должны сразиться с ним и что шансы выжить у нас невелики. Вспомни, что мы знаем о нашем враге, насколько он силён, каким обладает могуществом и какими способностями. Мне в самом деле нужно тебе объяснять, что у нас мало надежды на победу? На самом деле, слова бога придали мне надежду. Император-некромант падёт. Дочь дракона убьёт его. — Я пожал плечами. — Я закончу на острие Искоренителя Душ. Судьба, которая меня не удивляет. Но враг будет сражён.

— Но все, кто рядом с тобой, падут, — тихо произнесла она. — А потом ты.

— Я встречу с богом один на один. Это слова Сольтара. Он не говорил о том, что все умрут. Я не знаю где и когда сбудутся его слова. Но если я выступлю против этого фальшивого бога один, никто другой не умрёт. Потом Лиандра убьёт его, и в мире начнётся новый порядок. Интерпретировать слова Сольтара можно и таким образом.

— Ты ищешь в его словах надежду, — сквозь слёзы сказала она.

— А что ещё мне остаётся? — спросил я. — Для этого надежда и существует.

— Значит ты думаешь, что Лиандра дочь дракона?

— А кто ещё? О её отце почти ничего не известно, но обрати внимание на её устрашающий магический талант и таинственные вещи, окружающие её. Дракон... Это знак Асканонна. Возможно, он её отец, мы этого не знаем. Может быть это и кто-то другой, но она кажется мне самой подходящей кандидатурой, и она владеет Каменным Сердцем. Если и существует меч, который кажется подходящим для убийства бога, то это именно он.

— Но ты умрёшь.

— Да. — Я пожал плечами. — Не могу сказать, что мне нравится эта мысль, но ты же знаешь, как долго я уже живу. Продолжать жить дальше кажется мне проклятием, поскольку видеть, как уходят те, кого любишь — наказание. Когда они стареют и дряхлеют, в то время как я сам остаюсь молодым от украденных лет жизни! Нет, Серафина, я понимаю слова моего бога как освобождение, потому что теперь больше ничем не отличаюсь от других. В какой-то момент настанет конец, и я, как и все остальные, не знаю, где и когда это случится. Но у меня есть одно преимущество. Я знаю, что моя смерть будет иметь смысл. — Я притянул её к себе и обнял; это показалось мне естественным и правильным. — Некоторые, споткнувшись на лестнице, ломают себе шею. Какой смысл в такой смерти? Бог говорит мне, что моя смерть вернёт земному диску надежду. Чего можно желать больше?

— Быть счастливым. Жить. Любить, — ответила она сдавленным голосом. — Я никогда не хотела ничего большего. Думаю, это скромные желания. Я отраду не стремилась быть

героиней, нести на своих плечах тяжесть мира. Что плохого, если желаешь простого счастья в любви и обычной жизни, пока не придёт смерть? Мирно умереть в постели в кругу тех, кого любишь, с окружающими тебя детьми и внуками. Что в этом плохого? — Она отстранилась. — Скажи, что в этом плохого?

— Ничего, — тихо ответил я. — Но не каждому выпадает такое благословение.

— Джербил обещал мне, — глухо сказала она. — Он всегда держал свое слово. Всегда, слышишь?

— Что ж, — промолвил я, глядя ей в глаза. — Кто бы мог подумать, что ты будешь стоять здесь, что ты Серафина и Хелис? Каким-то образом он спас тебя из той холодной могилы. Должно быть, он отчаянно торговался с Сольтаром, но вот ты стоишь здесь и жива! Бог обещал нам, что души родятся вновь, но ты больше, чем просто родившаяся душа, ты вернулась по-настоящему. Это невозможно, но всё же случилось на самом деле. Так что... — Я улыбнулся. — Кто знает, может Джербил сумел устроить всё так, чтобы вся организация земного диска и даже воля богов были вынуждены подчиниться ему. Лиандра объяснила мне, что основа всей магии и могущества заключается лишь в одном: в чистой воле. И, возможно, его воля была достаточно сильной.

— Ты Джербил, — тихо сказала она. — Ты скажи мне, так ли это.

— Я не он, — возразил я. — Но возможно, он часть меня. Однако он не вернулся, прими это, Серафина. Возможно, это была цена, которую он должен был заплатить.

Она улыбнулась и вытерла слёзы с лица.

— Но ты же понимаешь, Хавальд, что я не хочу в это верить? Ты понимаешь, что я не хочу быть благоразумной и принять это?

— О да, — с энтузиазмом промолвил я. — Я слишком хорошо это понимаю.

— Простите, — вежливо сказал позади нас молодой священник с метлой. — Не хочу вас беспокоить, мне вернуться позже?

Брат Герлон. Мы совершенно забыли о нём. Когда мы собирались повернуться к нему, из тени стены к нам внезапно шагнула другая фигура.

— Да, — ответила вместо нас женщина по имени Сара. — Исчезни. Я хочу поговорить с ними наедине.

Искоренитель Душ автоматически выпрыгнул из ножен.

14. Старые друзья

Сара сверкнула на меня взглядом.

— Если вы ещё раз направите этот клинок мне в нос, я отберу его у вас и спрячу там, где его никогда не найдёт даже свет Сольтара! — Она протянула тонкий палец и отодвинула Искоренителя Душ в сторону.

— Другие уже тоже пытались, — мягко заметил я, убирая меч в ножны.

— С той разницей, что я на это способна, — ответила женщина, которая, вероятно, была Аселой, маэстрой, Совой и шпионкой Коларона. Той самой, которая чуть не отправила на тот свет Дезину, сыграла важную роль в нападении на Аскир и после императора-некроманта была нашим самым заклятым врагом. Я не мог придумать ни единой причины, почему не должен убить её на месте, кроме одной: любопытство.

— Меч должен смириться с тем, что не получит меня, — сказала она.

— Кто знает? — ответил я, но она лишь фыркнула.

— Вы предложили уйти, — теперь обратилась она священнику. — Так уходите!

— Что ж, сэра, — вежливо промолвил Герлон. — Моя просьба больше не может ждать. Кроме того, я принял во внимание их момент нежности, а не вас, прятавшейся в тени!

Мы с Серафиной переглянулись.

— Хотите выяснить это между собой? — вежливо спросил я. — Или кто-нибудь объяснит нам, о чём речь?

— О некроманте, — хором отозвались оба, и в следующий момент озадаченно посмотрели друг на друга.

— Хорошо, — промолвила Асела, сверкнув на священника взглядом. — Проклятый, которого хочу убить я, уничтожит королевский совет, если его не остановить. — Она скрестила руки на груди и требовательно посмотрела на Герлона. — Вряд есть что-то более важное!

— А тот, кого я имею в виду, сгубит веру в моего господина и введёт в заблуждение души умерших, — ответил молодой священник, подражая её позе. — Вы должны осознать, что он представляет большую опасность.

Я прочистил горло.

— Вы Асела, верно? — вежливо спросил я, когда привлёк внимание обоих.

— А что, если и так? — холодно спросила она. — Какое вам до этого дело?

— Я хочу знать, с кем говорю.

Сэра слегка склонила голову.

— Когда-то я была ею, но теперь больше нет. Коларон испортил и убил всё, что олицетворяло её. Я то, что осталось после разращения.

От этого объяснения не было никакой пользы. Я всё ещё блуждал в неведении.

— А вы не хотите назвать причину, почему я не должен прикончить вас на месте? — вежливо спросил я.

— Кроме той, что вы не сможете?

— Я склонен всё же попытаться. Другая причина была бы вполне уместна.

— Я смогла вырваться из-под ига Коларона и встала на вашу сторону. Я более решительный противник императора-некроманта, чем когда-нибудь станете вы.

— Почему я должен вам верить? — подозрительно спросил я.

Она кивнула.

— Хороший вопрос.

— Поэтому я и задаю его.

— После того, как мы поговорим, я войду в дом Сольтара. Есть риск, что он уничтожит меня, но если нет, тогда у вас больше не будет сомнений?

— Почему бы тогда не войти сразу, — предложил я. Серафина втянула в себя воздух и предостерегающе посмотрела на меня. Это не особо помогло, моё терпение уже слишком часто испытывалось сегодня. Больше всего мне хотелось бросить маэстру и священника на ступеньках храма и отправиться в свои апартаменты, чтобы обрести мир и покой для размышления.

Или всё же попытаться убить её. В отличие от неё, я не сомневался, что бледное лезвие Искоренителя Душ было достаточно острым, чтобы снести ей голову с плеч.

— Тогда, по крайней мере, окажите нам честь, показав своё истинное лицо, — потребовала Серафина.

— С чего это? — спросила маэстра.

— Потому что я хочу увидеть его, — стояла на своём Серафина.

— Раз вы настаиваете. — Не знаю, как она это сделала, казалось, будто она изменилась мгновенно, и всё же это был постепенный процесс.

Внезапно передо мной предстала женщина с алебастровой кожей принцессы, чёрными волосами вороньего крыла, лицом, которое могло привести к войне, и глазами, которые должны были быть полны эмоций, но всё же сверкали жёстко, как алмазы. Я повидал много красивых женщин, но в ней было что-то ещё, кроме красоты. Как будто, создавая её, боги собрались вместе, чтобы установить новый стандарт.

И всё же она оставила меня странно равнодушным, как если бы была статуей — неодушевлённое произведение искусства.

— Ты точно такая, какой я тебя помню, — хрипло промолвила Серафина. — И всё же: что, ради богов, с тобой случилось? Как так вышло, что ты стала наездницей душ, предала всё, что было для тебя святым, родным и дорогим? Что с тобой стало?

— Ничего не стало. И вас это не касается, — огрызнулась черноволосая красавица с ледяным холодом в голосе и превратилась обратно в неприметную сэру, в то время как Серафина, ища защиты, придвинулась ближе ко мне.

— Как раз-таки касается, если подруга оседлывает души, тебе так не кажется? — горько воскликнула Серафина. — Я просто не могу этого понять.

— Да, если бы Асела считала вас подругой, но никого из них уже давно нет в живых, — фыркнула сэра. — Это верно, что вы напоминаете мне кое-кого. Но не ждите, что я поверю, будто вы та, на кого похожи. В её смерти виноват Бальтазар.

— Это правда, — сказала Серафина. — Но я, дарованным Сальтаром чудом, возродилась и помню тебя, Фелтора и Бальтазара.

— Я уже давно перестала быть легковерной, — с горечью произнесла сэра. — Но хорошо, раз вы считаете себя Серафиной, тогда должны знать, что Бальтазар украл у неё на свадьбе.

— Значит вы отлично знаете, кто я.

— Я знаю, на кого вы похожи. Но вы не можете быть ей. Ответе на мой вопрос или перестаньте мучать меня глупыми фантазиями!

— Если ты имеешь в виду не поцелуй, тогда это была вишня, — ответила Серафина.

Сэра побледнела и отшатнулась, как будто её ударили.

— Это невозможно!

— Нет, возможно. — Серафина подошла к Аселе и положила руку ей на плечо. — Что с тобой случилось, Асела?

— Всё, — с горечью ответила бывшая Сова. — Всё, чего не сможет вынести человек, не сломавшись. Он постарался не упустить ничего, никакое унижение не было для него слишком ничтожным, никакое злодеяние — слишком грубым. Он забрал у неё всё, что можно забрать у человека, даже извратил чувство любви, превратив в отвратительное зеркало. Когда действующие на неё чары пали, она плакала и больше не хотела жить.

— Ты говоришь о себе, как если бы была кем-то другим, — озадаченно сказала Серафина.

— Потому что это так. — Слезы текли по щекам маэстры, но она как будто не замечала их.

— Что от тебя ещё осталось, Асела?

— От неё самой ничего. Но все её знания и каждое воспоминание, каким бы отвратительным оно ни было, — ответила маэстра. — Их сложно сдерживать.

— Можешь сказать, как так вышло, что ты стала наездницей душ? — спросила Серафина.

— С этим покончено. Асела заплатила за эту цену, как и все мы.

— Это правда. Она не некромант, — вмешался священник.

Асела выгнула бровь.

— В самом деле?

Герлон кивнул.

— В вас этого нет, и всё же с вами что-то не так.

Она невесело улыбнулась.

— Это вы верно подметили. Скажите, послушник, вы уже можете отличить правду от лжи?

— По большей части, — скромно ответил Герлон. — Брат Джон говорит, что у меня есть к этому талант.

— Говорю ли я правду, утверждая, что я враг Коларона?

— Да, но вы преследуете свои собственные интересы и просто хотите отомстить.

Асела кивнула.

— Вы многое видите для того, кто ещё так молод, — одобрительно сказала она, снова поворачиваясь к нам.

— Всё так, как он говорит. Я хочу отомстить. У меня для этого достаточно причин и не только ради себя, но и ради двух других. Вы слышали священника. Мы можем использовать друг друга для достижения наших целей, даже если они не полностью совпадают.

— Вы ещё обладаете своей магической силой? — спросил я, как будто она ещё этого не доказала.

— В такой степени, которая напугала бы вас. Почему спрашиваете?

— Тогда почему сами не уничтожите того некроманта? С вашей силой это будет проще простого.

— Думаете? Скажите, вы ещё помните Ордуна? Говорят, вы его убили.

Я никогда не смогу забыть его. Он был первым некромантом, которого я встретил, и его сила была огромной. И, в отличие от всех наездников душ, с которым я столкнулся после

него, он был стар. Только благодаря Армину и духовой трубки Зокоры я стоял сегодня здесь. Все наездники душ были пугающими, но Ордун затронул что-то глубоко внутри меня, что уже только вспоминая о нём, мне хотелось съёжиться и заскулить.

— Да, — сухо ответил я. — Я помню его.

— Ордун был учеником человека, которого нам теперь надлежит убить. Это должно помочь вам понять, насколько велика задача. — Она вздёрнула подбородок. — Но да, я, без сомнения, могу сама убить его, но тогда покажу свою руку в этой игре, а время для этого ещё не пришло.

— Значит мы должны выполнять вашу работу?

— Нет. Вы должны выполнять свою работу, я просто покажу вам, где её найти. Это ведь вы носите Искоренителя Душ, или вы видите, чтобы изгоняющий меч, который позволил бы мне убить за вас некроманта, висел у меня на талии? Если вам не нужна моя помощь, так и скажите, и я больше не буду вас беспокоить. У меня и так дел по горло!

— Нам нужна твоя помощь, — тихо сказала Серафина. — Ты обязана его понять, Асела. Я чувствую в тебе что-то, что связано со старыми узами, но всё же кажется неправильным и шиворот на выворот. Хавальд не слеп, он тоже это чувствует. У него достаточно причин для подозрений.

— Ты права, — согласилась Асела. — Неправильно и шиворот на выворот. В том то и дело, Финна. Всё неправильно и шиворот на выворот, и никогда не должно было случиться. — Она расправила плечи. — Но сейчас не время и не место говорить о прошлом. Вы нашли портал?

— Да.

— Хорошо. Он вам понадобится. — Она посмотрела на священника. — Я сомневаюсь, что вы хоть что-то поняли из того, что было здесь сказано, но будьте уверены, если вы проговоритесь, я найду вас!

— Нет нужды угрожать мне, сэра, — холодно ответил Герлон, вздёрнув подбородок. — Я достаточно умён, чтобы понимать, что такое конфиденциальность. Даже если меня раздрает любопытство, — он бросил взгляд на Серафину.

— Где мы найдём этого наездника душ, Асела? — спросила Серафина.

— В свите фарландцев. Он прибудет сюда на королевский совет вместе с королём. Одно нападение на Аскир было отражено, он готовит следующее. — Она засмеялась. — Коларон никогда не планирует только один ход, он забрасывает свои сети двукратно или троекратно. Неудачное нападение стоило ему двух последних Сов, которыми он обладал — высокая цена. Но Правитель Миров, как он любит себя называть, знает, что он не непогрешим. Поэтому включает в планы промахи.

— Кто это? — переспросил я.

— В этом-то вся и проблема. Я не знаю ни имени, ни его лица. Всё, что я знаю, что он прибудет в город со свитой фарлендцев, а это случится очень скоро. Его нужно найти и уничтожить.

— А вы, священник? — спросил я. — Кто тот нечестивец, которого вы хотите убить?

— Это язва, след которой затерян во времени, — объяснил брат Герлон. — Наездник душ настолько могущественный, что даже Асканнон не смог его убить, а только связать. Я лишь недавно нашёл ссылку о нём, но уверен, что его проклятье уже давно лежит на этом храме.

— Где мы сможем его найти?

— В скрытом, потайном, защищённом магическими и другими ловушками склепе под храмом, который охраняют священники, отдавшие свою жизнь. Также он скован золотыми цепями с мощнейшей магией. Он должен был умереть, но я уверен, что он ещё жив, и с ним нужно покончить.

— Что вы имеете в виду под ссылкой? — спросила Серафина.

— О нём упомянуто в архивах храма, но брат Джон считает, что я ошибаюсь. Я, однако, уверен. — Он указал рукой на Искоренителя Душ, свисающего с моей талии. — Только такой меч, как ваш, может полностью уничтожить его. Должно быть, столетия ослабили его, и сейчас подходящий момент, прежде чем он сможет вырваться из своих оков.

— Вы надеетесь, что он ослаб, а ещё он связан? Тогда в чём опасность? — спросил я.

— Я знаю, что его оковы скоро сломаются. Потому что храм забыл провести обряды, которые должны и дальше связывать его. Прошло слишком много времени, чтобы ещё помнить о нём.

— И сколько же прошло времени? — теперь с интересом спросила Асела.

— Храм был построен на этом месте, чтобы связать его. Так что уже больше тысячи лет. С момента основания этого города.

— И вы говорите, что это не терпит отлагательства? — слегка развеселившись, спросила маэстра. — По прошествии стольких лет теперь всё зависит от одного дня?

— Именно так, — серьёзно произнёс священник. — Потому что только вчера я обнаружил, что снова сломалась одна из печатей, удерживающих его. Теперь его связывает ещё только одна печать, и когда она сломается, я опасаясь худшего.

— Я правильно вас понял? — спросил я. — Под этим храмом якобы тысячу лет лежит наездник душ и он до сих пор жив? Из чего вы сделали такое заключение? Может ритуалы перестали проводить, потому что в них больше не было необходимости, а проклятый уже давно пребывает у своего тёмного бога?

Молодой священник посмотрел мне прямо в глаза.

— Потому что он уже влияет на священство. Трудно увидеть перемены, но он уже почти на всех в храме наложил свои чары.

— На глаза у бога? — спросил я. — И я должен в это поверить?

Казалось, он немного съёжился.

— Брат Джон не верит, в этом нет сомнений. С чего тогда должны поверить вы... Я не знаю. Но вы уже убивали наездников душ, вы знаете их лучше, чем кто-либо другой.

— И вы думаете, вы невосприимчивы к силе этого наездника душ и что только от вас зависит будет решена судьба этого нечестивого или нет? — Асела засмеялась. — Вы послушник, разве вы не должны доверять тем, кто вас обучает?

— Мне сильно этого хочется, — почти в отчаяние ответил молодой Герлон. — Но поверьте, я читал об этом в древних писаниях и не ошибаюсь! Проклятый лежит там внизу, связанный освящёнными цепями, и наша задача — охранять его. Но его больше никто не охраняет! Я не выдумываю, это золотыми буквами написано в самых священных книгах нашего ордена, в тех, что излагают обязанности священства. Пожалуйста, поверьте мне!

— Что говорит об этом первосвященник, Герлон? — спокойно спросила Серафина.

— Он говорит, что я ошибаюсь и смогу узнать больше, только когда достигну более высокого поста. Но последняя печать ломается уже сейчас! Так как же мне ждать? Кроме того, меня мучают сны, которые сообщают о том, как это зло растёт и процветает. Сны приводят меня в отчаяние, разве не понимаете? Я должен что-то сделать, но мне не

позволяют! Вы знаете достаточно о проклятых и можете мне помочь... если первосвященник позволит.

— Он послал нас к вам, — заметил я. — Значит ему не всё равно. Посмотрим, чем мы сможем помочь. Но должен признаться, что я больше склонен верить первосвященнику, чем думать, что проклятый сможет так долго продержаться перед лицом бога.

— Сэр Родерик вряд ли может знать столько о наездниках душ, сколько знаю я, — задумчиво произнесла маэстра. — Тем не менее это может быть правдой. Без изгоняющего меча очень сложно уничтожить наездника душ. Я знаю, что Асканнон создал изгоняющие мечи именно для этой цели. Но уже после того, как этот храм давно стоял. — Она перевела взгляд с меня на Серафину, потом на священника. — Есть самые странные таланты, которые может украсть наездник душ. Такие, которые защищают от обнаружения, от огня или от определённого оружия. Возможно, что этот нечестивый, о котором говорит священник, обладает защитой, которая оберегает его даже от Сальтара. Такое возможно, но маловероятно. Никто не может сопротивляться силе бога вечно. Без изгоняющего меча храм бога — лучший способ уничтожить некроманта. Очень может быть, что Асканнон связал одного из них здесь, в храме, но я не могу поверить, что этот нечестивый всё ещё жив.

— В записях чётко не написано, но есть основания полагать, что в катакомбы можно попасть из архива, — настойчиво сказал Герлон. — Три года назад брат Мирча спустился в архив и вернулся изменившимся. До этого он был добрым человеком, который находил просветление и мир в своей преданности богу. — Он посмотрел на меня и Серафину. — Он показался вам добрым и преданным? Даже брат Джон должен признать, что Мирча отличается от прежнего, но он приводит для этого другие доводы. А скоро брат Мирча будет истолковывать для нас божье слово и руководить судьбой этого храма, а значит и другими храмами Сальтара! А что, если брат Мирча находится под чарами проклятого? Хотите рискнуть или всё же было бы лучше убедиться? — Он указал на Искоренителя Душ. — При помощи этого меча вы сможете покончить с этим нечестивым. А если мы всё же найдём проклятого мёртвым, что тогда потеряем? Ничего, кроме времени!

— И это обязательно делать прямо сейчас? — спросил я со вздохом. — Ещё сегодня? — Я не знал точно, сколько сейчас время, должно быть, около полуночи и...

Священник открыл рот, чтобы что-то сказать, но я ничего не расслышал, потому что над нами ударил храмовый колокол, заставив своим глубоким звоном вибрировать могучий храм и пол под нашими ногами. В двух других храмах в ответ тоже зазвонили колокола. Храмовые колокола пробили восемь раз, сейчас и в самом деле была полночь. Час Сальтара. Когда я вынул пальцы из ушей, я услышал доносящиеся изнутри храма пение верующих, собравшихся на полуночную мессу.

— Не думаю, что брат Джон лёг спать, — признал я своё поражение. — Так что придётся побеспокоить его. — Я взглянул на Аселу. — Не хотите пойти с нами?

— Вы даже не доверяете священнику своего бога, верно? — спросила она с кривой улыбкой.

— Что ж, подумайте, кто вы.

— Хорошо, — сказала она, поднимая голову. — Я скептически отношусь к тому, чтобы сдать на чью-то милость, пусть даже бога. Если они определяют человеческие судьбы, тогда это боги позволили родиться Коларону. Но если Сальтар оставит меня в живых, я положу к его ногам свою исповедь. Воистину, я в ней крайне нуждаюсь. — Она поморщилась и безрадостно засмеялась. — Тогда он, по крайней мере, будет знать, в чём его

упущение.

Асела пошла впереди с высоко поднятой головой, её шаг был твёрдым и военным, как если бы она шагала на свою казнь. Мы молча последовали за ней. Переступая порог во внутренний зал и касаясь священного пола, она едва заметно помедлила и пошла дальше. Поднялся ветер, развевая её длинные волосы и раздувая одежду. У ног бога верующие стояли полукругом на коленях, воспевая гимны и молясь. Пение прекратилось, когда среди них появилась Асела. Ветер усилился, колыхая её одежду, в то время как на верующих вокруг, ошеломлённо и испуганно смотревших на неё, не шелохнулся даже волосок.

Я невольно затаил дыхание.

Теперь Асела стояла перед лестницей, ведущей к статуи, гордо вздёрнув подбородок. Видимо, она не знала, что такое смирение.

— Я здесь, — крикнула она. — Осуди меня или прости!

Внезапно её словно пронзила молния, она рывком была поднята в воздух и отброшена назад, её спина выгнулась, как будто вот-вот сломается. Ветер превратился в шторм, который поднял её ещё выше, в то время как она запрокинула голову назад, широко раскрыв рот в беззвучном крике... Затем из её рта вырвался чёрный поток из тьмы и ненависти, гнева и отчаяния, страха и ужаса к ночным звёздам над открытым куполом. Я мог ощущать его и чувствовать на вкус. И не только я, все присутствующие, Серафина, молодой священник и даже верующие застонали, когда нас охватило отчаяние. А когда буря стихла, и Асела упала к ногам бога, мы все заплакали.

— Боги, — выдохнула Серафина, которая лежала на полу рядом со мной. Она нащупала мою руку, в то время как я пытался с трудом встать. — О, боги, — повторила она, вытирая слёзы с глаз. — Как человек может вынести такое отчаяние?

— А он и не может, — всхлипнул рядом с нами молодой Герлон.

Он с трудом возвращал своё самообладание. Я тоже никак не мог прийти в себя и использовал рукав одежды, чтобы высморкаться.

— Это никому неподвластно...

Мы пробирались к Аселе, окружённой кольцом плачущих верующих. Первосвященник тоже поспешил к ней. Он встал на колени рядом с красивой и бледной женщиной, которая, приняв истинный облик, лежала перед ступенями нашего бога.

— Она ещё жива? — с трудом выдавил я.

Брат Джон приложил руку к её шее, затем посмотрел на меня, его глаза тоже были влажными.

— Да. Но, во имя Сольтара, кто эта измученная душа?

— Именно она, измученная душа, — ответила рядом со мной Серафина, сморкаясь во взятый откуда-то платок. — Со всем тем, чего не может вынести человек, не сломавшись. — Она посмотрела на свою старую подругу, затем опустилась рядом с ней на колени и нежно погладила по волосам. — Как будто слова могут описать то, что мы только что пережили.

— Кажется, сегодня день сюрпризов, — заметил первосвященник дрожащим голосом, с трудом вставая. Я протянул ему руку, но он покачал головой и подал знак двум поспешившим к нам священникам. — Мы отнесём её в одну из наших молитвенных келий, чтобы позаботиться о ней.

Мы наблюдали, как оба священника осторожно подняли Аселу и отнесли в задние комнаты. Трудно было сказать, сколько ей лет, но в этот момент она выглядела моложе, чем это было возможно.

Взмахом руки брат Джон велел нам следовать за ним, в то время как один из священников вышел вперёд, чтобы успокоить верующих, и заговорил о чуде, свидетелями которого они стали.

Учитывая, какими растерянными были некоторые из них, я сомневался, что они посчитают чудом то, что во время обычной полуночной молитвы, они чуть не были задушены тёмным отчаянием. Я достаточно часто жаловался на судьбу, которую бог возложил на меня, но теперь моё собственное бремя казалось мне почти нелепым.

Добравшись до своего кабинета, священник поочерёдно посмотрел на нас.

— У вас есть ещё что-нибудь в запасе, что могло бы меня потрясти? — устало спросил он. — Или на сегодня достаточно?

— У меня есть просьба, брат Джон, — отозвался молодой Герлон.

— Опять двадцать пять!

— Я говорил вам об этом много раз. В писаниях упоминается нечестивый, чьи священные оковы вот-вот сломаются, а его проклятье уже воздействует на храм. А из-за вашего нежелания разобраться с этим, проклятье, возможно, уже дало результат.

— Боюсь, ты одержим этой мыслью.

— Печати ломаются. Вы знаете, что осталась только одна.

— Да. Они ломаются, потому что в них больше нет необходимости, — вздохнул старик.

— Ты не можешь просто довериться мне, Герлон? Думаешь, в этом доме есть какая-то тайна, о которой я ничего не знаю?

— Почему тогда вы не избавите меня от моих страхов, брат Джон? — горячо спросил молодой священник. — Вы же должны знать, как меня мучает неспособность найти ответы!

— Ты ученик второго уровня, Герлон, а спрашиваешь и исследуешь вещи, которые ещё должны быть от тебя сокрыты. Ты должен научиться доверять — священству, мне и нашему богу. Он свет, побеждающий тьму. Ты действительно думаешь, что он направит нас по ложному пути?

— Но я читал те строки!

— В книге, которую тебе не следовало читать. В книге, которая заперта, чтобы такие, как ты, не ломали себе голову.

— Брат Джон, — осторожно перебил я. — Значит вы знаете, о чём говорит Герлон. Вы говорите, что нет причин не доверять Сольтару, и даже если эти печати сломаются, опасности нет. Зачем тогда вы послали меня к брату Герлону?

— Потому что вы можете дать ему покой, который он ищет. Но иначе, чем он предполагает.

— Я приму любой покой, который сможет развеять мои кошмары! — запротестовал молодой человек и вздохнул. — Хотя теперь у меня появятся новые, после того, что только что произошло перед нашим богом...

И, вполне вероятно, он окажется прав.

— Какое отношение всё это имеет к сэру Родерику? — задала вопрос Серафина, которой и у меня вертелся на языке.

— Почти никакого с ним самим, больше с мечом, свисающим с его талии, — вздохнул Джон. — Он сможет подтвердить брату Герлону, что проклятый уничтожен. — Он встал со своего стула. — Давайте покончим с этим. — Он посмотрел на Герлона. — Если надеешься, что таким образом твои сомнения рассеются, то тебя ждёт разочарование. Ты будешь сомневаться, пока жив, но твоя вера должна быть сильнее этих сомнений. Только так ты

сможешь служить нашему богу. Но, возможно, это поможет тебе обрести покой.

Он подошёл к шкафу, тому самому, из которого ранее достал вино и кубки, открыл ящик и вынул большой ключ из золота, серебра и обсидиана, достаточно большой, чтобы можно было убить им быка.

На головке был символ, который показался мне знакомым.

— Первое твоё заблуждение, Герлон, состоит в том, что ты думаешь, будто нечестивый был скован здесь. Но под этим храмом нет склепа, скрытого или явного. Никаких секретных комнат, вообще ничего. То, что ты интерпретировал как печать — всего лишь знаки. Иди найди Мирчу, Герлон, он скоро станет моим преемником. На самом деле, ты не в праве знать то, что я собираюсь показать, но Мирча должен увидеть это по должности.

— Нертон, — внезапно промолвила Серафина. — На ключе знак отца богов, верно?

— Да, — подтвердил первосвященник, в то время как Герлон склонил голову и поспешил прочь. — Вы были внимательны на уроках в храмовой школе.

— Четвёртый храм, тот, что заперт, — предположил я, и первосвященник кивнул.

— Тот самый, — тихо ответил он. — Может быть, вам тоже стоит взглянуть на это.

Раздался стук, брат Джон крикнул: «Войдите!». Дверь открылась, и появился ещё один священник, который выглядел довольно отчаявшимся.

— Её не остановить! — пожаловался он. — Для неё это было сильным потрясением, и теперь требуется сон и покой, но она не хочет слушать!

Нам не нужно было спрашивать, кого он имеет в виду, потому что в тот же момент вошла Асела, без усилий оттолкнув священника в сторону.

— Поспать я смогу, когда попаду в чертоги Сольгара, — сказала она, улыбаясь. Следы её испытания были явными: красные от слёз глаза, в каждой складке лица написана усталость. Если недавно она казалась молодой, то сейчас выглядела значительно старше. — Так скоро я уже не буду сомневаться в милости богов, — заметила она. — Он снял с меня груз отчаяния, страха, ненависти и самых ужасных воспоминаний. И даже больше: он простил мне мои прегрешения. — Она перевела свой пылающий взгляд на Серафину. — Мне уже давно не было так хорошо. И если вы действительно необходимо уничтожить проклятого, настолько старого и могущественного, вам понадобится моя помощь.

— Кто вы, дитя моё? — спросил брат Джон, быстро подав знак священнику, после чего тот закрыл за Аселей дверь.

— Слуга Старой империи, вернувшаяся после долго путешествия. Это всё, что я вам скажу. И я ценю милость, которую только что оказал мне бог. Но сейчас мне слишком многое нужно сделать, и нет времени для отдыха.

— Что ж, ваша помощь не понадобится, поскольку проклятого уже давно нет. Но если хотите, может пойти с нами. Это уже сейчас больше похоже на экскурсию храмовой школы, чем на что-либо ещё. — Он поднял взгляд, когда дверь открылась. — Хорошо, Мирча, ты здесь. Тогда в путь.

— Экскурсия? — сердито спросил брат Мирча. — Тогда я предпочту поддержать растерянных людей в зале.

Первосвященник вздохнул.

— Это необходимо, Мирча. — Он взглянул на Герлона, который с сомнением смотрел на Мирчу. — Кажется, я подвёл вас обоих. Может быть, это возможность всё исправить. А теперь, прошу, следуйте за мной.

Впервые я почувствовал, почему этот человек был первосвященником моего бога,

потому что в этой последней просьбе заключалась вся его жизнь, полная веры и знаний. Уверенность, не терпящая противоречий, что он поступает верно.

15. Сова Эринстор

Процессия, шагающая ночью по храмовой площади навстречу тёмному храму, выглядела странной. Чем ближе мы подходили, тем больше его конструкция напоминала мне другой храм, находящийся глубоко под Громовыми горами. Таким же образом были сложены камни в Волчьем храме. Храм отца богов был настолько стар, что на колоннах и арочных камнях были видны следы эрозии.

Тяжёлые двери были покрыты налётом от столетий, а то и тысячелетий. За исключением главного входа, все остальные двери и окна были замурованы тяжёлыми камнями. Ветер надул пыль и землю в каждую щель, и там росла живучая трава, а тут и там даже появились маленькие цветочки — надежда на наступающее лето. На этом здании лежало спокойствие и бремя старости, впечатлившие меня.

— Вы знаете, сколько лет храму? — спросил я у первосвященника, когда он рукой очищал замочную скважину в большой двери.

— Он страши, чём всё остальное, — ответил брат Джон, обеими руками вставляя в скважину большой ключ. — Тексты в архивах восходят ко временам эльфов, и даже дальше. Когда увидите бога, поймёте сами.

Он попытался повернуть ключ обеими руками, но тот лишь слегка сдвинулся с места, потом раздался громкий скрежет, и ключ застрял.

— Ах, я совсем забыл, — промолвил Джон, качая головой. — Я действительно старею. Прошло пятьдесят лет с тех пор, как эту дверь открывали в последний раз, и уже тогда ушло несколько дней на то, чтобы освободить её. Я распорядюсь, чтобы это сделали завтра. — Он обратился к Мирче и Герлону. — Я обещаю показать вам то, что вы должны увидеть, но это будет не сегодня.

— Вы позволите помочь? — вежливо спросила Асела.

— Как?

— Я могу открыть дверь, но не хочу делать это без разрешения. Это ведь дом бога. — Она сдержано улыбнулась. — Можно сказать, что я вновь обрела уважение к богам.

— Если думаете, что сможете, тогда вперёд, — ответил первосвященник.

— Все отойдите. — Мы последовали её просьбе, и остановились в десяти шагах.

— Достаточно далеко? — спросил Мирча. — Или нам взять лошадей?

— Этого будет достаточно, — ответила Асела и сурово посмотрела на сварливого священника.

Священник открыл было рот, чтобы сказать что-то ещё, но Асела резко подняла руки. Нечто подобное произошло, когда Дезина освобождала от грязи портрет своей матери, но тут случилось немного больше. На мгновение воздух замерцал, как над раскалённым песком пустыни, затем над нами прогремел гром, сорвав с храмовых ворот грязь, песок, пыль, траву и цветы и бросив всё это чуть ли не к нашим ногам. Слетела даже часть зелёного налёта, как будто по священным воротам ударил могучий молот. Пока мы моргали и у нас звенело в ушах, тяжёлый ключ повернулся, словно его направляла невидимая рука, и храмовые ворота распахнулись, с последним глухим стуком ударившись о колонну, ограничившую ход двери.

За этими воротами ничего не было видно, кроме теней и глубочайшей темноты.

— Если вы намеревались скрываться, то делаете это необычным способом, маэстра, — заметил я, поправляя одежду, которую с меня чуть не сорвал порыв ветра.

— Здесь вы правы, — ответила она. — Но я не смогла устоять. — Она взглянула на брата Мирчу, который стоял перед воротами с открытым ртом. Было поздно, уже за полночь, и на большой площади всего несколько прохожих, но те, что находились поблизости, самое позднее после грома Аселы поняли, что здесь что-то происходит, и подошли.

Также подоспело отделение Быков.

— Кто из вас вызвал гром? — вежливо спросил сержант, посмотрев на звёздное небо. — Люди пугаются, когда гром гремит без грозы.

— Я приказал открыть ворота храма, — объяснил первосвященник, расправляя плечи. — Но не для того, чтобы остановиться здесь и поболтать, сержант. Но раз вы уже здесь, можете быть полезными. Успокойте людей и позаботьтесь о том, чтобы никто, кроме нас, не входил в храм.

— Да, сэр! — сказал сержант, низко кланяясь перед священником.

Мы последовали за братом Джоном внутрь. На пороге нам навстречу повеял затхлый, прохладный воздух, смешанный с запахом старого ладана. Я прикоснулся к рукоятке Искоренителя Душ, и у меня появилось представление о зале перед нами, но в тот же момент первосвященник сделал жест рукой, и вокруг возник рассеянный свет, мягкий и без теней, но достаточно яркий, чтобы можно было видеть.

Внутри этого храма всё было выдержано скромнее, чем в храме Сольтара. Большой зал с центральным закрытым куполом, окружённый могучими стенами. В решётке, высеченной из камня, над нашими головами покоились огромные глыбы кварца, сверкающие на свету.

Как и в храмах его детей-богов, статуя всеотца стояла на островке со рвом, который когда-то был наполнен святой водой. Здесь тоже была лестница, у которой не хватало последней ступеньки, а перед лестницей находился большой алтарный камень из розового кварца. В дальней стене была видна тяжёлая дверь с золотой отделкой.

Но статуя бога заставила меня внезапно забыть об окружении.

Существовали религии, которым нравилось изображать своих богов выше, чем они были на самом деле, но это было не в нашем стиле. Астарта, Сольтар и Борон были вырезаны из камня не выше натуральной величины, но это были боги людей. А вот всеотец очевидно нет.

И я сомневался в том, что это вообще была работа каменщика...

По форме бог напоминал нас, людей — или мы его. Он стоял перед нами на двух ногах, благородное лицо смотрело поверх наших голов через высокий прём ворот на площадь. В высоту он имел добрых восемь шагов, стоял в расслабленной позе, опираясь одной рукой на тяжёлый посох из тёмного дерева и, казалось, слегка улыбался, в то время как его золотистые глаза были наполнены внутренним светом. Но эти глаза были странными и имели вертикальные зрачки.

Черты лица своей чёткостью напоминали лица эльфов: высокие скулы, узкий рот, за которым угадывались острые зубы. Основание шеи, а также лёгкий наклон головы, были очень похожи на то, что часто демонстрировала Зокора, когда вопросительно смотрела на кого-то...

Здесь пред нами стоял родоначальник эльфов, но он не был эльфом.

Бог был обнажён, его половой орган не менее явный, чем остальные части тела. И в то время, как у нас, людей, была гладкая кожа, бог был покрыт чешуёй с тёмно-синими, бирюзовыми и золотистыми крапинками, которые мерцали на свету так, словно двигались.

Не похоже, чтобы это была статуя, скорее сам бог. В восприятии Искоренителя Душ он был наполнен слабым свечением, которое хоть и исходило от статуи, но наполняло светом

всё вокруг неё.

На руках и ногах было по шесть пальцев, ногти напоминали когти рептилии, только как у кошек, они втягивались и поблёскивали, словно тёмная сталь. То, каким он казался странным и в то же время знакомым, пугало меня и внушало благоверный трепет.

— Боги, — выдохнул я. — Кто... что он такое?

— Бог первых существ, которые появились в этом мире, — прошептал первосвященник. Его голос в этих старых стенах разнёсся далеко, все хорошо его слышали. — Старше, чем титаны, жившие первыми. Многие в древних писаниях указывает на то, что он принадлежит к расе драконов.

— Драконов? — тихо переспросила Серафина. — Я думала...

— Видимо, существовали разные виды, — объяснил первосвященник. — Такие, что обладали интеллектом и другие, больше похожие на животных, но все они владели магией, а некоторым приписывали способность менять свою форму. Возможно, здесь он предстал перед нами в своём человеческом облики.

Я подошёл к статуе, и чем ближе подходил, тем яснее Искоренитель Душ демонстрировал мне величие этого существа.

— О, — прошептал я, потому что, когда посмотрел вверх, бог моргнул веком, появившимся с боку, а во второй раз веком, как у человека.

— Он... он... — Голос отказал мне.

— Да, — сказал первосвященник. — Но давайте не будем нарушать его покой. Время для его пробуждения ещё не пришло... Следуйте за мной.

С панцирем, нечеловеческим ростом, когтями, способными разорвать на куски, существо должно было наполнить меня страхом, но я почувствовал скорее ауру благожелательного терпения. Он ждал...

Я осмелился посмотреть на него в последний раз, затем быстро отвёл взгляд и последовал за первосвященником, который провёл нас к двери за алтарём. Я почти ожидал, что бог повернётся, чтобы проследить за нами взглядом, но он этого не сделал. Он спал с открытыми глазами и видел каждого из нас.

Что, если имелась в виду буквальная дочь дракона? Тогда это не могла быть Лиандра... Однако Астарта была его дочерью.

На тёмной родине Зокры Соланте была богиней воительниц, но у нас, людей, она олицетворяла возвышенные идеалы. В то время как её братья наносили раны, Астарта заботилась о прощении и исцелении всех страданий. Она была самой миролюбивой из всех богов, и всё же тёмная Соланте была её аспектом. Это ей предстояло убить императора-некрманта? Но тогда Коларону не было бы надобности из-за этого пророчества поработать всех приближающихся к нему женщин.

Тот же тяжёлый ключ, который открыл нам ворота старого храма, подошёл и к тяжёлой двери за алтарным камнем.

Асела притихла после того, как увидела стоящего бога, и я вполне мог её понять. Это был бог собственной персоной, отец богов. Если бы кто осмелился, мог бы подняться по лестнице и прикоснуться к нему. Это была не какая-то фигура из света, обитающая где-то на небосводе, а присутствующее здесь существо, в которого не было надобности верить. Было достаточно увидеть его. А что насчёт его детей? Были ли они просто идеей, верой или существовали, как и он? Можно ли их было увидеть, прикоснуться к ним? Если он стоял там и действительно был богом, тогда из этого следовало, что Сольтар тоже существовал в такой

форме? Видели ли их перед собой священнические резчики по камню, которые в своём трансе постоянно придавали нашим богам одни и те же черты лица, когда работали резцами?

Даже незаметно жили среди нас, как говорилось в некоторых писаниях? Сидел ли Сольтар где-то в таверне и наблюдал за жизнью вокруг, видел страдания и тревогу, беды и радость жизни, которой повелевал? Правда ли пришёл однажды человек к племени людей с горящей ветвью в руках и словами, развеявшими страх перед ночью и темнотой?

Мы молча последовали за первосвященником в тёмный коридор, который вёл к какой-то жути. Потому что за затхлостью и старыми благовониями я заметил запах, который чувствовал слишком часто, чтобы ошибиться: старую смерть.

Возможно, в храме Сольтара не было секретных подвалов или катакомб, но здесь было всё иначе. Храм Нертон был похож на лисью нору с длинными коридорами и комнатами, комнатами и залами, высеченными в скале, на которой стоял город. В некоторых камерах стояли развалившиеся кровати и мебель. Здесь когда-то жили священники бога, но некоторые кровати были слишком большими для людей, другие слишком малы и странной формы.

На каменных стенах были вырезаны рельефы: изображения из времени, которое закончилось ещё до появления эльфов. На них были великаны и титаны, ящеры и другие существа, а в одном месте одиночная фигура, похожая на человека и в то же время на эльфа. Может, это был один из древних, о которых говорили эльфы, а может и нет.

Мы заходили всё глубже и глубже в катакомбы старого храма, следуя за светом, пока не добрались до глубокого длинного коридора, в конце которого обнаружили большую двустворчатую дверь. На ней был в деталях отчеканен человек из золота. Он стоял перед нами с опущенной головой, слегка согнутыми руками и раскрытыми ладонями. Его одежда была простой, стянута вокруг талии одним шнурком. Вокруг него были звёзды из золота и бриллиантов, вставленные в тёмный базальт.

— Сольтар, — прошептал первосвященник и осторожно положил руку на эту дверь, которая бесшумно распахнулась вовнутрь.

Перед нами была большая комната, круглая, с потолком, высотой добрых четыре шага, однако он казался низким, потому что диаметр комнаты составлял добрых тридцать шагов.

Здесь находился источник запаха смерти, и там, на большой глыбе самого тёмного базальта, который, казалось, впитывал свет, лежал в полуистлевшей рясе согнутый в агонии обгоревший скелет, с запрокинутой головой и распахнутым ртом, застывшим в последнем мучительном крике. Золотые оковы, переливающиеся таинственными рунами, удерживали скелет. Четыре копьё из стали, серебра и обсидиана через запястья и лодыжки были воткнуты в базальт, пятое копьё пронзало шею. И как будто этого было недостаточно, из груди мертвеца торчал меч с бледным лезвием, остриё которого было вогнано глубоко в базальт.

Вокруг этой глыбы ужаса на коленях стояло тринадцать фигур, одетых частично в доспехи и золотые мантии. Все они опирались на меч, топор, копьё или посох. Я узнал роскошные латы эльфийских воинов, тяжёлые доспехи Быков, тонкую кольчугу, с вплетённым в кольца грифоном, какую носила Лиандра, а рядом стоял невысокий человек с широкими плечами, в грубой чёрной кольчуге и своими иссохшими руками опирался на огромный боевой молот.

— Этот некромант был настолько могущественным, что для того, чтобы связать его,

потребовался вечный дозор священников всех рас и стран, — прошептал первосвященник.

Мы молча подошли ближе, осторожно пробираясь между охранниками, чьи пустые глазницы, казалось, всё ещё решительно смотрели на своего врага.

— Говорят, что он забрал столько жизней и душ, что не мог умереть. Он жертвовал жизнями, которые были у него, в такт биения своего испорченного сердца, и пока был пронзён этими копьями, продолжал восстанавливаться. Если кто-то входил в эту комнату без твёрдой веры, впадал в воющее безумие, заставляющее убивать или срывать со своих собственных костей плоть. — Дрожащей рукой, покрытой пигментными пятнами, он указал на безмолвных стражников. — Это была служба, которую никто не мог выдержать долго. Долгое время этих стражников меняли чуть ли не каждый день...

— Вы имеете в виду, что они умирали здесь каждый день? — в ужасе спросил я.

— Нет, — тихо ответил брат Джон. — После того, как некроманта связали, здесь сначала стояла живая охрана. Трудная служба, без сомнения, но не требующая этих жертв. Они умерли позже, когда окончательно уничтожили нечестивого. Они отдали свои силы, веру и жизнь, чтобы выполнить эту последнюю службу.

— И как? — хриплым голосом спросил брат Герлон. — Как удалось покончить с проклятым?

— Именно так, как ты и подумал, — тихо ответил брат Джон. — Асканнон изгнал этого некроманта, но не смог его победить, пока проклятый владел силой украденных душ. Нечестивого можно было только связать... — Священник повернулся к нам и неторопливо продолжил. — Иногда случается, что боги благословляют оружие для особого подвига, которое через это благословение, веру, мужество и великие дела получает совершенно особую силу. Как меч, который висит у вас на талии, сэр Родерик. Говорят, что впервые он был выкован руками эльфов и использовался против бога тьмы. Ваш клинок носит имя Ар'ин'фаэд: Хранитель Света или Тень в Темноте. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — У нас есть другое имя для Хранителя Света и Теней: Тот Что Отделяет Души. Мы называем его Сольтаром, и он наш бог. Этот меч самое священное оружие нашей веры, и говорят, что сам Сольтар использовал его в битве против Омогора.

Я стоял там, как громом поражённый, и не знал, что сказать. Это было так очевидно... Искоренитель Душ... Как я мог подумать, что мой меч повелевает жизнью и смертью, отбирает жизни, освобождает души, а потерянные жизни возвращает мне, если это не было желанием и волей бога? Но священник уже продолжил говорить.

— Точно так же, как мы считаем Искоренителя Душ священным, так и другие храмы боготворят оружие, преисполненное их богами и верой. Когда Вечный Правитель осознал опасность, исходящую от проклятых, он принялся искать оружие, которое могло бы отобрать у них то, что делало их такими могущественными: украденные души. Он в смирении пришёл в наши храмы в качестве просителя и осведомился о священном оружии, наполненном волей богов. Богов, чьи законы нарушали проклятые, потому что лишали их принадлежащих им душ.

Он на мгновение замолчал, чтобы собраться с мыслями. А я просто стоял и чувствовал Искоренителя Душ в руке, глядя на обугленные останки этого некроманта и радуясь, что в скелете не осталось никакой жизни, никакой души.

— Это храмовое оружие было преисполнено верой и силой богов, но это была всего лишь форма силы, которой зачастую было недостаточно. Асканнон попросил у храмов оружие и поклялся перековать его, наделив большей силой, но не лишая того, что делало его

особенным: посвящения богу. Он пообещал выковать клинки, которые будут отнимать у нечестивых то, что они похищают — души, и направлять к тому, кому посвящён меч. Самым первым он воссоздал этот клинок, который вы носите с собой, сэр Родерик, ставший его величайшим достижением, и дал ему новое имя, которое соответствовало старому: Тот Что Отделяет Души. В то время под его руководством был отряд солдат, обученный искусству лучших воинов и священников. Они были искусными и ловкими, наделены способностями, твёрдой волей и верой. По большей части их набирали из союзников — тёмных эльфов, владеющих собственной формой силы, веры и магии. Это был преданный делу отряд, называвший себя Ночными Ястребами; их единственная задача состояла в том, чтобы выслеживать и ловить проклятых. И их предводителю, эльфу Талисану, он передал этот бледный клинок, благословлённый и посвящённый Сольтару и со всем тем, чем император смог ещё наделить меч своей собственной магией. Первый изгоняющий меч, он же и самый могущественный из всех, который даже был способен повелевать жизнью и смертью самих богов. Он выковал ещё двенадцать мечей, каждый из которых был наделён разными способностями, но одно у них было общее: они освобождали пленённые души от чар наездника душ, которого касались своей сталью. Они возвращали души богам и в то же время отбирали у тёмных наездников основу их могущества.

Он замолчал, позволяя всем обдумать его слова. Но у меня было такое чувство, будто я не могу думать, будто то, что услышал, было слишком значительным, чтобы полностью понять.

Первосвященник прочистил горло и улыбнулся.

— Кто-нибудь из вас принёс с собой что-нибудь выпить? — вежливо спросил он. — Моё старое горло немного пересохло.

— Вот, — сказала Асела, протягивая ему бутылку из чеканного серебра. — Это разбавленное вино хорошего урожая.

У меня тоже была такая бутылка, на ней был рельефом отчеканен бык. На бутылке Аселы был знак совы, и она блестела так, словно была совсем новенькой.

Священник кивнул в знак благодарности. На мгновение я подумал, действительно ли можно так доверять Аселе, но Сольтар пощадил её. Он должен знать, что делает.

Джон сделал глоток, вернул бутылку и снова прочистил горло.

— Работа Асканнона над этими мечами заняла много времени. Снова и снова священники благословляли их и проверяли, не испортил ли он того, что было в них свято. Сплетение воедино божественной и мирской магии — это искусство, которым никогда не владел никто другой, и для Асканнона это тоже была трудная задача. Все те годы, когда он плёл свою магию и перековывал мечи, здесь была эта стража. А потом, чуть более восьмисот лет назад, в наш храм пришла Сова, молодой человек по имени Эринстор. Он сказал, что является учеником Бальтазара, который в то время был одним из величайших ученых империи. Поведал, что исследует наездников душ и, основываясь на работе своего наставника, того самого Бальтазара, выяснил, как действует проклятье Безымянного и знает, как сломить силу проклятого раз и навсегда.

Моё внимание было приковано к священнику, всё же я увидел, как Асела удивлённо, почти испуганно подняла голову и уставилась на Джона.

Она дружила с Бальтазаром и должна была знать этого ученика, но то, что мы слышали здесь, очевидно, было новым и для неё.

— Он попросил Искоренителя Душ и с помощью его лезвия предложил обречь этого

проклятого на гибель. Казалось, он не знал, что клинок Сольгара принадлежит Талисану, и был удивлён, но Тот Что Отделяет Души был не единственной священной сталью, которую Асканнон уже превратил в изгоняющий меч. Был ещё один, носящий имя Гибель Страха и щит, оберегающий от страха и отчаяния.

Этот меч тоже был могущественным, хотя и в другом смысле, чем клинок Сольгара. И мы могли выдать ему Гибель Страха, потому что последний владелец этого клинка недавно пал, а новый был ещё не назначен. Сова точно описал, что нужно делать, чтобы казнить проклятого, и рассказал о том, чего это будет стоить, потому что в тот момент, когда он нанесёт удар мечом, стражам проклятого придётся поддержать действие магии, используя свою сущность. Он потребовал принести в жертву тех, кого вы здесь видите. Для того, чтобы после них больше никому не пришлось нести вахту.

Он замолчал, и тишина была абсолютной, если не считать звука нашего дыхания и шума, бегущий по моим венам крови.

— После долгих приготовлений и множества молитв последний дозор пришёл в это тёмное место вместе с Совой Эринстором. Ритуал был совершён. И он сработал, как вы можете видеть. Меч Гибель Страха высвободил души из-под чар проклятого. Благодаря силе меча, воле, вере и жертве этих стражников, а также силе и знаниям той Совы, удалось то, что даже не смог выполнить сам Асканнон. Величайший из всех проклятых, существо настолько могущественное, что своей силой уже само было почти похоже на бога, было уничтожено! Сама Сова чуть не погибла, Эринстору лишь с трудом удалось спастись из храма. Мы нашли и ухаживали за ним, в то время как другие спустились в эти глубины и обнаружили то, что мы здесь видим.

Он указал на мёртвых стражников, проклятого и базальтовый блок с золотыми цепями и копьями.

— Мы оставили всё, как есть. Теперь это всего лишь могила, а не тюрьма. Проклятье превратилось в нечто священное, благодаря жертве этих тринадцати людей, и каждый первосвященник нашего бога приводит своего преемника сюда, чтобы показать, какая иногда требуется от нас жертва и вера. С тех пор эти тринадцать были для нас примером и напоминанием о долге, от которого мы не должны уклоняться в служении нашему господину. — Теперь он повернулся к молодому священнику Герлону. — Ты видишь и чувствуешь это место, Герлон, видишь, кто здесь умер. Эта могила — последние пристанище монстра и тринадцати смелых душ. Это не то место, куда можно приводить массы людей и выставлять на показ, а место покоя и размышления. Надеюсь, что теперь ты понимаешь, почему я не хотел открывать эту дверь, почему хотел, чтобы ты поверил мне на слово. И Мирча, я знаю, что тебе пришлось страдать, что на тебя повлияло то, что случилось с твоей семьей, что ты сетуешь на милость бога, но это пример, как ты должен выполнять свой долг. Если хочешь носить мою мантию, ты должен быть к этому готов, без сомнений, без колебаний. Ибо только бог является для нас, людей, щитом против тьмы, но он также нуждается в своих слугах, которые бесстрашно несут этот щит и его свет во тьму.

— Да, господин, — прошептал брат Мирча и упал на колени. — Я просто не понимал... Брат Герлон тоже сглотнул и вытер слёзы с лица.

Мы с Серафиной были не менее потрясены, и оба старались сохранить самообладание, пока я обводил взглядом безмолвные фигуры, отдавшие свои жизни, чтобы, наконец, предать этого нечестивого проклятью Безымянного.

Но одна из нас не испытала особого восторга. Голос Аселы холодно и чётко прервал

этот благоговейный момент.

— Так вы говорите, брат Джон, что эта Сова Эринстор освободил души из хватки наездника душ мечом Гибель Страха? Тем самым, что до сих пор торчит из этих обгоревших костей?

— Да, без сомнения, — удивлённо ответил первосвященник. — С тех пор никто к нему не прикасался.

— Возможно, было бы лучше, если бы кто-то прикоснулся. Это правда, что Эринстор был учеником Бальтазара, но Совой он не был. Его способности к магии были значительными, и его таланта было бы достаточно, чтобы принадлежать к башне. Но его характер оставлял желать лучшего. — Асела бросила на брата Герлона тяжёлый взгляд. — Как и этот послушник, Эринстор жаждал знаний, которые ещё были для него под запретом, хотя брат Герлон, вероятно, действовал из невинного любопытства. С Эринстором дело обстояло иначе, он стремился к власти, чтобы обогатиться. Поимом таланта к магии, он, в значительной степени, обладал ещё другим: способностью убеждать и обманывать. Но в конечном итоге он не помог. Бальтазар и Фелтор узнали, что с помощью магии он лишил воли другую молодую Сову, чтобы изнасиловать её. Ему повезло, что ученица была слишком добродушной, чтобы предъявить ему обвинение. Поступи она так, это стоило бы ему головы, а так мы наказали его иначе, а затем отпустили. Эринстор никогда не был Совой, и не мог узнать или присвоить себе достаточно могущества и знаний, чтобы совершить то, что вы ему приписываете.

Слова Аселы, словно ледяные осколки, прорезали тишину, пока мы ошеломлённо смотрели на неё.

— Как... как вы можете утверждать нечто подобное? — запротестовал брат Джон. — Вы же сами видите, что нечестивого больше нет! Как вы посмели смешать с грязью эту священную жертву?

— Я знаю это, потому что была там, — скрепя зубами и сжимая кулаки, сказала Асела. — Эринстор изнасиловал ту, что стоит перед вами! Никто не знал о том, что он пошёл в ваш храм и потребовал этот меч. И я клянусь, что Бальтазар проклял тот момент, когда она смягчила его, чтобы оставить в живых своего обидчика. Она была слишком доброй, и это уже всегда было её единственным недостатком.

— Но... этот человек выполнил то, что обещал! — возразил первосвященник.

— Он никак не мог, — резко ответила Асела. — Даже если этот человек, благодаря заступничеству Аселы, покинул цитадель с головой на плечах, силы у него не было. Бальтазар попросил Асканнона позаботиться о том, чтобы Эринстор больше никогда не мог использовать магию для подавления воли молодых женщин. Сам Вечный Правитель отнял у насильника талант к магии с помощью золотых игл. Когда стражники выводили Эринстора из цитадели, он поклялся отомстить, но Бальтазар посмеялся над ним и сказал, что теперь у него нет зубов, и он никогда больше не сможет насиловать женщин с помощью магии. Но Эринстор ответил, что месть принадлежит ему, и он разрушит всё, в чём мы отказали ему. После этого, по крайней мере, Бальтазар больше его не видел.

— Если это правда, тогда как он смог совершить то, что мы видим? — с сомнением спросил первосвященник.

— Ответ в том, что он не мог и ничего не совершал, — ответила Асела голосом, похожим на бьющееся стекло. — И здесь вы видите свидетелей его преступления, которые также являются его жертвами. Если бы они могли говорить, то сообщили бы нам, что

произошло, но они навсегда замолчали. Их жертва не становится меньше от того, что я вам сейчас покажу, но из-за этой жертвы злодеяние становится ещё более возмутительным.

— Я всё ещё не понимаю, — промолвил первосвященник хриплым голосом. — Что вы хотите нам показать?

Сделав большой шаг, Асела подошла к чёрной глыбе и рывком вытащила из камня Гибель Страха.

— Немедленно остановитесь! — в ужасе воскликнул Джон, а Мирча решительно подбежал к ней, готовый на всё, чтобы исправить это кошунство. Но Асела уже протянула меч первосвященнику.

— Вы сами можете легко убедиться, что этот меч не обладает ни магической, ни божественной силой. Это не Гибель Страха, а кусок стали, без души и надежды. Можете мне не верить, проверьте сами!

И с этими словами она вложила меч в дрожащие руки старого священника. Он открыл рот, в то время как его глаза расширились, и он рухнул на пол. С грохотом старый меч выпал из его рук и остался лежать перед мной. Мирча и Герлон бросились помогать старику и с упрёком посмотрели на Аселу.

— Не вините меня, — сказала она. — Но считайте его запоздалой жертвой этого преступления.

— Она права, — прошептал старик. — Но нет, бог пока ещё не призвал меня к себе. Просто испуг был слишком большим для моих старых костей.

— Нам помочь вам подняться, брат Джон? — спросил Мирча.

Старый священник покачал головой.

— Принесите мне меч, — попросил он так тихо, что его было едва слышно. Я наклонился и протянул ему клинок. Одного этого прикосновения было достаточно, чтобы подтвердить истинность слов Аселы: это был не изгоняющий меч, а всего лишь холодная сталь.

Старые руки обхватили оружие, затем Джон посмотрел на нас и на тринадцать тел, которые молча стояли на коленях вокруг нас.

— Сольтар! — выдохнул он. — Какое преступление. — Его голос дрожал. — Если это не Гибель Страха, то кто тогда лежит сожжённый на том камне?

— Полагаю... Нет. — Асела подошла к месту казни и изучила украшенные рунами кандалы, которые удерживали на камне кости. — Нет, — повторила она. — Сила этих рун всё ещё настолько велика, что даже мне было бы трудно открыть их. Эринстор не смог бы освободить проклятого. — Теперь уже она выглядела непонимающей. — Это кости проклятого, потому что у Эринстора просто не хватило бы сил вытащить его отсюда. Но меч был и остаётся фальшивым!

— Я знаю, что произошло, — задыхающимся голосом сказал брат Герлон. — В своих кошмарах я вижу наездника душ, лежащего на этом камне. Он встаёт, снимает оковы, хватается за тёмную фигуру и, словно плащ, одевает её, чтобы потом уйти с улыбкой, которая неоднократно прерывала мой сон, заставляя обливаться потом! Вот что здесь случилось: проклятый взял этого безумного насильника, одел его, словно новую одежду, и в этой живой маске сбежал из тюрьмы, которая должна была удерживать его.

Сольтар, — в отчаяние подумал я, в этом есть какой-то извращённый смысл!

— Боги, — воскликнула Серафина. — Неудивительно, что он едва выбрался из храма живым. Он должен был пройти наверху мимо бога, а тот, без сомнения, не позволил ему

уйти безнаказанным.

— Да, так оно, наверное, и было, — промолвил я, глядя на чёрные кости. — Некромант использовал безумие и гнев отвергнутого Совы-ученика в своих целях, а Эринстор, должно быть, действительно впал в безумие, ибо что ещё могло заставить его желать освободить проклятого?

— Власть, — тихо ответила Асела. — Он всегда стремился к власти. — Она замешкалась. — Может быть... Какая способность была у Гибели Страха, брат Джон? Что могло это оружие?

— Оно защищало от страха и силы некрманта. Тот не мог причинить вреда, пока у тебя в руках находился Гибель Страха, — устало ответил он. — По крайней мере, так написано.

— Есть ли что-нибудь ещё? — спросила Асела, опускаясь на колени перед стариком. — Подумайте. Известно ли что-нибудь ещё об этом клинке?

Сначала старик покачал головой, но потом замер.

— Возможно, есть... Говорится, что он может использовать силу врага против него самого, что любой тёмный дар, брошенный в сторону владельца, становится для Гибели Страха оружием, наказывающим проклятого. Это наследие бога, которому изначально принадлежал клинок.

— Как так? — в изумлении спросил я. — Разве он принадлежал не Сольтару?

Первосвященник покачал головой.

— Нет. Клинок был освещён Сольтаром лишь позже, чтобы снять проклятие, которое лежало на нём.

— Какое проклятие? — спросила Асела.

— Этого я не знаю, — ответил Джон. — Он был очищен, и проклятье снято, и пока Асканнон занимался ковкой, клинок постоянно проверяли, чтобы убедиться, что он по-прежнему священен.

— Какому же богу он был посвящён, если не Сольтару?

— Этого никто не знает, он был найден на древнем эльфийском поле боя. Но как я уже сказал, Гибель Страха был очищен и посвящён Сольтару.

Асела все еще стояла на коленях перед стариком и теперь медленно в отчаянии замотала головой.

— Возможно, это всё же имеет какое-то отношение к Гибели Страха. И всё же, откуда Эринстор мог об этом знать? Ведь он попросил Искоренителя Душ.

— Именно так, — подтвердил старик. — Старые писания на этот счёт ясны. Он был разочарован, когда узнал, что клинок уже занят.

— Но как всё это могло случиться, а Совы ничего об этом не знали? — потрясённо спросила она, всё ещё размышляя над словами священника.

— Это был вопрос веры, а не науки, — ответил Джон. — Акт веры, смирения и преданности. Такой поступок не выставляется на мирскую сцену, это тихое служение, не жаждущее признания. Достаточно того, что его выполнили, не было повода хвастаться. — Он молча подал знак двум другим священникам, чтобы они помогли ему подняться. — Эти мужчины и женщины отдали своё существо, чтобы уничтожить проклятого, — продолжил он. — Вы правы, дитя моё, это не умоляет их жертву, но делает преступление ещё более тяжким. Преступление, совершённое против всех тех, кто верил, что отдаёт свою жизнь на службу богам.

— Когда это произошло? — спросил я. — Более чем за столетие до того, как Вечный

Правитель отрёкся от престола, верно? Скажите, брат Джон, спускался ли Асканнон сюда ещё раз, чтобы увидеть своего старого врага, или он позабыл о нём?

— Нет, — ответил священник. — Он не спускался. Кроме вас сегодня, если не считать священников, это место видел только один единственный человек. Думаю, он был учёным.

Я невольно подумал об учёном, которого мы встретили. Он знал много вещей и казался мне загадочным, и ему даже удалось произвести впечатление на Зокору.

— Вы знаете, когда это было? — осторожно спросил я.

— Вроде бы, во время беспорядков, когда поток миров иссяк. Учёный слышал о проклятом и захотел узнать, надёжно ли тот заперт. Он хотел исключить его причастность к случившемуся. Это было незадолго до отречения Вечного Правителя, так там и написано.

— Ну и? — тихо спросил я. — Что решил тот учёный?

Первосвященник нахмурился.

— Простите, сэра Родерик, я много читал, и память у меня уже не самая лучшая. Я не уверен, но мне кажется, он снова ушёл, не сказав ни слова. Но я могу и ошибаться.

— Вы помните его имя?

— Это уже чересчур, — сказал старик. — При всём желании я не могу...

— Может быть, его звали Кеннард? — перебил я его, и брат Джон удивленно кивнул.

— Верно! Так его звали. Кеннард. Теперь, когда вы назвали имя! Он был писцом здесь, на Храмовой площади, и однажды даже сделал для храма копию слова Сольтара. Именно поэтому он был упомянут в храмовых писаниях. Откуда вы знаете это имя?

— Писец, — задумчиво повторил я. Что-то не давало мне покоя. Я посмотрел на Аселу, которая напряжённо осматривала обгоревшие кости. — Вам оно что-нибудь говорит? Должно быть, он тоже обладает могущественными способностями, поскольку я встретил его не так давно на Громовом перевале в Новых королевствах. Может он тоже был Совой? Казалось, он был предан Старой империи. Он много о ней знал, и если это тот же учёный, тогда он прожил столетия. Кроме эльфов, только Совы и некроманты могут жить так долго.

— Нет, — медленно ответила Асела, решительно покачав головой. — Если бы он был Совой, я бы о нём знала. Совы — учёные, да, но человек с таким именем никогда не учился в башне. А после нас не было новых Сов, пока Дезина, новая прима, не нашла башню открытой. Но есть маэстро, которые не являются Совами. Ваша королева — лучший для этого пример. Она следует магической традиции, о которой бы мне хотелось узнать, как она возникла. Может, я смогу с ней поговорить?

Я почти ухмыльнулся, услышав обнадеживающий тон Аселы. Может она и была Совой и пережила худшее, чем кто-либо может себе представить, но по своей сути, она была учёным. Когда просыпалось любопытство таких людей, они забывали обо всём, кроме того, что заботило их в этот момент.

Позади нас что-то хрустнуло, и мы обернулись.

Искоренитель Душ прыгнул мне в руку, а Асела вырвала фальшивый Гибель Страха из пальцев первосвященника, чтобы при помощи древнего клинка отразить то, что приближалось. В это же время она, как для броска, подняла свободную руку, и в ней собрался сверкающий свет.

Но ни для стали, ни для магии не представилось мишени. Сначала ничего не было видно, по стенам лишь прошёл стук и скрежет, но потом, пока Серафина ещё вытряхала из рукавов кинжалы, часть стены отодвинулась назад. Из пролёта вышла миниатюрная фигура, за ней следовал человек в одеяниях Борона.

Тёмная эльфика сощурилась, глядя на свет.

— Боги, — вырвалось у меня. Я не хотел верить в то, что видел. — Как вы здесь оказались?

— Из ваших слова я делаю вывод, что вы знакомы друг с другом, — сухо промолвила Асела, опуская сталь и выпуская из пальцев магию.

— Клянусь Соланте, Хавальд, — произнесла Зокора своим мягким голосом. — Если ты продолжишь в том же духе, думаю когда-нибудь ты меня всё-таки удивишь.

— Могу я спросить, кто вы такие и как посмели без приглашения войти в дом Нертона? — устало спросил первосвященник.

Варош смущённо улыбнулся, затем увидел то, что здесь можно было увидеть, и его глаза расширились, когда он в недоумении опустил фонарь.

— Меня зовут Зокора, и я служу Соланте, — на удивление коротко ответила она.

— Вы сева'сол'анте? — спросил брат Джон.

— Да. — Зокора встряхнулась, как мокрая собака. — Этот дом наполнен присутствием старого бога, действительно абсолютно священное место. — Она бросила тёмный взгляд на базальтовый блок с костями, затем на тринадцать стражников. — Что-то здесь не так.

— Он сам стоит там наверху, — тихо сообщил я, указывая на потолок. — Не статуя. Он сам.

— Почему?

— У него будут свои причины, — предположил я с улыбкой.

— Что вас двоих привело сюда? — задал я вопрос, который, несомненно, крутился на языке остальных.

— Мне не хочется объяснять, — ответила она. — Пусть это сделает Варош, пока я посмотрю на этого бога. — Улыбнувшись, она показала белые зубы. — Я никогда раньше не видела бога во плоти. — Затем она направилась наверх.

— Вы его спутники? — спросила Асела Вроша.

— Да, — ответил он. — Так получилось.

Бывшая сова указала большим пальцем на меня.

— Часто случается так, что его недооценивают?

— Время от времени. Обычно это идёт ему на пользу.

— Обо мне можете поговорить позже, — немного раздражённо перебил я. — Как получилось, что мы здесь встретились, Варош?

— Это легко объяснимо. Вы помните тёмную эльфиду, которую мы нашли во льдах под Грозовым перевалом? Ярану окт Талисан?

— Да, — ответил я. — И что с ней?

— Зокора захотела узнать, кто она такая, и стала искать в архивах. Мы выяснили, что Ярана была не Драконом, а Ночным Ястребом. В то время они ещё были верны империи, а не принадлежали гильдией убийц. Они охотились на некромантов и считали это священной задачей. Ярана не была частью Второго легиона, и не входила в состав гарнизона Грозовой крепости, как мы изначально ошибочно предположили. Она там помогала, даже взяла на себя те или иные обязанности, но у неё была другая задача: она должна была найти изгоняющий меч, носивший название Гибель Страха. Мы знаем, что она не смогла выполнить это задание, всё же Зокора хотела узнать больше об этом клинке. След оружия теряется в Новых королевствах, но началось всё здесь.

— Верно, первосвященник рассказал нам о нём.

Варош слегка поклонился Джону.

— Гибель Страха был одним из наиболее нелюбимых мечей, в нём было что-то, что усложняло задачу его владельцу. В то время как другие клинки приносили пользу, Гибель Страха, казалось, притягивал неудачу. Возможно, быть полностью бесстрашным — неразумно. Клинок мало использовался, и был отдан в храм Сольтара на хранение после смерти последнего владельца.

Я кивнул, это мы уже слышали.

— Но если меч хранился в храме Сольтара, зачем Яране искать его в Новых королевствах? Зокора продолжила расследование и нашла упоминание о том, что оружие было украдено. Эта зацепка привела к авантюрной басне о нечестивом узнике, который лежал связанным в тайном месте. Мы выяснили, что священники Борона почувствовали в сковывании этого проклятого и спросили в доме моего господина, знают ли они что-нибудь о таком проклятом. Мы разузнали, что Гибель Страха использовался для его казни, однако это всё ещё не объясняло, почему Ярана последовала за мечом в Новые королевства. Мы продолжили спрашивать. — Он улыбнулся брату Джону. — Хоть у вас и есть ключ от этого храма, но слуги Борона знают другой путь: туннель, ведущий сюда из храма моего господина. Нам разрешили воспользоваться им, и он привёл нас прямо к той стене. — Он покачал головой. — Я всё ещё не могу поверить, что мы нашли вас в этом месте. — Он пожал плечами. — Это в двух словах о том, что случилось. Но Зокора не верит, что Гибель Страха находится здесь. — Он посмотрел на Аселу и меч, который та всё ещё держала. — Она ошибается?

— Нет, — ответил первосвященник за Аселу. — Мы только что это выяснили. Меч был украден и использован в преступлении, не имеющем себе равных. — Старик печально огляделся. — Мы увидели больше, чем я хотел показать. И я должен обсудить это с другими первосвященниками. Их тоже обманули, и мы должны подумать, как действовать дальше. — Он тихо вздохнул. — Предлагаю покинуть это место и снова запечатать храм, прежде чем сева'сол'анте раньше времени пробудит бога ото сна.

Мы нашли Зокору, стоящей на коленях в главном зале, с опущенной головой и влажными глазами. Сначала она никак не отреагировала на наше тихое обращение; только когда Варош подошёл и прикоснулся к ней, она пробудилась от своей молитвы.

Она медленно встала, бросила последний благоговейный взгляд на старого бога, а затем молча последовала за нами на улицу, где мы объединёнными усилиями снова закрыли ворота.

Мы вместе направились через площадь к храму моего господина. Зокора, казалось, глубоко задумалась, и я спросил её об этом.

— Я не хотела верить, что он сам стоит здесь, — объяснила она. — Зачем ему это? Я спросила его, но он не ответил. — Казалось, ей стало весело. — Я и не ожидала, что получу ответ, но клянусь Соланте, он прекрасен. Никогда прежде я не встречала такого величия. Вы видели узорчатость его рогов, переливчатость и текстуру перепонки? Руны на его когтях?

Я выгнул брови и оглянулся на закрытые ворота.

— Хелис, что видела ты? — спросил я Серафину.

— Бога, — ответила она.

— Я не это имею в виду. Каким он выглядел для тебя?

— Старик с добрым лицом в бирюзовой мантии.

— Варош?

— Мужчина в расцвете сил, в тяжёлых доспехах, с молотом и щитом.

— Мужчина в мантии с сущностью учёного, — тихо промолвила Асела, хотя я её не спрашивал. — А вы, — спросила она меня.

— Человек, который одновременно и эльф, и зверь, с чешуйчатой кожей, в два раза выше человека, добрый и мудрый.

— Дракон с бирюзовой чешуёй, которая переливается другими цветами, — пояснила Зокора, вопросительно глядя на священников.

— Я всегда видел его примерно так, как описал сэр Родерик, — ответил первосвященник, в то время как Герлон и Мирча также описали человека в мантии.

— Тогда каждый видит его по-своему, — заметила Зокора. — Думаю, ни один из обликов не менее правдив, чем другой. Он включает в себя их всех... и даже больше. Почему ворота закрыты? Почему нет службы в его честь?

— Он сам издал такой указ, — объяснил брат Джон. — Возможно, потому что он больше не нуждается в поклонении, или это отвлечёт внимание от наших богов, которых он хотел видеть своими преемниками.

— Почему он в этом храме?

— Он не только здесь. Есть и другие храмы, разбросанные по всему миру. Он стоит во всех из них, — ответил старик. — Каждый из этих храмов он запечатал лично. Но я очень сомневаюсь, что он заперт внутри.

Подойдя к храму моего господина, священники с нами простились.

— Для меня на сегодня достаточно, — сказал Джон. Он взял меч у Аселы и взвесил в руке. — Думаю, мы ещё встретимся. Будьте благословенны во имя моего господина.

Мы наблюдали, как он поднимается по ступеням храма. Рядом шли два других священника, готовые в любой момент подхватить его, если он споткнётся, но этого не случилось.

Я залез под одежду в поисках трубки и табака. Трубку я нашёл, но мой мешочек уже опять опустел.

Я вздохнул и сунул его обратно.

— Не хотите проводить нас до цитадели? — спросил я Аселу, но она покачала головой.

— Это был памятный день, — сказала она. — Мы ещё встретимся, в этом я уверена. Запомните, есть ещё один проклятый, найдите его и казните. Искоренитель Душ должен быть в этом отношении надёжен. Да благословят вас боги...

Она уже была готова отвернуться, но Серафина удержала её лёгким прикосновением.

— Асела, ты обладаешь знанием и искусством Сов. Почему бы тебе не помочь Дезине и не научить тому, что ей нужно знать? Ты уже всегда хорошо преподавала.

— Это имело бы смысл, верно? — промолвила Асела. — Но я не могу, слишком многое стоит на пути. Я не смею смотреть ей в глаза. Пока ещё нет. Но буду искать другие способы помочь ей. — Она замешкалась. — Не знаю, могу ли я требовать от вас, но я открылась вам раньше, чем хотела. Поэтому могу лишь выразить просьбу, чтобы вы ничего не рассказывали обо мне приме.

— Она всё ещё считает, что вы враг, — напомнил я.

— Вы ведь тоже так считаете. Я стояла перед вашим богом, позволив ему судить себя и всё же вы не можете мне доверять. Но вы, без сомнения, правы. Я больше не служу императору некромантов, но это ещё не делает меня другом. — Она кивнула Серафине. — Тебе, Финна, я должна гораздо больше, чем могу сказать. Ты найдёшь ответы на свои

вопросы, но сейчас ещё не время.

— Я... — начала Серафина, затем выругалась себе под нос, когда Асела рассеялась, словно дым, и пропала. — Боги! — в гневе воскликнула она. — Я и забыла, как сильно меня раздражает то, что они исчезают на полуслове. Бальтазар был в этом мастер и часто сводил меня с ума!

— Я понимаю, — сказал я. — Есть ли что-нибудь ещё, что могло бы помешать нам сейчас пойти отдыхать?

— Нет, — ответила она. — Брат Джон прав, на один день было достаточно.

16. Отшлифованный

Когда мы, наконец, добрались до наших апартаментов, было незадолго до первого колокола. Спасть осталось всего три отрезка свечи. Я попрощался с Закорой и Варошем, а также с Серафиной, которая, после ухода Зиглинды, теперь жила в апартаментах одна, и постучал в дверь Лиандры. Она не открыла, и один из охранников сообщил мне, что она ещё не вернулась с мероприятия.

Я стоял там, размышляя, что теперь делать. Мне пришла в голову мысль, и я спустился к Перьям, а затем к архивариусу.

— То, что вы ищите, у нас вы не найдёте, — сообщил мне мужчина. — Это храниться в архивах Сов. Но если хотите, я могу попросить Сову найти портрет. Тогда мы сможем скопировать его для вас.

— Было бы неплохо, — ответил я. — И это довольно срочно, не могли бы вы передать это Сове?

— С радостью, но она очень занята, это займёт какое-то время.

Мне пришлось довольствоваться его ответом. Больше делать было нечего, поэтому я отправился спать.

Кошмар полностью захватил меня. Я шёл по городу, а вокруг великолепные здания рассыпались в пыль, люди замирали и чернели, а затем с мучительными криками разлетались на тысячи кусков, в то время как за мной следовала тень, распространявшая смерть и мор. Я удивлялся, что только что развалившиеся чёрные мертвецы снова могли заболеть чумой, но ничего не помогало.

Голос Лиандры показал мне выход из этого сна.

Спросонья я заставил себя открыть один глаз, и подумал, что вижу её, стоящую рядом с моей кроватью, одетую в белое платье и украшенную драгоценностями. Её красивое лицо было серьёзным и печальным, но мне было трудно вырваться из сна. Когда мне наконец это удалось, я услышал, как закрывается дверь, а в воздухе всё ещё витал запах её духов.

Заметив, как сильно я промок от пота, я предпочёл принять ванную, чем продолжать спать. И это занятие тоже было прервано, когда раздался стук. Я заснул в горячей воде. Испугавшись, чуть не утонул и выскочил из воды, отплёвываясь. Я смачно выругался, закрылся спереди полотенцем и, капая на пол, поспешил к двери.

— О, это всего лишь ты, — поприветствовал я Серафину. — Входи.

Я отвернулся и схватил брюки, которые было сложно одеть из-за влажной кожи. Когда я, наконец, справился и повернулся, то заметил, что Серафина смотрит на меня с болью.

— Что-то не так? — спросил я.

— Нет. — Она с трудом улыбнулась и провела рукой по глазам. — Ничего. Я хотела пойти с тобой в столовую позавтракать. Если ты не против.

Я остановился перед ней, всё ещё капая на пол.

— Что случилось? — снова спросил я.

— Я же говорю, ничего, — настаивала она.

— Почему тогда не спишь? Тебе ведь не нужно отправляться на службу. Тоже приснился плохой сон?

— Возможно, — согласилась она. — Я просто хотела убедиться, что ты не проспишь.

— В этом не было необходимости, — промолвил я.

Она лишь кивнула.

На самом деле, я был благодарен ей за помощь. Конечно, доспехи можно было одеть и в одиночку, но это означало, что придётся изворачиваться как угорь.

До сих пор я ещё не заходил в большую столовую цитадели и был впечатлён огромным залом, где одновременно могли принимать пищу тысяча человек. Две дюжины поваров трудились за большими столами, раздавая пайки, четыре дюжины дежурных по кухне солдат носились вокруг, убирая и вытирая со столов, собирая посуду и мою тарелки в больших чанах, как будто от этого зависела их жизнь. А на одной стене большой часовой механизм, громко тикая, показывал отрезки свечи нового дня на размеченной жерди, достаточно большой, чтобы её можно было видеть даже за самым отдалённым столом.

Большие окна, ведущие во внутренний двор, пропускали свет, который также распределялся по комнате с помощью зеркал.

Рядом с каждым зеркалом на потолке находились железные корзины, в которых покоились светящиеся шары. Чем больше света несло ранее утро, тем сильнее темнели магические лампы.

— Это, несомненно, чудо механики, — произнёс я, указывая на часовой механизм, когда отламывал корочку чёрного хлеба. — Но мне он совсем не нравится.

— Почему? — удивилась она.

Я обмакнул хлеб в разбитое яйцо.

— Этот часовой механизм заставляет меня смотреть на него и подгоняет. Он хочет украсть у меня время ещё до того, как оно пролетит. Не я решаю, когда время пришло, а эта жердь с её золотыми отметинами управляет мной.

— Тогда не смотри, — предложила она с улыбкой, но её взгляд изучал меня. Я не знал, что она ищет.

— Тебе легко говорить, — проворчал я. — Ты сидишь спиной к этой штуковине.

Она одарила меня улыбкой, и я продолжил осматриваться.

— Еда и столовая тоже замечательные. — Я указал на свою тарелку. — Я получил полбуханки чёрного хлеба, яйцо всмятку, причём можно было выбирать, всмятку или вкрутую, плюс два куска ветчины, луковую колбасу и три куска сыра, кроме того, горшочек свежего масла. Все здесь получили то же самое. Где, ради всех кругов ада, сотни кур? — Жестом я указал на добрых шестьсот солдат, которые завтракали вместе с нами. — Перед глазами я вижу, как сюда влетают свиньи, в воздухе превращаясь в окорока, а затем нарезанными, оказываются на тарелках. Откуда повара знают, сколько человек будет здесь принимать пищу, что для этого нужно и как у них хватает времени, чтобы всё это собрать и приготовить?

Она покачала головой и рассмеялась, но сдержанно, как будто её всё ещё что-то беспокоило.

— Значит ты уже видишь летающих свиней, Хавальд, это плохо! — Её улыбка померкла. — Это искусство, — серьёзно сказала она. — Это было моей работой — снабжать легион, планировать, что потребуется легиону в сражении, и я знаю, о чём говорю. Быть поваром или цейгмейстером — это большая честь. Хороший повар позволяет легиону жить дольше и поддерживает его здоровье, а вот плохой — подрывает самый лучший боевой дух.

— Это относится и цегмейстеру? — спросил я.

— А как ты думаешь? Сапоги съесть нельзя, но как далеко может пройти солдат в слишком тесной обуви, прежде чем ему захочется забить цегмейстера до смерти? Кроме

того, он закупает то, что потом перерабатывают повара. И цегмейстер защищает легион ещё и другим способом. — Она взяла мой шлем, лежавший на столе рядом с нами, повернула его и отодвинув кожу, показала мне клеймо на стали. — Видишь эту метку? — спросила она, и я, жуя, кивнул. Она повернула шлем, ища что-то на поверхности, крутя и поворачивая его к свету. — А этот отпечаток на краю поверхности?

Я снова кивнул.

— Когда новый шлем выходит из кузницы, его зажимают на подставке, и по шине на него падает тяжёлый шип, с высоты пяти шагов, и ударяет здесь. Если ничего не случается, шлем получает эту отметку, которая показывает, что сталь хорошо и чисто сработана. Однако если шип пробьёт сталь, шлем расплавляют, и кому-то в кузнице придётся за это ответить. — Она отложила шлем в сторону. — Нагрудник — самая важная часть доспехов, даже тяжёлый болт не должен его пробить. Поэтому на груди есть изогнутый край, чтобы болт не мог ударить вертикально, а соскальзывал. И чтобы не допустить попадания под мышку, предусмотрена защита в пройме. Нагрудная деталь надевается на манекен с фиксированными мерками и подгоняется под него так, чтобы нигде не давило. В нагрудник стреляют пять раз, затем натягиваются накладки и ремни, пока края не станут гладкими, чтобы сталь везде хорошо сидела. Только после этого его выдают солдату.

— Какие огромные усилия, — заметил я.

— В бою и так достаточно опасностей, чтобы ещё можно было позволить себе плохую еду и доспехи с дефектами.

Собственно, в часовом механизме нужды не было. Только что в зале было ещё тихо и слышалось лишь негромкое бормотание, теперь же отовсюду начал доноситься грохот, когда со скамеек поднимались тяжеловооруженные солдаты. Часовой механизм всё ещё показывал десятую отрезка свечи до полного колокола, но и мне пора было идти. Я через стол толкнул Серафине Искоренителя Душ, взял обычный легионерский меч и поднялся со скамьи.

— Увидимся после службы, — сказала Серафина, улыбаясь с некоторым усилием.

Лиандра печально смотрела на меня, а теперь и Серафина. Я сказал что-то не то? Что я сделал не так, чтобы так их расстроить?

— Хорошо, — поприветствовала меня Реллин. Мне не понравилась её улыбка.

— Сегодня мы будет практиковать то, что требуется, чтобы стать Быком: марш. Я лишь надеюсь, что вы хорошо отдохнули, потому что вам понадобятся все ваши силы.

О том, как хорошо она меня шлифовала, я узнавал по степени ненависти, которую испытывал к ней. Она шла рядом, издеваясь и подшучивая, заставляла поднимать тяжёлую балку и при этом громко и фальшиво петь глупую песню, заставляла, словно жука, лежать на спине в грязевой яме и вскакивать — и всё это повторялось до тех пор, пока грязь не проникла через все щели в мою нижнюю одежду. Потом она поручила мастеру-оружейнику колотить меня алебардой, гоняла между раскачивающимися стволами деревьев и заставляла отжиматься до тех пор, пока даже сам Безымянный больше не смог бы заставить меня подняться.

И при каждом из этих упражнений она выбирала другого Быка, обычно гораздо более щуплого, чем я сам, и поручала ему продемонстрировать мне. И каждый раз я позорился. Когда у меня заканчивались силы после тридцати отжиманий, молодая сэра в тяжёлых доспехах демонстрировала сотню таких, да ещё со смехом. Поблизости всегда были другие Быки, которые с улыбкой наблюдали, как я терплю поражение в том, что они сами выполняли с лёгкостью.

В самом конце Реллин сама облачилась в доспехи и выступила против меня с мечом и щитом, заставив звенеть мои доспехи. Мой щит никогда не был достаточно быстрым, а клинок никогда там, где должен. Удары Реллин осыпали мою сталь, словно градины, а её самой щит даже не понадобился бы, потому что она никогда не оказывалась там, куда приходился мой удар.

Боги, каким же медленным меня делали эти доспехи!

Пусть это был не мой способ сражаться, но хотя бы раз я должен был попасть в цель.

В самом конце она дала мне тренировочный меч, поставив против четырёх смеющихся Морских Змей, у которых в качестве оружия были только деревянные кинжалы. Я должен был продержаться против них до тех пор, пока Реллин не досчитает до тридцати. «С этим я справлюсь», — подумал я. Да не тут-то было. Морские Змеи рассыпались в стороны, потом направились ко мне. Я заметил натянутую между ними верёвку, а они уже подбежали и верёвкой сбили меня с ног. Дуб упал с громким лязгом, я лежал в шлеме лицом вниз в глубокой грязи, а один из Морских Змеев позволил себе подшутить надо мной, щекоча и тыкая концом кинжала между пластинами доспехов. А другой снял с меня шлем и со смехом вlepил затрещину.

— Ты умер, новобранец, — объявил он и помог встать. Я бы предпочёл остаться лежать.

— На сегодня хватит, — сказала Реллин. — Теперь ты знаешь, что это такое.

Когда я вечером добрался до своих апартаментов, я посчитал каждую ступеньку широкой лестницы; каждая клеточка моих мышц горела, и я чувствовал себя как мёртвая улитка. На этот раз Серафина отсутствовала, мне пришлось самому вылезать из доспехов, и я взглянул в зеркало. Я был весь в синяках, хоть доспехи и защищали от каждого удара. Реллин дала мне чистящие средства, приказав к утру отполировать доспехи так, чтобы в них были видны все её бородавки. Что было затруднительно, поскольку у неё их не было.

И лучше мне поскорее начать их чистить, потому что доспехи были совершенно грязными, но я отвернулся и, словно срубленное дерево, упал на свою кровать. На прикроватной тумбочке я увидел три журнала, которые я должен был дополнительно изучить. Я повернулся на другой бок и решил, что если финальная битва богов должна начаться сегодня, то пусть начинается без меня.

Серафина пришла позже, разбудила и показала, как лучше всего чистить доспехи. На самом деле, она почистила намного больше, чем я, но больше молчала, не сказав почти ни слова, и избегала мой взгляд. Она дала мне масло от боли в мышцах, но не предложила втереть его.

Искоренителя Душ она поставила рядом с моей кроватью и сказала, что собирается помолиться в храме.

Теперь я проснулся. Доспехи блестели, как и было приказано, за окнами ещё царил тьма, но я не находил покоя. Я полистал журналы, которые дала мне Реллин, но не смог ничего запомнить. Меня тяготила не усталость, а что-то другое, как будто весь свет был приглушён, и каждый вздох давался с трудом.

Я услышал скрип двери Серафины, когда она вернулась, и постучал к ней. Она открыла с полу-расстёгнутым лифом.

— Прости, Хавальд, — тихо произнесла она. — Сегодня я не в настроении, чтобы быть хорошей компанией. Кроме того, я также хочу спасть.

Не дав мне времени ответить, она закрыла дверь перед моим носом.

Я снова постучал. На этот раз она только приоткрыла её, я увидел длинную ногу и подол

её нижней рубашки.

— Что такое? — спросила она.

— Мы должны найти того проклятого, о котором говорила Асела.

— Да, Хавальд, — устало промолвила она. — Должны. Но не сегодня же ночью. — Она снова закрыла дверь, оставив меня стоять.

Утром я ждал её, но она не пришла, и мне пришлось поспешить, потому что я так долго надевал эти проклятые доспехи, что едва успел поесть. Серафина нашла меня в столовой, как раз, когда я уходил.

— Я здесь только для того, чтобы взять Искоренителя Душ, — сообщила она, не глядя на меня. Мне хотелось спросить её, в чём дело, но у меня не было времени. Я отдал ей клинок, и она, не сказав ни слова, ушла.

В этот день Реллин сочла нужным дать мне поупражняться с пиками, прежде чем затоптать лошадь. Я узнал, что боевой конь может подбросить человека в воздух даже в доспехах и в них больно катиться по каменному склону. После этого генерал-сержанту показалось разумным заставить меня балансировать десять шагов по невысоко над землёй натянутому канату. Когда я потерпел неудачу и пожаловался, что в доспехах это нереально, она позволила одному отделению с щитами и мечами пройтись по нему сразу два раза, а в какой-то момент, чтобы привлечь моё внимание, так сильно ударила мечом по моему шлему, что он зазвенел как колокол.

— Рекрут, не знаю, что с тобой не так, но с меня достаточно, — сказала она холодным голосом. — Ты должен научиться, иначе другие погибнут из-за твоих ошибок. Сходи сегодня вечером выпить, помолиться или к шлюхе, если тебе это поможет, но завтра утром ты должен быть бодрым и мыслями здесь, а не где-то ещё, иначе я порекомендую коменданту найти другого генерала для Второго легиона.

Я пообещал, что исправлюсь, но она была непреклонна, сняла свой шлем и объявила, что служба окончена, хотя ещё даже не наступил полдень.

Когда я запротестовал, она огрызнулась холодным голосом.

— Мне всё равно, кто вы — генерал Копья или сам Борон! Вы потратили моё время. Вы можете разбрасываться своим, как дешёвой монетой, но у меня есть дела поважнее, чем вразумлять быка! То, чему вы должны у меня научиться, может спасти жизни. Подумайте над этим, а теперь уходите и больше не беспокойте меня! — Своей рукой в бронированной перчатке она указала на ворота тренировочной площадки, и я потопал прочь. Мне казалось, что со мной плохо обращаются, и во мне забурили смутный гнев и грусть, значение которой было мне не ясно.

С тех пор, как мы добрались до Аскира, дни были пасмурные, солнца мало, зато ночи ясные и холодные. Но в этот день небо было безоблачным, светило солнце, словно заставляя нас забыть о зиме. Даже на окружённых камнями грядках в цитадели появились первые ростки. Другие люди наслаждались прекрасной погодой, и куда бы я не посмотрел, на лицах были улыбки, словно не существовало ни войны, ни императора-некроманта, который хотел сокрушить мир.

Меня мало радовали хорошая погода и приветливые лица. Каждый услышанный смех, и все эти лучи солнца ещё больше тяготили меня, пока я не почувствовал желание броситься головой вперёд в крепостную стену. Какой бы абсурдной не была эта мысль, она отражала то, что я чувствовал: как будто всё, что я делал, не имело никакого смысла.

Такие чувства были мне чужды. Ещё в детстве я понял, что есть вещи, которые

угнетают, но также и то, что нет смысла им поддаваться. Просто делай, что должен, в ожидании лучшего дня. Реллин положила тому начало, я принял эстафету и сам себя корил идиотом, но это не очень помогало. Мне хотелось затеять ссору, что, однако, было не лучше, чем разбить себе голову о стену.

17. Яблочный табак

Сантер нашёл меня во дворе цитадели, около моего приятеля, карпа, который всё ещё игнорировал меня.

— На вашей родине холодно, — заметил он с улыбкой, садясь рядом со мной на скамейку. — Я рад, что вернулся, хотя был впечатлён Громовой крепостью. Там наблюдается хороший прогресс, а если становится скучно, есть хороший спорт. Охота на пауков. Это не совсем в моём вкусе, зато я встретил эльфа, который считает себя оборотнем. Ваш друг Эберхард заведует столовой, и туда ежедневно прибывают бойцы и беженцы.

— Хм, — хмыкнул я, наблюдая за карпом.

— Прошлая ночь была лучшей: олени танцевали на стенах, в столовой обслуживали медведи, а женщины-солдаты, несмотря на холод, купались в фонтане.

— Это хорошо, — согласился я, удивляясь, почему карпы как будто всегда что-то жуют на поверхности воды.

Сантер громко рассмеялся.

— Вы вообще слышали хоть одно моё слово? — спросил он, когда я удивлённо посмотрел на него. — Послушайте, что с вами такое? Можно подумать, что у вас любовная лихорадка.

Я вздохнул, возможно, это действительно правда.

— Наверное, вы правы, — признал я. — С тех пор, как моя спутница надела корону, появилась черта, которую нельзя переступать. Без сомнения, это меня огорчает.

Он удивлённо посмотрел на меня.

— Но это же маэстра Лиандра ди Геранкур будет теперь носить корону Иллиана, я прав?

— Так и есть, — устало ответил я. — Хотя это и было моё решение, но мне трудно отказаться от неё.

— Вот и пойми человека, — заметил он, качая головой. — Я мог бы поклясться, что вы любите сэру Хелис. Даже Дезина считает, что видеть вас вместе одно удовольствие.

— Вы ошибаетесь! — возмущённо сказал я. — В свою очередь, можно было бы подумать, что вы любите Дезину.

Он медленно кивнул.

— У вас плохое настроение, сэр генерал. Если вам от этого легче, можете спокойно лягаться, но если толку от этого нет, то перестаньте. У меня толстая кожа, и я могу многое вынести, но выбирайте слова, когда говорите о женщинах. Особенно в случае с Дезиной я желаю, чтобы вы сдерживали себя.

— Почему? — холодно спросил я. — Я задел больное место?

— Да, — ответил он, вставая, и выглядел совсем недружелюбно. — Если хотите, и вам это поможет, я с удовольствием брошу вас к карпу, с которым вы так стремитесь поговорить. Возможно, это охладит ваши чувства. Всё так, как вы предположили, и это больно, потому что решения нет. Так что избавьте меня от своих колкостей! Но и я тоже прав, не так ли? Что бы вы там ни сделали, сэра любит вас и простит, если вы попросите её об этом.

— Нечего прощать, она — королева, и наши пути разделяются. — Я устало поднял на него глаза. — Простите, Сантер, я был несправедлив, я сам не знаю, что со мной случилось.

— Вы глупы, вот ваша проблема, — жёстко заметил он. — Но я не сильно от вас

отличаюсь. Женщина может просить всё, но только не то, что ты не знаешь о своей любви.

Сказав эти слова, он повернулся и ушёл, оставив меня сидеть, что в последнее время случалось слишком часто.

— Он прав, — сказала Зокора позади меня. — Ты глуп. Поскольку твоя трубка помогает тебе думать, я принесла её с собой. — Она протянула мне трубку и полный кисет табака. — Кажется, она тебе нужна. Трубка была в твоей комнате, табак я украла у Хелис. Вчера на рынке она потратила почти три отрезка свечи, в поисках бессаринского яблочного табака, а теперь не решается отдать его тебе.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, принимая табак и трубку. Серафина искала мой табак в течении трёх отрезков свечи?

— Ты хотел меня видеть, по крайней мере, так мне сказали. — Она прислонилась к скамейке рядом со мной. — У нас тоже есть такая рыба. — Она указала на карпа. — Выглядит точно также, только бледная, у неё нет глаз и есть длинные зубы.

— Тогда она не точно такая.

— Такая, только другая. Ты просто неправильно смотришь на вещи. — Она повернулась ко мне. — Если ты ищешь меня, тебе, без сомнения, что-то от меня нужно. Если нет, то мне лучше уйти, прежде чем ты заставишь плакать ещё и меня. Конечно, это маловероятно, но в случае с Лиандрой и Хелис тебе это удалось.

— Зачем им плакать? — удивлённо спросил я.

Зокора покачала головой.

— Лиандра плачет, потому что ей приходится отказаться от мечты, но она уже давно это знала. Просто всё произошло слишком быстро, и она знает, что этого не избежать. Серафина плачет, потому что потеряла надежду и думает, ты её не любишь. Может мне тоже стоит начать плакать, потому что твоя глупость причиняет мне боль. Для моего народа любовь под запертом, но я всё же поняла её. Ты же, напротив, проповедуешь её повсюду, а сам слепее этой рыбы.

— Она не слепая.

Она сверкнула на меня взглядом.

— Ты ничего не понимаешь. Или просто не хочешь? Все это увидели. Лиандра первая, Наталия тоже поняла, Зиглинда узнала раньше всех. Дошло даже до меня. В тот момент, когда душа Хелис вернулась в своё тело, ты был обречён. Может ты настолько привык противостоять своему богу, что отказался принять и благословение Астарты. Ну, вперёд, посмотрим, к чему это приведёт! Но если хочешь поплакаться, не зови меня, у меня для этого нет терпения. — Она продолжала сердито смотреть на меня. — Я не собираюсь повторяться. Мне всё равно, что ты делаешь, но если из-за тебя все ходят так, словно их грибы заражены мукоедом, то в долгосрочной перспективе меня это тоже беспокоит. Итак, если ты хочешь от меня что-то полезное или помочь в поисках Погибели Страха, то добро пожаловать, но если просто действовать на нервы и обременять своей глупостью, держись от меня подальше.

Высказавшись, она скрылась у меня за спиной, но когда я обернулся, её уже там не было. Я посмотрел на карпа, не зная, что и думать, когда её голос снова напугал меня.

— Хелис в своей комнате отчаянно ищет этот табак. Ты мог бы её успокоить.

— Я..., — начал я и обернулся, но она уже снова исчезла, —...тебе благодарен.

— Я знаю, — сказала Зокора позади меня. Я снова взглянул назад, но её там не было.

Я посмотрел на карпа, который по мнению Зокоры, так же мало понимал в любви, как и

я. Возможно, она была права. Что я мог о ней знать?

В день моего рождения началась осада моего родного города Келара. Как раз, когда я стал достаточно взрослым, чтобы называть себя мужчиной, я получил меч Сольтара и прошёл через ворота. После этого всё стало по-другому. Люди называли меня героем, и это вскружило мне голову. Мне понравилась одна девушка, и я ухаживал за ней.

Я откинулся на спинку скамейки и попытался вспомнить, как она выглядела. Я увидел перед собой её улыбку в тот момент, когда она протягивала мне яблоко, и её золотистые волосы, но так и не смог вспомнить её имени. Она родила мне ребёнка. Именно этот ребёнок умер от чумы в Верлмонте или это был его внук? Тридцать два года сэра с золотистыми волосами была моей женой. Я помнил её запах, вечера, проведённые в нашем маленьком доме, где над каминной полкой висел почти забытый Искоренитель Душ. Я помнил, как она состарилась, а я нет, как она слёзно умоляла меня не смотреть на неё, уйти и оставить её на произвол судьбы. Она, женщина с золотистыми волосами, была первой, кого я любил, а теперь я забыл её имя.

Но что я не смогу забыть, так это могилу, которую вырыл для неё среди яблонь и боль, которая почти сломила меня, когда я клал её, завернутую в чистый лён, под первое посаженное мной для неё дерево. Именно тогда я впервые начал ропать на Сольтара. Я выполнил свой долг, спас Келар, почему он не позволил мне уйти? Почему я не состарился и не умер вместе с ней?

Она была красивой, молодой и весёлой. Плохо было не только то, что я пережил её, но и то, что возраст на мне не отражался, и я оставался молодым, в то время как она дряхлая. Это разделило нас ещё до того, как она умерла.

Я оплакивал её потерю задолго до смерти и потерю любви, потому что знал, что она ненавидит меня за то, что я остался, тем самым напоминая об утрате молодости и красоты.

Я издал короткий резкий смешок. Она была первой и последней, кто называл меня красивым, но в то время Искоренитель Душ ещё возвращал мне юность. Когда мне исполнилось сто лет, я всё ещё выглядел как юноша, который прошёл чрез врата Сольтара.

После её смерти ничто не удерживало меня на моей старой родине. Я отправился в путь, шёл туда, куда меня гнали ветер и воля Сольтара. Когда я встречал любовь и чувствовал, что женщина вот-вот покорит мои чувства и сердце, я бежал.

Может я и забыл её имя и лицо, но боль, которую чувствовал, когда хоронил сэру с золотистыми волосами вспоминать не было надобности. Я чувствовал её ещё сегодня, она была вездесущей.

Я поклялся больше не любить. Когда после этого искал женского общества, то только там, где оно было безопасным, где я знал, что она не сможет меня удержать. Я узнал, что существует тысяча видов любви и утраты. Я вступил в ряды рыцарей Завета, которые отказывались от всего, кроме чести и долга.

Следовать правилам нашего ордена для меня было бегством, для других — призванием. Никто из них не колебался отдать свою жизнь за королевство, а когда они умерли, то гордились тем, что жили и умерли именно так. Они оставили меня в рядах мертвецов на том перевале, где я поднимался снова и снова, пока варвары не обратились в бегство.

Я не хотел этого признавать, но я любил и Элеонору; существует лишь тонкая грань между дружбой и любовью, и её потеря усугубила эту всеобъемлющую боль. Она присоединилась к длинному списку тех, кто снился мне по ночам, кого я любил и не смел оплакивать, пока бодрствовал. Только во сне я видел их. Я никогда не забывал ни одного

лица, знал обо всех, кто они — и что они меня ждут.

В самом начале этого списка находилась сэра с золотистыми волосами, и если я видел её улыбку, то только лишь во сне.

Потом, годы спустя, когда я хотел умереть, потому что ничто в жизни больше не имело для меня смысла, в дверь вошла Лиандра. Она не позволила ослепить себя, не позволила отвергнуть и игнорировать. Она соблазнила старика и этим покорила моё сердце. Она не была человеком и будет жить долго, возраст её не коснётся; она была той, кого я мог любить. Наконец-то, казалось, что я спасён.

Но прежде чем она познакомилась со мной, она уже была занята Каменным Сердцем, своей клятвой, войной, которая не касалась меня, потому что я думал, что за долго до того, как она достигнет Колдена, я уже буду у Сольтара.

Она соблазнила меня не потому, что любила, а потому что я был ей нужен. Она знала, что это единственный способ завоевать меня. Это была единственная монета, которой она владела, и единственная сделка, которая могла заставить меня вернуться к жизни. Она знала это, и я тоже.

Значит ли это, что я испытывал к Лиандре фальшивую любовь?

Нет, мне было слишком больно, когда она сообщила, что пожертвует мной ради своей миссии. Иногда глубину любви можно измерить по боли.

Лиандра сдержала своё обещание и предложила меня место подле себя и даже королевскую власть. Будущее с женщиной, которая не умрёт от старости. Я так долго этого ждал: любви, которая преодолееет века и для которой смерть не ставит границ.

Фиалковые глаза Лиандры, которые так часто открыто демонстрировали её чувства — любовь, раздражение, гнев, незащищённость. Да, я любил свою королеву, и ни один мужчина не мог бы гордиться больше, что она его спутница жизни.

На этой скамейке в саду сидел старый дурак. Откуда мне было знать, что я тоскую по любви, которой уже обладаю? Откуда мне было знать, что под этим холодным постоянным двором, в глубинах ледяной могилы, лежат кости женщины, которой я обещал именно это? Любовь, которая переживёт смерть.

Говорят, что нет клятвы сильнее, чем та, которую человек произносит перед лицом смерти.

А Джербил... боги, как он мог пообещать Серафине, что всё исправит? Он был обладателем Ледяного Защитника, изгоняющего меча, о возможностях которого Зиглинда не распространялась. Меч изменился за те века, в течение которых хранил души Первого Горна для вечности. Но в одном все изгоняющие мечи были одинаковыми: они были посвящены богам и наполнены самой могущественной магией, которую мог соткать Асканнон. На них лучше не клясться легкомысленно.

Джербил знал, что делал, теперь я начал это понимать.

Именно он заложил свою душу Сольтару и поклялся сделать что угодно, вытерпеть что угодно, пройти через всё, стать орудием нашего бога, лишь бы сдержать одно — это обещание: посмотреть в глаза Серафине перед лицом её смерти и сказать, что он всё исправит, что изменит законы богов и земного диска, восстанет против самих богов, а затем понесёт их знамя на войну.

Только бы она жила дальше и все закончилось хорошо!

Как там сказал брат Джон? Никто не может дать такого обещания. Но Джербилу называли Столпом Чести, потому что он никогда не нарушал обещаний.

В книгах богов было написано, что они создали человека по своему образу и подобию, что наделили его божественной волей и что для человека существует только один предел — его собственная воля.

Так что самым важным является воля. Как в магии, по словам Дезины и Лиандры, так и во всём остальном. Именно воля определяет всё и управляет судьбами.

Я почти помнил его клятву, как он обещает свою душу Сольтару, и не только ему. Сольтару, потому что тот управлял смертью, Борону, потому что то, что произошло там, в ледяном подвале, было против всякой справедливости и даже Астарте, потому что та управляла любовью. Каждому из этих богов он принёс одну и ту же клятву: что отдаст им свою душу, отныне и навеки, что будет их дланью, их орудием и сделает всё, что они ему прикажут, если только они позволят ему выполнить свое обещание даже после смерти.

Для себя он ничего не просил. В таких делах за себя не просят, кроме того, это противоречило бы самоотверженности, которую требуют такие клятвы. Я почти мог чувствовать его слова. Если бы я только знал их, всё бы объяснилось, я бы всё понял. Но я их не слышал, лишь знал, что они были произнесены.

Как и Лиандра, боги сдержали своё слово. Какими бы извилистыми путями Серафина не вернулись из мёртвых, оставалось тайной Сольтара.

Когда Хелис коснулась Ледяного Защитника, и Серафина нашла путь обратно к себе, а я впервые увидел душу в глазах Хелис, я узнал её, как бы сильно не сопротивлялся.

Конечно, я был не единственным кто жаждал вечной любви, но теперь я испытал её. Я хотел проклясть Джербилу, ведь именно мою душу он отдал в залог богам. Но в то время она принадлежала ему, и он имел на это полное право. Если не тело, а душа являлась сущностью человека, тогда это был мой выбор, моё обещание, которое связывало меня и сейчас.

По правде говоря, я бы принял точно такое же решение. И, как я узнал на Огненных островах, это было решение, которое я не собирался менять.

Лиандра, получеловек, возможно, полуэльф, маэстра, связанная мечом, моя королева — она была почти идеальна. Даже её готовность отдать всё, пожертвовать честью и любовью ради одной клятвы, даже это вызывало восхищение. Если когда-либо и существовала женщина, достойная любви, то это была она.

И всё же я чувствовал и знал, что чего-то не хватает, что что-то внутри меня было предназначено другой, и эта часть ждала, чтобы быть заполненной ею. Когда я впервые заглянул в глаза Серафине, даже когда она ещё говорила через Зиглинду, я почувствовал, что это она.

Как это часто бывает, когда получаешь то, на что так сильно надеешься, я не поверил. Я закрылся от того, что говорила мне Серафина, не желая признавать, что был лишь своей собственной тенью. Я упрекал Сольтара за то, что он возложил на меня свои обязанности, и восстал против него. Потому что не хотел платить по счетам, потому что у меня никогда не было выбора.

Имел ли Джерибл право вместе со своей душой заложить и мою? Была ли это его клятва или всё-таки моя?

Я горько рассмеялся, когда понял, как на самом деле всё просто. Я любил Лиандру, а он Серафину, и именно он принял решение за меня, и всё же нас было не двое, мы были одним целым. И лишь благодаря его клятве я смог полюбить Лиандру.

Это его клятва связывала меня, его клятва предназначила для меня меч Сольтара, его клятва позволила мне жить достаточно долго, чтобы старик мог сидеть на том постоялом

дворе, когда молодая маэстра распахнула дверь и изменила для него мир.

Воля Джербила связала меня, его любовь была валютой, оплатившей сделку, которую он заключил с богами — основой его воли. Я почти мог видеть его, как он последний, оставшийся в живых, стоит там внизу с инеем на коже и слепыми глазами и, держа в руках Ледяного Защитника, клянётся богам: этого нельзя допустить!

Как часто я уже думал о том же, в последний раз, когда Наталия погибла на острие Искоренителя Душ.

Но Джербил нашёл способ, и теперь мне предстояло заплатить вместо него. В другой жизни я бы встал перед Лиандрой на колени и отдал ей своё сердце. В другой жизни Лиандра также была бы королевой моего сердца, но в этой — моё сердце уже давно было заложено.

Я вздохнул и встал. Как мне объяснить всё то, что я чувствовал, но знал лишь отчасти, сам с трудом верил, а ещё меньше понимал? Я лишь знал, что Лиандра страдает и Серафина тоже. Может Лиандра и отдалась мне, чтобы получить мои услуги, но это не меняло того факта, что она всегда была честной. Она держала своё слово. Но я не мог, потому что уже отдал его другому.

Я долго сомневался в том, что любовь Лиандры была искренней, но теперь знал лучше. Она ничем не отличалась от меня. То, что у неё осталось после клятвы, она отдала мне...

И что такого было в любви, что чем сильнее она была, тем больше причиняла боли? Лиандра страдала и плакала, Серафина тоже, а внутри меня плотина лопалась по швам, готовая в любой момент прорваться.

Нельзя было допустить, чтобы Лиандра и Серафина страдали. Для Лиандры у меня не было решения, но я его найду.

Для Серафины... Пришло время признать то, о чём она знала уже давно, а я отрицал.

Я стоял в саду, глядя на этого глупого карпа. Оторвав от него взгляд, я посмотрел на солнце. За ночью всегда следует день, таково было обещание и надежда Сольгара: после смерти начинается новая жизнь. Когда я выплачу свой долг — долг Джербила — возможно, тогда снова смогу найти Лиандру.

Но не в этой жизни.

Я поднялся в наши апартаменты, дверь Серафины была открыта, и она стояла посреди комнаты, озираясь по сторонам.

Когда я постучал в открытую дверь, она испуганно обернулась.

— О, хорошо! — воскликнула она с облегчением. — Я уже начала думать, что кто-то украл Искоренителя Душ...

Если она и плакала, то этого видно не было.

— Я здесь, чтобы поблагодарить тебя за яблочный табак, — соврал я, подняв вверх небольшой мешочек. — Зокора сказала, что ты купила...

— Пустяки, я всё равно была на рынке, — отмахнулась она. — Почему ты уже здесь? Я думала, что твоя служба продлится до шестого колокола?

— Генерал-сержант Реллин считает, что я невнимателен, и отказалась продолжать тратить на меня своё время. Если завтра я буду вести себя также, она грозит обвинить меня в глупости.

— Наверное, ты сам виноват. — Она подошла и окинула меня взглядом. — Ты выглядишь странно.

— Ничего такого, — быстро сказал я. Она кивнула и отвернулась, но я коснулся её

плеча. Иногда не следует быть трусом. — Нет, есть кое-что, — тихо промолвил я. — Я столкнулся с Сантером. Он назвал меня глупцом. Зокора тоже назвала меня так и сказала, что я слеп.

— Почему? — в изумлении спросила она. — Кстати, Хавальд, я должна тебе кое-что сказать...

— Выслушай меня до конца. Ты ведь любила Джербилу, верно?

Она моргнула, тень легла на её улыбку, которая тут же померкла.

— Твоя тактичность поистине ошеломляет, Хавальд. Да, я любила его. Чего ты хочешь?

— Я не Джербил, — сказал я.

— Я знаю, — вздохнула она. — Ты говорил мне об этом столько раз и доказал.

— Когда мы были у первосвященника, ты видела его во мне и обвинила в том, что я не выполняю своих обещаний.

— Да. — Она убрала волосы с лица и посмотрела мимо меня на дверь, которая всё ещё была открыта. Сделав один большой шаг, я оказался там и закрыл её громче, чем намеревался.

— А теперь ты любишь меня, потому что всё ещё любишь его. Но я не...

Больше я ничего не успел сказать. Искоренитель Душ вовремя предупредил меня, но я остался стоять на месте. Звук от её пощёчины, был громче, чем от хлопнувшей двери, и она развернула мою голову.

— Убирайся! — крикнула она, указывая дрожащим пальцем на дверь. — Уходи, пока я не забыла себя!

Я осторожно пошевелил челюстью, та всё ещё была на месте, и упрямо покачал головой.

— Я не хочу причинять тебе боль.

— Я рада, что ты это сказал, — промолвила она. — Потому что у тебя это отлично получается! Ты меня ещё и не слышишь. Я сказала тебе уйти!

— Я не хочу быть заменой мёртвому человеку. Мне нелегко видеть, что ты ещё любишь его, и я всегда уступаю в сравнении с ним. Ты смотришь на меня такими глазами, а имеешь в виду его. Если думаешь, что это не больно, тогда ты тоже ошибаешься!

Она моргнула.

— Тебе больно?

— А ты как думаешь? — сердито ответил я. — Неужели, по-твоему, я настолько слеп, что не вижу, как ты ищешь моей близости? Хуже того, я сам не могу держать тебя на расстоянии. Ты с лёгкостью прорываешься сквозь мои стены и перепрыгиваешь мои рвы. Ты молчишь, когда слова не нужны, и всегда говоришь то, что нужно сказать. Заставляешь меня смеяться, просто находишься рядом, а когда тебя нет, мне чего-то не хватает. Я не знаю, что со мной не так, почему я не могу быть верным. Я люблю Лиандру, или любил её, или, по крайней мере, думал, что любил, и всё же, ты для меня словно магнитный камень. Ты стоишь рядом со мной, улыбаешься, я смотрю на твои волосы и глаза, чувствую твой запах, ощущаю мягкое прикосновение... Я не камень, Финна, да и будь я им, это не помогло бы, потому что ты как вода, которая пробивается сквозь самые твёрдые породы. Потом я вижу этот взгляд в твоих глазах, слышу твои тихие вздохи, вижу твои губы и понимаю, что ты думаешь о мёртвом. Твой Джербил был хорошим человеком, по крайней мере, так кажется, но иногда мне хочется проклясть его.

— Хавальд, — начала она и подняла руку, чтобы указать на дверь. — Подожди. Там...

— Нет, я не хочу ждать! — горячо возразил я. — Клянусь богами, мне трудно вынести

то, что ты сравниваешь меня с этим призраком, и я могу лишь проиграть! Если уж ты любишь, Финна, ради богов, тогда люби меня!

Кто-то хлопнул в ладоши позади меня.

— Хорошо сказано, старик, — услышал я глубокий, весёлый голос старого друга. — Теперь поцелуй её, брось на кровать, и, если пожелаешь, я объясню, как сделать её там счастливой!

— Рагнар, — простонал я и повернулся.

Он стоял там, опираясь на топор обеими руками, в тяжёлой кольчуге и толстых мехах, с рыжей бородой, заплетённой в три косы, и ухмылкой на лице, которая подошла бы любому демону.

18. Рагнар

В два шага он приблизился и поднял меня, чуть не раздавив. Я почувствовал запах льда и снега в его мехах, и медовухи — в дыхании.

Держа меня перед собой за плечи, он засмеялся, пока я пытался дотянуться ногами до пола.

— Ради всеотца, тебя всегда окружает драма. Клянусь, ты ничего не можешь сделать так, чтобы это не превратилось в сагу! — Он поднял меня повыше, чтобы лучше рассмотреть. — Так это правда, что о тебе говорят? Что ты помолодел и носишь в своём кожаном узле изгоняющий меч?

— Да. Как видишь! Но ты всё равно можешь меня отпустить.

— О, — сказала он и отпустил. Я потёр плечи. — Разве ты не рад меня видеть? — спросил он с широкой ухмылкой.

— Конечно рад, Рагнар, — очень серьёзно ответил я. В этом долгом путешествии у меня появились новые друзья, но Рагнара я знал уже давно, а он меня не как владельца проклятого меча. Мы стали друзьями не потому, что нас сблизили враги или угрожали наездники душ, а потому, что мы хотели быть друзьями и наслаждались обществом друг друга. Об Искоренителе Душ он понятия не имел. В то время я прятал клинок, завернув в кожу, кроме того, я был стар, когда мы виделись в последний раз. Много лет назад я одолжил ему золото на его мечту о собственной кузнице. Кровать, на которой он спал и производил на свет детей, была сделана моими руками; он знал меня как плотника, а не как мясника Сольтара.

Увидев его здесь, счастливого и здорового, я чуть не разрыдался. И всё же...

— После стольких лет мог бы и подождать пол отрезка свечи дольше, — пожаловался я, взглянув на Серафину, которая, к моему удивлению, улыбалась.

— Рагнар, — сказала она. — Пожалуйста, подожди снаружи. Я не хочу упустить эту возможность.

— У вас у обоих не хватит сил, чтобы вытолкнуть меня за дверь, — возразил Рагнар, указывая на меня пальцем с золотым кольцом. — Этот человек был когда-то стар, как сам отец богов, и всё же вмешался в мою жизнь. Он использовал злую хитрость, напоив и заставив меня жаловаться ему о том, насколько сильно я потерял своё сердце, отлично зная, что прекрасная дева стоит прямо позади и слушает всё, что моё пьяное, потерянное сердце изливает ему, а также ей. Теперь посмотрите на меня, старика, укрощённого нежной женской рукой, связанного и очарованного не только голубыми глазами, но и семью, слышите, семью детьми. И счастливее, чем я смел когда-либо мечтать! Только он один виноват в этом, сэра, и если...

— Да замолчите вы, наконец, Рагнар! — сказала она, шагнула ко мне и крепко поцеловала, отчего у меня перехватило дыхание и помутился рассудок. Она набрала в лёгкие воздуха. — Ты идиот, Хавальд. Мне с трудом удаётся вспомнить Джербилла. То, что я любила в нём, я уже давно вижу в тебе. Когда я думаю о его губах, я вижу твои, когда пытаюсь представить его глаза, это твой взгляд, Хавальд. Я любила его, и он умер, но ты — нет, и он — часть тебя. Я люблю тебя, а не его!

— Но...

Она снова поцеловала меня, и я словно оказался дома.

Её тело, волосы, запах, губы, мягкие и требовательные одновременно. Она коснулась

чего-то глубоко внутри меня, и все вокруг исчезло. Это длилось вечно и в то же время недостаточно долго, и когда поцелуй закончился, мне стало трудно дышать.

— Ради богов, — воскликнул Рагнар, радостно хлопая себя по ляжкам. — Вот что я называю поцелуем! Когда ты был стариком, я не верил, что когда-то ты мог пленить женщин, но теперь вижу, что не лгал. Ты полностью её охмурил, а она тебя. Давайте выпьем за это!

Оглушённый, я неохотно отстранился от Серафины, которая улыбалась как кошка, и в замешательстве посмотрел на него. В руке он держал небольшой бочонок, который показался мне знакомым, но в данный момент я не мог думать.

— Вот! — крикнул он, бросая его мне. — Я нашёл его в твоих апартаментах. Боги! Ты что, даже ловить разучился?

Я среагировал слишком поздно, бочонок пролетел мимо меня и разбился о стену. Тёмный Кронскрагер пролился на пол, и под пеной что-то блеснуло золотым цветом.

— Посмотри, что ты наделал! — возмущённо крикнул он. — Прошли годы с тех пор, как я пил этот дар богов, и теперь он пропал! — Он бросился к бочонку, поднял его и обвиняюще протянул мне. — За глоток этого тёмного варева я готов убить... Всеотец! Где, ради всех адов Сольтара, ты это взял?

Внезапно на его лице появились боль и гнев, а в глаза прокрался опасный блеск. Я, конечно, знал, что фарлендцы любят своё пиво, но это уже было слишком.

— Это всего лишь пиво, — осторожно промолвил я. Хотя Рагнар и являлся моим другом, но у фарлендцев был переменчивый нрав. Иногда с ними лучше быть осторожным.

— Нет, дело не в этом, — пророкотал он. — Я хочу знать, где ты это взял!

— Бочонок подарил мне друг...

— Не бочонок, а то, что было в нём спрятано! — гневно воскликнул он, двумя руками разорвал бочку и сунул мне в лицо широкий браслет из чеканного золота, украшенный фарлендскими рунами и усыпанный драгоценными камнями, толщиной с большой палец. — Скажи, какую могилу ты разграбил, и я, возможно, оставлю тебя в живых!

Слишком многое произошло за последние несколько дней. Сообщение о том, что я должен умереть перед ложным богом, информация, откуда он взялся, отчаяние из-за Серафины, радость от встречи с Рагнаром... и теперь это!

— Ты называешь меня осквернителем могил? — гневно воскликнул я, отстраняясь от Серафины. — Ты смеешь так оскорблять меня? Я считал тебя другом, Рагнар, но теперь ты зашёл слишком далеко! — Когда он крепче сжал свой могучий топор, Искоренитель Душ завибрировал в ножнах. Выкованный богами топор Рагнарскраг наконец-то был равным противником для меча, и, хотя в последнее время он стал более спокойным, теперь, казалось, жаждал сразиться.

— Боги! — гневно воскликнула Серафина и встала между нами, разъединяя нас и сверкая взглядом.

— Ангус — друг Хавальда, от него он получил бочонок, но он ничего не говорил о том, что в нём спрятано! Хавальд не осквернял могил, вы должны это знать; кроме того, Ангус ещё жив, хоть и недолго! Если вы знаете этого человека, Рагнар, вам лучше поспешить к нему, потому что его собираются казнить. — Она угрожающе посмотрела на нас. — И если вы не помиритесь, я вышвырну вас обоих из моих комнат. Если думаете, что я для этого слишком слаба, увидите, на что я способна!

На этот раз она действительно топнула ногой.

Рагнар уперся кулаками в бока, откинул голову назад и громко засмеялся.

— Боже, какая женщина! — воскликнул он и подмигнул мне. — Если бы я уже не был приручен, я бы стал ухаживать за вами!

— Не стал бы, — пророкотал я, но и сам не смог сдержать улыбки. Буря закончилась так же быстро, как и поднялась.

— Хорошо, — согласился Рагнар. — Тогда пошли!

— К Ангусу? — спросил я.

— А куда ещё? Я хочу знать, в чём его обвиняют. Я не могу поверить, что он преступник.

— Значит ты его знаешь? — спросил я, хотя должен был догадаться.

— Он был моим знаменосцем, одним из моих хирдов, телохранителем, — сообщил Рагнар. — Так что я должен его знать, верно? Где его казнят, и за что он должен умереть?

Теперь мне многое стало ясно. Принц, который отправился в путешествие со своими людьми и не вернулся, был не кто иной, как...

— Место казни могу назвать вам я, — сказала Серафина, беря с кровати плащ. — Это будет божья битва, и она состоится сегодня в полночь во дворе посольства Фарленда. Они не пускают чужаков, иначе я была бы там.

— Почему ты ничего не сказала? — спросил я.

— Потому что это бесполезно. Я же сказала, они не пускают чужаков.

— И за что он должен умереть? — спросил Рагнар, взвешивая в руке золотой браслет.

— Потому что не выбрал самоубийство после твоей смерти, — проинформировал я его, поворачиваясь к Серафине. — Ты знаешь дорогу к посольству Фарленда?

— Да, конечно.

— Я тоже знаю, я уже бывал здесь раньше. Но зачем ему умирать? Я ведь вовсе не мёртв! — запротестовал Рагнар.

— Этого, друг мой, никто, кроме тебя, не знал, — ответил я.

— Ты знал, — упрекнул он меня. — Почему не остановил эту казнь?

Я вздохнул.

— Потому что Ангус никогда не упоминал твоего имени. И потому что у меня были сомнения, действительно ли ты наследный принц Фарленда.

— Только принц, мой друг, — исправил он меня. — Младший из пяти и совершенно бесполезный.

— Уже нет, — заверил я его. — Твои братья все умерли, и отец, как я слышал, тоже не блещет крепким здоровьем.

Он уже открыл дверь, но теперь остановился как вкопанный.

— Что ты такое говоришь? — спросил он, побледнев. — Ты ведь не серьёзно. Ты не знаешь моих братьев, они как зубры, глупые, сильные и несокрушимые!

— Видимо, всё-таки нет, — промолвила Серафина. — Он говорит правду, Рагнар. Он просто ещё не знает, что и ваш отец отправился недавно к богам. Теперь для нового короля идёт борьба за трон, который принадлежит вам.

— Нет! — воскликнул он, решительно качая головой. — Я не могу быть королём. Мне придётся отказаться от моей жены и детей... и от кузницы... от всей моей жизни! Я не могу! — Его кулак сжался вокруг браслета Ангуса. — Но и Ангуса оставить на произвол судьбы — тоже, поэтому собираюсь его освободить. Ты мне поможешь? — Он умоляюще посмотрел на меня. — Ты ведь поможешь мне, друг, верно?

— Да, но только если ты перестанешь называть меня расхитителем могил, — произнёс я с улыбкой.

— Мне жаль. Я должен был знать лучше, но я слишком сильно удивился, — сокрушённо сказал он и вздохнул. — Боги... мои братья и отец... все умерли, а я ничего об этом не знал... — Он покачал головой. — Все они были упрямы, как волы, а трое из них пытались меня убить. Мне их совсем не жаль, но клянусь всеотцом, сейчас моя жизнь принадлежит мне! — Он умоляюще посмотрел на меня. — Мой дом — Колден, там моё будущее. Помоги мне, Хавальд, я не хочу быть королём! Ты понятия не имеешь, какой может быть сквозняк в тронном зале в Кримстинслаге зимой.

Серафина засмеялась.

— Это звучит как действительно веская причина, чтобы отказаться от королевской власти.

Рагнар обиженно посмотрел на неё.

— Вы не представляете, как там может быть холодно. И тогда, сидя на этом троне, может случиться, что яйца примёрзнут к железу. Унгар Беспольный пел об этом песню... очень высоким голосом!

Серафина фыркнула сквозь смех, и я при этой мысли тоже не смог сдержаться, но дело было слишком серьёзным, чтобы веселиться.

— Хорошо, — тихо сказал я. — Но учти одно: Кримстинслаг находится за тысячу миль от Талака. Колден может пасть, если на это будет воля императора-некроманта.

— Это мой дом, и Эриса не захочет уезжать оттуда, — сказал он, поднимая свой топор. — Моё место рядом с ней. Если этот наездник душ посмеет приблизиться, Рагнарскраг покажет ему, где раки зимуют.

— Будем наедятся, что этого не потребуется, — заметил я. — Пошли к штаб-полковнику Орикесу. Посмотрим, что он сможет сделать для освобождения Ангуса.

— Зачем? — непонимающе спросил он.

— Мы же не можем просто вломиться туда силой, — объяснил я. — Меня просили придерживаться дипломатического пути.

— Это относится к тебе, — заметил Рагнар. — Однако этот вопрос не касается Аскира. Ты можешь сопровождать меня или нет.

— Каким бы я был другом, если бы не помог? Я только имел в виду...

— Хорошо, — промолвил он, выпячивая подбородок, его борода дрожала от решимости. — Тогда давайте вытащим его из тюрьмы сейчас!

— Сейчас? — удивился я. — Прямо в этот момент?

— А что, есть причины ждать? — спросил он.

Я не смог придумать ни одной.

— Тогда пошли, — сказал он, шагая к двери. — Будем молиться, чтобы никто всерьёз не посмел встать на моём пути.

19. Дипломатия на манер северян

— Как ты сюда попал? — спросил я Рагнара, когда мы протискивались мимо тяжёлой повозки, проезжающей через ворота цитадели. — В своих шкурах и большим топором он, как обычно, притягивал множество взглядов, которые игнорировал.

— Королевский совет, — ответил он. — Хочу посмотреть, что происходит в империи.

Он был ещё выше и шире Ангуса. В течение четырнадцати лет он изо дня в день поднимал тяжёлый молот в своей кузнице, и это сказалось на его теле. Верхняя часть его руки была в объёме шире, чем моё бедро.

Он выглядел так, словно мог одной рукой передвинуть гружёную повозку, а его топор усиливал это впечатление. Предположительно, топор был выкован богом и наделял своего владельца силой десяти человек.

Рагнар научил меня сражаться топором, мы также тренировались с мечами. К его силе добавлялась скорость, которую от него никак не ожидаешь, а также хитрость и проницательность.

Если бы мы не знали, что императора-некрманта нельзя победить иначе, как предначертанной судьбой, я бы думал, что Рагнар вполне способен убить наездника душ. Многие фарлендцы часто вели себя невежественно и грубо, Рагнар тоже так мог, но у него была голова не только для того, чтобы носить шлем, он был образован до такой степени, что ему не нужно было прятаться даже в изысканном обществе.

Теперь он шёл впереди, люди поспешно уступали ему дорогу, и даже Быки у ворот посмотрели на него весьма скептически. Он не обратил на них внимания и прошёл мимо, казался расслабленным, но я знал его достаточно хорошо, чтобы понять, что он всё видит и запоминает.

Он счастливо жил со своей женой, которая была такой же миниатюрной, как Зокора и такой же волевой. Можно было бы подумать, что работая кузнецом, он впустую растрачивает своё время, потому что если кто и был достоин королевской власти, так это Рагнар. Но ему не нужна была корона; он оказывал на людей такое воздействие, которое заставляло их склонить колени, хотя они даже не знали, почему.

В Колдене он не занимал никаких должностей, а только входил в совет ремесленников, где его, однако, редко можно было встретить. Он не навязывался в руководство, и всё же в свой последний визит я заметил, как люди часто обращаются к нему за советом. В Колдене, самом молодом городе моей родины, и по всему краю за Громовым перевалом он уже был правителем, но ему не нужны были ни корона, ни власть. Люди ценили и уважали его за советы.

Громовой перевал также должен был стать трудно преодолимым препятствием для императора-некрманта и его легионов. Наш план заключался в том, чтобы те, кто смог сбежать от императора-некрманта, могли собраться в Колдене. Было очевидно, что там Рагнар был в большей безопасности, чем в Кримстинслаге.

Пока он шагал вперёд, словно его ничто не могло остановить, я увидел, что на горизонте собираются тучи. Я знал, как мыслит Лиандра, а поскольку Рагнар был моим другом, она будет надеяться, что сможет оказывать на него влияние. Друг на одном из тронов Семи королевств был для неё важнее всего остального. Она будет ожидать, чтобы я надавил на него принять королевскую власть. Если бы его можно было вынудить без моей помощи, она

бы так и сделала.

Фарлендское посольство находилось в верхнем городе. Поначалу там было не так уж много интересного: высокая стена, ограждающая удивительно большую территорию, имперские Быки, охраняющие широкие ворота, и два фарлендских гвардейца, которые по виду мало чем отличались от Рагнара в своих шкурах и тяжёлых кольчугах, разве что он выглядел более ухоженным.

Эти двое выглядели так, словно считали своей задачей пугать маленьких детей. Мне показалось, что они спали стоя; я не удивился бы, если бы услышал храп.

Когда Рагнар появился в поле их зрения, они обратили на него внимание и с любопытством посмотрели в нашу сторону. А когда их соотечественник подошёл ближе, они всё же зашевелились. В то время как имперские Быки продолжали стоять, как статуи, один из фарлендцев вышел вперёд и сказал что-то на языке, который прозвучал так, будто у него болело горло, и он, одновременно с приветствием, объявил войну.

Рагнар не ответил. Он схватил мужчину за шею и бросил так, что тот, пролетев высоко над землёй, врезался в стену дома на другой стороне улицы, соскользнул вниз и оглушённый, остался лежать. Когда другой стражник потянулся за своим топором, Рагнар схватил его и с силой бросил на землю, а затем поставил тяжёлую ногу ему на горло.

— Я Рагнар сын Хральдира, — сообщил он незадачливому парню в подчёркнуто дружелюбной манере. — Теперь доложи о моём прибытии.

Когда оглушённый охранник попытался подняться, Рагнар снова опрокинул его ногой и рывкнул что-то на своём языке, что заставило охранника поспешно уползти на четвереньках.

— А я-то думала, что Ангус ужасен, — высказалась Серафина.

— Так надо, — прошептал он уголком рта, всё ещё глядя так мрачно, словно собирался снести стену посольства голыми руками. — Такую дерзость может позволить себе не каждый, сэра Хелис, и именно она подтверждает мои притязания. Кто ещё, кроме сына короля, может осмелиться так обращаться с заслуженными ветеранами?

— Но, похоже, тот заслуженный ветеран смотрит на это иначе, — услужливо сообщил я ему. Охранник, которого Рагнар отбросил к стене дома, встал на ноги. Но Рагнар не нуждался в моём предупреждении. Учитывая то, как громко взревел мужчина, когда бросился на Рагнара с топором, его трудно было не заметить.

Мы с Серафиной обменялись взглядами, а затем вежливо отошли в сторону. Рагнар ждал до последнего момента, затем повернулся, выхватил топор из руки парня и перебросил того через высокую стену.

Мы с Серафиной проследили взглядом за полётом несчастного, увидели, как он исчез за стеной и оба скорчили рожицы при звуке падения.

— Должно быть, это было больно, — сухо заметила Серафина.

— Может сможете спросить его об этом позже, — ответил Рагнар, и на его преувеличено мрачном лице дёрнулся уголок рта. — Он будет утверждать, что его мать гладила его жёстче, чем я только что. — Он взвесил в руке топор стражника, размахнулся и бросил его в тяжёлые ворота, где остриё вонзилось в твёрдое дерево по самую рукоятку: удар получился таким громким, что прозвучал как раскат грома.

— Разве вы не можете просто поговорить друг с другом? — с любопытством спросила Серафина. — Вам обязательно разбивать друг другу головы?

— Да, мы можем поговорить, — согласился Рагнар, с видимым трудом сдерживая смех. — Но сначала им нужно набить шишки, чтобы они позволили мне что-то сказать! — Он

бросил на нас быстрый взгляд. — Отойдите ещё немного, потому что если сейчас они воспримут меня всерьёз, то пришлют четверых человек. Если повезёт, придёт восемь, это сократит процесс.

Они восприняли его всерьёз, потому что ворота распахнулись, и добрый десяток разъярённых фарлендцев бросился на Рагнара с топорами и мечами. Мы поспешно метнулись в сторону, их вида было достаточно, чтобы даже зашевелились Быки. Они хорошо знали фарлендцев и теперь лишь напутствовали любопытных граждан обходить территорию стороной.

Рагнар благоразумно не использовал свой топор, зато сломал мечи, бросил в ворота ещё четыре топора, и раскидал нападавших, словно те были куклами. Он перебросил через стену ещё двоих, но перестал, когда его третий бросок не дотянул в высоту, и мужчина врезался в верхнюю часть стены. Мы слышали, как ломаются кости, когда воин застрял наверху, а потом упал на землю.

Ему не потребовалось много времени, чтобы закончить, после чего у Рагнара появилось много порезов, из которых шла кровь. На руке топор порвал кольчугу и повредил мышцу, но именно этой рукой он поднял самого старшего из нападавших, чтобы встряхнуть его как молодого пса.

— Я Рагнар сын Хральдира, — объявил он. — Кто здесь говорит от имени короля? — Он тряс мужчину с такой силой, что его зубы громко стучали.

— Скутильвин, Олиф сын Скавона, — с трудом выговорил мужчина.

Рагнар отпустил его и дал ему пинка.

— Хорошо, скажи барону прийти. Приведи его и скажи, чтобы он был вежливым!

Вокруг него северяне начали подниматься. Тяжело качая головой и пошатываясь, они пошли прочь, однако не ушли далеко, встали или сели поблизости. Казалось, драться им уже не хотелось, они просто с любопытством наблюдали и разговаривали друг с другом.

Как бы ужасно не выглядела потасовка, до сих пор погибших не было, только сломанные кости. Что было сделано намерено. Какая Рагнару польза наживать себе здесь врагов?

Человек, вышедший из ворот на этот раз, был облачён в тяжёлую кольчугу и держал в руке рог вола, но не оружие. Его длинная седая борода была переплетена золотой проволокой, а тщательно расчёсанные распущенные волосы удерживались обручем.

Он подошёл к Рагнару, поднял рог, сказал что-то на фарлендском и протянул рог Рагнару. Взяв его, Рагнар крикнул что-то, от чего у меня заложило уши, после чего все фарлендцы в поле зрения взревели, засмеялись и выкрикнули имя Рагнара, затем мой друг поднёс рог к губам и выпил, в то время как пена и хорошее пиво стекали по его бороде. Он триумфально поднял пустой рог, после чего все бросились к нему, похлопывая его по плечам и приветствуя громкими криками и широкими улыбками.

Один из Быков вежливо обратился к нам.

— Простите, сэра, сэра, вы не могли бы сказать, кто этот человек? — спросил он.

— Рагнар сын Хральдира, — ответил я, и солдат кивнул.

— Это мы слышали, но кто он такой? Мне нужно это для отчёта.

— Принц фарлендцев.

— Это всё объясняет, — заметил солдат из Быков, вежливо кивнул и вернулся на свой пост.

За высокой стеной фарлендцы чувствовали себя как дома. Это было не просто

посольство, скорее небольшая деревня с большим общинным домом и множеством хозяйственных построек, включая кузницу, на которую Рагнар посмотрел с некоторой ностальгией, когда нас вели к общинному дому.

Там нас усадили на скамью возле большой чаши с углями, которую разжигала старуха, и вручили пенистое тёмное пиво и жаркое, пока хозяева дома бурно спорили друг с другом. Рагнар сидел молча, пил тёмное пиво и капал кровью из руки.

— А что насчёт Ангуса? — тихо спросил я. Насколько я понял, его имя ещё не упоминалось.

— Я жду, когда кому-нибудь из них придёт в голову, что Ангус должен меня узнать. И что он не лишился чести, когда я так очевидно жив.

Нас с Серафиной в основном игнорировали, так что мы могли спокойно наблюдать за зрелищем. Это не заняло много времени, всё началось со спора между двумя, всплыло имя Ангуса, потом присоединился ещё один, потом четвёртый...

Спор становился всё громче, в который вступало всё больше участвующих. Один из фарлендцев швырнул свою кружку через всю комнату, что-то прорычал, а затем демонстративно ушёл.

— Что происходит? — тихо спросил я.

— Тот, кто только что ушёл, был обвинителем. Теперь, когда выяснилось, что обвинение было ложным, ему придётся сойтись с Ангусом. Мужчина рассердился и говорит, что не мог знать, что я жив. Но тот старый воин заметил, что и о том, что я мёртв, он тоже не мог знать. Так что сейчас мы снова увидим Ангуса. — Он поморщился. — Проблема в том, что обвинитель — сын борона, который выступает здесь от имени короля, и пользуется хорошей репутацией. Теперь они совсем не рады тому, что я жив.

— Человек, который недавно приветствовал тебя рогом с пивом?

— Да, — мрачно ответил Рагнар. — С этого момент нам больше не следует пить то, что не попробовала, по крайней мере, собака.

Мы с Серафиной обменялись взглядами. Самое позднее сейчас я бы поверил, что он сын короля. Так думать можно научиться, очевидно, только при дворе.

Обвинитель вернулся обнажённый, не считая набедренной повязки. Он встал перед нами в круг зала и бросил ненавидящий взгляд в сторону Рагнара. Затем двое мужчин помогли войти третьему, в котором я едва узнал Ангуса.

— Боги, — воскликнул я. Рагнар негромко выругался, даже Серафина издала сдавленный крик.

Бороду Ангусу сбрили, и он был избит так, что всё его тело покрылось синяками, кроме того, он был таким грязным, что было трудно определить, где кончаются кровавые струпья и начинается грязь. Его опухшие глаза были сощурены, как будто тусклый свет в зале сиял ярче солнца.

Я посмотрел на Рагнара, по лицу которого не было заметно, что он потрясён, но то, как он сузил глаза, было мне знакомо.

Старый воин встал, в его руках было два коротких меча, и громко обратился ко всем в зале. Затем шагнул к Ангусу и заговорил с ним, указывая на Рагнара.

С трудом подняв глаза, Ангус моргнул. Затем его губы медленно скривились в широкой ухмылке, обнажив раздробленные зубы.

— Клянусь всеми кругами ада! — крикнул он. — Что ты сделал, Хавальд? Ты воскресил Рагнара из мёртвых?

Поднялся гул голосов, но Рагнар поспешно вскочил на ноги.

— Нет, друг мой, он нашёл меня там, где я живу, — крикнул он и добавил: — Что с твоей бородой?

— Меня обвинили в том, что я жив, в то время как ты умер, принц, — отозвался Ангус. — Это просто чудо — видеть тебя!

— Такое же, как видеть тебя, — согласился Рагнар и залез под накидку. — Но если ты ещё раз явишься мне на глаза вот без этого, я разозлюсь.

Золотой браслет пролетел по воздуху, и, несмотря на своё состояние, Ангусу не составило труда поймать его. Один момент он держал его с благоговением, затем надел.

— Признаёшь ли ты в этом человеке своего принца? — спросил старый воин у пленника на ломаном имперском языке, вероятно, чтобы включить в разговор нас.

— Да, и как не признать. Ни у кого другого нет такого топора.

— А если он лжёт, чтобы спасти свою шкуру? — заговорил другой, его обвинитель. Теперь мужчина указал на меня. — Он и этот человек знакомы друг с другом, это мы знаем. Может это просто обман, чтобы уберечь Ангуса от его судьбы.

— Очень может быть, — согласился старый воин, поднимая мечи, которые принёс. — Давайте выясним.

Сказав это, он швырнул на землю оба клинка и поспешно отступил назад, в то время как обвинитель Ангуса бросился к ним. Он оказался быстрее Ангуса, который всё ещё выглядел оглушённым, и схватил оба меча.

— Да, Ангус, Волчий Брат, сейчас мы увидим! — насмешливо сказал он, поднимая клинки для атаки, которая чуть не стала гибелью Ангуса. Он с трудом избежал зияющей раны в боку, но его улыбка стала шире, а потом он даже громко рассмеялся.

Когда его противник снова атаковал, Ангус не стал уклоняться, а шагнул ему навстречу, один меч ударил и пронзил его, другой рассёк левое плечо, но Ангус достиг своей цели: он схватил своего противника за шею. С рычанием он голой рукой выдрал ему глотку. И пока тот стоял ещё мгновение, а затем рухнул, истекая кровью, Ангус уже встал на колени перед Рагнаром.

— Принц, — крикнул он. — Я никогда не был так счастлив! — Затем он повалился на бок.

Рагнар медленно встал, отставил в сторону рог и спустился на две ступеньки, чтобы схватить Ангуса одной рукой и перекинуть через плечо.

— Идёмте! — прошептал он нам и пошёл вперёд, прямо на тех, кто был перед ним. Они уступили ему дорогу, но по выражению их лиц было ясно, что они не рады. Мне показалось, что у покойника было здесь больше друзей, чем у принца.

Мы с Серафиной поспешили за Рагнаром, который не останавливался, продолжая спокойно и размеренно идти дальше, как будто ничего особенного не было в том, чтобы вот так нести истекающего кровью товарища, прямо из общинного дома к воротам.

За нами следили только взгляды.

— Он ещё жив? — спросила Серафина, когда мы завернули за угол, и фарлендское посольство скрылось из виду.

— Я не знаю, — ответил Рагнар. — Если и жив, то долго не протянет. Он крепкий орешек, но был слишком сильно ранен. Его нужно отнести к целителю.

— К Орикесу, — сказал я. — Я слышал, что штаб-полковник лучший медик в городе, он сможет помочь.

— Он в цитадели, верно? — осведомился Рагнар. Я лишь кивнул.

Рагнар оглянулся — нас никто не преследовал.

— До туда не так уж и близко, но если этот человек лучший врач... — Он посмотрел на меня и усмехнулся. — Надеюсь, ты снова хорошо держишься на ногах, старик! — крикнул он и пустился бежать.

— Значит вы Рагнар сын Хральдира, — поинтересовался Орикес, выходя из комнаты с окровавленными руками, где Ангус лежал на холодной каменной плите.

Орикес подошёл к раковине и жестом попросил меня накачать ему воды.

— Да, — ответил Рагнар, бросив на штаб-полковника непроницаемый взгляд. — Это я.

— Хм, — хмыкнул Орикес, снимая с себя окровавленный халат и бросая на пол, а затем тщательно моя руки. — Рагнар, который исчез вместе со своим кораблём пятнадцать лет назад? Последний сын Хральдира сына Эрульфа?

— Да, именно он, — спокойно ответил Рагнар. — Что с Ангусом?

— Ваш друг будет жить, хотя это чудо. Небольшой отдых не повредит ему. Может ли быть, что сырое мясо поможет его выздоровлению?

— Может и так, — бесстрастно ответил Рагнар. — Но он ценит и жареное.

— Это так? — теперь Орикес повернулся ко мне. — Наша Сова говорит, что он ваш друг, сэр Родерик, и привела его сюда, потому что таково было ваше желание. Вы знали, что он сын короля, имеющий право на трон Кримстинслага?

— Нет. Не точно.

— Но вы догадывались. Ваша королева не слишком этому обрадовалась, и, похоже, она также не особо ценит вашего друга Ангуса.

— Она знала о Рагнаре.

— Как мне кажется, недостаточно, — вздохнул Орикес. — Вы ведь знаете, что ещё усугубили ситуацию. Фарленды — хорошие союзники, но останутся ли они ими зависит от того, кто завладеет троном. — Он посмотрел на Рагнара. — Возможно, это звание и принадлежит вам по праву, но я задаюсь вопросом, достаточно ли у вас друзей, которые смогут вас поддержать.

— Нет, — бесстрастно ответил Рагнар. — Мои друзья сопровождали меня в путешествии, в Фарлендах остались лишь мои враги. Значит Ангус будет жить. За это я благодарю вас, штаб-полковник.

— Не стоит благодарности. Дайте своему другу два дня отдыха. И ради всех богов, я надеюсь, что вы знаете, что делаете, генерал Копья.

— А причём тут я? — удивлённо спросил я.

— Вы пригласили к себе Рагнара, а всё остальное вытекает из этого. — Он проницательно взглянул на меня. — Комендант надеялся, что вы будете сидеть смирно, и я тоже. Но как я слышал, вы с удивительным усердием раскапываете прошлое и будоражите мир. Поверьте, иногда лучше оставить мёртвых в покое. — Сказав эти слова, он вышел за дверь и тихо закрыл её за собой.

— Он один из твоих новых друзей? — спросил Рагнар.

— Я точно не знаю, — ответил я. — До сих пор я думал, что это так.

— Аскир — это нечто большее, чем кажется на первый взгляд, — заметил Рагнар и отошёл в сторону, когда два солдата из Перьев вынесли Ангуса на носилках. Они отнесли его в апартаменты, где он сможет восстановиться. — Убедись в том, что не преградишь имперскому городу путь к их цели, иначе он даже не заметит, что растоптал тебя.

20. Новое начало

Не было ничего удивительного в том, что теперь Лиандра нашла для меня время. Она стояла в моей комнате, словно пылающее пламя из холодного льда, с Каменным Сердцем в руках, чьи красные глаза гневно мерцали.

— Оставьте нас, — властно сказала она Серафине и Рагнару, которые вошли вместе со мной, но Рагнар лишь покачал головой и скрестил руки на груди.

— Я остаюсь. Он мой друг.

— Я тоже не уйду, Лиандра, — тихо ответила Серафина.

— Хорошо, — отрывисто сказала она. — Тогда не надо. — Она посмотрела на меня своими фиалковыми глазами, в глубине которых пылало тёмное пламя. — Я думала, ты верен мне, — открыла она перепалку, заставив Рагнара фыркнуть.

— А я и верен, — устало ответил я.

— Но я что-то этого не вижу. Если это действительно сын короля, последний из выводка Хральдира, тогда я должна была об этом знать. Было бы полезно возвести его на трон. Теперь же это застало меня врасплох, и то, о чём я договорилась, оказалось под угрозой.

— Какое отношение ты имеешь к наследованию фарлендского трона? — раздражённо спросил я, направляясь к кровати, чтобы поставить там Искоренителя Душ.

Лиандра повернулась вместе со мной и разочарованно покачала головой.

— Думаешь, я бездельничала? Пока ты исследуешь древние гробницы и сотрясаешь храмы, я делала свою часть работы. Я в процессе создания альянсов, и мне не нужно, чтобы ты за моей спиной плёл заговоры.

— Лиандра, — начал я, но она в гневе подняла руку.

— Я здесь не для того, чтобы слушать, что ты хочешь сказать, а чтобы потребовать то, что ты мне обещал: что ты будешь верно служить короне Иллиана! Ты многое для нас сделал, но здесь, в Аскире, начинается новая игра, правил которой ты не знаешь. Королём ты не захотел стать, теперь я знаю почему. — Взгляд, которым она одарила Серафину, был отнюдь не дружелюбным и разозлил меня.

— Моё решение от неё не зависело, — возмутился я.

— Я так не думаю.

— Лиандра, это несправедливо, — также возразила Серафина.

— Он был твоим, пока между вами не встала корона.

— Что тебя вполне устраивает, — холодно ответила Лиандра. — Или ты будешь отрицать, что была этому рада? Что ж, от короны ты отказался, значит ты просто солдат, — снова обратилась она ко мне, не дожидаясь ответа Серафины. — Солдаты выполняют приказы, а не занимаются дипломатией.

Я не совсем понял её.

— К чему ты клонишь?

— Бездействие не идёт тебе на пользу, поэтому я попросила коменданта поручить тебе задание, которое соответствует твоим навыкам, и так ты будешь занят делом. Здесь, в городе, есть некроманты, и мне кажется правильным, если ты позаботишься о них, а не будешь лезть в то, чего не понимаешь.

Я старался сохранять спокойствие.

— Лиандра, — начал я. — Ты во многом ошибаешься. Рагнар здесь...

— Пусть делает то, что считает нужным, — заметила она, гордо взглянув на него. До сих пор он лишь молча наблюдал за ней. — Я тоже так поступаю. Нужно победить врага. Хавальд, это не игра! Дипломатия подчиняется не тем правилам, что битва; воин ещё никогда не был хорошим дипломатом.

— Ты не понимаешь... — начал я, но она снова перебила меня.

— Королевство нуждается в твоих навыках, генерал Копья. Я желаю, чтобы ты был полезен здесь и больше не мешал мне. Ты вызываешь рья там, где я хочу, чтобы вода была гладкой.

— Не могла бы ты убрать Каменное Сердце? — настоятельно попросил я. — Слишком много стоит между нами, чтобы...

— Стояло, — ледяным тоном прервала она меня, вцепившись крепче в Каменное Сердце. — Вот почему так трудно тебя простить. У тебя есть приказ, так выполняй работу, которую требует от тебя королевство. — Она бросила на нас последний величественный взгляд и вышла.

Я смотрел ей вслед. Было больно.

— Она это не нарочно, Хавальд, — первой нарушила молчание Серафина. — Всё это время она цеплялась за Каменное Сердце, как будто сломается без меча.

— Она даже не рассердилась, — удручённо заметил я. — По ней не пробежала ни одна искра. — Я вздохнул. — В мои намерения не входило причинять ей боль, по крайней мере, это она должна знать.

— Она знает, — нежно произнесла Серафина. — Я в этом уверена.

Как бы и мне хотелось быть уверенным.

— Это новая королева Иллиана? Маэстра, о которое рассказывают в Громовой крепости, Лиандра Ди Гиранкур? — недоверчиво спросил Рагнар. — Что ты сделал? Выкинул её из своей постели?

— Она предложила мне место рядом с собой, но я отказался, — устало сказал я. — Но мне казалось, она это поняла.

— Ага, — промолвил он, глядя на Серафину. — Корона — это одно, но ты также отверг её как женщину. Удивительно, что она не вцепилась тебе в горло.

— У меня не было выбора, — сказал я, массируя виски.

— Неправильно. Ты выбрал, и это будет иметь последствия. — Рагнар окинул взором бледную Серафину, которая неподвижно стояла у окна. — Но я могу понять твой выбор. — Он перевёл взгляд на меня. — Что она имела в виду, сказав, что ты сотряс храм?

— Мы нашли следы старого злодеяния, — объяснила Серафина вместо меня. — По правде говоря, вряд ли в этом виноват Хавальд. Он просто был там вместе с другими. — Она вздохнула. — До сих пор мы ещё не обсуждали то, что обнаружили там. Мы и сами пока не знаем, как к этому относиться. Недавно мы узнали, что много веков назад некромант, достаточно могущественный, чтобы противостоять даже самому Асканнону, смог преодолеть влияние храма и сбежать.

— И кто это? — с любопытством спросил Рагнар. — С тех пор о нём было что-нибудь слышно?

— Нет, — ответил я. — На мгновение я даже подумал, что это был сам император-некромант, но влияние этого некроманта уходит корнями ещё дальше. Он — камень в мозаике, картину которой мы ещё видим не полностью.

— Но вы знаете, кто оттуда сбежал?

— Мы пока не знаем его имени, только то, что этот проклятый один из старейших и самых могущественных наездников душ, — сообщила Серафина. — Человек, которого Асканнон однажды победил, но не смог убить. Вместо того, чтобы умереть самому, наездник душ отдавал жизни, которые украл. Поэтому его заточили под храмом отца богов в надежде, что там он умрёт. В отместку за справедливое наказание и из-за безумия, его освободил ученик Сов, которые изгнали его из башни после того, как он изнасиловал женщину. Хуже того, проклятый незаметно от всех сбежал. Прошло более восьмисот лет, прежде чем мы обнаружили это преступление. — Она подошла ко мне и села рядом со мной на кровать. — Однако мы можем с уверенностью предположить, что он является частью целого. Император-некромант нацелен на Аскир, и то, что наездник душ был так долго заключён здесь в страданиях, не может быть совпадением. Он не успокоится, пока Вечный город не будет уничтожен.

— Тогда ему есть чем заняться, — согласился Рагнар, горько рассмеявшись. — То, что вы рассказали мне о проклятом... — Он вздохнул. — Полагаю, всё всегда начинается с малого и до поры до времени незримо.

— Совершенно верно, — тихо сказал я. — Это напомнило мне о другом. Мы получили предупреждение о том, что некромант маскируется под посланника королевского совета твоей родины. Мы пока не знаем, кто это, но собирались позаботиться об этом.

— Мне помочь вам убить его?

— Нет, — ответил я. — Ты не знаком с таким врагом и не знаешь, какой тёмной магией он владеет. Тут не поможет даже твой топор. Но, возможно, с надлежащей осторожностью, ты сможешь выяснить, кто это.

— Как же удачно вышло, что сегодня мы завели так много новых хороших друзей среди моих соотечественников, — с горечью заметил он.

— Может тебе ещё всё-таки удастся усмирить бурю. Мы знаем, что проклятый прибудет в Аскир только в свите нового короля. Так что у нас ещё есть немного времени. Если тебе удастся что-нибудь выяснить, не нападай на него сам. Обратись к нам или к Лиандре.

— К ледяной королеве? Зачем мне это?

— Потому что она знает, как поймать некроманта, и у неё есть изгоняющий меч. Она совсем не такая, как показала себя сегодня.

Он вздохнул.

— Мне следовало бы пожаловаться, что теперь я вовлечён в эту войну, Хавальд, но её не избежать. Я хочу, чтобы мои дети жили и не были рабами. Так что это и моя борьба тоже. И если это будет стоить мне жизни, так тому и быть.

— Лучше тебе оставаться живым и быть хорошим отцом для своих детей, — сказал я. — Будь осторожен, потому что всё, что ты слышал о наездниках душ — правда, если не хуже.

— Посмотрим, что я смогу выяснить, но Хавальд, мне действительно не нужна корона, даже если она принесёт тебе пользу. Это уже слишком.

— Я знаю, друг. Я очень хорошо тебя понимаю.

Он кивнул и на мгновение его взгляд устремился в неопределённую даль, затем он расправил плечи.

— Вы, наверное, хотите побыть наедине, а мне ещё нужно проведать Ангуса, — солгал он, направляясь к двери, но остановился, положив руку на ручку. — Я бы предпочёл провести с тобой больше времени. Кажется, здесь появилась целая сага, которую я ещё не

знаю.

— Позже. Возможно, будет лучше, если ты пока вернёшься к своей жене, — предложил я. — Мы как-нибудь найдём некроманта, а ты нужен в Колдене. И благодаря порталу, нас разделяет всего один шаг. Будет время пообщаться и выпить хорошего пива. А что насчёт Ангуса?

— Я как можно скорее отвезу его в Громовую крепость. Пусть восстанавливается там и завидует, что у меня такая замечательная жена, пока я выясню, кто некромант в свите Фарлендна.

Удачи и благословение богов на охоте, Хавальд! — Он поклонился Серафине. — Вы достойная уважения женщина, раз смогли пленить Странника. И ему очень повезло, что я уже занят! — Он широко улыбнулся, подмигнул мне и закрыл за собой дверь.

— Он впечатляет, — заметила Серафина. — Ты прав, во многом он похож на Ангуса, но в тоже время нет. — Она вздохнула. — Мне жаль, что Лиандра восприняла всё так. Ты не мог знать, что она ведёт переговоры с Фарлендами. Или она что-то об этом упоминала?

— Ни слова. Но дело не в Рагнаре или Ангусе... Она расстроена.

— Я тоже, — заметила Серафина, прислонившись ко мне. — Мы все уязвимы, особенно по отношению к нашим друзьям.

— Я не уверен...

— Хавальд, — тихо сказала она, наклонившись ко мне. — Тебя я не спрашивала, — прошептала она, и её губы заставили меня забыть о любом возражении. Но потом, когда я начал задыхаться, она отступила и печально посмотрела на меня. — Слишком рано, верно? Между нами всё ещё стоит Лиандра.

— Это неправильно, — нерешительно промолвил я. — Мужчина не должен переходить из рук одной женщины в руки другой. Это неприлично, нужно, чтобы прошло время. Послушай, Финна, я не лгал, я люблю её или любил. А она меня... — Я провёл рукой по своим коротким волосам. — Всё сложно!

Она вздохнула.

— Я вернулась к жизни и увидела тебя в её объятьях. Я убеждала себя смириться. Ты достаточно часто был со мной холоден. Я уже сдалась, но тут ты пришёл ко мне в комнату и снова всё всколыхнул. Чего ты хочешь, Хавальд?

Я призадумался. Чего же я хотел?

— Чтобы Лиандра простила меня. И тебя. И дала нам своё благословение.

— И ты будешь ждать? Даже если этого никогда не случится?

— Это правильно. — Я взял Искоренителя Душ и уже собирался встать, но она удержала меня.

— Куда ты идёшь?

— Найти Лиандру. Объяснить ей всё.

— Сейчас? — Она покачала головой и фыркнула. — Даже сами боги не смогли бы объяснить ей всё сейчас. В данный момент одна должна злиться на тебя, чтобы разорвать с тобой связь.

— С какой стати? — в изумлении спросил я.

— Боже, какой же ты наивный. Сколько тебе лет? Неужели у тебя действительно так мало опыта в любви?

— Откуда ему взяться? Когда-то я любил одну женщину, она состарилась и умерла. Сегодня я даже не смог бы вспомнить её имени. Только боль, которая осталась. Лиандра

была первой, кого я осмелился полюбить после неё.

— Боги, — промолвила она, ошарашенно глядя на меня. — Ты ей вот так всё и объяснил?

— Да, почему бы и нет? Это правда.

Она встала и внимательно посмотрела на меня.

— Мы поговорим с ней вместе после того, как пройдёт некоторое время. Лучше молчи, прежде чем разрушишь ещё больше. Боги, Хавальд, ты словно рубишь топором грубое бревно! — Она беспокойно зашагала по комнате туда-сюда, затем остановилась. — Ты не можешь хотя бы раз солгать? — спросила она. — Это всегда должна быть правда?

— Я больше не могу запомнить свою ложь, — объяснил я. — Лучше говорить правду.

— Но её нужно давать небольшими порциями, а не топором! — пожаловалась она. — Лучше я сейчас пойду, Хавальд, а то совсем впаду из-за тебя в отчаяние. Встретимся позже. — Сказав это, она выбежала из комнаты и с силой захлопнула за собой дверь.

Я попытался успокоиться, а потом пошёл к штаб-полковнику Орикесу. Его не было в апартаментах, поэтому я спустился в его кабинет. Он оказался там, но был занят, и мне пришлось долго ждать, так что я немного остыл.

— Входите, — сказал он, когда сам открыл передо мной дверь.

Он указал рукой на простой стул и сел за свой письменный стол. Я оглядел скромно обставленную комнату, которая своей простотой напоминала келью. Одна стена была полностью закрыта полкой для книг и свитков, на другой висела большая карта с границами Старой империи. Рядом была прикреплена новая поменьше, на которой был изображён Иллиан и другие королевства моей родины.

Он проследил за моим взглядом и улыбнулся.

— Подарок от эльфов, — заметил он. — До вас уже дошла весть о том, что стены вашего королевского замка ещё держатся?

— Нет, — ответил я, почувствовав облегчение. — Но это приятно слышать. Какая там ситуация?

— Если бы я не знал, что эльфы умеют считать, я бы сказал, что они ошиблись. Они сообщили, что столица осаждена огромным войском. Армия перед её волами насчитывает более тридцати тысяч человек. Там есть река, которая служит вашей столице в качестве оборонительного рва. Она полна трупов, и приспешники Талака вырезают ваших людей и насаживают их головы на копья. Но вы сами знаете лучше, что там сейчас происходит.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Ваша королева рассказала мне о сне, который вы видели. То, что сообщили нам эльфы, подтверждает каждую деталь. Вам часто сняться вещие сны? Возможно, это даже божий талант?

— Если и так, то талант не мой, а королевы, — тихо сказал я. — Я всегда видел сны только о ней.

— Жаль, это было бы очень полезно. — Он посмотрел на карту и сделал глубокий вдох. — Стены, похоже, ещё держатся, и, возможно, простоят достаточно долго, чтобы вы смогли провести туда свой легион. Должно быть, столица хорошо построена, чтобы выдержать такую осаду.

— У нас был король, который любил строить. Кроме строительства, он ничего не делал, но в этом деле был хорош. — Я скрыл тот факт, что он хотел покрыть зубцы башен позолотой, потому что считал, что это придаст им красивый блеск.

Он задумчиво кивнул.

— Как оказалось, есть огромная польза в порталах и наших новых союзниках. Новости проходят через портал в Громовую крепость, как вы называете старую крепость, а оттуда передаются наездникам грифонов. Сейчас мы рассматриваем возможности, как лучше всего установить контакт со столицей, но эльфы осторожны и не хотят, чтобы их видели, тем более, что там сейчас тоже появились виверны. Но мы оптимистичны по поводу того, что скоро сможем обмениваться сообщениями со столицей.

— Это хорошо, — отметил я. — Но мне бы хотелось сделать намного больше.

— Мы уже делаем больше, но пока это не слишком заметно. Эльфийские наездники грифонов усилили свои атаки, и после того, что произошло на Огненных островах, похоже, больше эльфов перешло к действию. — Он тихо засмеялся. — Возможно, их королева даже приедет на Королевский совет, это было бы впервые за много веков.

— Там может говорить любая коронованная особа? — удивлённо спросил я.

— Говорить да, но место в совете есть только у наших союзников. — Он улыбнулся. — Поскольку союз между империей и эльфами никогда не был расторгнут, можно утверждать, что это не новый, а старый союз. И то, что у эльфов есть собственное место в зале совета, станет подспорьем. Там тринадцать лож, но до сих пор использовалось только восемь.

— Тринадцать? Восемь? — спросил я в изумлении. — Я думал, что Старая империя состоит только из семи королевств.

— Восьми вместе с Аскиром, — подтвердил Орикес. — В последние столетия совет проводили там только мы и Семь королевств, но когда-то здесь собирался альянс, задолго до того, как Асканнон заключил договор с Семью королевствами. С нами, эльфами и Иллианом стало десять.

— Для кого предназначены остальные три ложи? — с любопытством спросил я.

Орикес рассмеялся.

— Насколько я знаю, тринадцать лож для совещаний было построено в тронном зале, потому что это счастливое число. В году тринадцать лун, когда-то существовало тринадцать боевых кланов. Это число считается священным с незапамятных времён, вы можете встретить его повсюду. — Он наклонился вперёд. — Я попрошу проверить в архивах, заключал ли народ тёмных эльфов свой собственный союз с империей или они были представлены светлыми эльфами. Ваша подруга, жрица Соланте, говорит, что ей ничего не известно о таком союзе, но она подумывает заключить его с нами. Но я не поэтому попросил вас прийти сюда, возможно, вы сможете помочь мне кое с чем другим?

Я даже не осознавал, что он хотел меня видеть, но, наверное, мы разминулись с его посыльным. Или он предположил, что мне об этом расскажет Лиандра. Что она и сделала в некотором смысле.

— С чем? — спросил я.

— Жрица Соланте навещала коменданта и сказала, что склоняется к союзу с нами. Если дело дойдёт до этого, она обещала послать нам пятьдесят женщин-воинов. Против нас выступают тысячи, а она хочет дать нам пятьдесят? Генерал Копья, вы знаете её лучше всех, чего на самом деле стоит это предложение?

— Штаб-полковник, — медленно промолвил я. — Я знаю только Зокору, но скажу вам следующее: без неё никто из нас не смог бы остаться в живых. Масштаб её способностей поражает, а её знания превосходят всё, что можно себе представить.

— Светлые эльфы готовы полностью встать на нашу сторону, — сказал Орикес. — Они

тоже стары и обладают большими знаниями.

— Между двумя расами есть разница, — объяснил я, приводя мысли в порядок.

Почему, ради всех адов Сольгара, Зокора не сочла нужным сообщить мне, что ищет союза? Нет, она говорила об этом. Я вздохнул про себя, вспомнив разговор, который состоялся ещё в «Молоте». Я просто плохо слушал.

— Послушайте, штаб-полковник, светлые эльфы живут так, будто у них есть всё время мира, что, кстати, правда. Они подходят ко всему тщательно, всё обдумывают и принимают решение после длительного рассмотрения вопроса. Можно было бы подумать, что они терпеливы, но это не так. Просто они не торопятся. То, что они не сделают сегодня, они могут выполнить завтра, что не закончат сегодня, можно будет завершить и через год.

— Таковы эльфы, — сказал он с улыбкой. — Конечно, это сбивает с толку, но в этой войне они не колебались.

— Потому что это война, на которую они уже решились. Нужно предотвратить возрождение бога, которого они победили в давние времена.

— Омогора, я слышал об этом. Эльфийский бог, который ближе всего по аналогии к нашему Безымянному. Я также уже слышал предположения, что это тот же самый бог или его аспект, как Соланте у Астарты.

— Нет, — убеждённо возразил я. — Насколько я понял Зокору, это не тот же самый бог. Даже близко нет. Безымянный — дитя отца богов, Омогор — нет.

— Но если отец богов — отец всех богов...

— Нет, — снова перебил я. — Он — отец наших богов. Поверьте, штаб-полковник, их больше тех четверых, которым поклоняемся мы здесь. Но дело не в этом. Вернёмся обратно к тёмным эльфам: хотя они живут так же долго, как и светлые, они другие. Зокора превосходит в нетерпении многих людей, которых я знаю, и она прямо-таки жаждет учиться и понять вещи, окружающие её. Ей семьсот лет, но я сомневаюсь, что она когда-либо откладывала на следующий день то, что могла сделать в тот же. На самом деле, я понимаю её лучше, чувствую себя ближе к ней, чем к светлым эльфам, которых я тоже очень ценю, как вы знаете. Если Зокора хочет дать нам пятьдесят женщин-воинов, тогда это будут те, кто готовился и был испытан каждый день своей долгой жизни, кто искусен не только в бою, но и в тысячи других техниках. И ещё кое-что: таких, как она, осталось не так много, по крайней мере тех, кто служит свету. Если Зокора хочет прислать нам пятьдесят своих сестёр, это всё, что она может себе позволить, и каждая из них стоит столько же, сколько целая рота. Зокора — жрица, а не маэстра, но каждый из эльфов владеет магией и прежде всего знанием. — Я запнулся, а потом тихонько засмеялся, потому что теперь знал, как объяснить ему. — Посмотрите на это иначе, штаб-полковник, а именно, как если бы она послала нам пятьдесят Сов. Это сравнение подходит лучше всего.

— Она действительно так хороша? — спросил он с явным недоверием.

— Скажем так, если бы она соревновалась лично с Асканноном, можно было бы ожидать, что она заставит его попотеть, — сказал я с едва заметной улыбкой.

Потому что в этот самый момент я понял кое-что, о чём мне говорила Серафина, и, да, она была права. Император был ещё жив, и не собирался оставаться в стороне в этом конфликте, хоть и играл в игру, которую я не понимал.

— Вы так думаете? — скептически спросил он.

— Да. Я даже в этом уверен. Скажите, штаб-полковник, раз мы уже заговорили об императоре, Асканнон — это его имя или титул?

— Титул и имя, — ответил Орикес. — На древнем языке, если я правильно помню. Тот, кто повелевает Аском. Это могучая река, которая протекает через наш город. Это также название холма, на котором стоит цитадель. То есть просто правитель Аскира.

— А у него были другие имена? — спросил я.

— Хм, — ответил он. — Есть очень старые записи, в которых его иногда называют именем, происхождение которого не ясно даже мне. Если это вообще имя... В нём не менее четырнадцати слогов, и его трудно произнести, и хотя я хорош в таких вещах, я так и не смог его запомнить. Мой учитель в академии предположил, что на другом языке это скорее не имя, а описание. Так же, как меня, например, можно было бы назвать Тот-кто-следит-за-правилами-и-письменами. — Он пожал плечами. — По этой причине мы и говорим на имперском языке, поскольку от произношения некоторых из этих древних языков можно сломать язык.

— И что означает это имя?

Он засмеялся.

— Я лишь знаю, что учёные всегда спорили по этому поводу. Предположение, которое больше всего приходится по вкусу мне — это то, что он был не человеком, а драконом. В старых легендах говорится, что они носили такие имена... Оно также подошло бы к нашему флагу, верно? Но многое говорит против этого. Считается доказанным, что он родился как человек, в хижине неподалёку отсюда. Там до сих пор стоит камень с его именем. Кроме того, он взял себе жену и зачал от нее ребенка...

— Дочь? — напряженно спросил я.

— Да, — ответил он, удивлённо глядя на меня. — Откуда вы знаете? — Затем он насторожился и покачал головой. — Я догадываюсь, на что вы надеетесь. Но, к сожалению, вы ошибаетесь. Это не она. Но неудивительно, что вы ничего об этом не знаете, ведь после трагедии император попросил нигде об этом не упоминать, и его просьба была удовлетворена. Сегодня мало кто знает, что у него была когда-то жена, которая делила с ним трон.

— Какая трагедия? — спросил я.

Глаза Орикеса потемнели.

— Асканнон был или является, возможно, самым могущественным человеком, который когда-либо жил. Его жена была почти такой же могущественной, но не совсем. Я знаю, что она была мудрой и покорила его сердце. Он встретил её в походе в далёкой земле, и она тоже была могущественным воином. Настолько могущественным, что её почитали там как королеву или даже богиню. Но трудно сражаться, когда ты вот-вот родишь. Это было покушение на жизнь императора, месть некроманта. Он не осмелился приблизиться к Асканнону, но вполне к беременной на последних месяцах императрице. — Орикес вздохнул. — Документация скудна, мои предшественники уважали желание императора, и написали об этом не так много. Известно только одно: Асканнон слишком поздно прибыл на место битвы. Он нашёл там свою жену, она ещё смогла победить наездника душ и его армию, но была смертельно ранена и умерла у него на руках.

— А дочь? — спросил я.

— Он знал, что это будет девочка, но она так и не родилась, а умерла вместе с матерью. — Штаб-полковник сложил руки вместе и посмотрел на них. — И, как говорят, после этого Асканнон стал другим. Я читал об этом, он был опечален и говорил о том, что это цена, которую ему пришлось заплатить. Дорогая цена, даже если учесть всё то, чего он уже достиг.

И затем, примерно через сорок лет, он отрёкся от престола. Многие, кто знает эту историю, считают, что именно она стала причиной его ухода. Что его сердце было разбито и то, чего он смог добиться здесь для людей, больше не приносило ему радости. — Он сделал глубокий вдох. — Знаете, генерал Копья, Асканнона отличала не его огромная власть, не его знания и не его корона. Все Перья, принимающие присягу, читают о нём, копаются в древних архивах, хотят узнать, чьему наследию служат, когда принимают присягу Перьев. Именно он вдохнул в нас жизнь, был первым Пером, так сказать. Вооружён, но в качестве оружия только знания и справедливость. Из того, что я о нём знаю, именно это характеризовало его: желание понять смысл вещей и нести в мир справедливость. Ибо ни того, ни другого не было, когда он родился.

Страной правил некромант, поддерживавший самые мрачные суеверия, а справедливость была словом, которого никто не знал. В некоторых вещах император всегда оставался простым человеком. Он всегда был учёным и никогда воином, радовался тому, что в стране процветают искусства и науки и царит мир. Эта радость была отнята у него этим трусливым убийством, потому что он больше так и не обрёл покой. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Я адепт Борона, как и ваш друг Варош. Когда через семь лет я закончу свою службу, я войду в его храм священником. Поэтому также знаю пророчества. В писаниях Борона оно тоже есть. Так что если вы ищите дочь дракона, я могу проводить вас к её могиле, где она ещё сегодня покоится в утробе своей матери. Если бы она была жива, было бы понятно, почему она может стать концом Коларона, но она умерла ещё в чреве матери.

— Это печальная история, — согласился я. Это также объясняло, почему Асканнон проводил так много времени с дочерью друга. Неудивительно, что от так нравился Серафине.

Если он был тем, кем я теперь его считал, то словам Орикеса тоже можно было верить. А именно, что могущественный император этого города в глубине души никогда не был воином.

— А есть статуи, изображающие его? — спросил я.

— Одна. Она стоит перед императорским мостом, а женщина на другой стороне — его императрица. Она спроектировала этот мост. — Он слегка улыбнулся. — Я же говорил, что она была умна. Все другие статуи он убрал, остались стоять только эти две. Сегодня многие даже не знают, что они представляют старую правящую пару. — Он сделал глубокий вдох. — Давайте обратимся к настоящему, сэр генерал Копья. Если хотите поговорить об истории, можете прийти ко мне в нерабочее время или обратиться к Сове. Она одержима ей так же, как и я. Но я пригласил вас сюда по другой причине.

— Я должен охотиться на некромантов.

— Да. Именно так. — Он открыл папку, лежавшую перед ним на столе, и достал из неё лист бумаги. На нём был рисунок женщины, которую я очень хорошо знал.

Он поднял голову.

— Вы хотели что-то сказать?

Я покачал головой.

— Кто это?

— Это некромант Асела, женщина, которая годами дурачила нас под видом куртизанки и имела доступ к высшим кругам общества. Один из наших командиров тоже стал её жертвой. Этот портрет был нарисован по его описанию. Говорят, одного взгляда достаточно, чтобы влюбиться в неё. Она единственная пережила битву в Палате гильдии, когда Коларон

напал на Аскир, и с тех пор бесследно исчезла, но мы уверены, что она всё ещё орудует где-то здесь. Найдите её и отправьте к её богу. Раньше было защитой то, что талант наездников душ был ещё более редким, чем талант к магии, но теперь, когда мы знаем, что этот проклятый Коларон нашёл способ создавать других наездников душ, в городе могут скрываться десятки этих проклятых. Найдите их, всех до единого, поймайте, вырвите их чёрные души и отошлите домой, к их проклятому богу. Ваша королева считает, что у вас есть к этому талант. Сейчас нет ничего более важного, чем подготовка к королевскому совету. Если император-некромант хочет нарушить наши платы, то полем боя станет сам королевский совет и дипломатические балы, которые предшествуют ему. Так что вам придётся побывать и на них. Я заказал для вас парадную униформу. — Он слегка наклонился вперёд. — Далее следует ещё одна просьба от коменданта, а также от меня — призыв, пока что не приказ. Дипломатия, как нас заверили, не ваша сильная сторона. Предоставьте заниматься ей тем, кто был этому обучен. Одно неверное слово может нанести больше вреда, чем десять проигранных сражений. Найдите Аселу и всех других некромантов, разрушите планы нашего врага, сожгите храмы Безымянного, если найдёте таковые, но, пожалуйста, генерал Копья, держитесь подальше от словесной битвы.

Он позволил себе лёгкую улыбку.

— Да, сэр, — сказал я, вставая и отдавая честь. Он ответил на приветствие, тоже встал и подтолкнул портрет Аселы ко мне.

— Не забудьте портрет, чтобы вы смогли её узнать. Да пребудет с вами удача богов, генерал Копья.

21. Шипы

Когда я шёл к своим апартаментам, мне навстречу вышла Лиандра, за ней несли ящики трое Быков. Увидев меня, она вздёрнула подбородок и остановилась.

Я шагнул ближе, хоть и не знал, что сказать.

Трое Быков остановились, а неподалёку от нас стояли охранники у двери коменданта.

Всё, что я буду говорить услышит слишком много ушей.

— Лиандра, — осторожно начал я. — Я не могу быть твоим королём. Мужчина, который желает тебя, должен преклонить колени в храме вместе с тобой. Любовная связь ниже твоего достоинства.

Она посмотрела на меня своими фиалковыми глазами, которые блестели от слёз, и крепче сжала Каменное Сердце.

— Правда? — спросила она. — Разве это не должна решать королева?

— Наша королева — образец для подражания, — просто сказал я. — Ты могла бы оставить свою судьбу и отказаться от короны?

— Нет, — ответила она. — Это мой долг. — Она глубоко заглянула мне в глаза. — Хочешь сказать, что у тебя тоже нет выбора?

— Мы оба давно сделали свой выбор, Ваше Высочество, — ответил я, подошёл ближе и взял её за руку.

На этот раз она позволила этому случиться.

— Предположим, что всё именно так, граф фон Тургау, тогда бы я страдала, — тихо сказала она. — Но вряд ли больше, чем уже сейчас. — Она посмотрела на солдат, которые делали вид, что оглохли, и вымученно улыбнулась. — Хочешь, чтобы они написали про нас баллады? — прошептала она.

— Почему бы и нет? — Я улыбнулся. — Ты того стоишь. Я хочу сказать, что получил послание в храме Сольтара. Оно, как и все другие откровения: ты понимаешь только половину и, скорее всего, неправильно. Но две вещи достаточно ясны: я паду в этой битве, чтобы дочь дракона могла позже убить Коларона. После этого... — Я крепче сжал её руку. — После этого наступит будущее, которое ты сможешь формировать вместе с другими. Такое, где ты сможешь восстановить нашу родину и залечить её раны. Но если я отвернусь от своей судьбы, а в этом слова моего господина были однозначны, этой надежды больше не будет.

— Ты умрёшь? — тихо спросила она уже не так холодно.

Я сдержанно рассмеялся.

— Такова судьба каждого человека, и моя настигнет меня гораздо позже, чем я думал. Если уж я должен умереть, то зная о том, что есть будущее, в котором ты будешь жить и приведёшь к новому расцвету нашу страну, мне становится легче.

— А что насчёт Серафины? — спросила она так тихо, что даже я едва её расслышал.

— Джербил любил её даже после смерти, и я люблю. Не знаю, судьба это или нет и могли ли я на неё повлиять. Но я также люблю и мою королеву, насколько это ещё возможно для меня. — Я взял её руку в обе свои руки. — Если бы Серафина не вернулась к жизни, если бы это чудо не произошло, скажи, что было бы иначе? Ты по-прежнему была бы королевой, а моя судьба — такой же, как сейчас.

Она медленно отпустила Каменное Сердце, которое держала другой рукой, и взяла меня

за руки.

— Ты обманывал меня, когда говорил о своей любви ко мне? — спросила она.

— Нет, — серьёзно ответил я. — Она слишком дорога мне.

Она кивнула, затем поднесла руку к шее и достала тонкую цепочку, на которой висело тяжёлое кольцо. Она осторожно отцепила его.

— Элеонора знала, что ты любил её, хотя и вернул ей это кольцо. Оно служило ей поддержкой в тяжёлые времена. Прими его сейчас, чтобы оно могло стать поддержкой и для тебя.

Я хотел встать на колени, но она остановила меня.

— Нет, — прошептала она, — не приклоняй колени, просто дай мне руку.

— Оно мне маленькое, она изменила его размер.

— Ты забыл, кто я, — возразила она, проводя ладонью по кольцу, которое на мгновение вспыхнуло и расширилось. — Кольцо ещё знает, кому оно когда-то принадлежало. — Ещё один момент она держала его, колеблясь, затем одела на средний палец моей левой руки. — Будь моим паладином, — промолвила она со слезами на глазах. — И обещаю, что не отдашь его обратно.

— Обещаю.

Она набрала в лёгкие воздуха, подняла голову и отступила, величественно обводя взглядом солдат, которые отчаянно делали вид, что их здесь нет.

— Тогда давай следовать своей судьбе, — решительно произнесла она. — Что касается Серафины... пожалуйста, дай мне немного время.

Я поклонился, она слегка улыбнулась, затем прошла мимо меня. Солдаты с тяжёлыми ящиками молча последовали за ней.

— Я спросила отца, почему вы носите розу на пальце, Родерик, — промолвила она, наблюдая, как я вырезаю для неё воробья.

— Что ответил Его Величество? — осторожно спросил я.

— Он сказал, что я цветок с чарующим ароматом, красавица.

— И он, пожалуй, прав.

— А вы являетесь шипами. — Она посмотрела на меня своими внимательными глазами. — Что он имел в виду?

— Иногда розы должны колоться, — объяснил я. — Чтобы не были уничтожены цветки.

— А бывают розы без шипов?

— Только после того, как их обрежут.

Долгое время она молчала.

— Разве вам не кажется печальным, что розе нужны шипы? — спросила она.

— Да, Ваше Высочество. Даже очень.

— Это красивый воробей. Большое спасибо. — Она послушно сделала небольшой реверанс, когда я вручил ей деревянную птичку, и подняла её вверх, как будто та полетела. — Я предпочла бы быть воробьём, а не розой. Он может летать, куда захочет, и ему не нужны шипы. А что насчёт вас, Родерик?

— Да, Ваше Высочество. Я бы тоже предпочёл быть воробьём.

— Что держит вас здесь?

— Роза.

Я посмотрел ей вслед, затем повернулся к двери в свои апартаменты, которая в этот момент тихо закрылась. Я толкнул её и оказался лицом к лицу с Рагнармом, который впервые

за всё время нашего знакомства выглядел смущённым. У большого стола на стуле сидела Серафина, подперев голову руками. Она плакала.

— Я как раз собрался уходить, друг, — хрипло сказал Рагнар. — Приходил лишь для того, чтобы спросить, где мы можем вместе выпить хорошего пива, не столкнувшись с фарлендцами. Но для этого можно собраться и позже.

Я огляделся.

— Зокора тоже была здесь?

— Тёмная эльфика, которую боится Ангус? Нет, её я не видел.

Серафина подняла голову, вытерла глаза и сдержанно улыбнулась.

— Рагнар, — промолвила она. — «Серебряная Змея» — хорошее место, чтобы выпить пива. Может встретимся там позже. Таверна находится справа сразу за главными воротами цитадели.

— Тогда я проверю, умеют ли в имперском городе ещё варить пиво, — заметил Рагнар, кивнул нам и ушёл.

— Я же просила тебя не разговаривать с ней, — высказала она, вставая и подходя ко мне.

— Я очень плохо выполняю приказы, — ответил я.

— Я знаю. Лиандра только что выросла в моих глазах. Не так уж много женщин хотят услышать твои оправдания. — Она взяла мою руку, на которой теперь было кольцо с розой. — В моё время не было паладинов. Как ты им, собственно, стал?

— Отец Элеоноры в молодости был очень болезненным и страдал от произвола отца. В то время я часто бывал в королевском замке, старый король слышал обо мне истории и неправильно их понял. Он приказал мне обучить принца военному искусству и сделать из него мужчину. Полагаю, он думал, что для это будет достаточно частенько укладывать его на лопатки.

— Ну и? — тихо спросила она. — Ты так и поступил?

— Укладывал принца на лопатки? — Я улыбнулся. — Иногда. Но он и без этого был больше похож на мужчину, чем когда-либо его отец. Старый король был жестоким тираном, который обычно принимал благоразумие за слабость. Принц выбрал другой путь, и когда стал королём, попросил меня стать его паладином. Позже, когда родилась Элеонора, он отвёл меня в сторонку и заставил взять на руки свою дочь, которая смотрела на меня широко распахнутыми глазами, и поклясться её защищать.

— В этом ты преуспел, — заметила Серафина, но я покачал головой.

— Меня не было рядом, когда произошло покушение. То, что она выжила, не моя заслуга, а лишь её собственная. Мужество — вот что поддерживало её жизнь... хотя это уже была не жизнь. В детстве она была быстроногой и любила танцевать, была полна веселья и жизни. Меня до сих пор тяготит то, что преступников так и не удалось обнаружить.

— Возможно, в этом преступлении тоже виноват император-некромант, — предположила она. — Мы знаем, что он строит долгосрочные планы.

— Не всякая злоба или жажда власти исходит от него. При дворе Иллиана всегда хватало интриг, даже Лиандра страдала от них. — Я вздохнул. — Она попросила дать ей немного времени, — хрипло сказал я.

— Я знаю, — ответила она. — Мы с Рагнаром подслушивали.

— Половина цитадели, должно быть, уже знает, — вздохнул я. — Но это была возможность, которую я не хотел упускать.

— Да, — сказала она, подняв на меня глаза. — Что там с Орикесом? Я недавно была внизу, чтобы проведать тебя, и слышала, что ты у него. Писцы сказали, что это будет длинное совещание.

— Он дал мне работу, — ответил я, доставая из куртки сложенный лист и раскладывая его на столе. — Нам нужно найти и убить Аселу и всех остальных некромантов здесь, в городе.

— Разве ты ему не сказал, что она больше не некромант?

— Нет, — ответил я. — Только не спрашивай почему. Я сам до сих пор не доверяю ей, но я не хотел её предавать. Я всё ещё ощущаю ту боль, которую она испытывала, когда бог избавлял её от этой боли, но ещё слишком многое остаётся открытым. Мы, без сомнения, знаем, что она была некромантом, однако до этого времени не было случаев, когда боги прощали подобные деяния. И всё же Сольтар не осудил её, а очистил...

Я посмотрел на портрет этой прекрасной женщины, это была та самая женщина, которая стояла перед нами, и всё же что-то было другим. Губы на этом портрете улыбались соблазнительно. Асела, которую я знал, кажется, уже не знала, что такое улыбка, у неё были более глубокие морщинки и холодный взгляд, который совсем не казался мне многообещающим. Она была далеко от того, чтобы быть соблазнительной.

— Я во многом с тобой согласна, — задумчиво промолвила Серафина. — Она знает то, что может знать только она, но в ней многое изменилось. Я бы даже сказала всё. Смотри, Фелтор молился Борону, Асела ходила в храм Астарты, Бальтазар был, как и ты: если он вообще молился, то ходил к Сольтару. Он не особо жаловал богов и считал, что людям самим необходимо исправлять этот мир. В прежние времена Асела бросилась бы на пол перед Астартой и со слезами умоляла о пощаде. Я знаю только двух людей, которые являлись к твоему богу с таким высокомерием: ты и Бальтазар. А теперь и она. Это совсем на неё не похоже. И всё же я чувствую в ней прежнюю дружбу, только странно изменившуюся. — Её взгляд устремился в далёкое прошлое. — Мы были друзьями, Бальтазар, Фелтор, Джербил, Асела и я. Они сопровождали Асканнона на миссию, и когда он на обратном пути навестил моего отца, мы познакомились. Бальтазар уже тогда был старше, ему было больше ста лет, но Фелтор и Асела были молодыми Совами, выполнявшими своё первое задание. Она была... — Серафина вздохнула. — Это трудно описать, можно сказать, что в качестве Совы она была не совсем на своём месте. Ей подобало бы стать жрицей в храме Астарты. Ей не хватало жёсткости, она была терпелива и много улыбалась... Они оба были влюблены в неё, но Бальтазар был слишком сдержан, и ему мешало то, что она была его ученицей. Фелтор добился её руки, и позже они вместе предстали перед богиней и стали парой. Бальтазар произнёс речь. Они стали лучшими друзьями. — Она подняла на меня взгляд. — Вот почему так невероятно то, что он или кто-то из них перебежал на сторону Коларона. Теперь мы знаем, что они сделали это не по собственной воле. Бальтазар всегда был аутсайдером. Я уверена, что он любил Аселу, но не показывал этого и никогда не нарушал границ. Его мы тоже по-своему любили, он был удивительным человеком, спокойным и задумчивым, но с жёсткостью, которая иногда проявлялась. Он был примусом Башни и самым могущественным человеком в Старой империи после Асканнона, а этого не добиться без определённой требовательности. Асела, напротив, была готова отдать последнюю рубашку, если это могло кому-то помочь. — Она замолчала, призадумавшись. — Помнишь, как она сказала, что её доброта была её самой большой и единственной ошибкой? Странно слышать от неё такое, но она права. Окажись

она без поддержки, её бы только использовали, поэтому Фелтор и Бальтазар так заботились о ней. Теперь я знаю ещё одного. — Она вздохнула. — Прежде я не знала, что этот Эринстор изнасиловал её. Я бы на её месте никогда не смогла бы простить такого, и сама направляла меч, чтобы отрубить ему голову. — Она посмотрела на портрет Совы, затем подняла влажные от слёз глаза на меня. — Она стояла перед нами, так что я знаю, что она ещё жива. Но она уже не такая, какой была прежде. Она жива, и всё же кажется, что она умерла. Я хочу знать, что случилось, и не позволю ей больше отделаться отговорками. Она единственная из моих друзей, кто ещё жив.

— Не считая эльфов, — заметил я.

— Да. Но это эльфы, и они так сильно отличаются от нас. Послушай, Хавальд, мы с Аселой делились друг с другом женскими сокровенными мыслями... она рассказывала мне о Фелторе и Бальтазаре, я ей о Джербиле. Мы менялись одеждой и подшучивали друг над другом, держали друг для друга фоту, когда стояли в храме перед богами с нашими мужьями. Такая дружба встречается редко, потому что она возникла не из-за нужды, а просто потому, что мы были близки. Я хочу знать, что произошло.

— У меня тоже есть к ней вопросы, — заметил я, пододвигая к себе портрет, чтобы лучше видеть Аселу. — Она знает о нашем враге больше, чем кто-либо ещё. Ей должно быть ясно, что эти знания будут для нас полезны. Почему бы ей не поделиться ими с нами?

— Пойдём и спросим её, — сказала она и встала. Я посмотрел в окно, там уже давно стемнело. У меня не было особого желания бродить в темноте в поисках тени. На сегодня было достаточно.

— Прямо сейчас? — с сомнением спросил я. — До восьмого колокола осталось недолго, и мы не сможем найти её так просто. Весь город ищет её, почему ты думаешь, что нам повезёт больше?

— Потому что есть место, которое мы все любили, — отозвалась она. — Если её там нет, мы можем дать ей знать, что хотим её видеть. Тогда она сама нас найдёт. Пойдём, Хавальд, — позвала она. — Это недалеко.

22. Императорский сад

— Что это за место? — спросил я, встряхнув тяжёлую решётчатую калитку, ведущую в парк. Стены были слишком высокими и прочными, чтобы защищать только цветы, но сквозь решётку я смог разглядеть вдалеке лишь небольшую открытую постройку, а ещё деревья и клумбы, по виду которых нельзя было сказать, что скоро наступит весна.

Серафина подошла к решётчатой калитке.

— Помоги мне подняться, — попросила она, и я предложил ей свою руку в качестве ступеньки. Плавным движением она ловко взобралась на стену. Я вздохнул и подпрыгнув, схватился за край, подтянулся и сел рядом с ней.

— Это императорский сад, — объявила она, прислонившись ко мне и свесив ноги. — Когда я впервые приехала в Аскир, император лично устроил мне экскурсию. Это было то место, которое он показал мне первым.

— Сколько тебе было лет?

— Восемь. Я была ребёнком и мне было любопытно увидеть большой город. Я приехала с отцом, и мы не задержались надолго, но потом, во время медового месяца, мы заглянули сюда ещё раз.

— Что такого важного в этом месте? Разве не было других, которыми он гордился бы настолько, чтобы показать тебе?

— Этот сад был подарком, кто-то посадил его, чтобы он мог найти здесь покой и уединение. Отсюда видно, что клумбы и дорожки выложены узором, который следует древнему ритуалу. Каждый камень, каждая травинка, каждый цветок здесь тщательно размещены и служат определённой цели. Идём, — крикнула она и спрыгнула вниз. — Я покажу тебе, что нужно делать.

Она веселилась, как маленький ребёнок. Я улыбнулся, спрыгивая со стены.

— Дорожка начинается здесь, — проинформировала она меня. — Не следует бежать, а идти по ней неторопливым шагом и позволить своему разуму блуждать. Видишь то круглое здание в центре?

— Павильон?

— Да. Он наша цель, но ты не сможешь добраться до него, если будешь спешить.

Дорога требует определённого времени. Давай пойдём вместе. — Она повернулась и с улыбкой посмотрела на меня. — Есть только одно правило: нельзя разговаривать.

Она была права. Это место с его высокими стенами и клумбами, с тщательно проложенными дорожками, даже ранней весной излучало умиротворение, которое проникало внутрь.

Я представил его себе летом, когда всё будет в цвету, и воздух станет тёплым. Тогда здесь станет ещё красивее. Мы медленно шли по извилистой тропинке. Серафина, казалось, глубоко задумалась, и я не стал ей мешать. Павильон то приближался, то удалялся от тропинки — цель, которая, казалось, находится близко, и всё же была дальше, чем можно было подумать. Как и в жизни.

Теперь мне казалось, я знаю, кто такой Вечный Император. Если я прав, то мы уже встречались.

Но кем он был на самом деле, оставалось загадкой. Я многое о нём узнал: он вёл войны, объединил империю силой, магией и кровью, принёс ей тысячу лет мира, он любил и

потерял любимых, и не без основания ненавидел наездников душ. И всё же я не понимал его. Всегда находились люди, которыми я восхищался за их доброту. Но сам был слишком корыстным, слишком заботился о себе.

Существовали вещи, которые я не стал бы делать, потому что не смог бы их стерпеть: например, если бы меня назначили священником или лекарем, которые всё время сталкивались со страданиями других людей и могли помочь им принять боль и нести её... как Девон, судовой врач со «Снежной Птицы», который неустанно пытался спасти то, что можно спасти в своём обagrённом кровью логове под палубой, который и меня вернул к жизни.

Откуда эти люди находили силы постоянно проявлять самоотверженность и отдавать себя на служение другим? Учитывая то, что я слышал об Асканноне, он должен был стать священником или врачом. Когда Серафина приехала сюда ребёнком, он правил империей, где процветало искусство и царил мир. Каким же он был человеком, раз первым делом показал Серфине этот сад? Я открыл рот, чтобы спросить её, но потом вспомнил о правиле. Ещё успею сделать это, когда мы доберёмся до павильона.

Мы двигались вперёд, медленно и уверенно. Наши шаги в тишине ночи, сияющие звёзды на тёмном полотне Сольтара — всё это переплелось и постепенно успокоило меня. Я почти удивился, когда вдруг увидел перед собой белые ступени павильона, а когда ступил на них, почувствовал, что воздух стал тепле, и над нами в плоском куполе мягко засветился один из магических шаров, позволив увидеть каменную скамью, стол и фигуру в широкой тёмной мантии, сидящую на скамье с притянутыми к груди ногами, которые она обхватила руками.

Она повернула голову, без удивления посмотрела на нас и тихо вздохнула.

— Финна, почему ты нарушаешь мой покой? — спросила Асела.

— Ты уже давно увидела, что мы идём, — с улыбкой ответила Серафина и села напротив на неё на каменную скамью.

Я сделал то же самое и поставил рядом Искоренителя Душ.

— Если бы ты не хотела нас видеть, могла бы легко ускользнуть.

— Это правда. — Она выпрямилась. — Полагаю, вы пришли ко мне с вопросами.

— Да, — ответил я. — Мне поручили поймать вас и казнить.

— Казнить, — хрипло повторила она. — За ту вину, что я несу на своих плечах, вам пришлось бы казнить меня тысячу раз, и всё равно этого было бы недостаточно. — Она слегка улыбнулась. — Преступайте к делу, генерал Копья. Вы застали меня в момент слабости. У меня больше нет желания сопротивляться. Мне встать на колени, чтобы облегчить вам задачу?

— В этом нет необходимости, — ответил я. — Моё задание заключается в том, чтобы казнить некроманта. Но вы больше не прокляты. Аскир хочет вашу голову, но я думаю, будет лучше, если она останется на ваших плечах. Ваши знания о враге могут изменить исход войны.

— Вы так думаете? — спросила она. — Я могу ответить на некоторые из ваших вопросов, но очень сомневаюсь, что вам от этого будет польза.

Она указала на кубки и бутылку на столе, которых я не заметил раньше. — Эльфийское вино Лунная Роса, — объявила она. — Если я правильно помню, ты любила его, Серафина.

Серафина кивнула и потянулась за бутылкой. Мы молча ждали, пока она нам нальёт.

— За Сов, империю и нашего императора, — произнесла тост Асела, поднимая свой кубок. — Да придёт с нами мир. — Она отпила большой глоток. — Я забыла, каково оно

на вкус. Такое сладкое, но зубы всё-таки не слипаются. Итак, у меня есть ещё немного времени, так что задавайте свои вопросы.

— Прежде всего, — начала Серафина, — я хочу знать, что с тобой случилось?

— Для этого придётся начать издалека, Финна, — ответила Асела с кривой улыбкой. — Вы же знаете, что есть точки пересечения потока миров?

— Да, — сказал я.

— И то, что поток миров можно перенести, так что он изменит местоположение?

Мы снова кивнули.

— Одна из таких точек находилась на далёком маленьком острове на юге. По-настоящему унылое место, образовавшееся из вулканической породы, вдали от всего, на краю света. Маленький остров, необитаемый и бесплодный, называемый Талаком. Туда вела всего одна ветвь потока миров. Её как раз было достаточно для того, чтобы Асканнон мог возвести портал. Этот остров был так далеко, что он подумал: что бы там не случилось, это не коснётся империи. — Она покачала головой. — Он редко ошибался, но здесь допустил огромную ошибку.

— И что случилось с этим островом?

— Сейчас расскажу. Но сначала поговорим о проблеме, с которой столкнулись Совы. Как вы знаете, их работа заключалась в охоте на некромантов. Проблема была в том, что иногда мы находили тех, кто ещё не использовал тёмный дар. И среди них были дети. Мы знали, что обладатели этого дара будут соблазнены им, но те дети были ещё безвинны. Поэтому мы пытались отделить дар от их души, прежде чем они станут виновными, и в ходе возложили вину на себя, потому что в девятнадцати случаях из двадцати ребёнок умирал. — Она поморщилась. — Как объяснить родителям убийство их детей прямо у них на глазах за действия, которые те ещё не совершили?

— О, — сказала Серафина.

— Вот именно, о, — мрачно промолвила Асела. — Так что это был неверный путь. Нужно было найти другой. Асканнон был не тем человеком, который часто обращался за советом к богам, но в этом случае он обошёл храмы, чтобы посоветоваться со священниками. Они пришли к выводу, что убивать таких детей неправильно, но и попустительствовать им тоже. Как я уже сказала: тёмный дар в большинстве случаев соблазняет человека использовать его, хотя иногда и без умысла.

— И этот далёкий остров был решением проблемы? — спросил я.

— Да. В Талаке он увидел место, достаточно безопасное, чтобы отправить туда наездников душ, которых мы уже поймали, и исследовать на них, как избавиться от дара. Там была основана колония, академия. Туда были направлены специально обученные солдаты, Ночные Ястребы, и возведены здания, защищённые мощной магией.

— Тюремная колония для проклятых? — хрипло спросил я.

— Именно. Мы отправляли туда всех, кого находили, виновен или нет. Детям мы пытались показать, чтобы они не использовали свой дар, а виновных... — Она отвела взгляд. — На них мы экспериментировали, как отделить тёмный дар от души. На этот раз теми, кто страдал были они, а мы мучителями. Ради благой цели.

Последние слова она прямо-таки с горечью выплюнула и сделала глоток вина, как будто хотели ополоснуть рот.

Я мог понять проблему, но и то, какую большую цену пришлось заплатить за её решение. Оплачивать той же монетой не всегда справедливо.

— Там что-то случилось, верно?

— Да. Бальтазар выяснил, как можно отделить тёмный дар от души. Это произошло случайно, в разговоре с одним из Ночных Ястребов, который нёс службу на Талаке. Как и многие из них, он был тёмным эльфом, которые сохранили знания о магии своих предков. Ответ лежал в кровавой магии тёмных эльфов, а не в науке, в инстинкте и воле. В этой кровавой магии существовал ритуал, который служил очищению, а слегка изменённый, он предоставил решение. — Она сделала ещё один глоток. — Но было слишком поздно. Скажите, что вы знаете о Бальтазаре? — спросила она.

— Мы говорим не о нём, — спокойно ответила Серафина.

— Как скажешь, — промолвила Асела. — Я вела к тому, что после Асканнона он был самым могущественным в империи. Более ста девяноста лет он был примусом Башни, и никто не мог с ним сравниться. У Дезины есть к этому талант, но она пока ещё не готова.

Она сделала ещё один большой глоток. Только сейчас я заметил, как часто она отпивала, но бокал не пустел.

— Что ж, все проклятые на острове, вместе взятые, не должны были обладать такой силой, чтобы одолеть его. Но когда он прибыл на остров для испытания ритуала на проклятом, он обнаружил остров захваченным. Одному из наездников душ удалось подчинить себе каждый свободный разумом, несмотря на все предосторожности и усилия, несмотря на мощную магию, которая должна была сделать этот остров безопасным. В том числе и Бальтазара... Он был застигнут врасплох и побеждён. Потребовалось всего мгновение, и Бальтазар, со всеми его клятвами и гордостью, стал существом проклятого, которого мы привезли на этот окаянный остров одним из первых. Жестокий зверь с внешностью очаровательного юноши, хитрый, злобный и неграмотный, бестия по имени Коларон, основавший свою империю глубоко на юге, в стране варваров, когда Асканнон нашёл его. Второй легион выступил и сокрушил его империю, а Бальтазар надел на это проклятое существо ошейник и связал его силы.

Она посмотрела на Искоренителя Душ, который стоял на земле рядом со мной.

— Это случилось до того, как были выкованы изгоняющие мечи. Без них было очень сложно отнять души у проклятых. Коларон был бестией, наделённой коварной хитростью, но у него не было знаний или незаурядного интеллекта. До Бальтазара он был червём в пыли, чего он так и не смог просить примусу.

Она многозначительно посмотрела на нас.

— Вместе с детьми, на острове был заключён двадцать один некромант, и мы надёжно удерживали там этого Коларона более ста сорока лет, и тут такое! Бальтазар не понимал, как такой неграмотный червь смог его одолеть. — Асела вздохнула. — Но ничего не попишешь: Бальтазар стал его существом. Это было началом. Когда Бальтазар вернулся в Аскир, он сообщил о своём успехе, но он уже не был самим собой. Проклятый наездник душ воспользовался всем, чем был и что знал Бальтазар: его знаниями, его талантом, даже людьми, которых он любил и которые ему доверяли. А Бальтазар сидел в ловушке внутри себя, не в силах ничего сделать, наблюдая, как он сам уничтожает все, что любил. Когда он вернулся на остров в следующий раз, Фелтор и Асела сопровождали его. Аселу и Фелтора одолела не столько сила наездника душ, сколько магия Бальтазара. Он сам сорвал защиту с их душ, позволив проклятому завладеть ими. А вместе с ними и их знаниями: Фелтор руководил исследованиями, которые доказывали, что поток миров можно перенаправить, но у него не хватало сил, чтобы сделать это. Поэтому эту задачу взял на себя Бальтазар. Он

исследовал поток миров более тщательно, чем кто-либо до него. И потом, когда Асканнон построил на юге Громовую крепость, час настал. Бальтазар нашёл способ, как перенаправить поток. Все трое — Асела, Фелтор и Бальтазар сделали это одновременно в разных местах, перенаправив поток миров от Аскира к этому маленькому бесплодному острову. Проклятый считал дар магии почти таким же полезным, как дар наездника душ. Он похитил души Сов и теперь сам обладал этим талантом. Раньше он был необразованным, но теперь внезапно овладел знаниями, которые значительно расширили его горизонт и планы. Асканнон сверг его с трона и заточил на этом острове, теперь он вернул себе то, что когда-то потерял. Без потока миров порталы в Аскире стали непроходимыми, и имперский город внезапно оказался отрезанным от мира. Он знал всё, что знали Фелтор, Асела, Бальтазар и все остальные, и теперь следовал своему плану мести.

— Что случилось потом? — тихо спросила Серафина.

— Это странно, но император перенёс наше предательство, потерю магии и конец своих планов, не сломавшись, — шёпотом ответила Асела, окинув её долгим взглядом. — Он отрёкся от престола и приготовился к битве. А потом выступил против проклятого на далёком острове в одиночку. Всё это не смогло заставить его пасть на колени, и какое-то время император без усилий отбивал наши и атаки двух десятков наездников душ. Коларон насмеялся над ним, хвастался, что это он всё устроил так и отправил в ловушку знаменитый Второй легион, который когда-то захватил его землю. И что легион теперь полностью уничтожен. — Она на мгновение замолчала. — Это была ложь. Это был не конец легиона, он просто не вернулся домой. Некоторых из них Бальтазар забрал с собой в Талак, где они были поработаны Колароном, но большинство из них остались и создали из пыли то, что сейчас является вашей родиной, сэр генерал. Но когда Бальтазар под принуждением проклятого рассказал ему о том, что именно он бросил Первый горн Второго легиона в той холодной пещере и убил Серафину и Джербилу, горе императора на мгновение сломило его силу, и он был побеждён натиском направленной на него магии. Он исчез, и там, где умер, оставил кратер, который почти поглотил и Коларона. Только благодаря Бальтазару и помощи остальных, тёмный князь выжил после взрыва магии. — Она печально посмотрела на Серафину. — Должно быть, он заботился о тебе больше, чем мы думали, потому что его сломила уверенность в том, что ты умерла.

Серафина резко втянула в себя воздух. Мне хотелось сказать ей, что Асела ошибается, и Асканнон не умер, но не сейчас. Кроме того, мне было трудно полностью доверять Аселе. Если она считала императора мёртвым, это не повредит. Меня скорее беспокоил другой вопрос.

— Скажите, вы знаете, почему на Громовом перевале Бальтазар снова направил поток миров в Аскир? Ведь когда-то именно он убрал его оттуда, верно?

— Да. Но сейчас Коларон готовил последнюю атаку против своего ненавистного врага через образовавшийся портал в Палате гильдии. Для этого портала ему был нужен поток миров, потому что чтобы вот так просто открыть портал через полмира, даже сил Коларона недостаточно. — Она покачала головой и вымученно улыбнулась. — То, что вам почти удалось помешать Бальтазару восстановить когда-то им разрушенное, кажется мне иронией. Но одно я могу сказать вам наверняка, сэр генерал Копья: Бальтазар был глубоко благодарен вам за то, что вы освободили его из рук императора-некроманта, потому что в момент его смерти проклятый наконец-то отпустил его душу. Он умер, освободившись от ига.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Серафина.

— Коларон хвастался, главным образом, чтобы ранить Фелтора, который всё ещё надеялся, что его наставник Бальтазар найдёт способ сбежать. Асела, напротив... она настолько была одержима некромантом, что от неё почти ничего не осталось.

Она сделала последний большой глоток из полного кубка, поставила его на стол, и он исчез, как будто его никогда там и не было. Я посмотрел на свой полный кубок и подумал, что мог бы попробовать сделать глоток, потому что после этой истории мне действительно очень этого хотелось. Вино было восхитительным — и исчезло с моего языка, как и кубок из моей руки.

— Если когда-нибудь захотите сполна удалить жажду, но не платить за это цену, обращайтесь ко мне, — заметила Асела, поднимаясь.

— Останься, — попросила Серафина. — У нас есть ещё так много вопросов!

— В другой раз, — сказала Асела, поправляя мантию. — Теперь сделайте кое-что и для меня. Выясните, кто был тот наездник душ. Бальтазар был примусом Сов, но и он не знал, что под храмом находился связанный проклятый. Однако очевидно одно: не прошло и года после того, как мы изгнали Эринстора из цитадели, как на Талаке поднялся бунт. Через несколько лет мы потеряли легион и поток миров, и, наконец, нашего императора. Под храмом лежал некромант, о котором говорят, что он был достаточно силён, чтобы противостоять Асканнону... Возможно, он обладал силой победить и Бальтазара.

— Это был не Коларон? — спросил я, и она покачала головой.

— Нет. Мы поймали эту бестию сто семьдесят лет ранее. Выдающимися качеством Коларона, помимо его красоты, были только хитрость и коварство, но всех талантов, кода-либо украденных им, было недостаточно, чтобы конкурировать с Бальтазаром. Это должен быть кто-то другой, кто-то, кто ему помог. — Её грудь поднялась от глубокого вздоха, прежде чем она продолжила. — Теперь вы знаете больше. Скажите, генерал Копья, действительно ли эти знания будут вам полезны?

— Поживём, увидим, — ответил я.

Она внимательно посмотрела на нас обоих.

— Не знаю, можно ли ещё выиграть это сражение, но есть старая поговорка: сражаясь с тем, кого не знаешь, ты проиграешь. Узнайте, кто был тот проклятый. Возможно, тогда мы узнаем врага. Как и Эринстор, Коларон — не тот человек, который смог бы добиться всего своими силами. То, что он теперь возжелал мантию мёртвого бога — это абсурдно, но ещё более абсурдно то, что он может преуспеть. — Она слегка поклонилась и отвернулась, собираясь уйти, но потом остановилась и оглянулась. — Кстати, портал, который я показала вам... Дезина знает последовательность выложенных там камней с новой целью назначения?

— Да, — ответил я. — Мы записали комбинацию.

— Сделайте мне одолжение, не позволяйте ей отправиться туда. Этот портал ведёт прямо в сердце врага. Он находится на холме, на котором когда-то стоял храм Нертонна и возвышается над городом под названием Коларисте — столицей нашего врага. Ни Дезина, ни ваша спутница Лиандра не должны проходить через этот портал. Он почувствует их, если они окажутся там. — Она позволила себе жёсткую улыбку. — Было бы жаль, выдать портал врагу, поскольку он не знает о его существовании. Я посчитала уместным показать дорогу на его задний двор, в конце концов, он рыщет и на нашем.

— Это нам пригодится, — согласилась Серафина. — Тебе действительно нужно идти? Это...

— Я знаю, каково это, — сказала Асела мягче, чем обычно. — Но у меня есть ещё дела. Ещё есть некоторые планы врага, о которых мне известно, и я хочу сорвать их, пока это возможно. Мы ещё встретимся, я обещаю.

Жестом она нарисовала в воздухе светящийся круг, за которым виднелись залитые солнцем поля и чужой город на заднем плане. Она кивнула нам, шагнула через круг, и он исчез вместе с ней, как будто её никогда здесь и не было.

— Это был портал? — в изумлении спросил я.

— Похоже на то, не так ли?

— Я думал, что для этого нужен поток миров и установленный портал?

— Очевидно только в том случае, если ты не Асела...

Она в изумлении покачала головой.

— Должно быть, за эти годы её силы выросли. Почему, ради всех богов, она полностью не встанет на нашу сторону?

— Она уже сказала. Потому что преследует свои цели. — Я посмотрел на неё. — Ты пила вино?

Она вздохнула.

— Нет. Я ещё недостаточно ей доверяю.

— Очень жаль, — заметил я. — Оно было очень хорошим. Скажи, ты знаешь, где находится Императорский мост?

— В нижнем городе у гавани. Он перекинут через устье Аскира непосредственно перед его впадением в гавань. Почему спрашиваешь?

— Хочу на него посмотреть, — ответил я. — Орикес рассказывал о нём.

— Но не сегодня.

Я посмотрел на полотно Сольтара.

— Нет. Не сегодня.

Когда мы дошли до моих апартаментов, я замешкал, но она лишь улыбнулась и поцеловала меня в щёку. Охранники строго смотрели перед собой, лишь один позволил себя лёгкую улыбку. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, затем я вошёл, движимый лишь мыслью о том, чтобы поскорее плюхнуться в постель.

Она была занята.

Рагнар лежал в полный рост, всё ещё в доспехах и своих мехах, раскинувшись поперёк и заняв всё пространство, и храпел достаточно громко, чтобы разбудить мёртвого.

Мне едва удалось сдвинуть его с места, поэтому я взял в одну руку его топор, другой схватил его за шиворот и выволок из спальни. Вместе с топором я оставил лежать его на полу в другой комнате. Накрыв его одеялом, я вернулся в спальню. После этого я был благодарен богам и старым мастерам-строителям за то, что дверь закрывалась достаточно плотно, чтобы хоть немного заглушить его храп.

23. О коронах и сёстрах

Следующее утро началось с фарлендской песни, которую громко и весело горланил Рагнар. Я недостаточно понимал язык, но знал содержание песни. В ней речь шла о деве, злых великанах и герое, который убил их, чтобы спасти деву. Затем следовала более длинная часть, подробно рассказывающая о том, как она доказывала свою благодарность герою в постели. Но великаны были её братьями, так что она всего лишь разыграла перед ним шоу, а когда он заснул, она его заколола. Вырвав ему сердце, она сожгла его на углях очага, чтобы с помощью его крови воскресить своих злых братьев-великанов.

Это было то, что в северных землях считалось веселой мелодией, которую пели, находясь в хорошем настроении. Я даже не хотел знать, что выкрикивали северяне, когда их постигало горе.

Я заткнул уши, но это не помогло. Весёлая утренняя песня фарлендца могла бы разбудить целый легион.

Солнце ещё не взошло, и сегодня утром мне не нужно было являться к Реллин. Я радовался возможности поспать подольше. В полусне я сел и принялся тереть глаза, чтобы окончательно проснуться. Дверь распахнулась, и в проёме появился голый Рагнар, с него капала вода, и он широко улыбался.

— Ха! — воскликнул он. — Я знал, что моё пение в ванной поднимет тебе настроение, старина! Давай, ухватись за новый день, он дар богов! Негоже проводить его в постели.

— Ещё темно, Рагнар, — попытался я вразумить его.

— Рано или поздно станет светло. Кроме того, кто-то стучит в дверь. Думаю, тебе стоит открыть.

Я схватил простынь и проковылял к двери. Открыв её, я оказался лицом к лицу со штаб-полковником Орикесом, который не слишком доброжелательно окинул меня взглядом. Впервые с тех пор, как я познакомился с ним, он выглядел сонным и наспех одетым.

— Доброе утро, — вежливо поприветствовал я.

— Генерал Копья, — грубо промолвил он. — Комендант просил передать вам, что ему не нравится, когда вы так громко горланите грязные песни в своих апартаментах, так что он не может больше оставаться в постели. Хорошего вам дня, сэра генерал! — Он развернулся на каблуках и зашагал прочь.

Я закрыл дверь и прислонился лбом к прохладному дверному полотну.

— Что-то ты совсем поник, старина, — заметил Рагнар, ударив меня по плечу, от чего я чуть не упал на колени. — Давай позавтракаем. Я голоден, и это поднимет тебе настроение.

— Я кое-что выяснил, — сказал Рагнар, когда мы уже были в столовой, где он с большим аппетитом ел свой завтрак. В то время как я вцепился в кружку с кофе, есть мне не хотелось.

— И что это? — спросил я.

— Сюда! — позвал он кого-то за моей спиной и замахал рукой, после чего половина солдат в столовой усталилась на нас. — Мы здесь!

Я повернулся и увидел Зокору, Серафину и Вароша, вошедших в столовую, которые смотрели на нас с таким же недоумением.

— Они бы и так нас нашли, — сказал я Рагнару, который с широкой ухмылкой кивнул.

— Может и так. Но теперь все нас заметили, и им будет интересно, кто ты такой. Нет

ничего плохого в том, что тебя будут знать.

В его словах была определённая логика, но иногда я смотрел на вещи немного иначе, чем он.

Варош подождал, пока Зокора сядет, затем сел сам. Пока Серафина приветствовала меня с улыбкой, Зокора окинула Рагнара своим тёмным взглядом.

— Что нужно сделать, чтобы убедить вас не кричать здесь так громко? — спросил Варош.

— Ничего, всего лишь сказать об этом. Всё равно я уже добился того, чего хотел.

— А вы чего-то добивались? — поинтересовался Варош.

— Да. Теперь им интересно, кто я. И они думают, что знают... Высокий и неотёсанный здоровяк, без манер и, скорее всего, не особо умён. — Он улыбнулся, обнажив безупречные зубы. — Нас в любом случае заметили, но будет лучше, если мы сами решим, что видят другие.

— Думаете, это действительно необходимо? — удивлённо спросила Серафина.

— Да, — тихо ответил Рагнар. — Теперь я знаю, кто будет носить корону Фарлендов, и это умный ход. Он делает меня участником интриг и в то же время оставляет в стороне. Я должен быть осторожен, потому что если меня недооценят, это пойдёт только на пользу.

— Хральдиру нашли преемника? — спросил я. — Кто это?

— Молодая женщина, ей едва исполнилось шестнадцать лет. За девятьсот лет это всего лишь второй раз, когда на трон выбирается королева. Вы должны знать, что на моей родине в некоторых отношениях сэры не воспринимаются серьёзно, в других, напротив, очень серьёзно. Её зовут Врельда дочь Хральдира.

— Дочь Хральдира? — спросил я в изумлении. — Твоя сестра? Я не знал, что она у тебя есть.

— Я почти о ней забыл. Она только родилась, когда я уехал. Крошка, помещающаяся у меня на руке. — Он покачал головой. — А теперь она станет королевой! — Он посмотрел на меня. — Ты должен признать, Хавальд, что они быстро приняли решение. Она от крови моего отца и имеет право на трон. И было бы невежливо с моей стороны вызывать на дуэль сестру, чтобы убить её в бою.

— Что это значит для нас? — спросил я.

— Это ничего не меняет. План состоял в том, чтобы посадить на трон ярла Эрлафа человека, о котором я не могу сказать ничего хорошего. Когда он пытался заколоть меня много лет назад, он потерял руку. Чтобы захватить корону, он возьмёт Врельду в жёны. Если я теперь выступлю против него, то отвернусь от своей сестры. А это одна из тех вещей, которые мужчина не должен делать. — Он разломил хлеб и обмакнул кусок в кофе. — Это должно порадовать твою королеву. Он тот, на кого она сделала ставку.

— Как ты смог выяснить всё так быстро? — спросил я.

— Обман и интриги, — ответил он. — Когда рождаешься сыном короля, то впитываешь такое с молоком матери. В противном случае не доживёшь до того возраста, когда сам сможешь стать отцом. Я подкупил одного из людей у ворот посольства.

— А их можно подкупить?

— Подкупить можно кого угодно, если знаешь цену. Он был тем, кто напал на меня сзади. Хоть он и кричал достаточно громко, он не должен был наносить удар прежде, чем я повернусь к нему. Я предложил ему оставить всё как есть.

— Этого было достаточно, чтобы подкупить его?

— Да. Одни хотят золото, в его случае это честь. У каждого есть своя цена и своя слабость, нужно только найти её.

— А какая у тебя? — спросила Зокора.

— Вам не нужно это знать, — ответил он ей с улыбкой.

Я прервал их перепалку.

— Где твоя сестра? Она ещё в Кримстинслаге?

— Да.

— Тогда удивительно, что мы уже об этом знаем. Уже только самой новости, чтобы дойти сюда, требуется несколько дней.

— Вряд ли. Вы ещё помните старуху в общинном доме, которая разожгла для нас чашу с углями? Она предсказывает по огню и может общаться со своими сёстрами в столице.

— Я думал, что это просто легенда, — удивился я. — Такая же, как о Ледяных великанах или змеях.

— Или как о страннике, который не может умереть, — мрачно добавил Рагнар. — Одно так же правда, как и другое. Есть причина, почему Фарленды никогда не терпели поражения.

— Пока Асканнон не поборол вашего короля.

— Да! — воскликнул Рагнар, хлопнув себя по колену. — Боги, как бы мне хотелось посмотреть на это состязание, должно быть это было зрелище, не имеющее себе равных! Ваш император был умным человеком. Он знал, что нужно было предложить, чтобы победить.

— Ты имеешь в виду, что состязание было инсценировано? — спросил я.

— Конечно. Насколько я знаю, ваш император едва доставал ему до груди. Как бы в таком случае он смог победить в борцовском матче? Но состязание было лишь печатью в сделке, показавшей моему предку, что император отважный человек и готов выйти на ринг против него голым. Мы ценим такое мужество.

— Возможно, ваш предок был более храбрым, — заметила с улыбкой Серафина. — Это верно, император был не так высок, как вы, но он мог обладать любой силой, какую пожелает. Он называл это небольшой уловкой.

— Вы знали императора? — удивился Рагнар.

— Да. Я сама видела, как он голыми руками раздробил кусок камня в пыль. Он сказал, что нужно лишь убедить камень в том, что ты сильнее. Мускулы не требуются, только знания и сила воли. — Она улыбнулась. — И всё же возможно, он и ваш предок заключили сделку, чтобы присоединить Фарленды к империи. Но я сомневаюсь, что ваш предок сознательно проиграл.

— Вам нравился этот человек, и вы им гордились, — с улыбкой заметил Рагнар. Может дело обстояло именно так, а может и нет. Правду оба унесли с собой в могилу.

— Вернёмся к этому ярлу Эрлафу, — сказал Варош, который вместе с Зокорой внимательно слушал. — Вы сказали, что это должно порадовать Лиандру, потому что она поставила на него. Но вы так не считаете. Почему?

— Эрлаф — гадёныш. Человек, не имеющий никакого понятия о чести, но делает вид, будто это он её придумал. Стоит повернуться к нему спиной и поверить хоть одному слову, и ты об этом пожалеешь. Кроме того, он трус, и его можно купить. Если он станет королём Фарлендов, они точно не пойдут против императора-некроманта, а возьмут его золото в качестве взятки. Возможно, твоя королева и умна, Хавальд, но она также неопытна. Эрлаф

— лживый пёс, который откусит кормящую его руку. — Он пожал плечами. — Но дело сделано, и всё, что мы можем, это надеяться, что он изменился и в конечном итоге поймёт, что поддавшись искушению Коларона, он лишь проиграет. — Он вздохнул. — Я никогда по-настоящему не знал Врельду, да и что можно сказать о младенце? Но мне больно осознавать, что она будет лежать под этим трусом. Он разобьёт ей не только сердце.

— И с этим ничего нельзя сделать? — спросила Серафина.

— Вы хотите, чтобы ваша королева снова рассердилась на Хавальда? — спросил он. — Но нет, Врельда — моя сестра, и я не могу бросить ей вызов, даже если бы хотел. А вот Эрлаф... Он побоится дать мне какой-нибудь повод, пока не станет королём. И если она встанет перед ним и начнёт защищать, у меня тоже будут связаны руки. Как я уже сказал, проблему, что я ещё жив, он обошёл на удивление быстро и ловко. — Он обнажил зубы. — Я почти надеюсь, что он некромант, о котором ты говорил, Хавальд, но я в это не верю. Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он ударил по столу.

— Почему ты не можешь бросить ей вызов? — спросила Зокора.

— Как сестра, она имеет право на мою защиту, в свою очередь она должна слушаться меня. Если только она не королева. Тогда она может требовать моей защиты и больше не обязана подчиняться. Тогда только один может повелевать ею: её муж.

— Но любой другой имеет право вызвать её на поединок? — спросила Зокора.

— Да, но не ей самой. Кто-то должен будет сразиться за неё. Паладин, как наш Хавальд. У нас их называют по-другому. Это либо её меркесман, боец, которого она назначит сама, либо её муж, который выйдет на ринг вместо неё. Либо один из её братьев.

— Значит она может заставить тебя сражаться вместо неё? И таким образом заманить в ловушку? — спросила Зокора.

— И да, и нет, — ответил Рагнар. — Честь требует этого, но мой залог чести принадлежит теперь Эрресе, моей жене. У неё больше прав на мою защиту, чем у моей сестры, потому что она мать моих детей. Ради неё я готов на любой бой. Ради моей сестры... нет. — Он вопросительно посмотрел на Зокору. — Зачем ей заманивать меня в ловушку? Эрлаф вывел меня из игры, я больше не представляю для него угрозы.

— Рагнарскраг, — пояснила Зокора. — Топор Фрольнира, выкованный всеотцом, топор, способный раскалывать миры. Пока ты владеешь этим топором, ты представляешь опасность для этого Эрлафа.

— Кто ещё такой этот Фрольнир? — в замешательстве спросил я.

— Повелитель великанов, первой расы, ещё более древней, чем эльфы, — ответила Зокора, задумчиво глядя на меня. — У тебя поистине талант заводить странных друзей, — заметила она. — Ты знаешь, что он происходит от союза с великанами, раз владеет этим топором?

Рагнар ответил вместо меня.

— Да, я ему говорил. Вы его друг? — в свою очередь вежливо спросил он.

— Думаю, да, — ответила Зокора.

— Тогда вы, несомненно, правы, — рассмеялся Рагнар. — Итак, я сыт. — Он посмотрел по сторонам. — Где я теперь могу выпить пива?

— Не здесь. Не в это время, — ответила Серафина.

— Нету даже этой ослиной мочи, которую вы называете легионским пивом? — разочаровано спросил он.

— Его тоже нет. Будет только после шестого колокола. Скажите, Рагнар, что там с Ангусом? Как он?

— Сегодня вечером я перевезу его в Громовую крепость. Там много дичи, на которую он сможет поохотиться. После этого он снова станет прежнем. В том, что он Волчий брат, иногда есть своё преимущество.

— Что это значит? — спросила Серафина.

— Что Ангус — оборотень, — объяснила Зокора, спокойно потягивая чай. — Разве ты не знала?

Серафина моргнула. Я тоже. Варош поперхнулся чаем.

— Именно поэтому ему так понравится Громовая крепость, — весело произнёс Рагнар. — Там целая стая этих зверюг. Они будут боготворить его.

— Боготворить? Почему? — спросил я, делая вид, что не удивлён.

— Потому что он отличается от них. В нём течет кровь Зимнего волка, его мать переспала с таким волком. В его человеческом облики, — поспешно добавил он. — Он может сам выбирать, когда и как трансформироваться. Он научился этому ещё в детстве. На моей родине таких, как он, считают почти святыми. Если бы он не последовал за мной, он мог бы многого добиться.

— И тебя не смущает то, что твой верный друг — оборотень? — недоумеваю спросил я.

— С чего бы? — задал он встречный вопрос. — О нём я знаю, что он великий воин.

— Оборотни... они у вас другие? — спросила Серафина.

— Да, — пояснила Зокора. — Такие, как Ангус, получившие дар богов, встречаются редко, большинство из них страдают от болезни, которую иногда даже можно вылечить. — Она улыбнулась. — Разницу легко заметить. Одним из них приходится выть на луну, другие делают это только когда хотят.

— Отлично сказано, — согласился Рагнар. — Именно в этом и заключается разница.

— Как давно ты об этом узнала? — спросил я Зокору.

— С самого начала. Как и ты.

— Я не знал, — возразил я.

— То, что ты не хотел знать, не означает, что ты не знал. — Она встала и требовательно посмотрела на Вроша, который тоже встал. — Меня всегда приводит в восхищение то, сколького вещей ты якобы не замечаешь. Если будешь нас искать, мы в архиве.

Я решил, что сейчас лучше не спрашивать, что она имела в виду.

— Ты всё ещё ищешь Гибель Страха? — вместо этого спросил я.

— Нет, — ответила она. — Я нашла то, что заинтересовало меня больше. Архивариус достал для меня копию договора. Это очень увлекательное чтение.

— Аскирский договор? — спросил я.

— Тот самый.

— И его интересно читать?

— Да, — ответила она, обнажив зубы. — Если читаешь то, чего не написано.

24. Торговый совет

— Знаешь, что меня расстраивает? — спросил я, когда мы с Серафиной шли по площади цитадели. Нашим пунктом назначения был Имперский мост. Я наконец хотел кое-что выяснить.

— Я уверена, сейчас ты мне расскажешь, — ответила она.

Я поднял воротник своего плаща; было ещё утро, и с гавани дул прохладный ветер.

— Мы так долго ломали себе голову, но многое было уже известно. — Я указал на Совью башню. — Я уверен, что там есть записи об острове проклятых. А штаб-полковник Орикес отвечает за имперские архивы. Так что комендант тоже должен знать.

— А что насчёт тебя? — спросила она с улыбкой. — Ты тоже не рассказываешь всё, что знаешь.

— Это потому, что я часто только предполагаю. Я усвоил, что догадки нужно сначала проверить, прежде чем выдавать их за точные сведения.

— И что ты хочешь проверить на этот раз, Хавальд?

— Жив ли ещё Асканнон.

— Я очень на это надеюсь, но Асела видела его смерть.

— Я тоже уже умирал, — отозвался я. — Я жив, потому что владею этим мечом, а ты знаешь, кто его перековал и наделил магией. — Я протянул ей серебряную монету. — Чеканка на ней... Я знаю этого человека. Просто долгое время я отказывался это признавать. Тот, с кем я познакомился, гораздо старше, но сходство очевидно. На имперском мосту должны стоять две статуи — его и его жены. Когда я увижу его там, то смогу понять, ошибаюсь или нет.

— Надеюсь, что всё так, как ты говоришь, — промолвила она. — Я всегда считала, что он должен быть ещё жив, но доказательств этому нет. Когда Асела сказала, что видела его смерть... Я не хотела отказываться от надежды, но было очень сложно. — Она посмотрела на меня. — Думаешь, это правда? Что известие о моей смерти так сильно повлияло на него, что он пренебрег своей защитой?

— Не знаю, что происходит с Аселей, — ответил я. — Но не думаю, что у неё есть причины лгать. Я только недавно узнал о том, что у него почти родилась дочь. Может ты была для него чем-то вроде замены?

— Может быть, — подавленно ответила она. — Однажды он сказал, что мне столько же лет, сколько исполнилось бы его дочери.

— Твоим отцом был губернатор Газалабада, — вспомнил я. — Значит, имперский чиновник. Он был уроженцем этой страны?

— Нет. Он родом из Аскира и служил Пером в легионе, прежде чем стал дипломатом.

— Ты так не выглядишь. Тёмная кожа, чёрные волосы, красавица с пламенным взором. А Серафина была похожа на Хелис как две капли воды.

— Это странно, верно? Кажется, я связана родственными узами сама с собой. Моя мать была из Бессарина. Мой отец и император говорили, что у меня её нос.

— Только нос? Я признаю, что все остальное уродливо, но твой нос вскружил мне голову!

— Ах ты! — крикнула она и толкнула меня. — Прекрати... Что такое?

— Вон там, видишь парня в сером плаще? — спросил я. — Тот, что делает вид, будто

стена — это произведение искусства и он его внимательно изучает?

— Да. И что с ним?

— Он следил за нами. Только что с ним рядом был ещё один.

— Может нам стоит поговорить с ним? — спросила она, высвобождая кинжалы из рукавов.

— Я только за.

— Я разберусь с ним. Найди другого.

Я кивнул, мне хотелось возразить, попросить побережь себя, но Серафина обычно знала, что делает.

Она отошла, и внезапно мне стало сложно не следить за ней, пока я высматривал другого парня. Потому что я ещё никогда не видел, чтобы она так покачивала бёдрами, как сейчас. Она жестом откинула капюшон, встряхнула волосы, немного ослабила плащ, задорно склонила голову на бок и направилась прямо к мужчине, который всё ещё изучал стену перед собой.

— Скажите, сэръ? Не хотите купить лотерейный билет, может на поцелуй? — спросила она хриплым голосом, преданно глядя на него широко распахнутыми глазами. Я чуть не подавился.

Мужчина поспешно посмотрел на неё. Он знал, что его заметили, и выглядел немного растерянным.

— Нет... сэра, — пробормотал он на удивление вежливо. — Спасибо, но нет.

— В самом деле нет? — спросила Серафина, поджав губы.

Мужчина теперь полностью повернулся к ней лицом.

— Нет, — смущённо ответил он. — Я не свободен. Не то чтобы вы мне не нравились... — Он в панике огляделся в поисках помощи. Я проследил за его взглядом и заметил, как второй неприметно приближается.

Колено Серафины устремилось вверх и попало поклоннику стены прямо в наследство. Когда он, задыхаясь, повалился на землю, она точно ударила рукояткой кинжала ему по затылку. Всё выглядело так, будто он просто рухнул, настолько быстро всё произошло.

Второй перестал притворяться, что не причём и побежал к ним как раз мимо входа в дом, где неприметно стоял я.

Всё, что мне нужно было сделать, это схватить его за шею и использовать его же скорость, чтобы направить в стену, а потом подобрать кинжал, который он выронил.

— В сад, — сказала Серафина, когда я подошёл к ней со вторым мужчиной через плечо, указав на открытую решётчатую калитку, с видом на небольшой сад за домом. Я схватил первого за шиворот и затащил обоих в сад. Из двери вышла молодая женщина и увидев нас, миглом повернула назад, чтобы очень быстро и надёжно закрыть дверь и ставню.

С одной стороны стояло ведро с дождевой водой, я взял его и вылил на двух наших головорезов.

Тот, который из-за меня врезался в стену дома, пришёл в себя, его товарищ продолжал блаженно спать.

Отплёвываясь, он сел, схватившись за окровавленный нос, который я, должно быть, по ошибке сломал.

— Вы не можете так поступать с нами, — возмутился он, что меня немного удивило.

— Почему бы нет, сэръ? — спросила Серафина, многозначительно поигрывая своим острым кинжалом. — Я думала, что так принято поступать с людьми, которые хотят тебя

убить.

Я выразил согласие ворчанием.

— Однако у меня есть ещё несколько вопросов. Для повешенья кости целыми не нужны. — Мужчина хотел в панике вскочить, но я схватил его за горло и прижал к земле. — Давайте начнём с того, что вы скажите нам, кто вы. Простые негодяи или посланники наездников душ?

— Каких наездников душ? — в панике спросил мужчина. — Мы агенты торгового совета и выполняем важную миссию! У меня на шее... на цепочке, который вы почти меня задушили... ради богов, посмотрите сами... Мы не злодеи!

Агенты торгового совета? И что это должно значить?

И в самом деле, у него на шее была тонкая цепочка. Я вытащил её и сорвал, в то время как он громко вскрикнул.

На цепочке висела серебряная монета с дырочкой на краю.

На одной стороне был отчеканен дракон Аскира, на аверсе были изображены весы, мельничное колесо и мешок зерна.

Я передал монету Серафине, которая тщательно изучив её, обыскала шею второго мужчины и обнаружила там такую же монету.

— Вы торговцы? — удивлённо спросил я, приподнимая мужчину, чтобы удобнее прислонить его к стене сада. — Какое отношение к нам имеют торговцы?

— Агенты торгового совета, — гордо повторил он, поправил свою куртку и вытер кровь с носа. Он сердито посмотрел на меня, порылся в куртке и сунул мне под нос сложенный лист пергамента. — Мы выполняем важную миссию.

— Вас послал комендант? — удивлённо спросил я, разворачивая пергамент.

— Конечно нет, — возмущённо воскликнул мужчина. — Городом правит торговый совет! Комендант командует только военными.

— Интересно, а он об этом знает?

Я прочитал документ, который в самом деле был подписан сэром Пессерионом с титулом члена торгового совета и печатью в виде ключа. В нём говорилось, что торговый совет решил взять под наблюдение некоего сэра Родерика фон Тургау, поскольку ему предъявлены следующие обвинения: устроил землетрясение и наводнение, уничтожил имперское имущество (Огненные острова), уничтожил имперское имущество (девять меченосцев, четырнадцать охотничьих лодок, двенадцать грузовых судов), уничтожил имущество торгового совета (семнадцать грузовых судов)...

И дальше в таком же духе. Грузёные повозки, доковое оборудование, погрузочные краны. Список простирался до конца страницы, где оставалось место только для подписи и печати. Они даже взяли на себя труд подсчитать ущерб. Согласно этому подсчёту, я был ответственен за урон, составляющий триста восемьдесят тысяч и четыре золотые имперские кроны.

И двенадцать серебряных монет. И девять медных.

— Как примечательно, — заметила Серафина, которая прочитала документ, заглядывая мне через плечо. — Не думала, что можно так точно определить ущерб.

— Это лишь ущерб, который понёс торговый совет и о котором был уведомлён, — фыркнул мужчина, осторожно ощупывая свой нос. — Конечно, поступят ещё и другие претензии. Косвенные убытки, такие как потеря гарантийных выплат, трудовые потери из-за мёртвых и раненых и тому подобное. Их сложно измерить в деньгах. Стоимость чумы в

Янасе придётся подсчитывать отдельно.

— И это возможно? — удивлённо спросил я.

— Есть таблица, — важно ответил мужчина. — С числами, полученными из опыта. Вносятся пол и возраст мёртвого человека, его статус, и из этого следует коэффициент, который переносится в другую таблицу. Берётся это число и...

— Спасибо, — сказал я, поднимая руку. — Углубляться в подробности я не хотел. Значит вы двое выполняете задание торгового совета, чтобы следить за нами?

— Да, — с гордостью ответил он. — И даже это подлое нападение не остановит нас от выполнения нашего гражданского долга! Вы ещё узнаете, что нельзя запугивать торговый совет и его представителей.

Я протянул ему руку, он отшатнулся назад и так сильно ударился головой о стену, что на глазах выступили слёзы, и на мгновение его глаза стали косыми.

— Я просто хотел вам помочь подняться, — любезно объяснил я. — Но если вы настаиваете...

Я положил монету и документ ему на грудь, посмотрел на второго, который всё ещё мирно спал, и пожал плечами.

— Теперь вам не нужно прятаться, — любезно сказал я. — Это избавит нас от недоразумений. Иначе мы всё ещё можем принять вас за убийц и уже не будем так нежны.

— Нежны? — воскликнул он, искоса глядя на меня. — Вы сломали мне нос, и это вы называете нежным?

— Ведь ваша голова всё ещё на месте, — ответил я. — Да благословят вас двоих боги. Надеюсь, вы скоро поправитесь.

Сделав три шага, я больше не мог сдерживать смех, Серафина тоже усмехнулась.

— Боги! — промолвила она, качая головой. — Это не смешно, Хавальд, совсем не смешно. Но эти двое...

— Я знаю, — ухмыльнулся я. — Таблица... боги!

Я покачал головой.

— Боюсь, что он сказал ещё и правду и такие таблицы, которые приравнивают жизнь человека к меди и серебру, действительно существуют! Кто вообще так думает?

— Ты знаешь ответ, — сказала она. — Торговцы.

Мы оглянулись. Там, рядом с калиткой в сад, стоял агент, прижимая к носу платок и сердито глядя нам вслед.

Она вздохнула.

— Они лучше, чем наездники душ... вопрос только в том, насколько!

25. Имперский мост

Мы пошли дальше и вскоре достигнув порт, повернули налево. Нам не потребовалось много времени, и мы уже добрались до Имперского моста. Он плоской дугой и без единого опорного столба тянулся семьдесят шагов через устье Аска, соединяя две половины имперского порта. Движение на нем было соответственно интенсивным.

С этой стороны мост украшала статуя молодой женщины в натуральную величину. Я с любопытством изучил её. Как и большинство статуй, она была аккуратно расписана; казалось, что она живая, настолько хорошо художник запечатлел ее. На ней были лёгкие доспехи из светлой кожи, с талии свисал слегка изогнутый меч. Её длинные чёрные волосы были распущены и развевались на невидимом ветру.

Она смотрела не на нас, а на другой конец моста, на её губах играла улыбка, как будто она знала секрет, который не хотела раскрывать. Если художник придерживался прообраза, её кожа была такого же золотистого оттенка, как и у Серафины, а также она немного напоминала мне Файлид, эмиру Газалабада. Мне было трудно определить её возраст; вокруг глаз были мелкие морщинки, кожа всё ещё обладала юношеской упругостью, но кто бы ни был художник, создавший эту статую, он запечатлел что-то от неё: тайну и мудрость, которые невозможно приобрести в юном возрасте.

Возможно, я ожидал увидеть эльфа или что-то в этом роде, но она была просто молодой женщиной с приветливой улыбкой. Нельзя было даже сказать, что она отличалась особой красотой.

Орикес назвал её умной. Умные женщины часто обладали особым шармом, которого не могла дать простая красота. Я начал искать надпись на этой статуе, но ничего не нашёл.

Серафина тоже подняла на неё глаза.

— Хотелось бы мне знать, кем она была, — промолвила она. — Странно, что её статуя стоит здесь, и никто не знает её имени.

— Орикес предложил мне показать её могилу. Думаю, там мы сможем найти имя. Император приказал убрать всё остальное, что указывало на неё. Интересно, почему?

Мы пошли дальше, я ещё раз оглянулся и проследил за её взглядом до другой статуи: мужчины в широкой мантии учёного, который с улыбкой смотрел на неё. Император показался мне очень молодым, он не выглядел даже на тридцать, хотя в то время правил уже несколько столетий. У него не было глубоких складок у носа, щеки были ещё гладкими, только у глаз художник заботливо вырезал в камне небольшие морщинки, появляющиеся от смеха.

В руках император держал чертёж, а в одной — цепь, намотанную вокруг пальцев и отвес. Меня привлекло выражение его лица. Я редко когда видел статую правителя, демонстрирующую такую тоску и уязвимость. Я оглянулся на другую статую, отделённую Аском и находящуюся от него в семидесяти шагах... Она была слишком далеко и недостижима для него вовеки.

Нос был точно его, губы тоже, и всё же мне было трудно соединить этих двух мужчин воедино. В моём сознании или перед глазами они выглядели размытыми, пока мне это не надоело, и я тихо выругался. Но потом, словно завеса была разорвана, я увидел перед собой императора... и вспомнил учёного по имени Кеннард, который пришёл в «Молот», не имея на себе никаких следов непогоды. Вскоре после того, как Бальтазар вновь направил поток

миров в Аскир.

Наверное, он это заметил. Неудивительно, что он пришёл, чтобы проверить, что происходит.

— В чём дело, Хавальд? — спросила Серафина. — Ты так пристально смотришь на него.

— Если я просто смотрю, то образ распадается, — попытался я объяснить. — Я всё ещё вижу то же самое, но в то же время как будто забываю об этом. Но если сосредоточусь... Финна, это тот же самый человек. Это учёный Кеннард, которого мы встретили в «Молоте». Ты ещё была заключена в Ледяном Защитнике, но это он назвал нам имена солдат первого горна и передал ключи от первого портала.

Не успел я это сказать, как эта странная завеса словно разорвалась окончательно. Теперь я без напряжения узнал в этой статуе и на монетах одного и того же человека.

— Боги! — выругался я. — Теперь я знаю, что он сделал! Он надел на меня это проклятое кольцо! Он манипулировал моим разумом и заставил забыть обо всём. Пусть он будет за это проклят!

— Он явно не хотел, чтобы ты его узнал. Ладно, я могу понять, что ты злишься, но разве ты от этого пострадал?

— Нет, — признал я и поднял на него глаза. — Тем не менее, он мог бы довериться мне.

— А разве он не доверился? Подумай, что он тебе дал, — спокойно сказала она. — Хотя даже тебя не знал.

Я задумался. Такое лицо не встретишь на каждом углу, и всё же мне казалось, что я видел его уже много раз. Но такое случалось со мной постоянно: иногда я узнавал людей, которые уже давно пребывали у Сольтара.

Его статуя также была тщательно разукрашена, но у человека, которого я знал как Кеннарда, краски были выбелены жизнью. Светлые волосы, которые император носил распущенными, были у Кеннарда седыми, а морщины на лице появились из-за сильной душевной боли.

Я вспомнил его спокойно сидящего и курящего свою трубку, всегда усмехающегося и сдержанно заигрывающего с сэрами. Как ловко он оказал на нас влияние, указав на положение вещей... и как он попрощался.

Без наложенного на мой разум ограничения многое внезапно стало очевидным.

— Что ж, если ты прав, тогда вы действительно встречались. Что ты о нём думаешь?

— Он меня впечатлил.

— Почему?

— В нём было какое-то спокойствие, уравновешенность, как будто он уже прошёл все испытания и давно получил ответы на вопросы, которые до сих пор мучают меня. — Я вспомнил, каким он был и медленно кивнул. — Он показался мне человеком, обрётшим покой, который все мы ищем. Это то, что я ценил в нём и тайно восхищался... больше ничего.

Она задумчиво оглянулась на императрицу.

— Она была убита с его ребёнком внутри. Его предал Бальтазар, его мечты и планы рухнули, он отказался от трона и на том далёком острове попал в ловушку, которая, должно быть, ослабила его. Как после всего этого можно обрести покой?

— Полагаю, отпустив всё и сосредоточившись на себе, — задумчиво ответил я.

Серафина снова посмотрела на своего императора и улыбнулась.

— Я знаю его таким, каким он стоит здесь, хотя обычно он был более весёлым и менее уязвимым. Не понимаю, почему здесь он показал себя таким. Может потому, что он тот мужчина, которого она знала.

Я изучил основание статуи, ища надпись, но и здесь её не было. В Аскире этот человек ещё сегодня был вездесущим, но стояла всего одна его статуя, и даже на ней не было его имени.

— Тот, кто создал эти статуи, был одарённым, — тихо заметил я. — В них есть жизнь, и даже через тысячу лет любой, кто увидит их, поймёт их чувства друг к другу.

— Когда увидишь его в следующий раз, можешь сам сделать ему комплемент. Я уверена, он обрадуется.

— Он сам их сделал? — удивился я.

— Не смотри так, — промолвила она. — Он говорил, что настоящие художники — это те, кто работает резцом и молотом. А ему всего лишь нужно вдавить изображение, какое оно есть, в камень, а это не настоящее искусство.

— Он солгал тебе, Финна, — сказала я. — Я сам занимаюсь резьбой.

Искусство не в том, как ты владеешь стамеской или ножом, это приходит с практикой, а в том, каким ты видишь образ, потом пальцы лишь следуют заданному пути. Чем яснее ты видишь его перед своим мысленным взором, тем чётче благодаря этому образу можно определить, что позже увидит и почувствует зритель и тем выше искусство.

Она задумчиво подняла взор на статую, затем кивнула.

— Возможно, ты прав.

26. Сердце врага

— Мне нужно встретиться с вашим главным шпионом.

Орикес моргнул. После встречи с агентами торгового совета я пришёл к выводу, что настало время самому предпринять кое-какие шаги. Разговор с Орикесом показался мне подходящим началом, хотя он не слишком обрадовался внезапному нападению.

Однако прежде чем перейти к нему, я ходил к генерал-сержанту Реллин, и когда изложил ей свою просьбу, она выглядела не менее удивлённой, чем сейчас Орикес.

— У нас нет привычки шпионить за нашими гражданами и гостями нашего прекрасного города, — решительно сообщил мне штаб-полковник.

— Вы говорите, что нет неприметного мужчины средних лет в ранге... ну скажем полковника Перьев, который собирает, перепроверяет и тщательно записывает каждый, даже самый незначительный слух, в папки, содержащие рисунки, наброски, показания свидетелей, фальшивые векселя, постыдные признания и прочее?

— Нет, — ответил Орикес, даже не моргнув.

— Тогда я должен просмотреть его записи.

Он снова моргнул.

— Посмотрим, что можно сделать. Я слышал, что вы всё-таки теперь собираетесь посетить бал?

— Да, алданский.

— Тогда вы захотите узнать, кого там встретите.

— Это было бы полезно. Но меня беспокоит торговый совет. Я хочу знать всё о его членах, у кого с кем был инцест, кто кого подкупил и кто заставляет других говорить вместо себя и рисковать своей шеей. У кого из сыновей есть долги в доме похоти, кто кого обрюхатил и заплатил за то, чтобы другой стал отцом, кто предпочитает играть на флейте вместо скрипки... такие вещи.

Я ещё никогда не видел, чтобы он так часто моргал, как за последнюю десятую часть отрезка свечи.

— Предпочитает играть на флейте? — удивлённо спросил он.

Я нарисовал в воздухе очертания скрипки.

— Большинство мужчин любят такие формы, — терпеливо объяснил я. — Другие предпочитают играть на флейте...

— О, — сказал он, когда до него дошло, и слегка кашлянул. — Этот термин был мне ещё не знаком.

— А как здесь называют флейтистов? — спросил я с любопытством. Внезапно он стал выглядеть так, будто ему неудобно сидеть на стуле.

— Их называют братьями Астарты, — ответил он и в самом деле немного покраснел.

— Но у Астарты есть только сёстры.

— Вот именно.

— О. — Ладно, это тоже было очевидным сравнением. — Также мне нужно обещание, что по моей просьбе вы помилуете человека без лишних вопросов.

— Кого и за что? — спросил он, но я лишь продолжал смотреть на него.

Он вздохнул.

— Я должен спросить коменданта, но да, если вы не будете перебарщивать. Что-нибудь

ещё? — Он выглядел слегка раздражённым.

— Я полагаю, торговые договоры королевств можно найти в имперских архивах?

— Да.

— А тайные договоры?

— Их нет.

— А если бы они были, где их можно было бы найти?

Он вздохнул.

— Я об этом позабочусь.

— И последнее. Мне нужны имена тех, кто из этих именитых гостей на балах слывёт болтунами.

— Это тоже имеет какое-то отношение к...? — нерешительно спросил он, снова краснея.

— Нет. Я имею в виду тех, кто за пол отрезка свечи откровенно пересказывает сотне человек то, что услышал, не проверив сведения. Предпочтительно такие, кто утверждает, что сами обо всём узнали. Такие, кто хорошо умеет распускать слухи.

— Понимаю, — сказал он. — Я сделаю список с именами. — Он пристально посмотрел на меня и кивнул. — Я понимаю, что вы хотите сделать, генерал Копья, — промолвил он. — Некроманты или нет, они вражеские шпионы, и ловить их нужно таким же образом.

— В этом и заключается моя идея.

— Хм, — задумчиво сказал он. — У вас есть опыт в этой области?

Теперь настал мой черёд вздыхать. Я поднял левую руку и показал ему кольцо с розой.

— До Элеоноры я почти тридцать лет служил её отцу в качестве паладина королевства. Паладин храма защищает свою веру. Паладин короля защищает короля и его королевство от внешних и внутренних врагов. В том числе и при дворе.

— Объясните мне одно, генерал Копья. Всё, что я о вас знаю, говорит о том, что вы скорее простой человек, который думает и действует прямолинейно, любит четкие правила и предпочитает всё сортировать на белое и черное. Я считал, что хорошо разбираюсь в людях. Почему я в вас ошибся?

— Вы считаете меня простым?

— Не в образе мыслей, — поспешил ответить он. — В том, чего вы хотите от жизни.

— Тогда вы не ошиблись, — сказал я. — Но до сих пор ещё никто, потеряв лошадь, не мог вернуться домой на одном желании.

Он играл пером, даже не замечая, что оно капает на его заметки.

— Что случилось?

— Долг, штаб-полковник. Мне напомнили, что не всё идёт сообразно моим желаниям.

Он коротко рассмеялся.

— Я сделаю всё, что в моих силах. А что касается вашего... консультанта в светских вопросах... лучше обратитесь к Реллин. У неё в легионе есть молодой человек, который приводит её в отчаяние.

— И он будет мне полезен?

— У него нет ни малейшего таланта к военному ремеслу, но то, что вам нужно, у него в избытке. Мне даже немного жаль, что он так хочет быть Быком.

— Посмотрим, — согласился я. — И ещё кое-что. Есть ли какая-нибудь комната, где я мог бы работать не опасаясь, что кто-то постоянно будет заглядывать мне через плечо?

— Попробуйте взять ту, что предназначена для Второго легиона, через четыре двери по

коридору, — ответил Орикес с лёгкой улыбкой. — Я слышал, что там свободен кабинет генерала.

Но прежде у меня был ещё один вопрос. Орикес снова удивлённо моргнул, когда я сообщил ему о своей просьбе.

— Я сомневаюсь, что он так внезапно сможет найти для вас время, — ответил он.

— Скажите ему, что это вопрос выживания Аскира, — был мой ответ. — Думаю, тогда он выделит время.

Охранники в доме Дезины не стали задавать вопросов, хотя по их глазам было видно, что у них их тысяча. Я обратился к лейтенанту Копья, охранявшему портал в подвале.

— Прямо сейчас портал кто-нибудь использует? Вы кого-нибудь ожидаете в ближайшее время?

Он покачал головой и неуверенно покосился на моего спутника, никого иного, как самого коменданта.

— Отвечайте на вопрос, лейтенант Копья, — приказал тот.

Лейтенант поспешно отдал под козырёк.

— Нет, сэры. Портал использовала лишь Сова. Её возвращение ожидается только сегодня вечером.

— Хорошо, — сказал я. — Выставите вокруг портала своих людей. Когда мы переместимся, вы будите головой отвечать за то, чтобы никто сюда не входил. Если из портала выйдет кто-либо, кроме меня и коменданта, убейте, кто бы он ни был. Без малейших колебаний. Даже если это будет ваша мать.

— Но...

— Что здесь делать вашей матери, лейтенант? — устало спросил я. — Это будет не она. Но кто-то или что-то, возможно, примет её облик. Я достаточно ясно выразился?

— Вы ожидаете, что произойдёт нечто подобное? — спросил Кералос.

— Нет. Надеюсь, что нет. Я лишь знаю, что некоторые из наших врагов могут выглядеть как друзья.

Он долго смотрел на меня, затем повернулся к лейтенанту.

— Прошу дайте мне ваш ремень с мечом, лейтенант.

Лейтенант поспешно отстегнул ремень и передал коменданту, который одев его, хотел жестом отослать офицера прочь. Но я остановил его.

— Достаньте нам подзорную трубу. Нет, лучше две. Сейчас же!

Лейтенант отдал под козырёк и убежал.

Кералос посмотрел ему вслед, затем окинул меня пронизывающим взглядом.

— Вы в самом деле уверены, что не тратите моё время в пустую?

— Да.

— Вы всё ещё не желаете сказать мне о чём идёт речь?

— Нет, пока нет. — Я посмотрел на его меч. — Если он вам понадобится, тогда мы уже проиграли.

— Я предпочитаю взять его с собой, — ответил он, и я хорошо его понимал. — Я надеюсь, генерал Копья, что это не какой-нибудь балаган, — продолжил он, пока мы ждали лейтенанта.

— Нет, — бесстрастно ответил я.

Он внимательно окинул меня взглядом.

— В чём вообще дело?

— Я хочу кое-что показать вам.

— Что именно?

— Я точно не знаю, потому что ещё сам там не был. Но я надеюсь, что это наглядно покажет наше положение, и вы выслушаете мою просьбу.

Он отрывисто кивнул. В этот момент уже подоспел лейтенант и, протянув нам две подзорные трубы, отдал под козырёк и поспешно ушёл. Я подождал, пока он не скроется за углом, наклонился и разложил камни в другом порядке. Затем попросил коменданта войти в восьмиугольник. Он мгновение колебался, затем расправил плечи и встал рядом со мной.

Я снял с крючка на стене фонарь, зажёл его и вопросительно посмотрел на него.

— Готовы?

— Если бы я знал, для чего... но в общем, да.

Я бросил центральный камень, и у меня зазвенело в ушах. Нас окутал прохладный влажный воздух, а чёрный камень вокруг был влажным и скользким.

— Где мы? — спросил Кералос, с любопытством оглядываясь по сторонам, пока я искал дверь, которую нашёл с помощью Искоренителя Душ. Она была хорошо скрыта в камне. Прежде чем открыть её, я посмотрел вниз. Там лежали порталные камни, и как я подозревал, они не вели обратно к дому Дезины. Я запомнил комбинацию и надавил на скрытую дверь. Раздался скрежет, когда она с трудом открылась. Причина обнаружилась сразу в свете фонаря. Дверь вела в большую круглую комнату из чёрного базальта, добрых тридцать шагов в ширину, но только четыре в высоту. А скрежетали старые коричневые кости, в истлевших остатках мантии чёрного и золотого цветов. И это был не единственный труп здесь.

В этом месте было достаточно следов старой бойни, и всё ещё хорошо видно, куда согнали священников, а затем убили. Может это и произошло много веков назад, но для меня здесь всё ещё пахло смертью. Когда-то комнату защищала тяжёлая дверь из золота и серебра, теперь она была взломана, а драгоценные камни вынуты. Также отсутствовала часть золотой обшивки.

За ней находился коридор и лестница, усыпанные костями и обвалившейся кладкой. Мне понадобилась помощь Искоренителя Душ, чтобы проложить нам путь. Комендант не стал мне помогать, да я и не просил его об этом. Вместо этого он изучал рисунки на стенах и старые кости.

Лестница вела в развалены храма. Крыша обвалилась, колонны валялись на земле, словно сосновые опилки, статуя неизвестного мне божества лежала разбитая на боку. На гнилых и ржавых копьях вокруг храма тут и там всё ещё торчали коричневые человеческие черепа. Всё заросло густой зеленью, даже кости были покрыты мхом, а копья обвивали растения.

Мы медленно вышли из тени руин. Красноватое небо с паласами облаков вдалеке предвещало приближающийся закат. Воздух был тёплым и душным, и на моей коже сразу выступил пот.

Храм был построен на возвышающейся как палец столовой горе. Вокруг неё простиралась тёмная зелень. Пели странные птицы, а рядом с нами красно-зелёный дракон, размером едва достигавший нижнюю часть моей руки, нырнул в густой подлесок, захвативший эту гору.

Перед нами простиралась долина, окружённая зелёными валами из растительности и скал. А в долине вдалеке был город тёмно-коричневого, жёлтого или красного оттенков с крышами и дымящимися трубами, образующими дымку над долиной, башнями и замками,

широкими и узкими улицами, в то время как над нами кричал виверн.

Город занял всю долину, насколько хватало глаз. Не было видно никакой системы, улицы были беспорядочны и невооружённым глазом можно было увидеть, что даже дома построены друг на друге.

Недалеко от нас через городскую путаницу проходила широкая дорога, и на ней мы заметили тянущих телеги странных чудовищ и рабов, вздрагивающих под ударами надсмотрщиков. Также там маршировал отряд солдат. Они гордо несли перед собой знамя легиона и были снаряжены чёрными доспехами из укреплённой кожи. Над городом кружили десятки, возможно, сотни вивернов в танце, который то направлял их вверх, то снова вниз, но постоянно по кругу. Влажный воздух нёс с собой запах угля, серы и затхлый смрад незнакомого города. Вдали, на дальнем берегу могучей реки, которая как бурая грязь широкими поворотами разливалась по долине, возвышался мощный бастион, выглядевший так, словно безумный ребёнок вставлял замки и крепости один в другой, пока не получился крутой конус, тысячекратно напичканный башнями и укреплениями. Вокруг этого конуса кружилось большинство вивернов, а также три золотисто-зелёных дракона.

Один этот взгляд выявил массу людей, камней и бестий, заполнивших долину на многие мили вокруг: каменное чудовище, где в каждой трещине была жизнь. Она прямо таки просачивалась наружу, ползала по камню, словно муравьи в муравейнике.

Я поднёс подзорную трубу к глазу и взглянул на далёкий город. Теперь я увидел, что то, что я считал улицами, на самом деле были скорее ущелья, которые образовались, когда новые дома строились поверх старых.

Путаница из мостов, жердей, столбов, тяжёлых канатов и крыш ступенью выше служили уже следующему ярусу в качестве строительной площадки.

Подобно вражеской королевской крепости, другие башни в городе тоже возвышались вверх без цели и плана, но всё же следуя воле, с зубцами, крепостями и платформами, кишащими вивернами. Весь город казался мне безумным творением, поглотившим всё, но при этом не следуя никакому плану, кроме как разрастаться в высоту и ширину, как живое существо, объединённое одной мыслью.

Широкий коричневый водный поток, разделяющий город надвое, был покорён бесчисленными мостами всех видов, и напоминал скорее проточное озеро, чем реку. Он был примерно в пять раз шире Газара, самой могучей реки, которую я когда-либо видел. Словно чудовище, широкий, мощный и неповоротливый, он вился через город, а его течение больше напоминало жёлтую грязь, чем воду. На берегах, под десятками дымовых труб, запекались жёлто-коричневые кирпичи, придавая незнакомому городу его цвет.

На широкой спине чудовища, словно насекомые, скакали баржи, катера и корабли. Только когда я взглянул на корабль через подзорную трубу, у которого с каждой стороны было по восемь рядов чёрных вёсел, из-за чего он выглядел как гусеница, ползущая по жёлто-коричневой массе, я понял, что за каждым из этих вёсел потело по шесть человек, и осознал истинные масштабы того, что увидел. К запаху горящей серы и затхлости, добавился ещё голос города: отдалённый гул или шум колёс от повозок, крик и звук кузнечных горнов, скрип кораблей на реке и другие звуки, которые любому городу придавали мелодию. Здесь это был скорее приглушённый рёв и грохот чудовища, храпящего во сне. Слева река впадала в море, неся в глубокую синеву воды своё жёлтый цвет насколько можно было видеть через подзорную трубу, превращая перед широким устьем белые барашки волн в мутные коричневые гребни.

По обе стороны устья возвышались мощные стены, защищая большой порт. Посреди реки также громоздилась разросшаяся из башен и платформ крепость, кривые пальцы расползались в устье, и их окружал лес колючих жуков, которых я с запозданием распознал как чёрные корабли, что враг посылал нам навстречу.

— Боги, — выдохнул комендант, изумлённо оглядываясь по сторонам. — Что это? Что мы здесь видим?

— Мне сказали, что этот город называется Коларисте. То, что мы видим, сэр, это лицо и сердце врага.

— Как вы об этом узнали? — спросил он так тихо, что я едва его расслышал.

— Я не знал, только догадывался. Видите ли, комендант, я встретил воина Старой империи, который сражался против этого врага ещё при самом императоре. Тогда он потерпел поражение, но смог подняться. Он показался мне человеком, обладающим огромной силой, и хотя полон гнева и жаждет мести, в то же время он отчаялся, потому что утратил надежду, что его месть осуществится.

— Этот... человек... показал вам дорогу сюда? — удивлённо спросил он. Увидев, как сузились его глаза, я понял, что мог бы без обиняков назвать имя Аселы. Сколько воинов Старой империи ещё было в Аскире? — Вы не думали, что это может быть ловушкой?

— То, что мы стоим здесь, мы обязаны Сантеру. Можете поблагодарить его за постигшую его неприятность. Иначе я сам бы подумал, что это ловушка. Всё это время я задавался вопросом, что такого важного мы должны увидеть. Теперь я знаю. Это объясняет утрату надежды.

— А это место наверху? — спросил комендант. — Оно со всех сторон обросло городом, как раком. — Он ногой постучал по одному из ржавых жердей, на которые были одеты черепа. — Здесь произошёл бой, это сразу видно, но если император-некромант выиграл, почему тогда держится вдали от него?

— Я не знаю. Нам стоит ещё немного осмотреться, возможно, мы найдём ответ.

Переступая через камни и упавшие колонны, мы обошли старый храм и добравшись до задней стены, перебрались через обвалившиеся стены, и когда увидели, что находится за этим холмом, ответ стал очевидным...

Проржавевшие и заросшие растениями могучие цепи, одно звено которых было в три раза больше меня, разбросанными лежали вдоль склона. Один их конец был вогнан в огромные базальтовые глыбы. И та, кто разорвал эти цепи, всё ещё находилась здесь.

Словно почувствовав наше присутствие, она подняла голову и посмотрела на нас выжженными глазницами. Широкие крылья были искалечены, и она уже никогда не сможет взмахнуть ими в полёте. Три цепи были ею разорваны, четвёртой она пожертвовала ногу, эта цепь всё ещё охватывала коричневые кости, размером с дом. Её кожа была бледно-бирюзового цвета с вкраплениями золота и серебра. Каждая чешуйка сияла в вечернем свете, как только что отполированный драгоценный камень.

Длинная шея была изящной и плавно изогнутой, могучая голова — стройной и грациозной.

Ослеплённая и искалеченная, лишённая крыльев и одной ноги, она всё же была существом огромной красоты, изящества и элегантности. Я почувствовал, как от неё что-то повеяло к нам, хотя она прикованная, лежала в добрых четырёхстах шагах. Она приняла решение. Не насчёт нас, а насчёт тех, кто пытал и держал её здесь в заключении. Просто время ещё не пришло, чтобы воплотить своё решение в жизнь.

Удерживаемая двумя мощными, стройными лапами, перед ней лежала последняя, пятая цепь, которая широким кругом вела к стройной шее, заключённой в ошейник с помощью холоднойковки.

Я проследил за этой последней цепью, которая была в три раза толще и тяжелее тех, которые она уже разорвала, и обернулся, в поисках лица и фигуры, лежащих разбитыми на земле в храме. Голову ещё можно было опознать, но её лишили черт лица, сохранился только уголок улыбающегося рта.

Я перевёл взгляд и увидел каменные гирлянды, цветы, украшающие стены фрески, неглубокий заросший пруд в центре, и растущие на стыках ясени. Я почти смог представить старый храм в его великолепии: открытый, с самонесущими колоннами и без крыши. И исполненную изящества богиню, которой не приносили в жертву ни бьющихся сердец, ни животных, ни драгоценностей или украшений, ничего, кроме цветов. Лёгкое землетрясение под ногами и рокот, как от грозы, заставили меня снова посмотреть на неё.

Могучая цепь не звенела, когда она, хромя, двинулась в нашу сторону. От ржавых железных звеньев дрожала гора, когда из-за своего веса они оставили глубокие борозды в камне. Меня как будто заморозили, я не мог и не хотел двигаться. С комендантом было тоже самое; его рука сжимала меч, но здесь от него не будет никакой пользы, как и от моего бледного клинка.

По краям выжженного поля, границы которого соответствовали размеру цепи, громоздились кости бесчисленных воинов в остатках черных доспехов, кости лошадей или боевых бестий, обломки башенных телег и катапульта или копьеметалок. Поле битвы, где спустя сотни лет всё ещё оставалось место для новых покойников. Когда она приблизилась, я увидел тут и там торчащие из переливающейся чешуи копья, даже меч, вогнанный в стык между двумя чешуйками, словно гвоздь в стену сарая.

Перед нами стройная шея поднялась в высоту, несмотря на тяжесть цепи, широкие ноздри, в которые мог бы въехать боевой конь, принюхались. Потом она приблизилась настолько, что от её дыхания заколыхались наши плащи.

«Благоговение и удивление... никакой ненависти и почти никакого страха», — промолвил мягкий голос в моём сознании. Покрытые панцирем губы скривилась в меланхоличной улыбке. «В последнее время это стало редкостью. Не могли бы вы оказать мне услугу? Пусть каждый из вас найдёт красивый цветок и положит на мой алтарь. Они дадут мне утешение и надежду, больше вы ничего не сможете для меня сделать. Но поспешите, вам нельзя тут задерживаться слишком долго.»

— Вы знаете, что это за цветы? — тихо спросил я коменданта, благоговейно положив один из них в разбитую чашу. Разветвлённый цветок переплетался и закручивался, имея тёмно-синий и золотистый цвета, в то время как внутренняя его часть была огненно-красной.

— Да, — тихо ответил Кералос, аккуратно положив свой цветок рядом с моим. Он оглянулся и посмотрел на неё. Казалось, она улыбнулась, затем опустив голову, исчезла из нашего поля зрения. — Это орхидеи. Они у нас не растут, там для них слишком холодно. Этот цветок называется Огненное Сердце. Когда цветок закрыт, он напоминает форму сердца золотистого, синего и серебристого цветов. А когда открывается, вспыхивает огненными цветами. Он вытер пот со лба и посмотрел вниз, на незнакомый город. — Говорят, он открывается, когда человек искренен и закрывается, когда у него злые намерения. — Он снова посмотрел на чашу, в которой теперь лежали наши цветы вместе с

остатками других подношений. — С этой точки зрения, кажется, мы искренни. — Он испытующе посмотрел на меня, затем окинул долгим взглядом вражеский город. — Хорошо, — сказал он. — Я увидел то, что должен был увидеть. Итак, генерал Копья, чего вы хотите?

— Изменить правила. — Я тщательно обдумывал слова, прежде чем высказать, и он внимательно слушал. Он снова устремил свой взгляд на столицу нашего врага и медленно кивнул.

— Хорошо, вы меня убедили. Я лишь надеюсь, что вы знаете, что делаете, — заметил он.

— Я тоже на это надеюсь. — Над нашими головами снова закричал виверн, ночь наступала быстрее, чем обычно. — Нам лучше уйти, — предложил я.

Он кивнул, и мы спустились по полуразрушенной лестнице.

С помощью Искоренителя Душ я разбил глыбу, которая с громким грохотом снова заблокировала лестницу.

— Скажите, что вы мне поручили, прежде чем уйти? — спросил стоящий у портала лейтенант и уставился на меня столь же решительным, сколь и боязливым взглядом.

— Вы имеете в виду убить вашу мать? — спросил я, и он выдохнул с облегчением и отдал под козырёк, а позади него арбалетчики поспешно вынули болты из своего оружия.

27. О Совах и дожде

Когда я распахнул дверь в приёмную Второго легиона, я обнаружил, что там собралось ещё больше народу, чем в прошлый раз. Я проигнорировал любопытные взгляды и подошёл к заграждению, которое разделяло приёмную. За заграждением за столом сидел сержант Меча, который нехотя посмотрел на меня.

— Ты же уже был здесь один раз, — заметил он, глядя на мою руку. — Как я вижу, всё ещё без досье? Но ничего не изменилось: без него здесь тебе не место!

— Генерал-сержант Третьего легиона уже здесь? — спросил я, и он подозрительно посмотрел на меня.

— Да, — ответил он. Она ждёт генерала. Что тебе от нее нужно? — Он окинул меня взглядом, затем его глаза расширились. Видимо, до него наконец-то дошло. Он быстро поднял барьер, чтобы я мог войти, и жестом указал на дверь слева.

— Дельтер? — удивлённо спросил капрал. — Что ты делаешь?

— Спасибо, сержант, — вежливо поблагодарил я и кивнул капралу, который, казалось, только теперь осознал, кто перед ним стоит, затем вошёл в кабинет командира Второго легиона.

Реллин уже была здесь, она стояла с твёрдой военной выправкой посреди комнаты, к стульям не притронулась.

Мой кабинет был значительно больше, чем её собственный, и имел три узких окна, пробитых в толстой стене. У дальней стены стоял письменный стол с удобным стулом; перед столом стояло по два стула с каждой стороны. Прямо напротив двери находился второй стол для адъютанта. Стены были заставлены полками, а за стулом генерала висело то, что впечатлило меня больше всего: флаг легиона.

В высоту он был примерно в человеческий рост, в длину полтора человеческих роста, кроваво-красного цвета, с изображением имперского дракона в левом верхнем углу. По верхнему краю шёл ряд гербов. Вышивка фыркающего чёрного быка в центре была проработана до мельчайших деталей. Между рогами у него было золотое имперское число II, а под серебряными копытами — девиз легиона: За Аскир, императора и долг. Там, где стоим, не дрогнем.

Кроваво-красное знамя доминировало в комнате, казалось, что вот-вот услышишь фыркание быка. Знание того, что оно весит за моей спиной, немного меня беспокоило, и я решил перенести флаг в приёмную. С потолка свисали другие вымпелы и флаги — флаги поверженных врагов и выигранных компаний. Я посмотрел на них и подумал, что и они будут лучше смотреться на стенах в приёмной.

Кабинет был проветрен и подметён, пол блестел, словно отполированный. Позади стола рядом с флагом дверь вела в другие неизвестные мне комнаты.

Реллин встала по стойке смирно, но не стала отдавать честь, потому что для этого я должен был одеть униформу.

— Генерал-сержант. — Я кивнул ей, когда впервые занял место за столом, сразу же задавшись вопросом, насколько старым был стул. Он подозрительно заскрипел под моим весом. Я жестом указал на стулья. — Пододвиньте один из них и устаивайтесь поудобнее, — заметил я, открывая нижний ящик стола. В нём лежал мёртвый паук, больше ничего не было. Мне следовало что-нибудь выпить ранее в столовой, потому что сейчас меня мучила жажда.

Она сделала, как я сказал, и посмотрела на меня открыто и прямо.

— Вы принесли мне то, на что я рассчитывал? — спросил я.

— Да. — Она подняла кожаную папку, толщиной в два пальца. — Здесь предложения, которые вы просили, — сказала она, вставая и протягивая мне папку.

Я сломал печать, размотал шнурок, открыл её и посмотрел на стопку плотно и аккуратно исписанных листов.

— Что вы сделали? — в изумлении спросил я. — Диктовали сразу сорока Перьям?

— Нет, сэр, — ответила она. — Я протянула руку и достала её с полки. Всегда есть те, кто размышляет и вносит предложения. Дважды в год генерал-сержанты легионов собираются, берут эти предложения в руки и тщательно рассматривают. Те, которые мы считаем полезными, потом откладываются в эту папку.

Я поднял папку — в ней было, наверное, пятьдесят или шестьдесят страниц — и снова опустил её.

— Почему они не были реализованы? — спросил я.

— Потому что противоречат имперскому договору.

— Приведите пример.

— Как можно было бы образовать тяжёлую кавалерию в легионах. Не как отдельный клан, как когда-то были Медведи, а как часть легиона. Что потребовалось бы в плане оборудования и снабжения. Вот такие вещи. Другое предложение включает идеи для лёгких баллист и метательных машин для копий. До сих пор мы служим только для того, чтобы враг обломал себе о нас зубы, но предпочли бы и сами иметь крепкие челюсти.

Я пролистал бумаги, обнаружил рисунки стремян и лёгких колесниц, затем кивнул, прежде чем снова закрыть папку.

— Я просмотрю их. Генерал-сержант, штаб-полковник Орикес упомянул, что вы знаете человека, который хорошо разбирается в светских вопросах. Что вы можете рассказать мне о нём?

— Штаб-полковник должно быть имел в виду Штокфиша, — ответила она, улыбаясь. — Во всём, что касается военной службы, он катастрофа, готовая разразиться в любой момент. У него душа и воля солдата, — пожалала она плечами, — но у него ничего не выходит! Он — проблема, и я уже некоторое время ищу способ отстранить его от службы. Но он в родстве с половиной торгового совета и знает всех важных персон.

— Что в нём такого ужасного? — спросил я. — Если он так серьёзно настроен, разве..?

— Его... трудно описать. Он забывает существенные вещи. — Она тихо засмеялась. — Четыре дня назад он проводил переключку четвёртой роты и забыл своё меч. Однажды он должен был практиковаться в передаче рапорта, но забыл надеть седло на свою лошадь, а вместе с ним и седельные сумки с рапортом. Он ужасно старается... — Она покачала головой. — Я была солдатом более двадцати лет, но никогда не встречала таких, как он.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Вы дали мне достаточно работы, на этом пока всё. Пришлите мне этого Штокфиша к первому отрезку свечи после четвёртого колокола. Или с этим будут проблемы?

— Нет, сэр, генерал Копья, сэр! — Реллин встала, развернулась на каблуках и покинула кабинет. Я подождал, пока она уйдёт, и с любопытством открыл дверь за своей спиной. Она вела в маленькую комнату с одним узким окном, раскладушкой, прикроватной тумбочкой и шкафом. Через ещё одну дверь я попал в выложенный камнем туалет. Облегчившись, я вышел, взял папку Реллин и открыл дверь в канцелярию. Сержант вскочил так поспешно, что

его стул чуть не упал.

— У Второго легиона есть давняя гордая традиция, — промолвил я, указывая на голые стены канцелярии, в то время как два десятка глаз новобранцев с любопытством уставились на меня. — Проследите, чтобы флаг прикрепили здесь, а вымпелами с потолков украсьте стены, чтобы было видно, чего достиг легион!

— Есть, сэр!

— Скажите, как вас зовут.

Когда легионеры надевали тяжелые доспехи, я почему-то мог видеть их имена на нагруднике, но с униформой дело обстояло иначе.

— Ламерт, сэр!

— Хорош, Ламерт. Солдат из Перьев скоро должен принести мне документы. Вы лично примете их и будите нести ответственность за то, чтобы кроме меня, их никто не открывал. Я вернусь к первому отрезку свечи после четвёртого колокола.

— Есть, сэр!

Все в комнате смотрели на меня, как замороженные кролики, я чувствовал их взгляды на спине, когда выходил из комнаты. Боги, если я и был когда-то таким молодым, то уже не мог вспомнить того времени.

Я поднялся наверх, постучал в двери моих друзей, но никого не было дома, поэтому я вошёл в свои апартаменты и нашёл там униформу, аккуратно разложенную на кровати. От обычных она отличалась белым жакетом, золотыми пуговицами с выбитым драконом и украшенным воротником, достаточно высоким, чтобы перекрыть мне доступ воздуха. Также к ней прилагался ремень с мечом, переплетённый серебряными и золотыми нитями, который весел почти столько же, сколько Искоренитель Душ. Белые перчатки из тонкой кожи, а также начищенные до блеска сапоги и короткое копьё, усыпанное золотом и драгоценными камнями, тоже входили в комплект. Я посмотрел на это чудо, качая головой. Если она предназначалась для бала, тогда она будет следующим правилом, которое я собирался нарушить. Я дёрнул за шнур звонка и заказал у ординарца кувшин воды.

После принятия ванны, я оделся в обычную униформу, нашёл заказанный кувшин на столе, сделал большой глоток, открыл папку и начал читать.

То, как распахнулась дверь, напомнило мне Лиандру, но это оказалась Дезина, которая гневно на меня посмотрела. Я почти ожидал увидеть молнию, пробегающую по её телу, но в этом обе маэстры заметно отличались друг от друга. Однако не в том, как взглядом превратить меня в лёд.

— Можете объяснить мне, о чём вы думали, позволив этой проклятой змее сбежать? — зашипела она, в то время как дверь позади неё захлопнулась с громким стуком, хотя она даже не коснулась её.

— Доброе утро, прима, — вежливо поприветствовал я, поднимаясь. — Полагаю, вы говорите об Аселе.

— А о ком же ещё? — заскрежетала она зубами. — Она вас облапошила! Я встречалась с ней и клянусь, она полностью попала под проклятье некроманта. Не знаю, как она смогла вас обмануть, но со мной ей это не пройдёт. Где она, генерал Копья?

— Во всяком случае, не здесь, — ответил я, указывая рукой на стул. — Прошу, сначала сядьте и...

— И успокойтесь? — фыркнула она. — Я не хочу успокаиваться! Я считала вас мудрее! Как вы могли позволить ей ускользнуть?

— Хорошо, — сказал я, вздохнув. — Один момент, я хочу вам кое-что показать.

Я вытащил Искоренителя Душ из ножен. Её глаза расширились, и она подняла руки в стремительном жесте, который образовал лёгкий ветерок.

Я замер в движении.

— Вы действительно думаете, что я причиню вам вред?

— Откуда мне знать, что она не захватила вас? — спросила она.

— Это верно, — признал я. — Я просто пытаюсь кое-что проиллюстрировать. — Я опустил Искоренителя Душ и с лёгким нажатием воткнул лезвие в каменный пол, а затем снова убрал в ножны.

— Видите это вмятину?

Она посмотрела вниз.

— Какое отношение это имеет к Аселе?

— Уже дважды она отодвигала в сторону Искоренителя Душ голым пальцем. Он её не ранил. Для некроманта достаточно малейшего прикосновения, чтобы освободить души, но в случае с ней меч вообще никак не отреагировал. И всё же он должен был хотя бы порезать её. Но этого не случилось. Это говорит мне о том, что мне будет трудно победить её. А что думаете вы?

Снова подул этот лёгкий ветерок, и я почувствовал, как напряжение разрядилось.

— Вы не можете её ранить? — удивлённо спросила она.

— Искоренитель Душ разрезает даже самую лучшую сталь. Думаю, Асела не глупая и хотела мне этим кое-что продемонстрировать.

Она медленно кивнула.

— Существует форма магии, которая создаёт разделение между двумя поверхностями, щит, если угодно. Лишь несколько Сов владели ей настолько хорошо, что могли наносить этот слой магии на свою кожу.

— Сэра Хелис говорит, что сила Аселы значительно выросла с тех пор. Семьсот лет — большой срок. — Я с любопытством посмотрел на неё. — Асела, в свою очередь, была впечатлена вашим талантом, маэстра. Как вы смогли пережить битву с ней? Вы ведь с ней тоже фехтовали.

— Благодаря помощи богов, — вздохнула она, расслабляясь и совсем не по-женски плюхаясь на стул. — Чему вы улыбаетесь? — спросила она.

— Ничего такого. Я просто подумал, как вы молоды.

— Фух! — промолвила она, сдувая прядь с лица. Фух? — Я постоянно слышу об этом и думаю, что всё решится само собой. — Она посмотрела на меня своими зелёными глазами. — Комендант рассказал мне о вашем маленьком путешествии. Думаю, мне стоит взглянуть на это место собственными глазами.

— Я бы не стал.

— И почему это?

— Асела сказала, что Коларон обнаружит вашу силу.

— И вы ей верите?

— Вас там не было, когда она предстала перед Сольтаром. Он не наказал её, а проявил милосердие. Он не Борон, который, возможно, мог принять другое решение, но я сомневаюсь, что он был бы одурачен некромантом или даже проявил к нему милосердие. Кем бы она ни была, она точно не некромант. Во всяком случае, больше нет.

— Именно это меня и беспокоит. — Дезина откинула волосы с лица. — Я ещё никогда

не слышала о том, что проклятье может быть снято. Стоит украсть душу, и человек проклят перед лицом богов и потерян безвозвратно.

Она залезла под мантию и положила на мой стол лист папируса.

— Вот. Я слышала, вы спрашивали об этом портрете.

Я взял и посмотрел на него. На нём был изображён молодой человек с кудрями, узким лицом и глазами, посаженными далеко друг от друга.

— Ученик Сов Эринстор. Я скопировала его портрет в архиве.

— Вы хорошо рисуете, — заметил я, но она так бурно замотала головой, что разметались рыжие кудри.

— Всего лишь трюк. Я положила страницы друг на друга и сообщила им, что они одно целое, затем снова разделила их и оставленную первой страницей копию сделала более чётче. Упражнение первого уровня, чтобы облегчить обучение. Это просто.

— Для вас.

— Да, — вздыхая, ответила она. — Я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. Я застряла на экзамене четвёртого уровня, но уверена, что на самом деле он довольно легкий! Если бы я только знала, что нужно делать!

Она была такой живой, что у меня не оставалось выбора, кроме как улыбнуться.

— Смейтесь сколько угодно, — недовольно сказала она, вызывающе отбрасывая волосы назад. — В любом случае, это почти сводит меня с ума!

— А могу я спросить, в чём заключается экзамен?

— Мне нужно наполнить чашу дождём. Но где взять воду?

Я вспомнил джунгли, где подарил дракону цветок. Воздух там был настолько влажным, что не прошло и мгновения, как я весь промок.

— Разве воды в воздухе недостаточно? — спросил я.

Она моргнула и с удивлением посмотрела на меня.

— Боги! Какая же я дура! — взволнованно воскликнула она. — Вы правы! Её вовсе не нужно создавать, она уже здесь! — В следующий момент она сделала жест рукой, и у меня заложило уши. Затем на стол полился небольшой поток. Я поспешно убрал портрет, чтобы он не намок.

— Ха! — сказала она, взяла кувшин и налила на стол больше воды. Она поставила сосуд обратно и провела рукой по луже. Снова возникло давление, и вода исчезал со стола, как будто её там и не было.

— Боги! — взволнованно воскликнула она. — Это и в самом деле очень просто. Почему я сама не догадалась?

Она вскочила, обняла меня, прежде чем я успел что-то сказать, и помчалась к двери. Там она обернулась.

— Мне нужно возвращаться, хочу посмотреть, какие знания откроются для меня теперь. А что касается Аселы, я хочу, нет, я должна её увидеть, должна убедиться сама!

Она распахнула дверь. Там стояла Серафина с поднятой для стука рукой и озадаченным видом.

— Вы знаете, что он умный? — Дезина посмотрела на Серафину сияющими глазами, её она тоже крепко обняла и убежала, прежде чем моя спутница успела понять, что происходит.

28. Штокфишь

Она посмотрела ей вслед, затем вошла.

— Выглядишь так, будто ты в замешательстве.

— Она пришла, обвинила меня в том, что я оставил Аселу в живых, потом вызвала дождь, убежала, да ещё назвала меня умным. — Я покачал головой. — Неудивительно, что я в замешательстве.

Серафина была в приподнятом настроении и выглядела какой-то изменившейся. Она взяла стул, который только что использовала Сова, и села напротив меня.

— Ну, ты что-нибудь заметил? — с улыбкой спросила она.

— Новое платье? — рискнул я, и она рассмеялась.

— Нет. Лиандра уложила мне по-другому волосы, и мы поболтали.

— Уложила волосы? Вы поболтали? — удивился я. Я даже не знал, что Лиандра на такое способна. — Прическа выглядит хорошо, — поспешил отметить я. У Серафины была густая грива волос, воронова крыла, которые блестели на свету и всегда приводили меня в восхищение. Во время битвы в Волчьем храме её с нами не было, поэтому она не потеряла свои волосы.

— Что ещё ты мог бы сказать? — заметила она и засмеялась. — Она посмотрела на портрет на столе. — Кто этот человек?

— Ученик Сов Эринстор.

— Почему ты хочешь знать, как он выглядел? Он, без сомнения, уже давно мёртв.

— Возможно, он тоже нашёл способ жить долго.

— Хороша причина, — заметила она. — Она изучила портрет. — Глаза посажены далеко друг от друга, его легко будет узнать. — Она коснулась пальцем папки Реллин. — А что это?

— Предложения Реллин о том, как нарушить правила. Речь идёт об Аскирском договоре. Быки — очень хорошая пехота, но без поддержки они недостаточно хороши. Они могут только обороняться, для быстрой атаки они не пригодны. — Я встал и беспокойно зашагал по комнате. — Когда мы идём по улицам Аскира, я замечаю, что нет никаких признаков того, что город борется за выживание. Люди, похоже, не знают, что находятся в состоянии войны. Ты видела обвинение, которое было с собой у этого агента торгового совета. Он думает, что городом правит торговый совет, а тот, в свою очередь, что всё сводится к золоту!

— Я в этом не виновата, — запротестовала она. — Так что не смотри на меня так.

— Надвигается буря, а люди ведут себя, как ни в чём ни бывало. Я уже сказал это Реллин. С пятью тысячами человек я мог бы завоевать всю империю. Она стоит на непрочных ногах и не сможет никому противостоять.

— Возможно, ты её недооцениваешь, — заметила Серафина. — По крайней мере, войска в Остмарке знают, что значит война. — Она встала и подошла ко мне. — Может, поговорим о чём-нибудь другом? — попросила она. — Я бы хотела знать, правда ли то, что вы с комендантом исчезли почти на два отрезка свечи, чтобы потом появиться в полном согласии на площади цитадели.

— Асела показала нам этот портал и сказала, что он ведёт в самое сердце врага. Мы направились туда, комендант и я. — Я поискал и нашёл свою трубку, набил её табаком и

зажѐг. Она помогала мне успокоиться. — Мы нашли там столицу врага, огромное чудовище, больше похожее на муравейник, чем на город людей. Там творится что-то странное и непонятное.

— Странное? Что ты имеешь в виду?

— Как я и сказал. Дома построены людьми и в них живут люди. Но план жизни там рождѐн нечеловеческим разумом. Меня это пугает.

— Тебя?

— Я часто испытываю страх, — сказал я. — Иметь страх — это полезно. Он окрыляет мысли... и ноги. — Я затянулся трубкой. — Это помогло мне убедить его в том, что нам нужно изменить правила. Сегодняшние законы относятся к мирному времени. Это нужно реформировать. — Я пожал плечами. — Думаю, вид этого города убедил его в том, что необходимо что-то предпринять.

— Что ты задумал?

— Возможно, ничего. Всё зависит от того, что решит королевский совет.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Если они примут решение не в нашу пользу, если союз распадѐтся, тогда придётся думать о том, как выстоять против врага, не так ли? Полагаю, вреда не будет, если мы уже заранее придумаем парочку идей. — Но теперь мне захотелось узнать кое-что ещё. — Скажи, что это за разговор был у тебя с Лиандрой?

— Мы говорили о тебе.

— И что?

— И ничего. Первое, в чём мы оба были согласны, это насчёт твоих недостатков. — Она засмеялась. — На самом деле, мы больше говорили об одежде, чем о тебе.

Я посмотрел на нее.

— Ты умеешь танцевать?

— Конечно, умею, это несложно. Если у мужчины есть талант вести в танце, любая женщина сможет следовать за ним.

— А если его нет?

— Тогда стоит найти другого мужчину.

— Ты не могла бы научить меня этому? — с надеждой спросил я.

Теперь она ухмыльнулась.

— Может многое и осталось прежним, особенно здесь, в Аскире, — ответила она. — Но танцы меняются постоянно.

— Орикес сказал мне, что есть мужчины, преподающие их.

— Видишь, значит проблема уже по большей части решена!

— Ну не знаю, — заметил я, задумчиво глядя на неё. — Финна, мне необходима помощь. Я едва начал и уже вижу, что это превосходит мои силы. Ты не согласишься снова вступить в легион? Мне нужен адъютант.

— Нет, — решительно ответила она. — Я уже отдала одну жизнь императору и по милости Сольтара мне дарована ещё одна, которую я хочу сохранить для себя.

— А если мы изменим правила?

— Как?

— Что-то вы слишком усердны сегодня утром, — немного кисло заметил Орикес, когда мы пошли к нему. Он указал на стопку папок, которые громоздились у него на письменном столе. — Я целиком занят составлением запрошенных вами документов. Что вы хотите на

этот раз, генерал Копья?

— Хочу, чтобы сэра Хелис стала моим адъютантом. Я доверяю ей, и у неё есть знания и навыки, которые нужны мне.

— Не вижу никаких препятствий, — ответил он и окинул её взглядом. — Я взял на себя смелость прочитать послужной список штаб-сержанта Серафины Коной. Остаётся только проветрить, действительно ли это она.

— Дело не в этом, — сказал я. — Я хочу, чтобы она стала моим адъютантом, но с возможностью покинуть службу, когда она пожелает и без каких-либо вопросов о том, почему она приняла такое решение.

— Хм, — хмыкнул он. — Что вы на это скажете, сэра Хелис?

— Что на этот раз я не планирую служить всю жизнь в легионе. Пока я нужна Хавальду, я готова носить униформу. Но если обстоятельства изменятся... если он погибнет... — Она сглотнула. — Тогда я хочу иметь возможность уйти, ибо в этом случае легионы отнимут у меня столько, что я больше не смогу их выносить.

Орикес долго смотрел на неё, затем кивнул и повернулся ко мне.

— У адъютанта должно быть определённое звание. Штаб-майора будет достаточно?

— Да, — ответил я, когда Серафина удивлённо моргнула. — Думаю, это было бы уместно.

— Хорошо. Я сам составлю извещение. Если я просто поручу это кому-то, они подумают, что я ошибся, и захотят исправить ошибку. — Он ухмыльнулся. — С возвращением, майор.

— И это всё? — удивлённо спросила она.

— Комендант был здесь ранее, чтобы сообщить о том, что сэр генерал Копья должен получить всё, что пожелает, — ответил он.

По его тону было ясно, что он не в восторге. Он окинул меня проницательным взглядом.

— Правила и законы существуют не просто так, — заметил он. — Борон тоже не меняет постоянно своё мнение.

— Он — бог, — ответил я. — Он вполне способен сделать всё правильно с первого раза. Люди ошибаются. Такова жизнь. Но если они осознают ошибки, они должны иметь возможность исправить их, не так ли?

— Я просто не понимаю, как вам удалось уговорить коменданта дать вас свободу действий. Это более чем необычно.

— Штаб-полковник, вы знаете коменданта гораздо дольше, чем я. Разве вы не должны доверять его решениям? И еще одно: сколько генералов Копья есть в имперском городе?

— Только вы.

— Скажите, вам ещё не приходило в голову, что я теперь самый высокопоставленный офицер в имперском городе после коменданта? Я его заместитель.

Его глаза расширились.

— Я и в самом деле ещё не учёл этого! До сих пор заместителем был я!

— Не беспокойтесь об этом. Почти во всем вы им и останетесь. Вам не терпится узнать, что заставило коменданта изменить своё мнение обо мне, верно?

— Да, — кисло ответил он. — Это не должно вас удивлять.

— Я спросил его, по какой причине он не воспринимает меня всерьёз. — Я встал. — Если вам придёт на ум такая причина, не стесняйтесь поделиться ею со мной.

— Я свяжусь с вами, как только что-нибудь придумаю, — ответил Орикес. — И

последние. К пятому колоколу вас посетит сэр Афент, чтобы научить танцевать. Он приведёт с собой двух музыкантов. Одна из комнат в фехтовальном зале выделена для вас.

— Спасибо, штаб-полковник, — вежливо поблагодарил я.

— Да благословят вас боги, сэр, сэра, — ответил Орикес, и мы ушли.

Не успели мы покинуть комнату, как Серафина зашипела:

— Боги! Что ты сделал с Кералосом? Приставил меч к его горлу?

— Нет, — тихо ответил я. — Я показал ему меч, который приставил к его горлу другой, и пообещал убрать его оттуда. — Я тихонько засмеялся. — Ты должна быть мне благодарна.

— Почему? — подозрительно спросила она.

— Теперь тебе не нужны новые платья. Будет достаточно парадной униформы.

Она остановилась и недоверчиво посмотрела на меня.

— Хочешь сказать, что я должна быть благодарна тебе за то, что мне теперь нет надобности примерять перед зеркалом новые платья и прихорашиваться? Что я одену сапоги, а не туфельки из расшитого шёлка? Что мне не нужно накладывать пудру и румянить щёки?

Мне не понравилась то, как она посмотрела на меня.

— Что-то вроде этого, — осторожно ответил я.

— Ты совсем безнадёжен, Хавальд. — Она покачала головой. — Я не знаю, плакать мне или смеяться. Лучше я пойду.

— Почему? Куда ты собралась? — удивлённо спросил я. — Я надеялся...

— Я вернусь. Просто иду к администратору по экипировке, чтобы получить снаряжение. Там мне придётся примерять шлемы, пока не найду тот, который мне подойдёт. — Она заметила мой непонимающий взгляд. — Разве я не могу быть немного тщеславной? Как думаешь, что случится с моими волосами, когда я буду одевать тяжёлый шлем?

— О.

Она вздохнула, подошла ко мне и быстро поцеловала.

— Если это единственная жертва, которую потребует от меня император, я буду довольна. Я приду к тебе, как только закончу.

— Меня зовут Штофиск, сэр, а не Штокфишь*! — вежливо, но твёрдо поправил меня лейтенант.

**вяленая треска, скучный человек, тупица*

Когда в дверь моего кабинета постучали, четвёртый колокол уже пробил. Вымпелы исчезли, как и флаг, теперь они украшали приёмную и больше не отвлекали меня. Я надеялся, что это Серафина, поэтому радостно крикнул «Входи», но был разочарован.

Лейтенант был высоким человеком, едва ли ниже меня, но боги сыграли с ним злую шутку. Его лицо во многом напоминало лошадиное, и хотя он был высок, но совсем щупленький. Он был одним из тех высоких парней, которые могли спрятаться за деревом, и, наверное, первый увиденный мною солдат из Быков, которому не хватало мускулов. Если администратор по экипировке нашёл для него на складе доспехи, то это было просто чудо.

Я подумал, что Штофиск в тяжелых латных доспехах будет выглядеть нелепо.

Достаточно было одного взгляда, чтобы увидеть его проблему. Он приложил немало усилий, чтобы приодеться. Его сапоги были начищены до блеска, он был безупречно выбрит, короткие волосы волнами уложены на голове с помощью масла, униформа сидела идеально и на этот раз меч он взял с собой. Но воротнички на имперских рубашках пристёгивались и их можно было отстегнуть, чтобы было легче постирать. Свой он забыл, и шея уже сейчас

покраснела от парчовой ткани куртки.

Не считая воротника и того, что он выглядел как палка, которую легко сломать, жаловаться было не на что; на самом деле, он произвёл на меня лучшее впечатление, чем я ожидал. Он определенно не испытывал недостатка в уверенности, поскольку встретил мой взгляд со спокойствием, которое я посчитал достойным восхищения.

— Значит Штофиск, — сказал я, указывая его досье, которое держал в руках, на стул. — Вы знаете о своей проблеме?

— Да, — ответил он. — Я не подхожу для службы.

— Хм, — промолвил я, заглядывая в досье. Листы бумаги были плотно исписаны, и кое-что было мне непонятно. Нужно будет спросить об этом Серафину. Но мне всё равно не нравилось оценивать человека по тому, что написал на папирусе кто-то другой. — Вы умеете обращаться с мечом?

— Я дважды почти стал мастером меча Третьего легиона.

— Почему только почти?

— В первый раз я забыл свои перчатки и получил скверный порез. Во второй — моим противником был майор Меча Бликс, и он справился лучше.

— Хм, почему вы не попросили товарища одолжить вам перчатки?

— Это была моя ошибка, сэр.

— Каким предаётесь порокам?

— Сэр? — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Вы пьёте или пристрастились к плодам мака или чарам красивых женщин?

— Нет, сэр. Пью я только в меру, не люблю затуманивать свой разум, поэтому также никакого мака. А что касается красивых женщин? Посмотрите не меня.

— Вы богаты и имеете связи в этом городе.

— Да. — Хотя он изо всех сил старался говорить нейтрально, в его голосе слышалась горечь. — Последняя женщина, за которой я пытался ухаживать, сказала мне, что если иметь достаточно золота, то и лошадь будет выглядеть хорошо.

— Хм. — Я откинулся на спинку стула и более внимательно оглядел Штокфиша. — Что вы думаете о том, чтобы присоединиться к моему штату?

— Для меня это последний шанс проявить себя. Генерал-сержант Реллин сообщила мне, что они рассматривают возможность аннулирования моего патента. Моего офицерского звания, — добавил он, прежде чем я успел спросить.

— Как вы стали офицером?

— В основном благодаря влиянию, сэр, — признался он. — Я так сильно этого хотел, что не понимал, что покупая его, совершаю ошибку.

— Я не знал что офицерский патент можно купить.

— А его и нельзя, — смущённо ответил он. — Однако вы не знаете мою мать.

— И кто она?

— Графиня Штофиск. Торговый дом? — Он заметил мой непонимающий взгляд. — Вы не знаете торговый дом «Штофиск»? — недоверчиво спросил он.

— А я должен?

— После банка барона Кортена, он имеет наибольшее влияние в городе. Он смущенно опустил глаза. — Он мой отец, сэр.

— Кто, барон Кортен?

— Да, — ответил он, покраснев. Он увидел, что я не понимаю.

— Они любят соревноваться друг с другом.

— А почему...

Я замолчал, собственно, это было не моё дело.

— Они были обещаны друг другу с детства, — объяснил он, его уши горели. — Но она говорит, он должен признаться, что в самом деле любит ее, прежде чем она сочетается с ним браком в храме. Он, напротив, настаивает, чтобы она признала, что он лучше нее разбирается в денежных сделках.

Я прочистил горло. Пожалуй в эту тему лучше не углубляться. Бедняга выглядел так, словно ждал, что земля разверзнется и поглотит его.

— Значит, ваши родители из знати, — заметил я. — Как такое возможно? Я думал, что в Аскире знати нет.

— Большинство торговых домов заключают браки с дворянами из других королевств, чтобы получить преимущество. Так был в семье моей матери, и именно по этой причине она была обещана барону. Он происходит из старой алданской знати. Он обиделся на мою мать за то, что она думала, он ничего не смыслит в деньгах, поэтому основал здесь банк.

Его слова показали ещё одну причину, почему лейтенанту было нелегко. Он не мог держать язык за зубами.

Я подавил вздох.

— Думаете, вы сможете быть полезны в моём штате?

— Да, сэр! — ответил он. — В этом я уверен!

— И как?

— Я знаю протокол, — ревностно сообщил он. — Не только военный, но знаю как держаться в любом обществе. Я свободно говорю на девяти языках, включая медари и основной диалект, на котором там говорят.

— Где? — в замешательстве спросил я.

— В королевстве Ксианг. При дворе там говорят на медари, но народ в основном использует анири. Там есть ещё сотни диалектов, но можно обойтись этими двумя.

— Какой ещё потенциал вы можете предложить? — спросил я, хотя языки уже были большим плюсом.

— Я учился в академии искусств здесь, в Аскире, и, конечно, в военной академии.

Конечно.

— Я также играю на спинете и лютне, — добавил он.

— Этому учат в военной академии? — в изумлении спросил я.

— Нет, сэр. Там я с отличием сдал экзамен по архитектуре. Валы, крепости и строительство шахт.

— Значит, вы можете читать карты, а также схемы зданий? — спросил я.

— Да, сэр. Конечно, сэр!

— Лейтенант, я попробую поработать с вами. — Я указал на другой стол. — Скажите сержанту Ламерту, чтобы он принес вам второй стол и поставил рядом. Но сначала... — Я немного наклонился вперед. — Представьте себе, что я свинопас, ничего не знаю о структуре общества этого города и должен блистать на балу в посольстве сегодня вечером. Скажите, что мне нужно знать.

— Вы хотите попробовать поработать со мной, сэр? — возбуждённо спросил он.

— Да, — вздохнул я. — Если докажете, что слышите мои вопросы!

— Да, сэр, конечно, сэр! Свинопас на балу в посольстве? Это шутка, верно? Или вы

просто желаете меня испытать?

— Если хотите, можете смотреть на это так.

— О, — сказал он. — Боюсь, это будет сложно...

Почему-то я так и предполагал.

Начав говорить, лейтенант уже не мог остановиться. Продолжая радостно тараторить, его глаза сияли. Я понял две вещи: он был словоохотливым и запросто выбалтывал секреты других людей, а также той золотой жилой, в которой я нуждался. Уже сейчас я использовал второе перо, и руку сводило судорогой. Я лишь надеялся, что смогу позже прочитать свои записи.

Когда вошла Серафина, лейтенант поспешно вскочил и отдал под козырёк.

Она взяла папку с предложениями Реллин и молча села за другой стол. Только время от времени она весело поглядывала на лейтенанта, который оживлённо продолжал болтать, рассказав о свадьбе своей кузины со стариком, который умер от старости по дороге из храма, и слухе о том, что вино для причастия чуть ранее прошло через руки невесты, на пальце которой было надето большое кольцо и...

Постепенно я начал задаваться вопросом, не спланировали ли нашего лейтенанта Штокфиша в легионы, чтобы он не натворил бед. Мне казалось, что если у кого-то из высшего общества Аскира ещё не было скелета в шкафу, то это только потому, что убийства ещё не произошло. Но и об этом Штокфиш, скорее всего, узнал бы заранее.

— Откуда, ради всех богов, ты взял этого лейтенанта? — спросила Серафина, когда мы направились к фехтовальному залу незадолго до пятого колокола.

— Он свалился мне на голову. Он больше никому не нужен.

— Этот человек опасен, — заметила она, качая головой. — Ты действительно хочешь, чтобы я сопровождала тебя на урок танцев? — спросила она. — Мне ещё нужно кое-что выяснить.

Я колебался.

— Да, хочу.

Оказалось, что ее присутствие было необходимо. Поначалу всё было не так уж и плохо, хотя этот сэр Афенте мне сразу не понравился. На нём был расшитый дублет и короткие шаровары, врезающиеся в пах, а его длинные ноги, похожие на ноги аиста, были облачены в зелёные чулки с вышитыми жёлтыми розами. Журавль с перьями павлина. Кроме того, у него был высокий голос, и он говорил в нос, а также смотрел с висока, что было трудно вынести. Похоже, он был важным человеком и утверждал, что уже обучал принцев. Он перечислил ряд имён, некоторые из которых я знал только благодаря нашему Штокфишу.

Всё это было терпимо, пока во время поворота под музыку, от которой у меня закладывало уши, он не схватил меня за задницу, чтобы притянуть к себе.

— Вот! — сказал он своим фальцетным голосом. — Так мы... — Больше он ничего не успел сказать.

— Хавальд! — закричала Серафина, дергая меня за руки. — Оставь беднягу в живых!

— Хватать меня за задницу — вряд ли можно считать танцем! — вскипел я, в то время как Серафина прижалась ко мне, а алданец поспешно скрылся. Два музыканта увязались за ним с испуганными лицами.

— Хавальд, — пыталась успокоить меня Серафина, в то же время выглядело так, будто ей ужасно весело. — Он всего лишь хотел улучшить твою осанку!

— Если ты отпустишь меня, посмотрим, как я улучшу его осанку в районе шеи! —

фыркнул я.

— Тогда мне лучше обнять тебя покрепче, — засмеялась она и поцеловала меня.

Гораздо позже я надел новую униформу и обнаружил, как сильно она сдавливает мне шею. Серафина сообщила, что мы не можем пойти на бал вместе с Лиандрой, хотя она тоже была приглашена. Она была королевой со своей собственной свитой, даже если в настоящее время эта свита пока была «позаимствованной». Однако мы представляли имперский город, поэтому должны были появиться там отдельно от неё.

Штокфиш, сопровождавший нас, доказал, как быстро здесь распространяются слухи. Когда мы сидели в карете, на которой нам предстояло проехать несколько шагов до посольства, он сообщил, что уже ходят слухи о том, как я чуть не задушил сэра Афенте.

— Он брат Астарты, — весело заметил наш лейтенант. — Но иначе нельзя.

— Что? — возмущённо спросил я, в то время как Серафина едва сдерживала смех.

— Он должен быть братом Астарты, — небрежно повторил лейтенант. — Иначе отцы вряд ли позволили бы ему учить своих дочерей. В любом случае, это не навредило вашей репутации.

— Какой репутации?

— Вашей известности, — ответил он. — Ваша репутация подобна наличным; её нужно старательно копить, чтобы в нужный момент она могла стать векселем. Вот так здесь можно что-то изменить. Ведь золота у них достаточно. Я слышал, что Рагнар сын Хральдира — ваш друг.

— Да, — подтвердил я. — А в чём дело?

— Держитесь рядом с ним, потому что он в совершенстве владеет политической игрой.

— Рагнар? — в изумлении спросил я.

— Да, — ответил он с сияющими глазами. — О том, как он выручил своего друга, этого Ангуса, уже говорят во всём городе. О... — Он посмотрел на меня. — Речь шла о том, что принца сопровождали сэра и сэр. Это случайно не вы?

— Мы, — вздохнул я.

— Тогда остерегайтесь женщин, — весело сказал он. — Они будут виться вокруг вас, как морские змеи, чтобы заманить в свою ловушку!

— Сомневаюсь в этом, — ледяным тоном промолвила Серафина.

— Ему понадобится крепкая палка, чтобы отбиваться от них, — заметил лейтенант, который, очевидно, любил пропускать явные предупреждения. — Я потрудился навести справки о генерале Копья, хотел узнать, что о нём говорят. Ходят слухи, что он сам короновал вашу королеву, был её любовником и даже имел связь с принцессой Мариной в Бессарине, с которой провёл несколько дней без сопровождения. Её ребёнок, пожалуй, не от него, но людям интересно, насколько хорошо он знает эмиру. Фарлендцы, в свою очередь, пользуются определённой репутацией среди женщин, и эта репутация отражается на нём, потому что он дружит сразу с двумя из них. В Алдане говорят, что этот Ангус искусен в постели и... Что не так? — в изумлении спросил он. — Почему вы так на меня смотрите?

— Хавальд хотел сказать, что не ценит такие истории, — Серафина поспешно обхватила мою руку. — Он паладин королевы и будет вынужден бросить вызов любому, кто распускает слух о любовной связи между ним и его королевой. Который, кроме того, не соответствует правде, — с ударением добавила она. — Слухи о Бессарине тоже ложь. Он спас принцессу от работоторговцев и является лишь хорошим другом эмиры и её супруга.

— Значит, это был героический поступок? Отлично! Изменить слухи будет легко. Если он её паладин, то это объяснит царящую между ними близость, а также добавит оттенок несчастной любви. Бардам это понравится.

Из моего горла вырвался звук. Серафина крепче ухватилась за мою руку.

— Лейтенант, — вежливо сказала она. — Примите от меня добрый совет. Если услышите, как я прочищаю горло, немедленно меняйте тему разговора, ибо вы уже находитесь на тонком льду.

Он в изумлении посмотрел на неё.

— Спасибо за совет. Хотите намекнуть, что генерал... — Серафина громко прочистила горло.

— О, — пробормотал Штокфишь и замолчал.

Бальный зал представлял собой большое помещение высотой примерно в три этажа, с колоннами по краям через равные промежутки. С правой стороны, где мы стояли, между каждой парой колонн двойные двери выходили на небольшой балкон, который выступал примерно на два шага в небольшой сад позади дома. Там же находилось и то, в чем я вскоре буду отчаянно нуждаться: свежий воздух.

На стене напротив нас висели зеркала, что придавало комнате еще больший размер. В одном конце находился помост, на котором оркестр исполнял музыкальные композиции, в другом — вниз вела небольшая лестница, чтобы все могли увидеть новоприбывших. С потолка свисали три люстры, вокруг стояли десятки подсвечников.

От пламени свечей и толпы приглашённых гостей помещение быстро нагрелось и стало душным. Десятки сортов духов не всегда благоприятно сочетались с запахом пудры и пота. Вскоре после нашего приезда сюда я занял место у балкона и приоткрыл высокую дверь. Без свежего воздуха у меня уже скоро подкосились бы ноги. А так они лишь болели от долгого стояния.

Серафина временно оставила меня одного; женщина средних лет ловко вовлекла ее в разговор и ненавязчиво увела в сторону. До этого Штокфишь получил послание, что кто-то хочет поговорить с ним.

Нападение было похоже на то, как нападает пара волков, за которыми я однажды наблюдал, как они отделили жертву от стада. Только оно было выполнено с несравнимо большим изяществом. Сэра ловко повернула Серафину так, что я больше не попадал в поле её зрения, и вокруг меня образовалась брешь, которой целеустремлённо воспользовался другой волк.

Я стоял, держа в руке хрустальный бокал с напитком, который пенился и щекотал нос. На дне бокала лежала начинённая вишня, чтобы «порадовать мой язык», как выразился слуга, который навязал нам этот напиток. Я пока не знал солгал он или нет, потому что каждый раз, когда отпивал глоток, мне хотелось чихать. Я действительно предпочёл бы пиво. Взгляд, брошенный этой женщиной через голову Финны на человека, который теперь незаметно приблизился, а также определённое сходство этой сэры кое с кем, позволили мне догадаться, кто сейчас стоит передо мной.

— Значит вы — генерал Копья, — обратился он ко мне. Ему было около пятидесяти, он был немного полноват и носил почти простую одежду. Он не следовал алданской моде, на нём были сапоги, брюки, рубашка и куртка из хорошего сукна, сшитые на заказ, но без вышивки, на которую было больно смотреть.

Я слегка поклонился.

— Полагаю, барон Кортен. — Я указал своим бокалом на Серафину и сэру. — Отличный манёвр, барон, — прокомментировал я с улыбкой. — Но в этом не было необходимости.

— Хм, — хмыкнул барон, затем рассмеялся. — Это доказывает, насколько можно ошибаться, считая себя умнее, чем ты есть на самом деле. — Он поднёс к губам свой кубок и сделал вид, что пьёт. — Речь идёт о моём сыне, — сказал он и усмехнулся, когда увидел, что я моргнул. — Я думал, вы оцените прямоту, но если хотите, можем поговорить и о театре, чтобы немного разогреться. Я слышал, что барон ди Кортиа приглашал вас посетить его, а вы отказались?

— Это верно, — отозвался я. — Но если хотите, можем сразу перейти к делу.

— Поскольку в тот вечер разыгрывалась пьеса Плач Буро, это только доказывает ваше благоразумие, — заметил он. — У меня к вам лишь один вопрос, генерал Копья: почему вы назначили моего сына в свой штаб?

— Потому что там для него самое подходящее место, — ответил я, сделал глоток, не смог сдержаться и чихнул.

— Пусть боги даруют вам здоровье, — промолвил он. — Вы это серьёзно?

— Да. Он уже доказал свою компетентность.

— Вы сделали благоразумный выбор, — сказал он, внимательно глядя на меня. — Вы же знаете, что вам собираются предъявить обвинения?

— Да.

Мне было интересно, как чему он клонит.

— Правда, что там на острове были легионы, и если бы не извержение вулкана, они двинулись бы против Алдана?

— Да. Двадцать тысяч человек, которые должны были отправиться в путь на следующий день.

— Это вы вызвали извержение вулкана, чтобы уничтожить те легионы?

Я выдержал его взгляд.

— Нет. Это было не в моей власти, и я не стал бы так поступать. Нашёлся бы и другой способ победить эти легионы.

Он задумчиво кивнул.

— Скажите, что вы думаете о моем сыне.

— Он впустую тратит время в легионе, но я благодарен, что он дополняет мой штат.

— Что убедило вас взять его, сэра генерал, если позволите спросить?

— Его искренность. Он стоял передо мной расправив плечи и признал свои ошибки.

Он посмотрел на женщину за моей спиной, которая с очаровательной улыбкой снова вовлекла Серафину в разговор, когда она хотела вернуться ко мне.

— Да, у него есть мужество, — тихо промолвил он. Он снова сделал вид, что пьёт, затем кивнул. — Было приятно познакомиться с вами.

Я слегка поклонился.

— И мне приятно.

Я смотрел, как он неторопливо уходит, а там уже вернулась и Серафина.

— Эти двое — хорошо слаженная пара! — возмущённо заметила она, в то время как её губы изогнулись в улыбке. — Она перехватила меня, как тяжёлая кавалерия!

— Я это заметил, — сказал я. — Думаю, они просто беспокоятся о своём сыне.

Она посмотрела женщине вслед, которая делала вид, что не обращает на барона ни

малейшего внимания. — Ты знаешь, кто такой наш Штофиск?

— Думаю, да.

Я заметил цветочный горшок, избавился от шипучего напитка и выловил вишню.

Её вкус действительно был божественным.

Музыка внезапно перестала играть, и бокал чуть не выскользнул у меня из руки.

— Королева Иллиана, маэстра ди Гиранкур. Зокора из Езенло, жрица Соланте. Вароп из Иллиана, адепт Борона, со свитой! — раздался звучный голос от дверей, в которые вплыла Лиандра, одетая в белое платье с таким низким вырезом, что каждый раз, когда она выдыхала, я боялся, что оно соскользнёт вниз. И оно так сильно подчёркивало её изгибы, что это не могло остаться незамеченным ни для одного мужчины в комнате. На Варше была мантия адепта Борона, а на Зокоре — длинное чёрное платье.

За ними следовали четыре элегантно одетых, совершенно мне незнакомых джентльмена.

— Ты когда-нибудь видела Зокору в платье? — ошеломлённо спросил я Серафину.

— Это ваша королева? — выдохнул сбоку Штофиск. Он только что подошел ко мне сзади.

— Да, — ответил я, поднимая пустой бокал в знак приветствия, когда Лиандра посмотрела в мою сторону. Она одарила меня незаметной лёгкой улыбкой и величественно склонила голову, когда алданский посол и его дочь приветствовали ее.

— Неудивительно, что она так успешна, — тихо промолвил лейтенант. — Я вижу ее впервые, — добавил он почти извиняющимся тоном.

— Действительно успешна? — спросил я.

— Успешна в том смысле, что её слава растёт, и ей рады как гостю. О, вон там я вижу баронета фон Фрайзе, — заметил он, указывая на стройного мужчину в кресле с колёсами, которое ввезла в бальный зал молодая женщина. — Светловолосая женщина — это бард Тарида фон Зильбермонд. — Он посмотрел на меня и Серафину. — Вам стоит познакомиться с ними обоими. Он сын герцога Хальтара, регента Алдана и пользуется вниманием принца. Говорят, что он является его ближайшим советником. А девушка-бард... — Он улыбнулся. — Она обладает магией красивой женщины с голосом, похожим на голос эльфа. С тех пор, как Талак напал на Аскир во время фестиваля, они оба стали героями.

Я присмотрелся к паре. Баронет был бледен и измождён, высокий мужчина с широкими плечами, ещё не оправившийся от ран. Несмотря на то, что он был в кресле, а она его везла, ему было тяжело даже просто сидеть, но его поразительные голубые глаза были бодрыми, и, казалось, что от них мало что ускользает. Он, как и большинство алданцев здесь, был одет в дорогие одежды, но его дублет стал ему слишком велик. О девушке-барде я уже слышал. У меня даже был тонкий томик стихов, написанных ею. Её поэзия уже не раз трогала меня до слёз.

Многие женщины здесь носили смелые платья, но её платье было самым умопомрачительным. Теперь, когда она наклонилась вперёд, чтобы прошептать что-то баронету, можно было лишь надеяться, что она не выпадет из своего.

Почему этого не случилось, вероятно, было одним из секретов красивых женщин.

Штофиск поспешно ушёл, чтобы проводить пару в нашу сторону.

— Похоже, он действительно знает здесь всех, — заметил я, остановив одного из слуг, который тут же протянул мне на подносе полные бокалы. Я поставил на него свой пустой.

— Добрый человек, принеси мне кружку пива, — попросил я.

Он посмотрел на меня чуть ли не в ужасе, но кивнул и поспешно ушёл.

— Что вы с ним сделали, — вежливо спросил глубокий голос. Я опустил взгляд на баронета, который смотрел вслед слуге, а потом поднял глаза и улыбнулся. — Он выглядит так, будто вы его напугали.

— Я сказал ему принести мне пива.

— О, — удивился он и тихо засмеялся. — Да, это, без сомнения, напугало его!

— Бард Тарида фон Зильбермонд, баронет фон Фрайзе, генерал Копья граф фон Тургау, штаб-майор Хелис из племени Орла, — представил нас Штофиск.

Я уже собирался дружелюбно кивнуть светловолосой женщине, когда почувствовал нечто похожее на то, что ощутил сегодня утром у статуи императора. Что-то, что не позволяло мне приглядеться к ней в полной мере.

Я изобразил улыбку, хотя мне хотелось плакать. Какое прикрытие было бы лучше всего для некроманта, чем притвориться бардом? Она узнавала много нового и как можно было здесь видеть, имела доступ к самому уважаемому слою общества. Но стихи, которые я читал, были очень душевными, чтобы их могла написать проклятая. Из этого можно было сделать вывод, что настоящий бард умер, или её душа была захвачена. Я заставил себя вежливо ответить на её приветствие, пока думал, как заманить её в сад. Я не хотел убивать ее на глазах у всех гостей.

В то же время я направил свою волю против миража, ибо хотел узнать, какая физиономия скрывается под её красотой, и как в случае со статуей императора, в конечном итоге мне это удалось. Я вздохнул с облегчением.

Её взгляд устремился на меня. У женщины были очень хорошие инстинкты, но для неё опасность миновала. Я наклонился к Серафине.

— Бард — эльф, — шепнул я ей, и Сарфина кивнула и просияла.

— Я знаю, — ответила она так же тихо. — Она сестра Имры! — Она притянула меня ближе, чтобы можно было говорить тише. — Скоро, через несколько сотен лет, она станет королевой эльфов.

Среди эльфов королевский трон или то, что для них равнозначно королевской власти, в подавляющем большинстве передавался по женской линии. Конечно же были и короли, особенно в военное время, но они встречались даже реже, чем у людей королевы, хотя на этом королевском совете их будет сразу две. Теперь, когда магия больше не маскировала её, Тарида не сильно изменилась, хотя тонкие линии её лица были более явными.

То, что я принял за колдовство некроманта, оказалось всего лишь попыткой красивой женщины, выглядеть менее заметной. Если во всём существе Имры было видно, что он эльфийский принц, то Тариде, казалось, этого совершенно не хватало. Кроме её красоты, мало что выдавало её происхождение.

Прежде чем наше перешёптывание стало слишком грубым, Серафина подошла к Тариде, которая, в свою очередь, смотрела на нее так, словно воскрешала воспоминания.

— Тарида, — сказала Серафина с тёплой улыбкой. — Возможно, ты меня помнишь, в детстве мы играли вместе. Я дружила с твоим братом.

— Серафина! — воскликнула девушка-бард. Это доказывало, что, по крайней мере, можно было удивить светлых эльфов. Она распахнула свои объятия. — Как такое возможно?

— Это долгая история. — Серафина затащила девушку-барда на балкон позади меня, где они сразу же склонились друг к другу и начали шептаться.

Мы трое посмотрели на женщин, затем баронет тихонько засмеялся, в то время как

Штофикс выглядел очень задумчивым.

— И вот её уже украли у меня, — заметил баронет, пристально глядя на меня. — Мужчин можно, по крайней мере, предупредить, с женщинами приходится беспомощно мириться.

Я слегка поклонился.

— Я вполне могу вас понять, — ответил я с улыбкой. — Я и сам чувствую себя точно также.

Штофикс перевёл взгляд с меня на баронета и обратно, затем засмеялся.

— Раз теперь вы предупредили друг друга, то я могу идти, — заметил он. — Я позабочусь о том, чтобы к вам никто не приближался. — Баронет засмеялся. — Мне очень жаль, сэр генерал, — сказал он с обезоруживающей улыбкой. — Возможно, это было грубо, но зато спасёт нас от многих недоразумений. — Он посмотрел на Тариду, и то, как она поймала его взгляд, показало мне, что они близки.

— Вы знаете, кто она? — тихо спросил я.

Его глаза сузились.

— Если бы не знал, что бы вы сказали?

— Красивая женщина.

— Да, — вздохнул он. — Я знаю, кто она, но меня это не остановит. Я благодарен за каждое мгновение, которое могу провести рядом с ней. — Он заметил мой взгляд и рассмеялся. — У нас, алданцев, когда речь заходит о таких вещах, сердце нараспашку. Мы безнадежно попали под чары Астарты. Надеюсь, вы не смущены. Кроме того... — Он слегка ухмыльнулся. — Как только я снова смогу ходить, мы предстанем перед богиней, это всем известный секрет.

— Мои поздравления, баронет, — искренне сказал я. Возможно, я также чувствовал некоторую зависть.

— Спасибо. — Его взгляд стал более пытливым. — Я о вас слышал. Ди Кортия был вами впечатлён, а мой кузен хотел бы с вами познакомиться. Могу я спросить, почему вы отклонили приглашение?

— Мне нужно было срочно уехать по делам, времени не было.

— На Огненные острова, чтобы спасти вашу королеву, — промолвил он. — Оправдание, которое принял бы любой принц. Поскольку разыгрываемой пьесой был «Плач», вас не винули.

— Объясните мне одну вещь, баронет, — вежливо спросил я. — Если все стремятся избежать этой пьесы, почему её играют?

— Она вышла из-под пера одного из моих предков, и он своим указом определил, что ее нужно играть раз в год в течение десяти дней. — Он покачал головой. — Форма произвола, который ещё как-то можно терпеть. Что вы думаете об Аскире?

— Большой.

Он ухмыльнулся.

— Я слышал, что вы очень прямолинейны, и, похоже, это правда. — Он посмотрел на обеих женщин и вздохнул. — Как думаете, каков будет следующий шаг императора-некроманта?

Из того, что я слышал, он сражался с некромантом и помог отразить нападение на Аскир. По крайней мере, он, похоже, воспринимал угрозу всерьёз.

— Полагаю, он решительно настроен захватить Аскир, — тихо ответил я. — Если бы я

был на его месте, то отправил войска длинным сухопутным путём, уже месяцы а то и годы назад. Но по сухопутному пути будет тяжело с поставками и нет определённости, тем более что местность на этом пути, видимо, неизвестна ему. — По крайней мере на картах с корабля, который мы взяли на абордаж, повсюду были белые пятна. — Если он хочет предпринять против нас серьезные действия, ему остается только одно: он должен завоевать порт. И напрашиваются только три варианта: сам Аскир, на что он пока не осмелится, Янас, который, однако, опустошен наводнением, и...

— Алдар, — добавил баронет. — Мы тоже понесли серьезный ущерб от наводнения, но через три-четыре недели порт снова будет пригоден к эксплуатации. В этом мы с вами согласны; принц и мой отец также разделяют это опасение. Вы хорошо знаете врага, как он будет действовать?

— Я тоже могу лишь строить предположения. Он не сможет победить без войск, а ещё раз открыть такой портал ему не удастся. Он потерял необходимых для этого шага Сов. У него есть только два варианта: по морю или по суше. Огненных островов больше нет, так что в следующий раз мы увидим врага на востоке или на юго-востоке Бессарина, что, по моему мнению, маловероятно, так как ему придется маршировать через пустыню, а пустыня уже всегда пожирала больше войск, чем соприкосновение с противником.

— Значит, он должен пройти через Остмарк.

— Да. Там, как я слышал, натиск варваров сильнее, чем когда-либо. Что-то гонит их к границам империи... — Слуга вернулся и с каменным лицом протянул мне поднос с кружкой пива, которая среди узких бокалов выглядела как варвар в храмовом хоре. Я кивнул в знак благодарности и сделал глоток. Оно было достаточно хорошее и не разбавлено водой.

— Я почти вам завидую, — промолвил баронет. — Значит, говорите, через Остмарк?

— Это то, что я предполагаю.

— А потом в Алдан и Алдар, потому что с помощью этого порта он сможет совершать поставки и высаживать войска. — Он вздохнул. — Как ужасно это предвидеть. Вы не первый, кто так думает. Мой отец тоже убеждён, что всё будет происходить именно так. Белое Пламя — полагаю, вы знаете об этом культе — сейчас весьма активно. Восстание в Алдане вполне устроило бы некроманта.

— Это самый удобный способ захватить город. Какова ситуация в вашей столице?

— На поверхности всё тихо, но в темноте происходят волнения. Трудно поверить, что суеверие может иметь такое влияние.

— Да, — согласился я, залез во внутренний карман жакета и достал два листа. — Вы когда-нибудь уже видели этих двух мужчин? — Я показал ему портреты скорее потому, что представилась возможность, а не потому, что всерьёз надеялся на то, что он кого-то узнает.

— Кто они? — спросил баронет, изучая рисунки.

— Красавец — это враг, Коларон Малорбиан. Иногда пугает, что нельзя увидеть то, что скрывается за лицом.

Этот портрет был нарисован по описанию Наталии.

— В самом деле, — согласился он. — А другой?

— Ученик Сов из прошлого. Он давно уже должен был умереть, но это касается и меня.

— Как его зовут?

— Эринстор.

— Знаете, — медленно произнёс он. — Вы показали эти портреты верному человеку. Я обладаю очень полезным талантом. То, что я видел однажды, уже не забываю. Буду держать

ухо остро.

Похоже, этот талант встречался довольно часто, в любом случае, он был более полезным, чем умение разговаривать с птицами. Или цветами. Он вернул мне рисунки. Меня не удивило, что он никого не узнал.

— Этот ученик Сов... Что он сделал?

— Освободил древнего некроманта, который был заточён под храмом Нертонна. — Его глаза расширились, и я быстро поднял руку. — Не стоит беспокоиться, баронет, — поспешил я его заверить. — Это преступление произошло давно, только обнаружили его недавно.

— Дело не в этом, — тихо сказал он. — Услышав слова «некромант» и «храм Нертонна» я кое-что вспомнил, что подслушал в детстве, когда мой отец разговаривал с королевой. Старая алданская история.

— Хотите её рассказать?

Он вздохнул.

— Это семейный позор, если так угодно, потому что некромантом, о котором идёт речь, был Рогамон, король Алдана. В то время ещё существовало два храма Нертонна: один здесь, где позже возник Аскир, а другой — дальше на юге, ближе к Алдару. Асканнон привёз некроманта в этот храм и попросил священников связать его, первоначально также для того, чтобы держать его подальше от Алдара. Говорят, что этот некромант был заклинателем душ и мог своим голосом подавлять мысли человека, если у того не было твёрдого духа.

Я почувствовал, как мое сердце пустилось вскачь.

— Можете рассказать мне об этом подробнее? Похоже, это один и тот же человек.

— Этого я и боялся, — промолвил он, качая головой. — Но это всё, что я знаю. Тарида — бард с обширными познаниями в истории. Мы можем спросить её.

Он поднял руку, чтобы привлечь внимание девушки-барда, и обе женщины подошли к нам.

— Тарида, — сказал он. — Генерал Копья рассказал меня о некроманте, который был заключён в храме отца богов. Я лишь знаю, что это был король Рогамон. Ты не могла бы рассказать нам об этом подробнее?

Девушка-бард медленно кивнула.

— Могла бы, но мне не нравится говорить об этом, поскольку эта история касается и меня и причиняет боль. Но если это принесёт пользу.

— Мы узнаем это только, когда услышим её, — сказал я.

— Хорошо, — со вздохом ответила она. — Но не в стихах, я расскажу её так, поскольку не в настроении петь.

— Этого будет достаточно, — заметил я, в то время как Серафина встала рядом со мной.

— Вы должны знать, что мой отец был великим человеком для нашего народа, — начала она свой рассказ. — Он происходил из рода героя, который привёл наш народ с далёкого зелёного побережья сюда. Его звали Талисан, и он был не только великим воином, но и лучшим из наших бардов. В то же время он был неугомным, и в этом больше похож на людей, чем на возвышенный народ. Он странствовал по землям в облике барда. — Она улыбнулась. — В своих странствиях он встретил молодого учёного с необыкновенным талантом к магии, и они стали друзьями. Именно мой отец обучил этого юношу зачаткам магии. К его удивлению, вскоре он превзошёл его самого. Как он сказал позже, дело было не только в том, что молодой человек обладал силой, но и определённым образом мышления.

Он мог видеть суть вещей и то, как они взаимосвязаны, что позволяло ему глубже понять магию.

— Полагаю, это был Асканнон? — спросил я.

— Кто же ещё? Что ж, он нашёл работу при дворе короля Рогамона, который в то время правил Алданом. Оказалось, что этот король был некромантом, и завязалась битва, которую выиграл Асканнон, а вместе с битвой и корону Алдана. Но король был слишком силен, чтобы его можно было вот так просто убить. Асканнон отвёз его в далёкий храм отца богов и там заковал в цепи. Спустя сотни лет некромант сбежал, строя планы возмездия. Асканнон не только победил его, но и убил всех в его роду, а также всех других некромантов, которых смог схватить.

— Я думал, он оставил принца в живых?

— Так говорят, но это ложь. Он оставил в живых одного из членов семьи, которого не коснулось это проклятье, дальнего родственника. Асканнон совершил ошибку, забыв о своем старом враге. Веками тот был закован в цепи, становясь все слабее и слабее, в то время как Асканнон спешил от триумфа к триумфу — пока не получил благословение Астарты, найдя женщину, которая ему подходила.

Она улыбнулась.

— Императрица Элсина во многом была ему под стать: женщина необычайной мудрости и образованности, но в то же время воин, которая правила небольшим королевством на юге. Там ей поклонялись как богине или полубогине, и, как над Асканноном, время над ней не властвовало. Они вместе предстали перед богиней, и мой отец Талисан передал невесту императору. В то время я только родилась. Серафина познакомилась с императором позже, когда тот уже потерял то, что любил больше всего.

Серафина просто кивнула и продолжила слушать, как и все мы.

— К тому времени некромант уже давно сбежал из храма. Император заметил, что кто-то тайно вмешивается в его планы. В то время императрица должна была родить. Из-за ложного доклада он уехал, оставив императрицу одну, и кто-то устроил засаду в ее летней резиденции. Мой отец был с ней, так как император не хотел оставлять её без защиты, и хотя императрица была на последнем месяце беременности, они сражались спина к спине против темной магии и превосходящих сил. Когда стало ясно, что они не смогут победить, а императрица была так тяжело ранена, что надежды не оставалось, она попросила моего отца о двух непростых услугах. Во-первых, не дать ей попасть живой в лапы врага, а во-вторых, спастись самому, чтобы Асканнон узнал об этом и отомстил.

— Вы имеете в виду... — начал я, затаив дыхание, и она кивнула.

— Мой отец вернулся живым, но сломленным. Он рассказал о том, что случилось, только необходимое, и вскоре объединился с Асканноном, чтобы найти того, кто совершил это преступление. Но всё было напрасно. Кто бы это ни был, от него не осталась и следа. Императрицу тоже так и не нашли.

— Что? — удивился я. — Я думал, что здесь, в Аскире, есть её могила?

— Место памяти, — поправила Тарида. — Не более.

— Значит императрица могла выжить? — спросил я, чувствуя, как участился мой пульс.

— Нет, — печально ответила эльфийка, качая головой. — У отца была причина для печали, ведь он выполнил её последнее желание. Самолично. Веками мой отец и император были друзьями, и хотя Асканнон относился к этому с пониманием, с тех пор его поступок стоял между ними. Прошло ещё несколько лет, в течение которых император пытался снова

найти радость в жизни, но ему было трудно. Потом внезапно поток миров иссяк, лишив Аскир магии, а нас, эльфов, большей части нашей силы и воли к жизни. Только теперь Асканнон узнал, что король Рогамон сбежал и понял, кто тот враг, что отнял у него жену и ребёнка. Мой отец и император разделились, мой отец должен был идти по следу в новых колониях, в то время как Асканнон хотел сам сразиться с проклятым. Но до этого дело не дошло, потому что их снова обманули. Мой отец попал в засаду. Он проиграл некроманту и тёмным эльфам, которые после войны Тьмы и Света присоединились к моему отцу, а теперь снова совершали предательство. Только одна из них всё ещё была предана ему. Она с его мёртвого тела забрала меч, владельцем которого вы сейчас являетесь, граф фон Тургау, и отнесла в место, к которому проклятый, насколько она знала, ещё не имел доступа: в недавно построенный храм Сольтара в маленьком городе людей под названием Келар. Об императоре с тех пор тоже ничего не было слышно.

На фоне нашего разговора звенели бокалы, журчали разговоры, негромко играла музыка, мелькали пёстрые платья и улыбающиеся лица. Они вдруг показались мне далекими, как будто между нами была темная стена.

— Боги, — вздохнула Серафина. — Это печальная история. — Она покачала головой. — Все время, пока я его знала, он шутил или играл со мной, но нес это бремя.

— Ты ему очень нравилась, Серафина, — тихо сказала Тарида. — Моему отцу тоже, иначе, я думаю, он не разрешил бы тебе приходить к нам. Мы все были детьми, и это было не более чем мгновение, но я храню эти воспоминания в своем сердце. — Она грустно улыбнулась. — Затем, когда император узнал ещё и о твоей смерти, его воля к жизни, похоже, была окончательно сломлена. Он вернулся в Аскир, чуть позже привел свои дела в порядок, послал за принцами и отрекся от престола.

— Он послал за принцами? — изумленно спросил баронет.

— Да, — ответила Тарида. — Он хотел оставить империю в порядке. Не думаю, что кто-то видел его после.

— А осада Аскира, о которой так много говорят? — спросил фон Фрайзе.

— Её, как таковой, не было. Это была шарада, с одной стороны разыгранная из-за гордости принцев, которые не хотели быть просителями или получателями благотворительной помощи, а с другой — самим императором, которого вполне устраивало то, что мир не узнает причину его отступления.

— Значит то, что Алдан освободился самостоятельно — ложь, — заметил баронет.

— Да. Ложь, которая становится ещё больше, если вспомнить о чудовище, когда-то объединившим гордый Алдан с помощью меча, крови и тёмного дара. То, что вы теперь ссылаетесь на то самое чудовище и отвергаете наследие Аскира — больше, чем просто плохая шутка.

— Почему ты не рассказывала об этом до сих пор? — спросил он девушку-барда.

— Я не думала, что ты захочешь это услышать, — мягко ответила Тарида. — Это уже давно в прошлом. — Она ласково улыбнулась ему. — Почему я должна лишать тебя гордости? Но я полагаю, что твой отец об этом знает.

Я вздохнул. Чем больше я узнавал об этих вещах, тем глубже становилась моя печаль, а также уверенность в том, что ничего этого не должно было случиться.

— Простите, надеюсь, я не слишком вам помешал? — вежливо спросил лейтенант Штофиск, который тоже подошёл.

— В чем дело, лейтенант Меча? — спросил я, чувствуя облегчение от того, что меня

отвлекли от мрачных мыслей.

— Я пригласил девушку-барда и баронета подойти к вам не просто так, — вежливо сказал Штофиск, отвесив перед ними лёгкий поклон. — Твой голос, Тарида фон Зильбермонд, слушают повсюду, и генерал Копья хочет поручить вам написать балладу, которая была бы ближе к истине, чем то, что распространяется сейчас.

Тарида заметила мой взгляд и рассмеялась.

— Вы об этом знали?

— Теперь знаю, — ответил я, глядя на Штофиска.

— Пусть это станет шедевром, — предложил Штофиск с обаятельной улыбкой. — Я дам вам информацию, которую вы должны будите задействовать. Просто назовите вашу цену.

— Шедевром? — спросила Тарида с улыбкой. — Который будут петь по всей империи? Тогда, как минимум, тридцать золотых крон.

— Это, в свою очередь, добавит славы и вам, — вежливо заметил Штофиск, пока я наблюдал за ними, потеряв дар речи.

— Если собираетесь торговаться, тогда я вообще ничего не собираюсь писать, — заметила эльфийка.

— Конечно, вы получите золото, если историю, которую вы должны рассказать, дам вам я. — Он протянул ей руку, и она пожала её.

— Да будет так.

Серафина тихо засмеялась.

— Видишь, Хавальд. Вот как надо бороться со слухами!

Мы еще немного поболтали, прежде чем девушка-бард вывезла баронета из зала. Мужчина выглядел заметно уставшим, а к концу его глаза лихорадочно блестели.

— Что именно с ним случилось? — немного позже спросил я Штофиска.

— Чтобы сорвать план врага, он вызвал мастера Ролкара на поединок на мечах и выиграл ценное время для Совы, — с восхищением объяснил лейтенант.

— Мастера Ролкара?

— Одного из агентов императора-некрманта.

— Фелтор, — шепнула мне Серафина. — Должно быть, это был Фелтор. Баронету повезло, что он остался в живых.

— Насколько же хороши были эти Совы из прошлого? — спросил я, пока мы потихоньку передвигались по залу. Я посмотрел на Лиандру, которая болтала с толстым мужчиной, в то время как другие стояли вокруг и таращась на неё.

— А насколько можно улучшить свои навыки, если в твоём распоряжении будут лучшие учителя, и ты сможешь долго жить? — спросила Серафина. «Наверное, очень сильно», — подумал я. — Сам Асканнон показал им, как сплести меч и магию воедино. — Она тихонько засмеялась. — Ты знаешь, что Асканнон заново изобрёл для себя фехтование? Говорят, что он долго изучал технику лучших бойцов, а затем сделал расчёты, как улучшить каждый удар, стать быстрее и всегда находить для защиты идеальное положение ног.

— Я поверю во что угодно, но только не в это, — сказал я. — Фехтование рассчитать невозможно, его нужно чувствовать.

Следующая часть вечера сначала проходила спокойно.

В основном я бесконечно долго стоял и наблюдал. Время от времени кто-нибудь подходил и присоединялся к нам, но преимущественно только для того, чтобы обменяться

любезностями, прежде всего с Серафиной. В какой-то момент Лиандра открыла был, и высокий светловолосый мужчина повёл её в танце. Штофиск похитил Серафину, и после нескольких тактов музыки они присоединились к Лиандре и её партнёру, а за ними последовали и другие пары.

В другом конце зала я увидел, что Зокора смотрит на меня и что-то говорит Варошу, затем эти двое направились ко мне. Возможно, Зокора почуяла, что что-то должно произойти. Этого от неё вполне можно было ожидать, но они опоздали.

Толстяк, который ранее говорил с Лиандрой, внезапно оказался рядом со мной. Не думаю, что он знал, кто я такой. Он вытер лоб салфеткой и уставился на Лиандру.

— Её называют «королевой без страны», — доверительно сообщил он мне. — Она отчаянно ищет помощи для своего королевства, которое уже давно повержено.

— Неужели? — спросил я.

— Говорят, что Мангус Торсон был первый, кто подстрелил дичь в Газалабаде. Всё, что нужно было сделать, это пообещать, что он будет ходатайствовать перед королем в её пользу. Теперь, когда Хралдир превратился в прах, ему даже не нужно себя утруждать. Видите танцующего с ней блондина?

— Вижу, — пророкотал я. Толстяк был либо глух, либо слишком увлечён, чтобы понять предупреждение.

— Это барон Виртен из Рангора. Он хочет предложить ей три повозки с мечами. Он поспорил, что будет следующим, кто попробует на вкус её титьки. А если ещё окажется между её ног, это будет стоить пары старых мечей.

Дверь на маленький балкон распахнулась недостаточно быстро и с громким треском сломалась, когда мужчина перелетев через перила, свалился в сад. Я был горд тем, что он ещё жив. Он доказывал это, крича во весь голос.

Здесь это называли скандалом. Лиандра с каменным лицом сначала держалась в стороне, в то время как Штофиск пытался спасти то, что ещё можно было спасти. Он говорил о несчастном случае, казусе, однако когда я схватил толстяка за шею и брюки и перебросил через балкон, меня видело достаточно свидетелей.

Я больше ничего не хотел говорить, и мы молча пробирались сквозь толпу, пока все стояли и тупо таращились, а на сцене граф Алтинс, алданский посол, отдал приказ оркестру продолжать играть.

В конце концов Лиандра всё-таки не сдержалась Она ринулась ко мне, рядом с ней был светловолосый мужчина, который демонстрировал обаятельную улыбку.

— Если позволите, дорогая королева цветов, я улажу это для вас, — промурлыкал он, заглядывая ей в вырез.

Возможно, боги и посылают некоторые испытания, чтобы проверить самообладание человека, но сейчас мне совсем не хотелось проходить такое испытание. В следующее мгновение Серафина и Варош вцепились в мои руки и оттащили в сторону, в то время как Зокора лишь выгнула бровь. — Я недооценила тебя, — заметила она. — Это действительно был хороший удар!

— Как ты мог так поступить? — зашипела на меня Лиандра, когда меня буквально выносили из посольства. Алданские гвардейцы бросились к нам, но у них хватило ума держаться на расстоянии.

— Барон Виртен заслужил это, — выдавил я, пытаюсь стряхнуть с себя Вароша и Серафину. Они прилипли ко мне как репейник.

— И кто это? — ледяным тоном спросила Лиандра.

— Блондин, с которым ты только что танцевала. Тот, что чуть не уткнулся тебе в грудь.

— И что с ним? — спросила она тоном, обещающим мне обморожение.

— Он заключил пари с толстяком, что будет следующим, кто залезет тебе под юбки.

— С мужчиной, которого ты перебросил через перила балкона? — спросила она, в то время как её глаза медленно расширились.

— Да.

— Посол из Ибсиса?

— Если это он, то да. Виртен сказал толстяку, что если сможет попробовать на вкус твои титьки и оказаться между ног, то мечи того стоят.

Я прожил достаточно долго, чтобы оценить хорошую пощечину. И с этой не могла сравниться ни одна. Не было ни малейшего предупреждения, и она ударила как гром и молния... в буквальном смысле, потому что Лиандра была окутана тысячей маленьких искр, которые становились всё более яркими и плотными. Наряду с искрами, у меня также закружились перед глазами мушки, и я оглушено затряс головой. Если бы Варош и Серафина не держали меня, я бы упал.

— Хавальд, как ты можешь? — процедила она сквозь зубы.

— Почему ты его бьёшь? — спокойно спросила Зокора. — Это же не он заключил пари! Или ты будешь убивать каждого гонца, который приносит дурные вести?

— Хавальду ещё никогда не нравилось, когда я ходила на такие балы, — негодовала Лиандра. — Он сказал...

— Он не сказал ничего, кроме правды, — спокойно прервала её Зокора. — Так в чём ты его обвиняешь? Я думала, он твой паладин, и его обязанность — защищать твою честь.

— Ты хочешь сказать, что это правда?

— Да, — тихо ответила Зокора. — Ты меня не слушаешь?

— Пари? Он поспорил, что переспит со мной? — прошептала Лиандра, в то время, как ее глаза расширились и наполнились слезами. Я подскочил к ней, Серафина и Варош больше не держали меня. Она плакала в моих объятиях и била кулаками по моей груди. В каком-то уголке сознания я подумал, что хорошо было бы иметь две парадные униформы.

В конце концов всё закончилось, Лиандра, всхлипывая, посмотрела на меня.

— Я люблю тебя, — просто сказала она. — Но теперь отпусти меня.

Я осторожно отступил назад и потушил искру на рукаве. Она расправила плечи и оглянулась на вход в посольство.

С одного мгновения на другой Лиандру охватила настоящая гроза, развивая её одежду и парик, в то время как над головой на ветру всё быстрее и быстрее кружились листья. Воздух вокруг неё тоже потемнел, а рядом с нами ударила молния, едва не сбив с ног.

Она повернулась на каблуках, и когда поставила ногу на землю, камень треснул под ударами тысяч крошечных молний.

— Хавальд! — сквозь ветер прокричала Серафина. — Держи её, иначе... — Что будет иначе я не услышал. Я уже много раз рисковал, часто испытывая при этом страх, но броситься в эту грозу, которая лишь отдалённо напоминала мою королеву, потребовало от меня всё.

Я налетел на неё, сбив с ног, и крепко схватил, пока вспыхивали молнии.

— Лиандра! — пытался я перекричать бурю, пронёсшуюся через дверной проём. — Прекрати! Иначе ты ещё убьёшь нас!

Раздался раскат грома, прошедший сквозь меня, затем всё закончилось.

Алданские гвардейцы сбежали, доказав своё благоразумие. Варош поддержал меня, туша небольшие пожары на моей камзоле, в то время как Зокора и Серафина помогли подняться Лиандре. Она тихо плакала.

Её и наш эскорты подбежали, чтобы сдерживать зевак, высыпавших из посольства, в то время как майор, не долго думая, взял ближайшую карету и подкатил к нам. Мы все забрались внутрь, майор хлестнул лошадей, и мы, как на дикой охоте, укатили прочь.

— Мне жаль, — тихо сказала Лиандра, вытирая глаза рукавом платья, а Зокора поднял свои юбки, сняла туфли и выбросила в окно.

— Я буду в порядке, — промолвил я, стараясь не морщиться от боли, когда моя спина коснулась обивки кареты. Мне всё ещё казалось, что она горит.

— Я не это имела в виду, — сказала Лиандра, пока Серафина осторожно разрешила мой левый рукав. — Хотя я сожалею и об этом, — добавила она, когда я прошипел сквозь зубы, в то время как Серафина обнажила рану от молнии.

— У меня осталось немного мази, которую я смешивала в прошлый раз, — заметила Зокора. — Я отдам её тебе позже.

— Спасибо, — поблагодарил я, но мои глаза были устремлены на Лиандру.

— Я не хотела это принимать, Хавальд, — призналась она. — Но ты был прав, и я устала, что они льстят мне фальшивыми комплиментами и глазеют на мою грудь! Никто не воспринимает меня всерьёз... а я закрывала на это глаза! Боги! — выругалась моя королева, а в темноте кареты по её телу пробежали мелкие искры и сразу же потухли. — Если бы со мной было Каменное Сердце, и я об этом узнала, то сама убила бы его, — прорычала она. — Но Каменное Сердце не подходит к моему платью.

— Это красивое платье, — попытался я подбодрить её. — Но оно слишком открытое.

— Ах, Хавальд! — рассмеялась Лиандра, хотя на её лице всё ещё оставались следы от слёз, и покачала головой. — Спасибо за похвалу и упрек, Хавальд, — вздохнула она, снова сморкаясь. — Ты неповторим.

— Не забывайте об этом, — промолвила Серафина. — Это уже второй раз, когда ты угощаешь его молнией.

— Как будто я этого не знаю, — прорычала Лиандра. — Но когда я злюсь... Без конца эти добрые слова и поклоны, намеки и комплименты, в основном о моей красоте... Боги! — выругалась она. — Я устала от этого. — Она откинулась назад и устало закрыла глаза. — Все эти усилия, все, через что мы прошли, были напрасны. Они не помогут нам, Хавальд.

— Аскир поможет, — убеждённо сказала Серафина. — Верно, Хавальд?

— Да. Комендант верен своему слову, — ответил я. — Я уверен, что другие королевства тоже последуют за ним. Нам просто нужно всё объяснить им так, чтобы они поняли.

— Они ничего не понимают, — возразила Лиандра. — Такое чувство, будто они стоят прямо перед стеной.

— Мы найдем способ, — сказал я, радуясь, что она больше не плачет и не слишком сердится.

Несмотря на то, что пробил уже поздний колокол, мы застали штаб-полковника бодрствующим, хотя он, похоже, был не особо рад видеть нас. Пока я рассказывал ему о том, что произошло на балу — что совсем не улучшило его настроения — он отвлёкся на Зокору, изучающую его полку с книгами.

— Это нанесло вам большой вред, — заметил он. — Где ваша королева?

— Она ушла в свои апартаменты.

— Это и понятно. Боги! — вздохнул он. — Неужели вы не могли сделать это по-тихому? Дуэли не приветствуются, но при некоторых обстоятельствах... что угодно было бы лучше, чем это! Ну да ладно, — сказал он, сделав глубокий вдох. — Империя переживала и худшее, в конце концов, никто серьёзно не пострадал, хотя барон Виртен и подал заявление протеста. Он говорит, что вы сломали его корсет.

Я еле сдерживался, чтобы не расхохотаться.

— Лейтенант Штофиск поможет исправить ситуацию, — пообещал я, всё ещё посмеиваясь. — Он оказался даром богов, этот человек бесценен.

— Штофиск? — удивлённо спросил Орикес. — Мы ведь говорим о том же человеке, который отправился на марш без сапог?

Об этом случае мне ещё не доводилось слышать, но это было на него похоже.

— До сих пор он пока ничего не забывал. Я очень доволен.

Орикес, качая головой, снова посмотрел на Зокору, которая босиком залезла на стул, чтобы достать с высокой полки какой-то том.

— Сэра! — сухо попросил он. — Не могли бы вы оставить мои книги в покое? Они имеют огромную ценность!

— Я возьму эту, — любезно сообщила она, показывая ему книгу.

— Работу Анарте о законах империи? — в изумлении спросил он. — Что вы собираетесь с ней делать?

— Ваш император использовал её в качестве ссылки. Я хочу знать, что именно он имеет в виду. — Зокора грациозно спрыгнула со стула. — Ты получишь её обратно.

— Я..., — начал он.

— Сделайте ей одолжение, — попросил я.

Орикес вздохнул.

— Если комендант не... Ладно, — признал он поражение. — Будьте с ней осторожны, осталось всего два экземпляра этой книги.

Зокора, казалось, его не слышит. Она, скрестив ноги, села на стул и начала читать.

Я закрыл дверь своих апартаментов, лёг на кровать, выругался и повернулся на бок. До королевского совета осталось всего восемь дней. Как-нибудь нужно пережить и их.

Незадолго до второго колокола в дверь постучали.

Я сонно обернул вокруг себя одеяло и, проковыляв к двери, оказался лицом к лицу с Сантером и Дезиной.

— Да благословят вас боги, — поприветствовал Сантер. — Мы можем войти?

Я молча впустил их. Они оглядели комнату.

— Что случилось? — спросил я, доставая бутылку хлебной водки, которую Варош принес ранее.

— Сегодня мы посетили два места убийства. Нас позвали, когда были обнаружены трупы, — серьёзно ответил Сантер. — Мы только что вернулись со второго места преступления. Оба имели одну отличительную черту. Они обгорели почти до неузнаваемости, а их головы были отрублены одним ударом необычайно острого лезвия. Несмотря на это, нам удалось определить, кто они такие. Это барон Виртен и граф Язен.

Я уже догадался, кем был второй мужчина.

— Посол Ибсиса?

— Да, — ответила Дезина. — Они оба были убиты в своих домах, когда готовились лечь

спать. Женщины и слуги проснулись от грома. Я должна спросить вас: вы имеете к этому какое-то отношение?

— Нет, — спокойно ответила я. — Конечно, нет.

— Вы сами можете догадаться, как это выглядит, — заметила Дезина. — Пальцем указывают прямо на вас и вашу королеву. Ей повезло в той степени, что она предпочла провести ночь в цитадели, и мы можем подтвердить, что она её не покидала. Но она — маэстра, и её будут обвинять в том, что она использовала магию для совершения этих преступлений.

— Что теперь будет? — спросил я.

— Это уже произошло. Два представителя торгового совета выдвинули обвинения против вас и вашей королевы от имени императора. Для этого даже разбудили инквизитора Пертока. Мы встретили его у тела второй жертвы. Мы только что завершили представление доказательств. Нет никаких свидетельств того, что кто-то нарушил защиту вокруг цитадели, магическую или другую. Перток будет отрицать обвинения, но ущерб уже нанесён.

— Но если мы сможем доказать..., — начал я, однако Сантер покачал головой.

— Суда не будет, — сказал он. — Дезина говорит о том, что подумают люди. Вы генерал и любовник своей королевы. — Он быстро поднял руку. — Подождите, я лишь произнёс то, что будут говорить люди, а не утверждаю, что согласен с ними.

— Всё нормально, — устало ответил я. — Сегодня я больше не собираюсь никого выбрасывать из окна. Продолжайте.

— Пойдут слухи, что комендант покрывает вас и вашу королеву и даже лжет, чтобы защитить вас. Единственное, что принесёт некоторую пользу, это то, что граф Язен еще на балу выразил желание извиниться перед вашей королевой. Он был полон сожалений. Говорят, что вы не узнали об этом вовремя.

— Теперь знаю, — тихо промолвил я. — Я не жалею, что перекинул его через балкон, но жалею о его смерти. Может... может, нам с королевой стоит пойти в храм Борона и пройти испытание?

— Вы хотите публично унижить себя и свою королеву? — спокойно спросил Сантер. — Вы же знаете, какими бывают подобные проверки истины. Выявляется намного больше, чем ты того желаешь.

Я кивнул, потому что он был бесспорно прав.

— Что ж, — сказала Дезина, поворачиваясь к двери. — Мы подумали, что вы должны об этом знать. Какую бы доброжелательность вы не встретили здесь, теперь она утрачена. Мы — то есть комендант, Сантер, я, некоторые другие, включая Орикиса, знаем, кто вы и что уже предприняли, чтобы навредить врагу. Но теперь... Теперь будет трудно. — Она открыла дверь и оглянулась на меня. — Мы сожалеем.

30. Торговая политика

— Это будет задача не из лёгких, — заметил лейтенант Штофиск, но, кажется, он не испытывал страха.

— Вы действительно думаете, что ещё можно что-то изменить? — с сомнением спросила Серафина. К этому времени у двери напротив друг друга стояли два стола, со своего места мне хорошо было их видно. Между нами находился ещё один большой стол. На нём я кнопками прикрепил карту имперского города, а поверх расстелил карту Алдара, столицы алданцев. Линии всё ещё не имели для меня особого смысла, но я намеревался изменить это.

На стенах также произошли некоторые изменения. Между окнами висела карта Семи королевств, напротив — большая карта Остмарка, и ещё больше — карты Летазана и Иллиана, сложенные таким образом, что можно было обозревать территорию Громовой крепости и немного дальше.

На моем столе лежали кипы папок и документов, рядом на полу стоял тяжелый стальной ларчик. Уже в первой папке находился увлекательный материал для чтения, но в данный момент я слушал Серафину и Штофиска. Лейтенант пришел после нас и сообщил, что уже был занят со второго колокола.

— Что-то изменить, — спросил Штофиск. — Непременно. Фокус в том, чтобы превратить поражение в победу. — Он посмотрел на меня, затем быстро отвернулся, заметив мой взгляд. — Жаль, что граф Язен был убит. Он был бы нам полезен, поскольку проявил благоразумие, хоть и поздно. По крайней мере, он подтвердил, что генерал действовал не без причины, в Аскире мужчинам тоже разрешено защищать честь женщин. Теперь я устроил так, чтобы говорили, что генерал проявил милосердие по отношению к графу, выбросив его в окно. У него было право вызвать его на дуэль, но поскольку генерал — смертоносный воин, это было бы равносильно убийству. Это также позволяет задать вопрос, зачем генералу убивать графа, когда был вполне законный способ отправить его к воротам Сольгара. В принципе, граф был порядочным человеком, в случае с бароном Виртенем дело обстоит иначе. Некоторые матери теперь вздохнули с облегчением. Этот человек был бабником без всякой морали, но благодаря его связям с рудниками Рангора, его уважали. Они зарабатывали на нём золото, а дочерей запирали. Граф Алтинс терпеть его не мог, но он был важен. То, что генерал ударил его, вызвало больше аплодисментов, чем осуждений. Особенно со стороны матерей. Если бы не убийства, к сегодняшнему утру всё пришло бы в норму.

— А что насчёт королевы? — спросила Серафина.

— Над вашей королевой смеялись. Из-за неопытности, она совершила ошибку в самом начале, когда, присоединившись к политике, повела себя как проситель. Мало кто заметил, что она умна; ей не хватало знаний о взаимосвязях в империи. Поэтому люди видели только её красоту и уязвимость, а это привлекает хищников. Теперь они поняли, что им придётся нелегко.

— А что насчет обвинений против нас? Тех, что выдвинул торговый совет? — спросил я. Ухмылка Штофиска померкла.

— Они будут утверждать, что вы и ваша королева вызвали извержение вулкана, которое разрушило Янас и Алдар. Ведь никто точно не знает, что вы там делали, кроме спасения

своей королевы. Мне нужно что-то, что можно будет противопоставить, какой-нибудь героический поступок, что-нибудь необычное. Вы случайно не делали там чего-то, что звучало бы лучше, чем уничтожение целых стран наводнением и землетрясением?

— Достаточно ли того, что королева поразила молнией командующего вражескими силами, некроманта и военачальника врага?

— Это хорошая идея, — с энтузиазмом согласился Штофиск. — Военачальник исчез вместе с вулканом и не сможет ничего возразить.

— Штофиск, — тихо сказал я.

— Да, сэр?

— Это не идея. Это правда.

— О. Некроманта? Военачальника?

— Да.

— В самом деле? Это здорово! А свидетели тому есть? Кто-нибудь, кто достаточно важен? — он взволнованно спросил. — Может вы и имя проклятого знаете?

— Имя проклятого было Целан, — ответил я. — Достаточно ли вам в качестве свидетеля принца эльфов?

— Принца Имры, которого уже воспевала Тарида? Он действительно существует?

— Конечно.

— Боги! — взволнованно воскликнул он. — Теперь мне действительно есть с чем работать! Что вы думаете о том, что на этом острове были и другие некроманты, возможно, даже жрецы этого бога, которые пытались использовать силу вулкана для воскрешения военачальника, и Сольтар покарал их за это?

— Вернитесь на землю, лейтенант, — прорычал я. — Никто не поверит в такую чушь. Вулкан просто взорвался. Никто, даже кучка священников, не смогла бы такое осуществить.

— Но вы должны признать, что это звучит лучше, чем если бы это были вы. Через какое время после извержения вулкана вы покинули остров? Были ли какие-то драматические моменты, возможно, когда вы спасались от лавы?

— Мы покинули остров ещё до извержения, за несколько отрезков свечи до того. На спинах грифонов.

— И это тоже может подтвердить принц эльфов?

— Да.

— Хорошо! Просто замечательно! Но как нам привезти его сюда, чтобы он дал показания? — Я открыл рот, но он уже отмахнулся. — Я поговорю с Таридой, пусть она напишет это в эпос, результат будет таким же! — Он сияющими глазами посмотрел на нас. — Вот увидите, всё будет замечательно! Теперь вам лишь нужно найти настоящего убийцу, и Аскир окажется у ваших ног.

— Вы серьёзно? — в изумлении спросил я.

— Ну конечно! Сами увидите!

— Почему у меня создаётся впечатление, что вы от всего этого получаете удовольствие? — с усмешкой спросила Серафина.

— Потому что это так! — ухмыльнулся Штофиск. — Наконец-то я могу в полной мере использовать свои навыки для службы империи! Мнение так часто бывает отчужденным, что делать это ради благородного дела — одно удовольствие. У меня есть другая идея... Можно ли позаимствовать грифона у эльфов и устроить так, чтобы вашу королеву увидели летящей над Аскиром на спине этого благородного зверя? Или кого-то, похожего на него?

— Штофиск, — сказал я. — Вы очень опасны.

— Я знаю. — Он засиял. — Я просто рад, что наконец-то кто-то это оценил! Итак, сколько будет стоить, если мы одолжим грифона у эльфов.

— Нисколько, — прорычал я. — У неё есть собственный грифон.

— Правда? Потрясающе! Он здесь? Может быть, в конюшне? Он позволит нарисовать себя вместе с ней? Он ручной, и его можно выставить на храмовой площади на обозрение?

— Это было бы очень плохой идеей, лейтенант! Лучше сразу забудьте о ней.

— Но...

— Нет.

— Есть, сэр! — смирился лейтенант. — Но всё же крайне жаль.

— Поверьте мне, лейтенант, точно не жаль.

Казалось, ему было трудно отказаться от этой идеи, но он подчинился.

— Ладно, тогда нет, — вздохнул он. — Теперь нам нужен лишь некромант и дело сделано.

— Какой именно? — спросил я, не зная, радоваться мне или отчаиваться.

— Тот, что убил барона и графа, чтобы совершить коварное покушение на репутацию вашей благородной королевы. Предпочтительнее было бы казнить его публично на рыночной площади. — Его глаза засияли. — Я уже вижу это перед собой: как ваша королева подлетает на своём грифоне, спускается, подходит к нему и обезглавливает одним ударом своего меча! Не потому, что он наездник душ, о нет, а потому, что это её привилегия — наказывать тех, кто не проявляет к ней уважения.

Я немного запутался из-за всех его слов, но он не прекращал говорить.

— Королева ведь умеет пользоваться мечом и у неё есть такой, который можно заточить? Возможно, вам стоит одолжить ей свой?

— Она умеет, у неё есть, и её меч сверх меры остер, — возмущённо пробурчал я. Кажется он этого не заметил, даже когда Серафина прочистила горло.

— Хорошо! — воскликнул он. — Тогда мы решили проблему!

— Штофиск, для этого нам сначала нужно найти некроманта.

— Это не проблема. — Штофиск засиял. — У меня есть здесь его адрес.

— Я правильно поняла? — ошеломлённо воскликнула Дезина. — Он спросил свою мать?

Нам посчастливилось найти ее в башне, и она выглядела сонной; очевидно, мы ее разбудили. Теперь мы стояли перед ее открытой дверью под навесом, который защищал нас от дождя, и пили принесённый Сантером чай. На мгновение я задался вопросом, почему она не пригласила нас войти, поскольку в башне было довольно уютно. Но потом вспомнил, что в это здание могли войти только Совы.

— Да, — весело ответила Серафина. — Всё дело в бизнесе. Его отец управляет банком в городе, а барон Виртен занял у него денег. Очевидно, Коротен посчитал, что барон представляет повышенный риск, и установил за ним слежку. Шпион наблюдал, как Виртен вернулся домой, а вскоре после этого из дома вышел мужчина. Он привлёк внимание шпиона, поскольку прятался под мантией с капюшоном, хотя не было ни холодно ни дождливо.

— И как нам это поможет? — непонимающе спросила Дезина. Я и сам, слушая эту историю, чувствовал тоже самое.

— В свою очередь мать нашего лейтенанта управляет торговым домом, и оба, Виртен и

Язен вели с ней дела. Она также следила за ними, — объяснила Серафина. — За обоими. У дома Виртена информатор также увидел человека, украдкой прокравшегося за угол. Это было достаточно странно, чтобы попасть в отчёт. У графа Язена другой осведомитель наблюдал, как человек в мантии вошёл в дом графа, и стражники у ворот как будто его не заметили. Он не видел, как этот человек вышел, услышал лишь гром, а затем крики жильцов.

— Значит, мужчина в мантии, — заметила Дезина. — Но таких тысячи.

Ветер направил ливень в нашу сторону, раздувая тонкое платье Совы. В этот момент мы слышали звон храмовых колоколов, пробивших третий колокол.

Прежде чем ответить ей, я поплотнее закутался в плащ, так как было немного прохладно.

— Но не красных сапог с жёлтым верхом и вышивкой в виде серебряных цветов. В городе есть только один сапожник, который делает такие сапоги, — ответил я и вздохнул, когда невольно посмотрел вниз, на сапоги Серафины. — Похоже, что у мастера Брекерта было три покупателя на эти сапоги. Один из них — граф Витмар, которому почти сто лет, и он ходит на костылях. Другая — молодая женщина, востребованная куртизанка.

— Асела? — спросила Сова. — Значит, всё-таки это была она?

— Нет. Не она, — вздохнул я. — Кое-кто другой. Эта сэра в тот промежуток времени занималась своей работой, ублажая придворного из Сертины.

— И кто третий?

— Торговец из Рангора, — провозгласила Серафина. — Он также был на балу. Человек по имени Хельгс, который несколько лет назад наделал много шума смелыми спекуляциями и таким образом получил доступ в высшее общество.

— Однако барон Кортен, отец нашего лейтенанта, всегда задавался вопросом, как этому Хельгсу удалось это сделать. По расчётам Кортена, он должен был понести убытки, а не получить прибыль. Потом он вспомнил, что Хельгс когда-то заплатил ему золотом, и пошёл в свою подземную сокровищницу, чтобы проверить, осталось ли у него ещё это золото. И оно действительно было там. Этот металл не такой чистый, как имперский, и имеет красноватый оттенок. Как и вот это золото. — Я показал монету, которую мы нашли на корабле в бухте контрабандистов. На ней был герб Талака, и в тусклом свете она поблёскивала красноватым светом.

Сантер рассмеялся.

— Я с трудом могу в это поверить, но цепочка доказательств кажется мне последовательной. — Он покачал головой. — Как лейтенант смог это осуществить?

— Он встретился со своей матерью за завтраком, — мрачно ответил я. — Затем она попросила присоединиться к ним отца, и одно привело к другому.

Две Совы обменялись взглядами.

— Я чувствую себя немного бесполезным, — прокомментировал Сантер.

— Не говорите, — прорычал я.

— Так вы пришли сюда, чтобы мы поймали этого некроманта, — спросила Дезина, радостно улыбаясь.

— В том числе.

— Ага, — сказала она и пристально посмотрела на меня. — Что ещё?

— Нам нужно взять его живым. Для этого потребуются своего рода магические кандалы. Я хотел спросить, есть ли у вас нечто подобное и где их можно достать.

— Вы хотите его допросить, — заметил Сантер, удовлетворённо кивнув. — Давно пора

развязать язык этим проклятым. Может он выведет нас на других ему подобных.

— Да, и это тоже. Но после он должен быть ещё жив.

— Почему?

Я вздохнул.

— Чтобы моя королева могла казнить некроманта своим изгоняющим мечом на глазах у всего народа. Чтобы она могла стать героиней и завоевать расположение города. Вот почему.

Обе Совы ошарашенно посмотрели на меня. Я не мог их в этом винить.

— Не лучше ли понаблюдать за некромантом, чтобы узнать, не вступает ли он в контакт с другими? — спросил Сантер Серафину, пока мы спускались в оружейную по широкой рампе. Дезины с нами не было, она направилась к верховному инквизитору Пертоку, чтобы согласовать с ним арест.

— Мы тоже об этом думали, но у нас нет времени.

— Я думал, что ничто не может быть настолько быстрым, как хорошие сплетни? — спросил Сантер.

— Может и так, — признала Серафина. — Но речь не только о сплетнях. Нужно изменить мнение.

— Вы уже привыкли к порталам, Сантер? — спросил я.

Он покачал головой.

— Я все еще не доверяю им, но что с того? Дезина ими просто очарована, и мне не остаётся ничего другого, кроме как сопровождать её. Я же не могу отпустить её одну. — Он вздохнул. — Самое ужасное в том, что я понимаю, насколько полезны эти порталы. Завтра мы с Дезиной отправимся в Ольменхорт, старую крепость в Остмарке, которая находится всего в тридцать милях от резиденции маршала. Комендант хочет получить более подробный отчёт о ситуации, чтобы решить, можно ли вывести оттуда войска. Если бы была воля Дезины, то мы исследовали бы все порталы, которые ещё существуют. Но порталных камней почти не осталось. В башне Сов есть отделение с камнями, но их не так много... Что случилось, генерал Копья?

— Я кое о чём забыл, — объяснил я. — Нужно было вспомнить об этом раньше.

— О чём? — спросила Серафина.

— Сейчас увидите.

Как я и надеялся, за одним из трёх открытых окошек оружейной стоял тот самый старейший ветеран, который подогнал под меня доспехи. Я направился к нему и постучал по ставне окна.

Он открыл один глаз.

— Успокойтесь, я не сплю, — промолвил он. — Чего желаем?

— Вы когда-нибудь слышали о порталной книге, капрал?

— Хм, — хмыкнул он, почёсывая голову. — Кажется, что-то припоминаю, но...

— В ящиках для генералов! — воскликнула Серафина. — Однажды в оружейной комнате Второго легиона случился пожар, и один из них был поврежден. Нам пришлось его переупаковывать, и там находилась книга, запечатанная Асканонном. Я сама была цейгмейстером, — пояснила она, когда капрал странно посмотрел на неё.

— Во Втором, да?

— Даже если вы этому не верите, — ответила Серафина.

— Я верю, — сказал капрал, вставая со стула. — В наши дни я поверю почти во всё. И

если Второй набирает людей и располагает генералом Копья, почему бы тогда и не цейгмейстером? В конце концов, это означало бы, что самый важный пост уже занят.

— Меня заставили, — с улыбкой сказала Серафина, и ветеран коротко рассмеялся.

— Итак, майор, как выглядят эти ящики?

— Они сделаны из черного эбенового дерева, перетянуты полосами из серебра и стали, и имеют замок с печатью, для которого требуется кольцо генерала.

— Я помню такие, у нас их не так много. Подождите здесь, я сейчас вернусь...
Постойте! — Он повернулся, как баллистическая башня. — Покажите мне своё кольцо!

Я послушно протянул руку, он что-то пробормотал себе под нос и неровными шагами поспешил из комнаты с прилавком на склад.

Чуть позже он вернулся с плоским ящиком, размером не намного больше двух фолиантов.

— Вот, — сказал он, проталкивая ящик через отверстие в окне. — Попробуйте своё счастье с ним. — Он указал на имперскую печать. — Вставьте туда своё кольцо.

Я сделал, как он сказал, раздался тихий щелчок, и крышка открылась.

Все затаили дыхание, когда я поднял крышку ящика, но сначала показалось, что внутри нет ничего особенного. Подзорная труба, меньше, чем те, что я видел до сих пор, что показалось мне удобным; маленькая латунная коробка с магнитом внутри; маленькая латунная трубка, предназначение которой было мне не ясно, и две книги, толщиной с мой большой палец, но размером не больше моей ладони. Под ними — карта и что-то ещё непонятное. Я взял первую книгу, открыл и застонал.

— Боги, — выругался я. — Как можно читать этот шрифт? Он такой маленький, что буквы расплываются перед глазами! — Я посмотрел на заголовок. «Закон имперской армии» — было выведено ровными буквами.

— Здесь я могу помочь, генерал Копья, — заметил оружейник, выдвигая ящик, из которого достал ещё одну латунную коробочку. Он открыл её, выдвинул линзу, находившуюся внутри, и поместил на текст, который под ней увеличился.

Вторая книга была закрыта печатью со шнурком; я сломал печать и открыл ее. Она была написана достаточно крупно, но на первый взгляд содержание не имело смысла. На каждой странице было два блока цифр: три цифры слева и девять, а иногда двенадцать — справа.

— Это портальная книга, — промолвил Сантер. — Книга Дезины толще, но зашифрована она точно так же. Цифры слева содержат координаты для имперских карт, а справа — номера камней, которые нужно выкладывать.

Я кивнул и вытащил последние два предмета: сложенную, искусно нарисованную карту, на которой была изображена империя ещё с древними границами, и изящной формы кусок слоновой кости с золотым концом, который заставил Серафину громко втянуть в себя воздух.

— Я слышала о нём! — взволнованно воскликнула она. — Можно? — Я весело кивнул. Она выглядела, словно ребёнок в день именин. Она попросила у заведующего снаряжением лист бумаги, и когда получила его, приставила золотой кончик к папирусу, и появилась тонкая чёрная линия.

— Боги, — взволнованно сказал Сантер. — Держу пари, Орикес отдал бы за него свою правую руку.

— Тогда, пожалуй, в нём больше не было бы проку, — заметила Серафина, глядя на меня сияющими глазами. — Разве это не здорово? Перо, которое пишет вечно!

— Да, — согласился я. — Здорово. — Я не понимал её волнения. Допустим, что гуси и чернильницы больше не требовались, но для меня подзорная труба казалась более полезной.

Я убрал содержимое ящика в карманы, передал Серафине странное перо, карту и магнит, а ящик снова пододвинул заведующему снаряжением.

— Ящик можете оставить себе, — промолвил я.

Он засиял и поблагодарил меня, как будто я оказал ему услугу.

— Что-нибудь ещё? — спросил он, глядя на Сантера и меня. — Что-то я не припоминаю, чтобы выдавал тебе эти доспехи, Сантер.

— Сова нашла их в башне. Теперь я её адъютант, Кьярл.

— Хм, — хмыкнул ветеран и улыбнулся. — У Морских Змей ты уже всегда напрасно тратишь время, а у Сов... Ну, по крайней мере, теперь у нас снова есть одна. — Он посмотрел на меня и усмехнулся.

— Капрал был моим инструктором по фехтованию, — объяснил Сантер. — С тех пор он думает, что знает лучше, что для меня хорошо, а что нет.

— Нам нужны оковы для наездника душ. Магические. Мы знаем, что раньше такие были.

— А Сова не хочет поискать их в башне, раз уж теперь выдаёт доспехи?

— Там больше нет заведующего снаряжением, Кьярл. Это займёт слишком много времени. Если ты ничего не найдёшь, нам придётся искать самим, но мы надеялись, что ты сможешь нам помочь.

— Я лучший заведующий снаряжением в легионах, возможно, за исключением находящегося здесь майора, — заметил Кьярл. — Но если ты ожидаешь чудес, тебе придётся немного подождать. — Он открыл зарешеченную дверь и пригласил нас внутрь. Здесь стоял стол, загроможденный папками, и ветхий стул; в углу перед решетчатой дверью, ведущей на склад, стояла маленькая железная печка, а на ней — чайник из кованной меди.

— Чай в верхнем ящике, — сказал капрал, закрывая за нами дверь. — Прояви немного манер, Сантер, и приготовь майору чай. Я вернусь ещё до конца недели. — Он схватил проволочную корзину и захромал прочь.

— Хотите чаю? — спросил Сантер у Серафины, которая с улыбкой покачала головой.

— Вы хорошо знакомы со многими здесь, Сантер, — заметил я, глядя вслед заведующему снаряжением. — Вас это не беспокоит? Слишком тесная связь — не всегда хорошо.

— Пока они проявляют уважение, я не возражаю. Мне так даже больше нравится, потому что с тех пор, как я начал носить этот серебряный символ совы, есть некоторые, кто пресмыкается передо мной. Это мне вообще не по душе.

— Посмотри, Хавальд, — тихо сказала Серафина, указывая на висящий на стене ящичек. В нём находились четыре серебряные и одна золотая монеты. — Награды капрала, удивительно, что он не имеет более высокого звания. Это впечатляет. Монеты прикрепляются к нагруднику.

— Он говорит, что находится там, где хочет быть, — прокомментировал Сантер. — Здесь есть офицер, заведующий складом, но он знает, что лучше ему не связываться со старым Кьярлом. Это его владения, и я рад за него.

— Ты опять рассказываешь старые истории? — спросил заведующей снаряжением, когда, хромя, вернулся обратно. — Не верьте ни единому его слову, генерал Копья. Всё это ложь, кроме истории о том, что я одним ударом убил дракона. — Он широко улыбнулся. —

Однако тот был не длиннее моей руки. — Он поставил корзину, в которой лежали жердь, металлический ошейник и грубые кандалы.

— А когда вы были на юге, капрал? — спросил я, и заведующий снаряжением замер в движении, чтобы затем подозрительно на меня посмотреть.

— Откуда вам знать, что я был на юге?

— Вы сами только что сказали мне об этом, — заметил я. — Дракон.

— Боги, — промолвил Кьярл. — Я и мой длинный язык. Однако я уже столько раз хвастался этим, и никто не заметил связи. — он окинул меня взглядом. — Девять камней на вашем кольце должны были стать для меня предупреждением. И всё же я не имею права рассказать вам об этом.

— Я могу обратиться и к коменданту, но предпочёл бы этого не делать.

Он колебался, затем посмотрел на Сантера.

— Сантер, не мог бы ты оказать мне любезность немного прогуляться? Майор, может вы тоже?

— В этом нет необходимости, — сказал я. — Скажите, где вы видели этого дракона.

— Это было почти сорок лет назад, — ответил Кьярл, глядя куда-то вдаль. — Когда мой лейтенант пришёл искать добровольцев и предложил мне жалование смертника, я понял, что глуп и жаден.

— Жалование смертника?

— Десятикратное жалование в течении миссии и выплата обычного жалования за оговорённый период службы родным погибшего солдата, — объяснила Серафина, и Сантер кивнул.

— Именно, — подтвердил Кьярл. — Мы сели на корабль и отправились в путь. Не на меченосце, а галеасе, доверху загружённом припасами. Миссия была секретной, но вскоре мы узнали, куда направляемся. А именно, далеко на юг, чтобы проверить там старые карты. Нашим командиром был молодой солдат из Перьев, лихой парень, который ничего не спускал нам с рук. Мы пересекли Штурмовое море и чуть не утонули, а некоторые боялись, что мы упадём за край земли. Мы плыли пять недель, ни разу не увидев берег. А затем заметили впереди землю: густые джунгли, а посреди них руины древнего города. Нужно отдать должное Перу: этот парень умел читать карты. Спустя столько веков гавань обмелела настолько, что мы с трудом смогли причалить к старым камням. Были сформированы две группы: одна должна была исследовать старый город, вторая — отправиться в глубь джунглей. Проклятый дракон укусил меня за руку, поэтому меня определили в группу для исследования города. Наша задача была проста. Лейтенант Перьев вел нас, у него были с собой карты, которые направляли нас через руины к определенным местам. Одним из таких мест была пирамида в центре города, мы поднялись на её вершину, и на самом верху был небольшой каменный дом, запертый стальной пластиной с тремя печатями. Лейтенант осмотрел печати, сделал пометку, и мы пошли дальше. Следующей остановкой была башня, и снова дверь с печатями, третьей — была оборонная станция, где он заставил ждать нас снаружи. Четвёртым местом была старая башня в порту, но она обрушилась, и если там тоже была такая дверь, мы её не нашли. Вот и вся история. Мы вернулись на корабль и стали ждать другую группу. Через десять дней мы отчалили и вернулись домой. Не считая того, что я чуть не умер от лихорадки, это было легко заработанное золото. Но не для тех тридцати человек, которые остались в джунглях.

— Земля за Штурмовым морем? — спросил я.

Капрал кивнул.

— Именно.

— И разрушенный город Старой империи?

— Я этого не говорил.

— Нет, вы лишь упомянули имперскую оборонную станцию.

Он вздохнул.

— Да. Там были имперские здания, но сам город был экзотический, со зданиями, украшенными каменными идолами и монстрами, и широкими улицами. И повсюду пирамиды с множеством ступенек.

— Насколько большим был этот город?

— Я бы сказал, что он примерно такого же размера, как Рангор или Алдар. Но он был пустым, хотя в колодцах по-прежнему находилась чистая вода. Также там жили странные собаки, чешуйчатые и с крыльями.

— Вартрамы? — в изумлении спросил я, и заведующий снаряжением кивнул.

— Так их назвал лейтенант Перьев. Невероятно умные зверюги, они украли нашу провизию. Вы уже там бывали?

— Нет. Продолжайте.

— Больше нечего сказать. Меня не было почти четыре месяца, жалование смертника окупилось. Его хватило для небольшого дома на окраине города, конец истории.

— Спасибо, капрал, — поблагодарил я.

Заброшенный город с имперскими зданиями на другом берегу Штормового моря? Двери с печатями и вартрамы? Это ни о чём мне не говорило. Кроме того, что теперь я знал, где император-некромант берёт своих охотничьих собак.

Капрал щёлкнул пальцами.

— Я ещё кое-что вспомнил. Мы, конечно, и сами бродили по городу, и с несколькими товарищами обыскали старую военно-морскую базу. Даже мебель была ещё на месте, хотя и сгнившая. И указатель на пляже, который гласил, что прогулка по берегу за пределами города Каллисте запрещена.

— Город назывался Каллисте?

— Кажется так.

— Хм. — Я посмотрел вниз, на его корзину. — Что вы нам принесли? — Я вытащил ошейник, который был очень похож на тот, что я сам носил на шее на Огненных островах.

— Если честно, я сам точно не знаю, — ответил капрал, явно радуясь возможности перевести разговор в другое русло. — В Совеи башне вы, вероятно найдёте больше. Вот это я вытащил из пыльного угла, где хранились вещи для Ночных Ястребов. Поскольку их задачей было ловить проклятых, я решил проверить там. Думаю, я был первым человеком, который рыскал там за много веков. — Он поднял жердь. Она была полой, а на одном конце прикреплена серебрянная цепь, образующая петлю. — Подобной штуковиной ловят диких животных, но здесь на шесте есть руны. Ошейник... — Он пожал плечами. — Серебряные ножные кандалы, немного потускнели, поэтому такие тёмные. На них тоже есть руны. Кандалы для ног из серебра не имеют смысла, если только не предназначены для особых заключённых. Это всё, что у меня есть. Будет ли от них польза, не знаю.

Сантер почесал голову.

— Почему-то мне кажется, что будет трудно удерживать некроманта, пока мы не торопясь пробуем, что получится.

— Так вы хотите взять эти вещи с собой или нет?

— Хотим, — ответил Сантер. — Мы выясним, на что они годятся. Я распишусь.

31. Хельгс

Торговец Хельгс жил в одном из типичных для Аскира домов: прямоугольный, двухэтажный, с высокими гладкими наружными стенами, в которых маленькие окна выходили на улицу лишь на втором этаже. Ворота во двор и сквозной проход, через который можно было попасть внутрь дома, были сделаны из дубовых досок, усиленных сталью.

— У него четыре охранника, повар, три слуги и две девушки-рабыни, — прочёл Сантер информацию со щитка с зажимом. — Еще девять работает на него в его конторе в порту. Кроме того, у него есть связи с портовыми бандами. И время от времени он использует двух вышибал для сбора долгов. — Он закрыл кожаную обложку и посмотрел через улицу на дом торговца. Мы стояли на крыше здания напротив; его обитателям было тактично предложено отдохнуть за счёт императора на окраине города.

Кроме Серфины, Сантера, Дезины и меня, присутствовал капрал Февре, друг Сантера. С ним было отделение Морских Змей. Вместе с отделением Быков они должны будут штурмовать дом. После того, как мы выясним, как и когда. Был полдень, четвёртый колокол, и солнце было милостиво к городу, но не к нам, поскольку мы предпочли бы облака и дождь, которые были с утра.

— Неприятный товарищ, — заметила Дезина. — Но таких много, и он вёл себя незаметно. Что мы знаем о слугах?

— Не особо много. — Сантер пролистал страницы. — Один из его слуг был трижды арестован; он участвовал в драках и однажды сломал ногу должнику. Он отделался тридцатью ударами плетью; с тех пор он либо законопослушен, либо осторожен. Вот, здесь кое-что есть. Повар. Его дважды видели на собраниях, которые подозревали в том, что это службы Безмянному. Но каждый раз, когда мы устраивали облаву, причина для собрания была другой. Один раз оргия, второй — запрещённое состязание на клинках.

Я снова посмотрел на дом торговца. Теперь, когда задача состояла в том, чтобы быстро проникнуть внутрь и застать врасплох проклятого, я должен был признать, что конструкция дома выполняла своё предназначение.

— Он в своей конторе? — спросил я.

— Да, — ответил Сантер. — У него есть привычка делать перерыв в полдень. Примерно через пол отрезка свечи он придёт домой.

Февре кивнул.

— У нас есть выбор: войти в его дом и надеяться, что он не заметит, когда откроет ворота, или подкараулить его на улице. С ним всегда два охранника, им разрешено носить только кожаные дубинки, но против одного из них выдвинуто обвинение, потому что у него был найден короткий меч. Но никто не знает, какими силами обладает проклятый, и если схватить его на улице, есть опасность, что пострадают граждане. Именно по этой причине мы ждём его здесь, — объяснил капрал. — В порту слишком много народу, здесь более спокойно.

Дезина задумчиво посмотрела на дом, затем вниз, на улицу, которая была в меру оживлённой. — Я встречу с ним на улице. Вон там, на углу, — указала она рукой. — У стрелков будет хороший сектор обстрела. Двое Быков, которые сидят там на скамейке, играют в кости и развлекаются во время перерыва. Продавец кружек... видите его?

Я кивнул: пожилой мужчина с костылём, который стоял возле тележки, и восхвалял

свои кружки проходим.

— Дайте ему золота и купите тележку и его грязную одежду. Мы заменим его солдатом. Он может положить свой арбалет в тележку.

— Как ты собираешься его оглушить? — спросил Сантер.

— Громом, — ответила она. — Очень громким громом, который оглушит его на одно два мгновения и собьёт с ног. Он также поразит людей на улице, но зато они не будут в секторе обстрела. — Она посмотрела на меня. — Мы набросимся на него, схватим и попытаемся надеть на него эти оковы. Все. В надежде, что одна из них сработает. А если нет, то понадобится вы и ваш меч. Я понимаю, почему казнь имеет смысл, но я не против увидеть его мёртвым прямо здесь.

— Хорошо, — ответил я. — Чтобы сделать это, мне просто нужно быть рядом.

— Может в том дверном проеме? — спросил Сантер. — Там вы не должны привлечь к себе внимание.

— А что с вами, прима? — спросил я. В своей синей мантии она была весьма заметной.

— Он меня не увидит, — с улыбкой пообещала она.

— Используете магию? — спросила Серафина.

— Нет, мастерство.

— Хорошо, но для чего так заморачиваться? — спросил Февре. Мы в изумлении посмотрели на него. Капрал широко улыбнулся, залез в свой колчан и вытащил болт, у которого вместо острия был свинцовый конус. — Они почти всегда срабатывают, разве что у него тонкий череп. Тогда они тоже сработают, только по-другому.

— А если вы промахнётесь? — спросила Серафина.

— Это маловероятно, но может случиться, — ответил маленький капрал. — Но все сразу не промахнуться. Со мной десять Морских Змеев. Мы пригвоздим его к земле, по болту или три в каждую конечность. А если и после этого всё ещё будет дёргаться... — Он пожал плечами. — Что ж, тогда генерал всё ещё сможет его подбрить.

— А кто-нибудь уже предположил, что он, возможно, не проклятый? — спросила Серафина.

— Я смогу это увидеть, если подойду к нему достаточно близко, — ответила Дезина.

— Насколько близко? — поинтересовался я.

— На расстояние в шаг, может два, но только если я дотронусь до него, я смогу быть уверенной.

— Тогда просто подайте знак, когда будете уверены, прима, — сказал Февре. — Предоставьте остальное сделать нашим болтам. Он проклятый и выживет.

— Хорошо, — согласилась Дезина. — Тогда сделаем так. Знаком будет гром, он также поможет с его охранниками. Засуньте что-нибудь в уши и откройте рот, когда придёт время.

Я стоял в дверном проёме, накинув старую мантию, и делал вид, как будто моё место здесь. Дезину видно не было, но угол, где она собиралась перехватить некроманта, был всего в пяти шагах. Я не мог даже предположить, где она собиралась спрятаться, но, кажется, она знала, что делает.

На крыше дома напротив я узнал Серафину. Она должна была подать мне знак, как только придёт время. Интересно, сколько ещё ждать. Я посмотрел на неё, и вот она уже машет рукой... Раздался раскат грома, поднявший пыль и грязь на улице и поразивший меня, словно бревно.

Пошатываясь, я вышел на улицу, почти не понимая, куда идти и что я вообще там делаю.

Когда до меня снова дошло, что происходит, я заметил перед собой Дезину, которая, поставив одну ногу на грудь проклятого, стояла на коленях и спокойно надевала на него три оковы. По всей округе медленно начинали шевелиться прохожие. А двое Быков, которые играли в карты на скамейке, все еще неустойчиво стояли на ногах.

Торговец Хельгс лежал на земле, похожий на нашпигованную свинью, и совсем не двигался. Один из его охранников всё ещё лежал на земле, другой — ползал по кругу, словно что-то искал. Затем рядом оказался Сантер и одной рукой поднял проклятого на ноги. Подъехала карета, Сантер забросил его внутрь и забрался сам, прежде чем транспортное средство умчалось прочь. Осталась только лужа крови и несколько тупых болтов.

Всё ещё оглушённый, я последовал за Дезиной в дом, где мы заняли позицию. Как только я закрыл за собой дверь, на улице зашевелились первые прохожие, а десяток Быков проник в дом торговца, чтобы обезопасить его и обыскать.

Дезина откинул капюшон, посмотрела на меня сияющими глазами и зашевелила ртом.

— Что? — крикнул я.

— Я сказала, что всё прошло по плану! — крикнула она и засмеялась.

Серафина спустилась по лестнице, тыкая пальцем в левое ухо и ухмыляясь до ушей.

Скоро нам стало не до смеха, когда мы в доме торговца обнаружили подвальное помещение, от которого несло старой кровью. Лицо Дезины побледнело, и она бы упала, если бы Февре не поймал её. Я сам боролся с тошнотой.

В центре подвальной комнаты стоял алтарь из тёмного камня. Вокруг него пульсировал слабый свет, словно следуя биению сердца, и с каждым ударом щупальца дыма и черноты обвивалась вокруг конечностей лежащего на камне ребёнка, который всё ещё дёргался, хотя уже должен был быть мёртв.

— Генерал Копья, — прошептала Дезина. — Вы не могли бы...

Я мрачно кивнул и вытащил Искоренителя Душ. Когда его бледная сталь разрубила дым, ребёнка и чёрный камень, я почувствовал, как что-то с неслышным криком отпрянуло назад и исчезло в каменных обломках, а вокруг нас разлился ледяной холод.

— Сержант? — обратилась Дезина к одному из Быков, стоявшему у входа в подвал. — Отправьте гонца в храм Сольтара. Нам нужен священник, который сможет изгнать это и очистить место.

— Думаю, этого вполне достаточно в качестве доказательств, — сказала Дезина немного позже верховному инквизитору Пертоку, который пришёл в дом торговца с полудюжиной Перьев.

С безучастным лицом старик осмотрел подвал, алтарь и труп ребенка.

— В самом деле, — промолвил он, отступая от дверного проема. — Я разрешаю любой допрос, вплоть до альт'ре'вита.

— Что это? — спросил я Серафину, когда мы покидали этот несчастный дом.

— Изменение жизни, — объяснила она. — пытка. — Она подняла на меня глаза. — Обычные допросы могут быть болезненными, но не причиняют необратимого вреда.

— Как предупредительно, — заметил я. Я достаточно часто видел другое: как уже даже при малейшем подозрении использовали острые ножи и раскалённые щипцы. Я не особо чувствовал пытки. Испытывая такую боль, я бы сам признал себя посланником Безымянного.

— Нет, — жёстко сказала Серафина. — Не в этом случае.

— Проклятый жив, — чуть позже сообщила мне Дезина, когда мы вернулись в цитадель. — Палачи подготавливают его в течение дня, завтра начнётся сам допрос. Если вы

не возражаете, решение дела мы припишем Пертоку. Он согласен и не будет ничего отрицать, если только его не спросят напрямую. Являясь адептом Борона, он не станет лгать, но мы хотим отвлечь внимание от вас и вашей королевы. Что касается самого проклятого, то первосвященники храмов сами убедятся в том, что он в самом деле наездник душ, и засвидетельствуют это. Мы все еще ищем человека, описание которого у нас есть. В последние несколько месяцев он часто заходил к Хельгсу поздно вечером и шел с ним в подвал. Кроме повара, никто, похоже, не знал, что происходит внизу. Когда мы отвели туда слуг дома, они упали в обморок. Это правдоподобно. Повар... Что ж, верховный инквизитор очень заинтересован в разговоре с ним. Посмотрим, что из этого получится. — Она кивнула мне. — Мы будем продолжать держать вас в курсе. Да благословят вас боги, генерал Копья.

— Пожалуйста, подождите, — попросил я. — Почему вы можете распознавать некромантов?

— Проклятье противоречит воле богов, поэтому нарушает структуру магии.

— Это как? Проклятье исходит от Безымянного. Может его и ненавидят, но он один из наших богов...

— Да, генерал Копья, — сказала она. — Видите ли, каждая душа — составная часть магии. Я не могу выразить это по-другому. Даже песчинка несёт в себе что-то от основы творения. Всё соединяется в план богов. Пока тот, кто обладает проклятым даром, не использует его, не происходит ничего, что нарушило бы поток миров. Это похоже на то, как если бы вы бросили круглый камень в медленно текущий водоём: он обтекает его без особой ряби. Но если теперь к этому первому камню привязать крепкие оковы с шипами и кровью и другие камни, а потом бросить в воду, то он окажет больше сопротивления и оставит в потоке кровавый след. Я вижу эту рябь и кровавый след. Обладание даром само по себе не является проклятием, он лишь искушает использовать его. И как только используешь, оставляешь кровавый след в потоке миров.

— Хм, — хмыкнул я. — Разве в таком случае вы не подходите на роль охотника на некромантов больше, чем мы? Я не могу их опознать, замечаю только тогда, когда они уже обнаружили меня.

— Да, — очень серьёзно ответила она. — Это также моя работа. Но некроманты знают, что Сова может разоблачить их. Как я уже говорила, я должна подойти к ним близко. Это едва различимый след, который легко пропустить, и если я хочу быть уверенной, я должна прикоснуться к нему, что также представляет опасность и для меня. Им нужно всего лишь держаться от меня подальше, и они могут оставаться незамеченными. Не забывайте, когда я узнаю их, они сразу это замечают. А что если я встречу одного из них среди толпы? Я еще не настолько хороша, чтобы победить проклятого и в то же время защищать от него других. Никогда не знаешь, какими силами они обладают.

Я посмотрел на неё, молодую женщину с рыжими волосами, веснушками и слишком серьёзным выражением лица, с ясными зелёными глазами, которые на этот раз не были скрыты под капюшоном.

— А если бы вы были невидимы?

Она засмеялась.

— Я знаю, что такая магия существует, но пока я ещё не обучена ей, генерал Копья. Когда я смогу её применять, тогда и воспользуюсь, но до тех пор вы будите меня видеть. — Она слегка поклонилась.

— Это правда, — ответил я с улыбкой. — Но а если не знаешь, что видишь? Мы

получили известие о некроманте, который прибудет сюда в свите Фарлендов. Вы, безусловно, правы: если Сова предстанет перед ним в своей мантии, он будет начеку. Но что, если молодая женщина с улыбкой на лице и цветком поприветствует его, чтобы принять в Аскире?

Она долго смотрела на меня.

— Мантия — это мои доспехи, генерал Копья. Вы идёте в бой без доспехов?

— Вам не нужно сражаться, маэстра. Достаточно, если вы найдёте его, улыбнётесь и вручите цветок.

Она медленно кивнула.

— Это трюк сработает только один раз, — заметила она.

— Этого будет достаточно. Королева Врелда — молодая женщина, будет уместно приветствовать её цветами, не находите?

— Она прибудет с кораблём, и её встретят в порту. Так что это возможно... — Она посмотрела мне в глаза. — Я попытаюсь, генерал Копья. Будьте со своим мечом на месте, когда придёт время. Но сейчас у меня есть другие дела. Да благословят вас боги.

— И вас, прима, — сказал я, поклонившись.

32. Слово императора

После обеда — я был так поглощён документами, что не заметил, как догорели свечи — в дверь постучал солдат из Перьев: штаб-полковник Орикес пожелал увидеть меня и Серафину. Мы перешли в одну из соседних комнат, где солдат из Перьев открыл перед нами дверь и жестом пригласил войти.

— Я слышал, вы усердно работаете, — поприветствовал Орикес, указывая на стулья. Мы сели, и он сам налил нам кофе. Я уже выпел его так много, что у меня бурчало в животе, так что ещё одна чашка не имела значения. Я воспринял это как хороший знак.

— Удивительно, чего только нет в ваших папках, штаб-полковник, — заметил я, с благодарностью принимая чашку.

— Я не думал, что они когда-нибудь будут полезны, — ответил он. — Кстати, раз мы уже заговорили о папках: вот ваши документы, штаб-майор, — продолжил он, пододвигая папку Серафине. — Вам нужно лишь подписать.

Серафина внимательно изучила служебный договор, достала волшебное перо и поставила подпись.

Это не ускользнуло от Орикеса.

— Боги! — воскликнул он. — Где вы его нашли?

— Хавальд дал мне. Не смотрите так жадно, штаб-полковник, я его не отдам.

Орикес вздохнул.

— Я бы удивился, будь это так. Где вы его нашли?

— В ящике генерала. — Почему вы нас позвали?

— Чтобы проинформировать о происходящем. Эмира Газалабада и её супруг прошли в полдень через портал, чтобы присутствовать на королевском совете. Меня попросили передать вам, что они ждут вас в посольстве сегодня вечером. Это не официальный приём; они просили, чтобы вы пришли незаметно. Приглашены также ваша королева, сэра Зокора и адепт Борона.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как мы видели Файлид и Армина, и обстоятельства были не самые лучшие. Я был рад услышать, что они хотят нас видеть.

— Эта последняя неделя перед королевским советом, и дел становится всё больше и больше. В ближайшие несколько дней придут коронованные особы. Королева Врелда из Фарлендов ожидается завтра, она путешествует на корабле. В Алдаре всё ещё есть проблемы с Белым Пламенем, которые задерживают отъезд принца. Прима Башни хочет проверить, нельзя ли и ему воспользоваться порталом.

«Тогда, нужно будет предупредить её не использовать портал в оружейной Алдара», — подумал я. Но Орикес уже продолжил.

— Затем вечером ожидается король Рангора. За исключение принца Тамина, остальные тоже уже в пути и придут в ближайшие дни. А послезавтра состоится ещё и казнь, на которой захотят присутствовать все. — Он вздохнул. — Такие казни случаются редко, поскольку императору не нравилось, когда смерть становилась публичным праздником. Однако время от времени такие спектакли всё-таки проводятся. Послезавтра убийца Джоакин будет казнён. Уже только из-за него храмовая площадь заполнится людьми. Было бы не плохо по этому случаю отправить и проклятого Хельгса к его тёмному богу. На тот случай, если королева Лиандра побоится казнить его, возможно, этим могли бы заняться вы

или одолжить свой меч палачу.

Я подумал о холодных глазах Каменного Сердца.

— Она это сделает.

— Что касается лейтенанта Штофиска... Похоже, его план приносит плоды. Город кипит от слухов. Но как всё обернётся, придётся подождать и посмотреть. Я слышал, что сегодня вечером лейтенант собирается нанести смертельный удар. Уже ходят слухи о том, что было обнаружено в подвале этого Хельгса. Лейтенант имеет к этому какое-то отношение?

— Нет, — ответил я. — Мы ничего не говорили ему об этом.

— Он все равно знает. Я начинаю понимать, что Штофиск нёс службу не на своём месте.

— Подобно волшебному перу майора, я его не отдам, — заявил я, глядя на Серафину.

— Могу себе представить, — заметил Орикес, опуская взгляд на свои записи, затем собрал их вместе. — Я уже упоминал, что ожидается король Кеслер из Рангора. Сегодня я получил сообщение, что в Рангоре были замечены вражеские войска. И ходя слухи о чёрных кораблях, курсирующих у Янаса.

Я давно опасался чего-то подобного, но теперь услышать подтверждение, было для меня ударом.

— А что насчёт войск Рангора? — спросил я. — Они смогут дать отпор, или дело дойдёт до осады?

— Ни то, ни другое, — серьёзно ответил Орикес. — Это ещё не подтверждено, но, похоже, что легион императора-некроманта беспрепятственно проходит по территории Рангора и платит крестьянам золотом за пропитание. Сообщений о боевых действиях нет. Если это правда, этот легион движется на запад.

— В сторону Алдана? — спросила Серафина. Орикс кивнул.

— Как он смог пройти через Остмарк незамеченным? — спросил я.

Он посмотрел на меня.

— Хороший вопрос, не так ли? — мрачно сказал он. — Трудно представить, что разведчики маршала могли пропустить десять тысяч солдат.

— И ни король Кеслер, ни этот маршал...

— Маршал Хергримм, — добавил Орикес.

—... не сообщили об этом легионе?

— Именно так. — Он мрачно кивнул. — Это не предвещает ничего хорошего для королевского совета, верно?

— Тогда нам следует ускорить приготовления, — заметил я, и он кивнул.

— Какие приготовления? — спросила Серафина.

— Аскирский договор определяет, как использовать легионы, и ограничивает их до тысячи человек, — объяснил я. — Но если альянс распадётся, то и договор перестанет действовать. И я хочу подготовить нас к этому.

— До королевского совета ничего не изменится, но если произойдёт то, чего мы опасаемся, то мы, по крайней мере, уже составили план действий. Комендант тоже считает, что это необходимо, и я неохотно соглашусь с ним.

— Вот откуда твой интерес к старому снаряжению и старым документам, — заметила Серафина.

Я кивнул.

— Прежде всего, нам нужны тяжёлая и лёгкая кавалерии, лучники, разведчики и минёры. То, как сейчас устроены легионы, они не пригодны для войны, которая нас ждёт. Я хочу быть готовым к худшему.

— И что это могло бы быть? — спросила Серафина. — Как думаешь, что может случиться?

— Мы готовимся к тому, что другие королевства выступят против Аскира и что будет осаждён сам Аскир.

— Мы надеемся, что Алдан не падёт, и что Бессарин и Фарленды также встанут на нашу сторону, но, если Белое Пламя преуспеет, это легко может случиться, — добавил полковник.

— Боги! — воскликнула Серафина. — Вы действительно думаете, что всё так плохо?

— Мы всё ещё можем надеяться, что до этого не дойдёт, — ответил я.

— Да, — согласился штаб-полковник. — Это подводит меня к последнему пункту. Вы хотели посмотреть, где заседает королевский совет. Сейчас я могу вам показать.

Двое Быков открыли перед нами тяжёлую дверь, и мы вошли в зал, где решалась судьба известного нам мира. Я представлял его себе иначе.

— Я думал, он будет больше, — заметил я, медленно оглядываясь по сторонам.

— Так думают многие, особенно если видели палату гильдии в Аскире.

Зал был около двадцати шагов в диаметре. Единственным входом была украшенная золотом дверь с драконом Старой империи, через которую мы вошли. Напротив неё стоял трон, массивное кресло из потемневшего от старости дуба, обтянутое кожей, с широкими подлокотниками и без каких-либо других украшений. По дереву вился золотой дракон, но по сравнению с другими тронами он казался почти скромным.

Как и говорил штаб-полковник, в зале было тринадцать лож, равное количество слева и справа от входа, последняя находилась за тронем. Они тоже оказались не такими просторными, как я думал: в каждой ложе стояло тяжелое кресло и шесть стульев. Зал был высотой в четыре этажа, и напротив нас окна выходили во двор цитадели, освящая помещение. Тонкие колонны отделяли ложи друг от друга. Высокий потолок был художественно расписан актом творения богов.

Невольно я взглянул на призрачную фигуру, стоящую чуть поодаль: на Безымянного, который не выглядел особенно довольным, по крайней мере, на этой картине.

Пол зала был покрыт извилистым узором из белого мрамора и чёрного обсидиана, который я уже видел и в других имперских зданиях.

Над открытыми ложами висели флаги имперского города, семи королевств и Иллиана.

По крайней мере, Лиандра добила этого: пусть у неё пока не было права голоса в совете — получит она его или нет, будет решаться здесь — но, когда она предстанет перед королевским советом, это будет на равных.

Я медленно прошёл вглубь комнаты, мои шаги отдавались эхом в тишине.

— Зал является шедевром имперской архитектуры, — заметил Орикес. — Голос слышен одинаково громко повсюду...

— Я уже бывала здесь раньше, — промолвила Серафина. — Наверное, это было в детстве, но я это помню.

Я медленно пошёл дальше, пока не оказался перед тронем. Кожа была немного потёртой, но не ломкой или старой.

— На эту комнату наложена сильная магия, — шёпотом объяснил Орикес. — Никто толком не знает, какие заклинания соткал здесь император, скорее всего, они

предназначены для защиты совета. Во всяком случае, Сова говорит, что, когда входит в этот зал, её это почти ослепляет.

За троним императора я увидел нечто, что прерывало узор пола. Своего рода вмонтированная золотая печать, диаметром около одного шага. Я подошёл ближе и осмотрел её. Это была, несомненно, эльфийская работа, и на ней было изображено дерево жизни эльфов, с лежавшими под ним двумя драконами. В путанице лоз и листьев, кажется, скрывалось что-то ещё, но мои глаза заслезились, когда я попытался разобраться. Может быть, лица?

Я нагнулся и постучал по печати: слой золота был толстым и массивным, тем не менее мне показалось, что под ним есть пустое пространство.

— Что скрывается по ней? — спросил я у Орикеса, в то время как Серафина тоже разглядывала печать.

— Никто не знает. Император выложил её собственной рукой, когда строился тронный зал. Преобладающее мнение сводится к тому, что её нельзя открыть. Нет никакого заметного механизма. Я знаю только одного человека, который с этим не согласен. Он говорит, что это замок. — Штаб-полковник пожал плечами. — Он вор и видит всё по-своему.

— Как проходит королевский совет? — спросил я.

— Он заседает в течении трёх дней. Правители и их советники входят в зал к третьему колоколу, затем дверь запирается и остаётся запертой в течении шести отрезков свечи.

— Либо у всех правителей стальные мочевые пузыри, либо здесь есть аборты, — заметил я.

Орикес ухмыльнулся.

— За каждой ложей находится небольшая ванная комната и уборная. И правило посещать их в одиночку. Смысл этого зала в том, чтобы не вести тайных переговоров. В первые два дня вносятся и обсуждаются предложения, а в последний день принимаются решения. — Он оглядел зал. — Поэтому сейчас основную работу выполняют дипломаты, ведь когда правители проводят здесь совещания, у них остаётся не так много времени. Решения должны быть единогласными. Они не обязательно должны распространяться на все королевства, решения между двумя королевствами также заключаются здесь, и тогда нужны только эти два голоса. Остальные могут воздержаться, но никто из них не должен проголосовать против.

— Перед всеми раскрыть свои карты, — заметил я. — Ваш император был мечтателем, если думал, что это будет работать.

— Время от времени они приходят к согласию, — сказал Орикес. — Но у совета есть и другая цель. Один член совета может выдвинуть обвинения против другого. Когда это происходит, дверь на третий день остаётся запертой, пока не будет вынесен единогласный вердикт. Однажды случилось так, что на это ушло девять дней. Тот факт, что здесь есть только вода, ускоряет достижение согласия. — Он ухмыльнулся. — Я слышал, что все они тогда спали на полу, и решение было принято только потому, что все были разбиты и очень, очень голодны.

— Член совета выдвигает обвинения, и дверь остаётся запертой, пока не примется решение?

— Именно так.

— Никто не может уйти?

— Не может. Дверь запирается с помощью магии императора. Открыть её не смог бы

даже таран.

— И все должны прийти к согласию?

— Да. Компромисс — это хлеб, который не нравится никому, но питает всех. После этих девяти дней они были очень голодными.

— И ведутся все записи?

— Да. — Он указал на неглубокие железные чаши, которые стояли в каждой ложе. — Но после в этих чашах сжигается всё, кроме того, что было решено единогласно.

— Всё? Неужели никто не пытался схитрить и забрать записи с собой?

— Это причинило бы боль, — ответил с улыбкой Орикес. — Потому что магия зала сжигает их самое позднее тогда, когда покидаешь его.

Я недоверчиво покачал головой.

— Правителям, должно быть, противно, что ими так командуют. Что, если они лгут? Тогда начинают заикаться?

— Нет, — ответил Орикес. — Настолько далеко это всё же не заходит. Однако, когда выдвигается обвинение, верховные священники наших богов часто присутствуют на заключительном заседании.

— Как ему удалось заставить правителей согласиться на всё это? — удивилась Серафина.

— Это прописано в договоре, — ответил Орикс. — Он станет недействительным, если они не будут его соблюдать.

Я медленно повернулся к нему.

— Что вы только что сказали? — недоверчиво спросил я.

— Так бывает с договорами, — ответил он. — Если не соблюдать их, они больше недействительны.

— Но что будет действовать в таком случае? — спросил я.

Серафина посмотрела на трон, и на её лице медленно появилась улыбка, затем она удивлённо перевела взгляд на меня.

— Вот оно, Хавальд! — сказала она. — Вот чего боится Коларон! Если договор станет недействительным, в действие снова вступит слово императора! — Она повернулась к Орикесу. — Разве нет, штаб-полковник?

— Именно. Силу будет иметь слово императора.

33. Цена власти

Мы вернулись в мой рабочий кабинет, чтобы изучить карты.

— Серафина, — спросил я. — Объясни ещё раз, где именно находится Рангор?

— Это одно из Семи королевств, — вздохнула она. — Ты ведь это знаешь, верно?

— Да, да, — ответил я. — Но где именно оно расположено?

Она ухмыльнулась.

— Тогда, наверное, мне придётся освежить твои знания. Старая империя находится на западном побережье континента Сер'эн'ал, Мирной Земле, как когда-то называли его эльфы. Вот. — Она подошла к карте, на которой была изображена большая часть Старой империи.

Я фыркнул.

— Мирной, да?

— Более тысячи лет мира, Хавальд, — серьёзно ответила она. — То, что эльфы называли его так, было иронией, потому что здесь на самом деле происходили их самые крупные битвы. Но при Асканноне царил мир.

Я отмахнулся. Мира у нас уже давно не было.

— Ладно. Продолжай.

Она провела пальцем вверх, пока он не коснулся земли, напоминающей на карте зазубренную голову медведя.

— Если передвигаться с севера на юг, то здесь находятся Ледяные земли. Там живут люди, но это варвары и разрозненные племена, дикари, если угодно. Затем идут Фарлендны, чья территория состоит из большой долины, зажатой между отрогами Божественных гор. — Она провела пальцем по линиям, которые, должно быть, обозначали горы. — Затем ты видишь здесь ущелье Богов, как называют его фарлендцы. У этого горного хребта есть четыре перевала, здесь, здесь, здесь и здесь, где его можно пересечь, и он отделяет Алдан от Фарлендов. В самом северо-западном углу Алдана, у подножия этого могучего горного хребта, лежит Аскир.

Она положила палец на символ дракона и улыбнулась мне.

— Это мы.

— Я уже понял, — прокомментировал я, что заставило доблестного Штофиска за своим столом подавить смех.

— Аскир, как ты уже знаешь, был построен на бывших алданских землях. К югу от Алдана находится Бессарин. Здесь распложен Рангор, словно клин вбитый между Алданом и Бессарином, остриё которого почти достигает западного побережья и является предметом спора между Рангором и Аладаном на протяжении веков. Всего лишь двадцать миль, и у Рангора был бы порт, но Алдан не хочет отдавать им эту землю. Это привело бы к тому, что часть Алдана, граничащая с Бессарином, была бы отрезана.

Я посмотрел на пунктирную линию; казалось, она находится близко к Алдару.

— Сколько здесь миль?

— Оттуда до Алдара не больше шестидесяти.

Близко. Очень близко.

— Хорошо. Продолжай.

— Итак, на западном побережье у нас Фарленды, Аскир, Алдан, Рангор и Бессарин. Часть границы между Рангором и Бессарином проходит по реке и горному хребту. Река

называется Ра'за, река Солнца, а горный хребет — Кал'тезе, ущелье Смерти.

— Назвать горный хребет в честь ущелья — это похоже на эльфов, — заметил я. — Это четыре королевства и Аскир...

— Я сама могу считать, — сказала она. — Не будь всегда таким нетерпеливым! Восточные королевства находятся на востоке, как ты можешь себе представить. Начиная с севера — это Сертина, Остмарк и Ибсисс. При этом Остамарк имеет форму росинки или гриба с узким верхом. Видишь, как он распложен между другими королевствами и землями варваров? Остмарк всегда был буфером империи.

Я кивнул. Казалось, что он граничит почти со всеми остальными.

Я провёл пальцем по границам этого длинного узкого клина, являющимся Рангором.

— И где-то здесь ошивается легион врагов, — тихо заметил я.

— Если отчеты верны.

Почему-то я в этом почти не сомневался.

В этот момент раздался стук в дверь. Появился солдат из Перьев и отдал под козырёк. Лиандра, Зокора и Варош попросили, чтобы мы пришли.

Мы встретились в апартаментах Зокоры. Она сидела на кровати и читала маленькую, чёрную книжку, пока Варош массировал ей плечи. Я впервые за некоторое время навестил её здесь, и количество книг, фолиантов и свитков, разложенных широким кругом вокруг кровати, было значительным.

Лиандра тоже была там, снова в своей старой одежде, в доспехах с грифоном. Она стояла прямо, и я почувствовал в ней новую решимость, которая мне понравилась.

— Файлид и Армин прибыли в Аскир и пригласили нас на ужин.

— Орикес только что сообщил нам.

— Хорошо, тогда идёмте.

Посольство Халифата находилось рядом с другими посольствами в Верхнем городе и занимало обширную территорию. Снова были высокие стены, скрывающие кусочек пустынного государства, дворец с золотыми крышами, открытыми коридорами и обширными садами — совсем не подходящими для прохладной весны Аскира.

Одинокий охранник открыл нам ворота и пригласил войти. Казалось, ему было холодно в его тонких брюках.

Как они и просили, мы пришли незаметно, пешком и одетые в неприметную одежду.

В холле посольства нас с улыбкой встретил Армин. И все же он показался мне необычайно серьезным.

Большая территория была словно вымершей, здесь присутствовало всего несколько солдат лейб-гвардии, и они работали, перенося предметы мебели. В одном месте на богато украшенном полу была лужа крови, которую как раз вытирал солдат. Армин обошёл её, и мы последовали за ним.

Личные комнаты, в которые он нас приводил, были закрыты тяжёлыми занавесками. Там горело сразу три чаши с углями для обогрева, и когда мы вошли, Файлид поднялась, отослала стражников и тепло поприветствовала нас. Но даже по ней было видно, что она несчастна.

— Я рада всех вас видеть, — произнесла она голосом, который всегда меня очаровывал. Она говорила тихо, но всё же он наполнял всю комнату.

— Верно, эссэри, — сказал Армин, заняв место рядом с ней на подушке по другую сторону низкого столика. На нашей стороне были ещё подушки, стол был заставлен

мисками, блюдами и тарелками, содержащими рис и мясо с соусами, фрукты и другую еду — пиршество, которое возбуждало аппетит. Однако настроение было явно подавленным, и я с трудом узнавал правящую пару.

Лиандра, очевидно тоже это заметила и спросила:

— Что случилось?

— Эссера Фала умерла от чумы в Янасе, — сообщила нам Файлид.

— О, — промолвила Лиандра с искренним беспокойством. — Мне жаль это слышать, я буду молиться за нее.

— Она была поразительной сэрой, — добавил я. — Её будет не хватать миру.

— Я сочувствую тебе, сестра, — тихо произнесла Серафина, протягивая руку через стол, чтобы слегка коснуться руки эмиры. — Мне очень, очень жаль. Хелис помнит её, она была величайшей из львиц.

— Спасибо, — храбро ответила Файлид. — Для меня очень много значат твои слова.

— Назови дочь в ее честь, и она будет напоминать тебе о ней, — заметила Зокора, наполняя свою тарелку.

Файлид почти возмущённо уставилась на неё, но это не тронуло Зокору.

— Она прожила долгую, насыщенную жизнь, и Сольтар радушно примет ее, — сказал Армин. — Но это не единственная наша забота.

— Что случилось? — теперь спросил и я. Я обвёл жестом роскошную комнату. — Вы здесь, что говорит о том, что вы стали калифой. Но я ещё не слышал ничего официального по этому поводу.

— Это уже решено, — отозвалась она хриплым голосом. — Никто больше не посмеет пойти против меня. Именно в этом и заключается проблема. Ходят слухи, что вы, Хавальд бей, как ангел Сольтара, наказали от моего имени Янас, потому что он восстал против меня. Чума всё ещё свирепствует там, а священники почти бессильны против неё. После разрушений, вызванных землетрясением и наводнением, чума кажется неконтролируемой. В настоящее время погибло более ста тысяч человек, и многим предстоит ещё умереть. То, что когда-то было гордым городом Башни, теперь стало городом мертвецов. Мы последовали совету священников и оцепили город. Наши лучники стреляют в любого, кто пытается уйти. Те из солдат, кто заболели, снимают доспехи, складывают оружие и заходят в город, чтобы помочь, пока еще живы. Да, я стану калифой, но мне уже присвоили новый титул: Правительница Чумы. — Она посмотрела на свою миску и отставила ее в сторону. — Мы пришли, как я и обещала. Я буду выступать в вашу пользу на королевском совете, но цена... цена слишком высока.

Когда она снова подняла глаза и откинула вуаль, я увидел настоящие слезы рядом с новой, вытатуированной слезой под ее глазом.

— Я пообещала себе, что стану хорошим правителем, положу конец войне и раздорам в Бессарине, и я думала, что меня будут любить. Вот как всё было, верно? — сказала она, глядя на Армина.

— Да, — тихо подтвердил он. — Они любили гордую львицу, и полюбят снова.

— Я больше в это не верю, — возразила Файлид тонким голосом. — Без мудрого совета моей бабушки я чувствую себя потерянной. — Она посмотрела на меня своими темными глазами. — Скажите, это вы разрушили Янас? Вы сделали это, чтобы послужить мне?

— Нет, — ответил я. — Никто не в силах совершить такое. Извержение вулкана произошло уже после того, как мы покинули остров. Только боги повелевают подобными

вещами.

— Вы уверены? — спросила она. — Может у вас получилось это нечаянно?

— Мы ничего не сделали, что могло бы привести к таким последствиям, — отозвалась Лиандра. — Там была мощная магия, которая сдерживала вулкан на протяжении веков или гораздо дольше. Ваше Высочество, клянусь, когда мы уходили, эта магия оставалась неизменной и такой же сильной, как и раньше. Я не могу описать вам, насколько могучей была эта сила, по сравнению с которой мои собственные скромные силы — не более чем песчинка в пустыне. Это были не мы, Ваше Высочество, если хотите, я могу поклясться на Каменном Сердце.

— Да, поклянитесь! — потребовал Файлид, и глаза Лиандры расширились.

Она встала, обнажила Каменное Сердце и угрожающе вытянула клинок перед собой.

— Клянусь Каменным Сердцем, Бороном, Сольтаром и Астартой, что ничто из того, что мы сделали, не вызвало этого извержения!

Лезвие Каменного Сердца слегка засветилось, но больше ничего не произошло, кроме того, что Лиандра вложила меч обратно в ножны и тяжело опустила его на землю рядом с собой.

— Ты довольна, Файлид? — холодно спросила Серафина. — Ты действительно думала, что мы зайдем так далеко?

— Простите, — поспешно произнёс Армин. — Мы хотели убедиться.

— Нет, — сказала Файлид, положив руку на его руку. — Не извиняйся, муж. На моем месте она потребовала бы такой же клятвы. Она сама предложила её. Каждый из них понимает, почему я должна была убедиться. — Она обвела нас взглядом. — Ни одна коронованная особа не обладает дружбой в избытке. С друзьями, однако, можно поговорить открыто, посмотреть в глаза и задать вопросы, и они будут с тобой честны. А ещё друзья не обижаются, когда в тебе говорит боль. Друзья из-за такого не сорятся. Мы ведь друзья?

— Среди моего народа говорят, что друзья — это те, кто легче всего может приставить тебе кинжал к горлу, — холодно заметила Зокора. — Думаю, мы все чувствуем холод стали. Всё зависит от того, насколько глубокой ты хочешь нанести порез, Файлид.

— Совсем не хочу, — ответила Файлид. — В ваших словах есть суровая мудрость, эссера. Но я не хочу орудовать кинжалом, когда приглашаю своих друзей на обед. — Она оглядела роскошно обставленную комнату. — Когда мы прибыли, слуги и посол покинули посольство. Один из охранников попросил прощения за то, что не может верно служить мне, и бросился на меч прямо у меня на глазах. У него была в Янасе семья. У меня остались только те, кто боится меня и вас. Никто другой не прикоснется к еде, что я ем.

Мне стало не по себе. В последнее время я слишком часто видел слёзы, и видеть Файлид, которую называли Надеждой Газалабада, такой разбитой, причиняло боль. Теперь она больше не была правительницей величайшего из Семи королевств, а всего лишь грустным и испуганным ребёнком. Ей только совсем недавно исполнилось шестнадцать лет.

— Недавно я услышал одну историю, — тихо произнёс я. — В ней речь шла о том, что Лиандра убила военачальника Целана на том острове, а священники императора-некрманта пытались использовать силу вулкана, чтобы оживить его и чтобы он возглавил войска проклятого против Семи королевств. Это недопустимо. Только один властвует над жизнью и смертью, и Сольтар наказал это безобразие огнем, наводнением и землетрясением.

Файлид подняла голову и посмотрел на меня со слезами на щеках.

— Это правда? — выдохнула она.

Я пожал плечами.

— А кому есть до этого дела? Мы оставили военачальника мёртвым. На острове были священники некроманта, и кто знает, на какие бесчинства они были готовы пойти? Кажется, нет ничего, на что они не решились бы пойти. Для бога это была бы причина наказать их. Такое святотатство было бы заслуженным. Я знаю только одно: источник большинства зол исходит от императора-некроманта, и на этот раз он, возможно, переоценил свою силу.

Файлид посмотрела на Вароша.

— А что скажите вы, адепт Борона?

Варош опустил свою ложку.

— Я не нахожу никакой лжи в его словах.

Эмира шмыгнула носом, села прямо и вытерла слёзы, размазав тушь.

— Я объявлю священную войну, — решительно сообщила она нам, выпятив подбородок. — Это порождение самой глубочайшей преисподней будет лежать в пыли у моих ног и скулить!

— Это будет на так просто. Королевский совет объявит о конце альянса, потому что уже сейчас Остмарк и Рангор нарушили договор.

— Боги! — выругалась Файлид. — Эти трусливые псы, рождённые лживой змеёй и глупым ослом! Насколько они слепы? Они ведь должны знать, что мы не устоим, если разделимся! — Она в недоумении покачала головой. — Если альянс распадётся, что будет тогда?

— В этом случае силу будет иметь слово императора, — тихо ответил я.

— Но императора больше нет, — заметил Армин.

— Тогда нам просто нужен новый.

Когда мы уходили, было уже поздно, наши головы были полны мрачных мыслей. Как ни крути, ни одно из королевств не могло противостоять Коларону в одиночку. Был необходим новый союз, это было очевидно. Союз, который будет сохранять единство, и войска которого будут находиться под единым командованием.

Когда мы расстались у моей двери, настроение было подавленным. Мы попрощались друг с другом, и я остался один. О сне теперь не могло быть и речи.

Я подошёл к окну и посмотрел вверх, на полотно Сольгара. Я искал и нашёл путевую звезду, которую он дал людям, чтобы она указывала им путь даже в ночи.

Затем я взял папирус и перо и начал писать длинные письма, которые запечатывал несколькими печатями, последней из которых было кольцо Розы. Через несколько мгновений после того, как я подёргал за колокольчик, передо мной появился сержант из Перьев и принял письма.

Его глаза расширились, когда он увидел, кому я адресовал верхнее письмо; на нём была дополнительная печать.

Но он ничего не сказал, просто стоял по стойке смирно и обещал немедленно переслать письма.

Было уже далеко за первый колокол, спать осталось не так долго. Я мог бы и вовсе не ложиться, потому что мне снова приснился кошмар. Мы в длинном строю маршировали на мельничном колесе: я, Серафина, Лиандра и все остальные.

И мы шли к другому колесу, которое молотило нас, как зерно. Я проснулся в холодном поту и, тяжело дыша, сел в своей кровати.

34. Семейные узы

В течение всего утра я продолжил читать документы, всё больше рисующие общую картину, которая вызывала у меня глубокое отвращение. Вскоре после полудня дверь распахнулась; мы все были настолько поглощены работой, что вздрогнули.

— Привет, Хавальд! — проревел Рагнар, как будто от двери до моего стола было не восемь, а сто шагов. — Они заметили корабль, моя младшая сестра скоро будет здесь. Давай пойдём на неё посмотрим!

— Сейчас, — ответил я, положил папки в коробку и захлопнул крышку. Когда я потянулся за Искоренителем Душ, я увидел, что Шнтофиск умоляюще смотрит на меня.

— Лейтенант, — грубо произнёс я. — Если думаете, что можете валять здесь дурака, то ошибаетесь. Вы пойдёте со мной!

Его широкая ухмылка озарила почти всю комнату. Серафина посмотрела сначала на меня, потом на него и тихонько засмеялась, а затем ловко увернулась от длинной руки Рагнара, когда он попытался притянуть её к себе.

— Я на службе, — сказала она.

— Думаете после шестого колокола шансы на мой успех увеличатся? — спросил Рагнар, вздёргивая брови.

— Нет, — ответила она, — Тогда у меня будет другая отговорка!

Когда корабль королевы проходил через ворота гавани, её ожидали три группы. Во-первых, там стояли фарлендцы, одетые в свои лучшие одежды и с начищенным оружием: беспокойная компания, где по кругу передавались наполненные алкоголем рога и раздавалось много смеха. Затем благородно одетые эмиссары торгового совета, говорящие о ценах на зерно и возможных прибылях. Молодая женщина с черными волосами, одетая в традиционный костюм, застенчиво стояла рядом с ними, держа в руках корзину с розами. Когда я смотрел на неё, она храбро улыбалась, и выглядела так, будто была готова провалиться сквозь землю.

А ещё были мы: Серафина, Рагнар, Штофиск и я. Я ожидал увидеть Орикеса, возможно даже коменданта, но лейтенант просветил меня.

— Городом управляет торговый совет, вместе с советом сословий.

— Почему он называется торговым советом, когда на самом деле это городской совет?

— Официально Аскиром всё ещё правит император, — пояснил молодой человек. — Первоначально совет сословий отправлял посланников к императору для урегулирования интересов города, но за столетия всё сложилось так. Комендант командует войсками, инквизиторы следят за соблюдением законов, а совет заботится от том, чтобы город богател... и он вместе с ним.

— И им это удаётся? — спросил я.

— Становиться богатыми? О да.

— А город?

— Позволь мне объяснить тебе, Хавальд, — вмешался Рагнар. — Людям нужно золото в кошельке, чтобы они могли покупать вещи. Хитрость заключается в том, чтобы заплатить им зарплату, а затем что-нибудь продать, снова отняв эту зарплату. Так некоторые работают без зарплаты, даже не осознавая этого.

— Сказано немного грубо, принц Рагнар, но это правда, — заметил Штофиск.

— Это одна из причин моей неприязни к Аскиру, — мрачно произнёс Рагнар. — Неважно, живёт человек или умирает, главное — это заработать на нём деньги.

Нос и корму корабля королевы украшали головы дракона, и он был настолько велик, что имел две мачты. Королевский корабль сопровождали четыре других судна, они были похожи на уже знакомые мне драконьи лодки. Все пять кораблей были полны людей: воины Фарлендов с топорами, щитами, мечами и копьями, женщины в праздничных одеждах и дети. И — я оторопел — на них также находилось с добрую дюжину коз.

В задней части королевского корабля, в окружении шести воинов свирепого вида, стояла молодая стройная сэра в платье простого покроя королевского красного цвета, с железным обручем на голове и мечом, который она носила на спине, как Лиандра.

Рядом с ней стоял мужчина — чёрный медведь с растрёпанными волосами, в дорогих одеждах и с мечом, который он носил на левом боку; его правая рука заканчивалась крюком. Он стоял немного позади неё, и по сведённым на переносице бровям было видно, что ему это не нравится.

Это было настоящее нашествие фарлендцев, и большинство вели себя так, словно направлялись на хорошую вечеринку. И насколько я их знал, это было не так уж и далеко от правды.

— Она похожа на свою мать, — тихо промолвил Рагнар. — Альфреда была единственным добрым человеком в доме моего отца. Хотя он бил её почти каждую ночь, она часто улыбалась мне, а иногда приносила книги. Однажды он выпорол её за то, что она вступилась за меня, когда я снова не угодил ему.

— Она еще жива? — тихо спросил я.

— Нет. Я спрашивал. Много лет назад Хралдир четвертовал её. Она возразила, когда он предложил Эрлафу первую кровь Врелды в качестве подарка, — холодно ответил Рагнар.

Также я знал, что случилось с родной матерью Рагнара. Она прибыла ко двору его отца в качестве подарка, на некоторое время привлекла внимание короля, но когда забеременела Рагнаром, то очень быстро потеряла его расположение. После родов она была передана фавориту его отца, после чего её след затерялся.

Как бы ни было полезно для империи увидеть Рагнара на железном троне, я понимал, почему он этого не хочет.

Легко было догадаться, где должны были причалить корабли: часть набережной была освобождена, и там стояло отделение Морских Змей в начищенных доспехах, чтобы принять верёвку для швартовки.

Я посмотрел на девушку с цветами. Она бросила на меня короткий взгляд и расправила плечи.

Выглядело так, будто дикая орда прибыла завоевать Аскир, но как только все сошли на сушу, воцарился порядок. Легче всего было узнать высокопоставленных лиц по количеству золотых цепей и колец, которые они носили, или по тому, как они окружили Врелду.

Девушка с цветами вышла вперёд и, делая глубокий реверанс, вручала каждому по цветку. Королева улыбнулась, поблагодарила и поднесла розу к носу, чтобы понюхать.

Некоторые из храбрых воинов выглядели не менее тронутыми, другие отпускали двусмысленные замечания, третьи не знали, что им следует чувствовать по этому поводу. Затем корзина опустела, и молодая женщина поспешила отойти в сторону.

Наконец вперёд вышел толстенький человек в дорогих одеждах, поприветствовал посланцев из Фарленда, превознёс красоту Врелды и засвидетельствовал ей своё почтение.

Два мальчика принесли шкатулку из чеканного золота, она открыла её, заглянула внутрь и кивнула в знак благодарности. «Роза ей понравилась больше», — подумал я.

Ярл Эрлаф — это мог быть только он — предложил ей свою руку, и они пошли вперед, затем взгляд королевы упал на Рагнара. На мгновение она замешкалась. Теперь его узнал и ярл, и выражение его лица потемнело еще больше.

Он попытался схватить Вреду, только что вырвавшуюся из его хватки, но было уже поздно: она уже мчалась к нам и кинулась на грудь Рагнара.

— Я сразу узнала тебя, Рагнар. — Она сияла от счастья. — Моя мама много рассказывала о тебе, я знаю, что ты мне поможешь!

— Вреда, — пророкотал ярл, подходя ближе и окидывая всех нас холодным взглядом. — Ваше поведение недостойно королевы!

— Пусть она поприветствует своего брата, — посоветовал пожилой мужчина с широкими плечами и седой бородой. — Королева имеет право! — Он рассмеялся и испытующе посмотрел на нас. — Тем не менее, Ваше Величество, Эрлаф прав. Нас ждут. Пригласите своего брата на вечер в посольство. Пусть он придет, чтобы вы могли поговорить с ним.

— Ты придёшь, Рагнар? — спросила Вреда, в то время как Эрлаф бросил на Рагнара полный ненависти взгляд.

— С радостью, — хрипло ответил Рагнар. — Ты здорово выросла, — тихо сказал он. — И копия своей матери, какой я её знал. Она была хорошей, умной женщиной, и ты похожа на неё.

— Спасибо, — ответила она. — Она тоже хорошо о тебе отзывалась. Ярл Тивстирк прав, нам не стоит задерживаться здесь, в порту, — промолвила она, окинув Серафину, Штофиска и меня любопытным взглядом.

Штофиск сделал шаг вперёд, чтобы поклониться.

— Мы..., — начал он, но Эрлаф проигнорировал его и грубо схватил Вреду за руку.

— Идёмте, — пророкотал он. — Вы всех задерживаете.

Она тихо вскрикнула от боли и почти с извинением посмотрела на Рагнара. Затем ярл чуть не свалил её с ног. Даже среди делегации торгового совета это вызвало удивлённые взгляды, но фарлендцы сделали вид, будто ничего не случилось, хотя некоторые смущённо отвели глаза.

— Это даже для варвара с севера более чем неприлично, — заметил Штофиск. А затем, посмотрев на Рагнара, опешил. — О, простите... я...

— Не утруждайтесь, — хрипло ответил Рагнар. — Вы правы.

Мы остались стоять, наблюдая, как эта свора приветствует своих соотечественников с криками и смехом, а затем наводняет город, как куча дикарей. Посланники торгового совета также выглядели разочарованными, видимо, у них были другие планы. Они коротко посоветовались, и после того, как поднесли паланкины, они тоже ушли. Осталась только цветочница, подняла одну из роз, лежавших на земле, и подошла, чтобы вручить её Серафине, которая вежливо поблагодарила её.

— Я почти не узнала вас, прима, — приветствовала ее Серафина.

Улыбка Дезины выглядела принужденной.

— В этом и была задумка. План удался, но хотелось бы, чтобы это было не так. Я думала, что в этом мире Асела была сродни Безымянному. Злоба в ней была подобна тёмному потоку, но этот человек... Он словно бездна, бесконечно глубокая яма, которая

засасывает всё, что излучает свет, и уносит во тьму. Мне почти кажется, что одного прикосновения было достаточно, чтобы он засосал и меня. Хуже того, он заметил меня. Он не боится, потому что его улыбка бросила мне вызов.

— Кто это? — спросил я.

— Пожилой мужчина с седыми волосами. Кажется, он советник королевы.

— Ярл Тивстирк, — пророкотал Рагнар. — Он знает толк в соперничестве власти имущих. Золотой язык и холодный клинок. — Он посмотрел на меня. — Хавальд, я думал, что она оставит меня равнодушным, но кровь узнает родную кровь, и я узнал в ней ее мать. Я обязан королеве Альфреде и должен позаботиться о том, чтобы Вредда не закончила так же, как она.

— Что ты будешь делать? — спросил я.

— Я убью Эрлафа и Тивстирка сегодня вечером, и всех тех, кто после этого не преклонит колени перед Вреддой.

— У тебя ничего не получится, — сказал я. — Нас предупреждали о силе наездника душ.

— Предупреждение, которое я повторю, — тихо произнесла Дезина. — Вы не чувствовали того, что чувствовала я. Он не сдастся без боя. Как вы собираетесь защитить тех, кого любите?

— Мы встретим его снова сегодня вечером, — сказал Рагнар. — Я его не боюсь. Рагнарскраг был выкован богом, даже проклятый не выдержит его удара.

— А что ты будешь делать, если один его взгляд заставит тебя убить Вредду? Или меня?

— Этого не случится, — громко поклялся он, но сразу же засомневался. — Это невозможно, верно?

— Со мной такое едва не приключилось, — отозвался я. — Один взгляд, и я чуть не предал всё, что любил.

— Но разве вчера вы не схватили одного из них без всяких усилий? — спросил он. — Я слышал, как об этом говорят.

— Есть проклятые, у которых за спиной века, и они наделены коварством, которое практиковали всё это время. И есть такие, кого император-некромант сделал проклятыми с помощью ритуала. Этот, Рагнар, один из древних.

— Что нам делать? — спросила Серафина. — Признаюсь, я не особо горю желанием помериться с ним силами.

— Я спрошу кое-кого, кто знает в этом толк, — ответил я.

— Зокору? — осведомилась Серафина, но я покачал головой.

— Я не её имел в виду. Рагнар, не хочешь пройти со мной часть пути?

— Почему бы и нет? — согласился он, обводя взглядом гавань, пока не остановился на кораблях своей родины. — Здесь нет ничего, что могло бы удержать меня.

Я обратился к Серафине, Сове и лейтенанту.

— Увидимся позже.

— Да благословят вас боги, — промолвила Дезина, пытливо глядя на меня. — Но не предпринимайте ничего самостоятельно, — предостерегла она.

— Не буду, — пообещал я, повернувшись к Серафине. — Мне всё ещё нужны те предложения по оснащению легиона, которые мы обсуждали. Я вернусь в цитадель позже.

— Тогда нам еще многое предстоит сделать, — заметила она, кивнула и ушла со Штофиском, тоща его на буксире.

— Ты пытаешься удержать меня от глупого поступка? — спросил Рагнар, когда мы вместе шли через гавань. Он тихонько засмеялся, когда торговец, почти испугавшись, отпрыгнул в сторону и посмотрел на него округлившимися глазами. — Но подумай, это будет глупостью только в том случае, если я потерплю неудачу.

Мы шли по улице, и моим пунктом назначения был сад, который показала мне Серафина.

— Может быть. Рагнар, давай поговорим об Ангусе.

— Об Ангусе? — озадаченно спросил он. — Да, Ангус. Он отправился на охоту и вернулся целым и невредимым. Он бегал с волками, и всё же он не счастлив.

— Ангус предан тебе, не так ли?

Рагнар кивнул.

— До смерти. Он хороший друг.

— Годится ли он для железного трона?

— Ангус? — Он растерянно посмотрел на меня. — Как бы это сказать? Хавальд, когда сидишь на троне, ты с ним срастаешься, на радость или горе. Или умираешь на нём. Ангус — хороший человек, но он привык выполнять приказы, а не отдавать их.

— А Врелда?

Он вздохнул.

— Сколько мы ее видели? Десять мгновений? Она напоминает мне свою мать, которая была мудрой и храброй без всякой причины. Она не должна была противоречить Хральдиру. Должно быть она стойкая и сильная, ведь этот зверь Эрлаф уже некоторое время спит с ней, пытаюсь заделать ей ребёнка, но она еще не сломлена. Она носит меч моего отца. Интересно, как так получилось? Во всяком случае, ярлу это не нравится.

— Ее меч тоже выкован богом?

Он засмеялся.

— Хральдир хотел бы, чтобы так и было. Но нет, это просто очень хороший клинок из небесного железа, имеющий долгую историю. Это символ, не более того. Возможно, Врелда может с ним обращаться, но он слишком тяжелый, и в поединке она бы быстро устала. Но, с другой стороны, бой обычно не длится так долго, — решил он.

Мы пошли дальше, я оставил его на некоторое время наедине с мыслями и погрузился в свои.

— Так ты хочешь видеть Ангуса рядом с Врелдой? — внезапно спросил он.

— Империи нужен союзник, на которого она может положиться. Ты сам сказал, что Эрлаф ненадёжен.

— Что правда, то правда. Значит Врелда должна будет жениться на Ангусе. А Ангусу придётся отпустить ту женщину, о которой он постоянно твердит.

— Эльгату? — Я совсем про неё забыл. Возможно потому, что не мог серьёзно относиться к его признаниям в любви.

— Да, так её зовут. Она капитан Копья имперского флота. Кажется, он серьёзно настроен по отношению к ней, все его разговоры почти только о ней, — заметил Рагнар.

Я подавил вздох.

— Ради королевского титула забывали и не такое.

— И то верно. Но Ангус так не думает.

— Он был бы лучше для Врелды, чем ярл, это точно.

— Хавальд, — спокойно сказал он. — Вспомни, что это моя сестра, которую мы

продаем здесь, как корову. Она заслуживает как моего, так и твоего уважения.

— У тебя есть возражения против Ангуса? Думаешь, он не будет хорошим мужем для твоей сестры?

— Будет, — вздохнул он. — Это также было бы достойной наградой за его верность. Он хороший человек и будет уважать её. Он любит и ценит женственность. Возможно, со временем он также сможет полюбить её и забыть эту Эльгату. Он женится на ней, если я попрошу. Но захочет ли его Врелда... Это было бы легко устроить. Врелда должна будет вызвать на дуэль Эрлафа, тот не сможет отступить, потому что тогда пострадает его репутация. Затем Врелда должна будет выбрать Ангуса в качестве своего воина и пообещать ему свою руку, если ему удастся отстоять её волю с помощью меча. Но Эрлаф не только хитёр, он ещё и хороший боец, даже с одной рукой. Он готовил всё это долгое время, и будет много тех, кто поддержит его. Как и твоя королева.

— Не думаю, что она всё ещё так думает, — заметил я. — Если бы она увидела, как он обращается с твоей сестрой, она метнула бы в него молнией.

Он громко рассмеялся.

— Хоть мне иногда и кажется, что она слеплена изо льда, всё же она настоящая королева. Когда увидишь её, передай, что ей не подобает просить, пусть лучше ухаживают за ней. А если кто-то не окажет ей должного уважения, пусть она спокойно накажет его молнией.

Мы дошли до небольшого сада. Я подергал за ворота, но они были по-прежнему крепко заперты. Через решетку я мог видеть сад и первые ростки, пробивающиеся из верхнего слоя почвы. Я подумал о некоей сэре в цепях, находящейся в заточении в далекой стране. Ей бы наверняка понравился этот сад.

— Что ты знаешь о драконах?

— Я? — Рагнар рассмеялся. — Однажды я видел ледяного червя, а в Колдене четыре года назад над головой пролетел настоящий дракон. Так что они все еще существуют, это все, что я могу сказать по этому поводу.

Я посмотрел сквозь решетку ворот на павильон. Он казался пустым, но я знал, что это может быть обманчивым.

— Рагнар, насколько хорошо ты владеешь своим топором?

— Это Рагнарскраг, и ты ещё спрашиваешь? Он может расколоть миры, если потребуется. Или проклятых.

Я скорее имел в виду цепь.

Я посмотрел ему в глаза.

— Будь осторожен сегодня вечером, когда встретишь ее, но спроси, не хочет ли она взять в мужья Ангуса вместо этого Эрлафа. Если она согласится, мы что-нибудь придумаем. А Ангус... его тоже спроси. Расскажи ему о своей сестре и о том, как ярл обращается с ней.

— Ты знаешь Ангуса, его это рассердит.

— Спроси его, не хочет ли он быть королем рядом с Врелдой, а ее — не хочет ли она видеть королем человека, который был верен ее брату до смерти.

— Я спрошу, — спокойно сказал Рагнар. — В какую игру ты играешь?

— Альянс распадётся, и нужно создать новый, иначе мы не сможем противостоять Коларону. Мне нужны воины твоей страны в Колдене. Среди снега и льда нет никого, кто смог бы с ними справиться.

— Мы дружим уже пятнадцать лет, старик, — задумчиво промолвил Рагнар. — Ты спас

мою жизнь и подарил новую. Ты также вручил мне ключ от моего счастья.

— За которое я тебе завидую, друг.

— Да, я знаю, — просто сказал он. — Я сделаю так, как ты просишь. Потому что доверяю тебе. Но позаботься о том, чтобы ни у Вреды, ни у Ангуса, ни у меня не было повода раскисать.

— Я могу только попытаться, но не обещать.

— Большого я не могу от тебя требовать.

— Ты найдёшь дорогу назад? — спросил я, и он рассмеялся.

— Я найду свою дорогу где угодно. — Он посмотрел на сад. — Ты хочешь ещё остаться?

— Я надеюсь встретить здесь кое-кого.

— Хорошо, — согласился он. — Как только вернусь, я доложу тебе. Да придут с тобой боги, старый друг.

— И с тобой.

35. Бальтазар

Я перелез через тяжелые решетчатые ворота и пошел по тропинке. Сад успокоил меня и на этот раз, но в то же время и опечалил.

Когда я подошёл к павильону, я увидел, что Асела сидит там. На столе перед ней лежала игровая доска, стояло вино для неё и кружка пива для меня. Возможно, это были всего лишь обман и магия, но я был рад прохладному напитку.

— Вы усердно трудились, генерал Копья, — заметила она, протягивая мне две шахматные фигуры; я выбрал чёрную. — Почему чёрную?

— Я привык защищаться. Нападать — это не моё.

Она испытующе посмотрела на меня, затем сделала свой первый ход.

— Вы затеяли нечто, в чём будет трудно преуспеть, — сказала она, когда я передвинул свою первую пешку. Я знал, что она имеет в виду не игру.

— Мне нужна ваша помощь, Сова, — тихо промолвил я, глядя на её расположение фигур. Мне редко доводилось видеть, чтобы сэра так атаковала и действовала так продуманно. Она прижала мой фланг с поразившим меня мастерством, и, казалось, планировала на удивление далеко вперед. Один раз я даже чуть не попался на её удочку.

— В каком деле? — спросил она, ходя следующей фигурой.

— Во всех.

— Вам недостаточно того, что вы вплели в свою паутину друзей? — спросила она.

— Может я и вас хочу завоевать как друга.

— Чтобы вы могли вовлечь в свои планы и меня? Нет, спасибо. Кроме того, вы не представляете, что я сделала с теми, кого называла друзьями. Или с теми, кого любила.

— Вы были не в себе. Не хотите склонить чашу весов? Противопоставить всему плохому, что сделали, хорошее?

— Хорошее? — спросила она, захватывая пешку. — Что хорошего в войне? Вы знаете, что я следила за вами? Вы ещё более неугомонный, чем я.

— А что насчёт мести, которую вы жаждете?

Она забрала моего слона, угрожая ладьи и открывая фланг для коня.

— Мечь — это безумие. Так и должно быть, поскольку безумие необходимо, чтобы попытаться сделать невозможное. Только одержимость позволит иметь успех. Но она никого не возвратит назад и имеет вкус пепла. — Она подняла глаза от доски. — Боюсь, моё безумие отступило, генерал Копья. Сольтар явил мне милость, величие которой я только начинаю понимать. Зато теперь одержимы вы.

За это время я потерял и левую ладью, фланг был теперь открыт, ферзь под угрозой.

— Действительно ли это одержимость, когда знаешь, что требуется для победы?

— Вы думаете, что сможете победить? Это не одержимость, это сумасшествие!

— И всё же я знаю, как мы сможем победить, — сообщил я. — Это похоже на игру, всё зависит от того, какие фигуры выстоят на поле и как вы их используете. Большинство людей проигрывают, потому что считают, что одна фигура имеет большую ценность, чем другая, но если вы хотите победить, это не действительно. В игре побеждает не тот, у кого осталось больше фигур, а тот, кто свергнет короля противника.

Она посмотрела на доску, с которой уже исчезло много чёрных фигур.

— И вы действительно думаете, что сможете победить?

— Да.

— Вы говорите, что плохо разбираетесь в стратегии. Как насчёт этой игры?

— Это всего лишь игра.

— Сейчас я кое-что скажу вам, генерал Копья. Если вы выиграете эту битву, я выслушаю ваши пожелания.

— Нет. — Я посмотрел ей в глаза. — Возьмите одну из моих оставшихся фигур с поля. И если я после этого выиграю, то потребую от вас услугу. Или возьмите две мои фигуры... и если после этого проиграете, то возобновите свою клятву перед Совами и присоединитесь снова к императору.

— Я бы с удовольствием. Но император мёртв. Я видела его смерть.

— Он не умер, и вы видели не его смерть, а лишь его исчезновение.

Она посмотрела на меня, потом на доску, и забрала мою последнюю ладью и второго слона.

— Я оставлю вам ферзя, потому что вы все равно его потеряете.

Она забрала его на третьем ходу.

Я откинулся на спинку стула.

— Дезина нуждается в вашей помощи больше, чем кто-либо ещё. Теперь, когда вы возобновите свою клятву, скажите, почему вы её боитесь.

— Вы не хотите сделать ход? — спросила она.

— В этом нет необходимости.

Она молча посмотрела на поле, очень долго изучая его, затем её глаза расширились.

— Где вы научились так играть? — тихо спросила она, всё ещё не отрывая взгляд от доски.

— От священника в храме Сольтара в Келаре.

— У вас был хороший учитель.

— Знаете, маэстра, в этом священнике было что-то странное, — промолвил я. — Хотя он уже давно должен прибывать у Сольтара, у меня такое чувство, будто я ещё часто встречал его позднее. А ещё... я не уверен, видел ли вообще когда-нибудь его лицо.

— Это и правда странно, — ответила она, сделала жест рукой, и игровая доска исчезала. — Говорите, чего вы от меня хотите.

— Что насчёт вас и примы?

— Она ребёнок Бальтазара. Он соблазнил дочь гильдейского мастера. Она любила его, а он использовал её в целях Коларона. Когда он ушёл, я знала, что она не выживет, и её мать тоже должна была умереть. Но я ничего не предприняла. — Её руки сжались в кулаки, замерцал голубой свет, а затем исчез. — Мне стыдно перед ней.

— Вам мало своей собственной вины? — спросил я. — Зачем обременять себя грузом, который лежит на душе Бальтазара?

— В этом-то и проблема. Только смерть может освободить от власти Коларона.

— Я не понимаю. Вы сидите передо мной, живая и здоровая. Вы не призрак, я чувствую ваше тепло и дыхание.

— Вы убили Бальтазара, но клятва связала его дух с Аскиром. Прежде чем уйти, ему нужно было исправить то, что он когда-то разрушил. Для этого ему нужна была Асела, поскольку из тех, кто мог добраться до места под башней, где в Аскире пересекается поток миров, в живых оставалась только она. Но башня не пропускает проклятых, поэтому Аселе тоже пришлось умереть, чтобы освободиться от проклятья.

Я моргнул.

— В таком случае и Бальтазар, и Асела — оба мертвы?

— Нет. Вы не слушали. Это его душа и её тело.

Я уставился на неё.

— Вы... это он? — тихо спросил я, осознав чудовищность сказанного.

— И она. — Она грустно улыбнулась. — Её знания, воспоминания и талант. Её душу я освободила точно так же, как освобождала проклятых. Но кроме души, которая направилась к Сольтару, осталась всё, чем она когда-либо была.

— Почему вы признались мне в этом?

— По двум причинам. Генерал должен знать, кто служит в его войске. Также, чтобы вы понимали, чего от меня требуете, и что требую от вас я. Я хочу, чтобы вы дали мне слово, что Дезина узнает об этом только от меня, и вы никому об этом не расскажите. Такова моя цена, генерал Копья.

Я не видел причин для колебаний.

— Даю вам слово.

— Хорошо. Тогда я даю вам своё. — Она слегка улыбнулась. — Нет нужны возобновлять клятву, поскольку она по-прежнему связывает меня. Но воля Коларона была сильнее. Только смерть освобождает от его чар.

— Это не верно. Зокора знает способ сломить их.

— Тёмная эльфийка?

— Она жрица Соланте. Очевидно, существует ритуал, который привязывает волю человека к богине, и эти чары сильнее любых других. Затем, когда снова разрываешь их, человек освобождается от любого вида чар. Таким образом она освободила Наталию. Если вы и в самом деле Бальтазар, вы должны знать, кто это.

— Наталия, — выдохнула она. — Боги... Я причинила зло стольким людям. Я чувствую облегчение от того, что она освободилась от чар Коларона, но и перед ней мне будет стыдно.

— Вряд ли, — жёстко ответил я. — Она умерла.

— Как? Как кто-то смог убить камень?

— Она умерла, чтобы я мог жить.

— О, — промолвила она, — Значит вам тоже стыдно?

— Я не очень дружу со стыдом, — жёстко ответил я, солгав. — Я слишком занят, чтобы тратить на это время.

— Значит перейдём к делу? — спросила она.

— Да. Давайте начнём с вопросов.

— Это может занять некоторое время, — решила она. — Но задавайте.

— Кто та сэра в обличие дракона, что скована возле храма?

— Вы преподнесли ей цветы? — спросила Асела.

— Да. Кто она?

— Я не знаю. Я нашла её такой, какой вы её видели, только в то время ещё связаной всеми цепями. Она учуяла во мне чуму Коларона и не позволяла подойти достаточно близко, чтобы узнать о ней больше. И это вполне понятно, поскольку я приложила немало усилий, чтобы убить её для своего господина. — Она слегка ухмыльнулась. — Это из-за неё Коларон желает заполучить плащ мёртвого бога, потому что живой был для него слишком силён.

— Она богиня? — спросил я. Сам факт того, что она была драконом, поразил меня, поскольку таких, как она, осталось не так много.

— Кто такой бог? — спросила Асела. — Могушественное существо, в которое верят люди? Она одна из древних. Решайте сами, кем хотите её считать.

— Древние были ими? Драконами?

— Тело значения не имеет. Они могут проинять тот облик, какой захотят.

— А что насчёт других драконов, кружащих над крепостью Коларона? Они служат ему, они тоже...

— Драконы Коларона? — Она рассмеялась. — Они похожи на настоящих драконов так же, как крысы в сточной канаве на вас.

Я немного поразмыслил, прежде чем задать следующий вопрос.

— Это Асканнон создал порталы, верно?

Она кивнула, затем испытующе посмотрела на меня.

— Вы похожи на человека, ищущего яблоко, но находящего лимон. Вас не устраивает ответ?

— Мне казалось, что я кое-что понял, но тут неувязка. Если этот портал создал Асканнон, тогда всё бессмысленно.

— О каком портале вы говорите?

— О том, что в старом храме с драконом.

— Да, он создал его, — заверила она. — Но он был уничтожен много веков назад. Я восстановила его. Совсем недавно. Чтобы показать вам путь к Коларону. Неужели вы думаете, что он позволил бы существовать portalу, который ведёт прямо к его входной двери?

— Вы тоже можете создавать порталы? — спросил я, чувствуя, как учащается мой пульс.

— Да. Это несложно, если знаешь, как. Дезине это тоже по плечу.

— Но она не знает. — Я посмотрел на нее. — Бальтазар...

— Асела, пожалуйста, — перебила она. — Это странно, но я всё больше и больше становлюсь ею. Не только душа формирует человека, но и тело, в котором находишься, его воспоминания и жизнь. — Она слегка улыбнулась. — В каком-то смысле я чувствую облегчение, что не убила её полностью. — Она скрестила на груди руки. — У вас есть еще вопросы, или вы меня отпустите?

— Как я могу с вами связаться?

Она улыбнулась.

— Дайте мне Хранителя Теней. — Она заметила мой взгляд, и её улыбка стала шире. — Ваш меч. У него много имён.

Я на мгновение замешкался.

— Доверять нелегко, верно?

Я положил Искоренителя Душ на стол перед ней. Она почти нежно провела по нему рукой, и что-то произошло.

— Вы сильно изменили его, — промолвила она, убирая руку. — Даже Асканнон был бы удивлён, обнаружив клинок таким. Если хотите, чтобы я услышала вас, просто прикоснитесь к нему и подумайте обо мне. А я посмотрю, будет ли у меня время. — Она встала. — Я помогу, где смогу, генерал, но по-своему.

— Вы... — начал я, но она уже исчезла.

36. Военный совет

Не успел я вернуться в цитадель, как меня перехватила Серафина.

— Орикес ожидает нас, — сообщила она мне в качестве приветствия. — Ты всё это время разговаривал с Рагнаром?

— Нет. Я также встретил Аселу и убедил её помочь нам. Ты всё это время ждала здесь?

— Я поручила одному из наших Быков высматривать генерала и доложить мне, — объявила она. — Теперь я штаб-майор, так что это облегчает жизнь.

— Ты знаешь, чего хочет Орикес? — спросил я, когда мы шли по коридору к его кабинету.

— Только то, что нам это не понравится.

— Этот Тивстирк сбежал, — пророкотал Орикес, как только я закрыл за нами дверь. — Я приказал следить за ним, хотя предполагал, что он отправится в посольство вместе с остальными. Но мы потеряли его на полпути. Мои агенты говорят, что он внезапно исчез.

— Проклятье, — выругался я.

— Да. Нам больше не нужно устраивать ему ловушку. Он устроит её для нас.

— Мы можем лишь надеяться, что это смешает его планы, — заметила Серафина.

Орикес посмотрел на неё.

— Возможно. — Он провел рукой по своим коротким седым волосам. — Вы помните легион, который был замечен в Рангоре? Теперь у нас есть подтверждение: это вражеский легион, и он идёт на Алдан.

— Как скоро они доберутся до Алдара?

— Они должны пересечь перевал... Есть дорога, которая идёт по обходному пути. Тогда они будут там через шесть дней. Или же они могут пройти по горной тропе, в этом случае они будут в Алдаре менее чем через четыре дня. Но это ещё не всё, майор Копья Вендис сообщает, что в королевском замке что-то происходит: ворота заперты, а внутри слышна барабанная дробь и никакого другого движения. Комендант обдумывает отправить вас туда. Вы не раз доказывали, что можете сорвать планы врага.

— Но сейчас это нарушает мои планы, — выругался я. — Как далеко находится Алдар?

— По суше до туда чуть больше трёхсот миль. Почти в три раза больше вдоль побережья. Хороший наездник, не жалеющий лошадей, сможет добраться по сухопутному пути быстрее, но Сова говорит, что нашла в Алдаре и по близости три портала.

— Штаб-полковник, какой легион лучше всего подходит для операции?

— Если хотите знать правду, то никакой. В настоящее время в Третьем больше всего легионеров, но и в нём не более семисот человек. Даже при быстром марше он не сможет добраться до Алдара вовремя. И тогда столкнётся с подавляющей силой.

— Было безумием сократить легионы до тысячи человек, — прошептал я.

— Не в мирное время, — возразил Орикес. — Легионы предназначены для обороны Аскира, а не для военной агрессии, и с теми стенами, что у нас есть, их вполне достаточно.

«Наверное, мне стоит, наконец, поехать и своими глазами увидеть эти так высоко восхваляемые стены», — подумал я, лихорадочно размышляя.

— Чтобы там не происходило в королевском замке — хорошо не закончится, — констатировал я очевидное. — Какие войска есть у нас в Алдаре?

— Вторая рота Третьего легиона под командованием майора Меча Бликса и восьмая

рота Пятого легиона под командованием штаб-лейтенанта Пелтуса. Вендис назначен охранять базу, включая две роты Морских Змей и экипажи кораблей, которые находились в гавани, когда на Алдар обрушилась волна. Возможно, ещё триста человек.

— Корабли?

— Только один, который остался сравнительно невредимым после цунами, «Метеус», но выход из гавани заблокирован обломками корабля. Они лихорадочно работают над тем, чтобы освободить его.

— Что насчет флота, который был замечен у Янаса?

— Он уже сейчас может находиться около Алдара и станет проблемой, если нужно будет спастись бегством через море.

Уже пробил почти шестой колокол.

— Дайте мне время для планирования и доложите коменданту, что мы отправляемся в Алдар. Ещё этой ночью.

Вернувшись в свой кабинет, мы с Серафиной обратились к картам.

— Если враг пойдет кратчайшим путем, можем ли мы определить по карте, какой это будет?

— Именно для этого их и рисуют, — ответила Серафина, проводя пальцем вдоль линии. — Вот. Тут у нас Железный перевал. Через него добываемые в Рангоре железные свиньи попадают в Алдар, где их грузят на корабли и развозят по всему миру, в том числе в Аскир. Этот перевал могут преодолеть тяжёлые телеги, так что он не будет препятствием для вражеского легиона.

— Как бы было хорошо, если бы там была крепость, — заметил я.

Она покачала головой.

— С этим помочь не могу, но здесь отмечены две оборонительные станции. Смотри, они контролируют ущелье, в которое ведёт перевал.

Я наклонился вперёд.

— А эти узкие линии? Я думал, они обозначают высоту.

— Это ущелье между этими двумя возвышенностями.

Я проследил по линиям до перевала.

— Серафина, правильно ли я понимаю? Перевал переходит в это ущелье, и на протяжении всего длинного участка из него нельзя выбраться? Сколько это миль?

— Пять или шесть.

Я выпрямился.

— Военачальник, командующий легионом, не пойдёт по этому пути. Покажи мне другой.

— Через Ткацкий перевал? Он займёт на два дня больше.

— Да. Но ни один офицер не будет настолько глупым, чтобы повести свои войска через такое ущелье. Вот почему там стоят эти две оборонительные станции. Здесь не нужна крепость. Несколько рот арбалетчиков здесь наверху, и весь легион погибнет.

— Без сомнения, вы правы, сэр генерал Копья, — вмешался Штофиск, вставая из-за стола и подходя к карте. — Но вся эта территория находится на стороне Рангора.

— И что с того? — спросил я.

— Мы не имеем права посылать туда войска, это оговорено в договоре. Если вражеский легион действительно направится туда, вражеский генерал будет знать...

— Военачальник. Они называют их военачальниками.

— Хорошо. Военачальник будет знать, что путь свободен. Как этот легион вообще попал туда?

— Похоже, Рангор заключил сделку с императором-некромантом. Легион беспрепятственно проходит по их земле, не грабя, а покупая провизию у крестьян.

— Сделка с Рангором? — спросил лейтенант. — Вы имеете в виду, что королевство предало альянс? Это сильно поднимет цены на железо и сталь!

— Лейтенант, — холодно промолвил я. — Если вы пророните об этом хоть слово, я лично зашью вам рот! Мне кажется, что у ваших родителей достаточно золота, чтобы на этот раз отказаться от прибыли.

— Конечно, я могу молчать, как рыба; я просто размышлял вслух. Но послушайте, если это правда, и к тому же легион снабжается Рангором, тогда этот генерал... то есть военачальник знает, что войск там нет. По крайней мере войск Рангора. А все остальные наши войска находятся слишком далеко, чтобы добраться до этих оборонительных станций. Если они ещё стоят.

— Стены, конечно, всё ещё будут стоять, — заметил я, глубоко задумавшись. Я достал из куртки порталную книгу и посмотрел на ряды цифр. — Мне нужны долгота, широта и высота оборонительной станции, — сообщил я Серафине. — Где я могу их найти?

— Я думаю, ты имеешь в виду квадранты и высоту местности, — поправила она меня, проведя пальцем к краю карты, а оттуда обратно к обозначению. — Поищи два-три-один, четыре-девять-два и один-семь-два-один.

Я пролистал книгу и разочарованно покачал головой.

— Нет. У меня есть только два-два-девять, четыре-девять-три и один-шесть-девять-девять. Проклятье, а как бы это было здорово!

— Хавальд, — с ухмылкой произнесла Серафина. — Смотри. — Она провела пальцем немного дальше по карте. — Там же стоят две оборонительные станции. Вот для этой указан портал, и твои цифры верны.

— Один из этих магических порталов, которые якобы существуют? — с любопытством спросил Штофиск.

Я угрожающе посмотрела на него.

— О них везде болтают... Особенно о том, что теперь не нужно маршировать так далеко! — Он пожал плечами. — Мы же в Аскире, сэр генерал. Здесь секреты продаются вместе с пивом. Не беспокойтесь об этом. Из ста секретов, о которых сплетничают, в большинстве случаев ни один не является правдой.

— Некоторые из них — правда, поэтому для всего, что вы услышите здесь, действует то же предупреждение, которые вы только что услышали. — Я приложил палец к губам и сделал однозначный жест.

Он энергично кивнул.

— Мне никогда особо не нравилось заниматься рукоделием.

— Хорошо, не забывайте об этом.

— Ты хочешь послать туда через портал Третий легион, — заметила Серафина.

— План примерно такой. — подтвердил я. — Если враг будет находиться в ущелье, а наши арбалетчики на возвышенности, тогда уже будет неважно, есть ли у врага десять тысяч воинов или нет.

— Разве лейтенант только что не сказал, что по договору это запрещено?

— Я слышал от Касале, что земля вокруг этих станций все еще принадлежит Аскиру.

— Возможно. Но если мы нападём там на врага, мы точно нарушим договор.

Я посмотрел повнимательнее на эти узкие линии, которые должны были обозначать длинное ущелье.

— Рангор ничего не сказал о том, что легион находится на его земле, а мы, в свою очередь, не скажем, что похороним его там. — Я взглянул на неё. — Потому что не думаю, что договор предусматривает случай, в котором не нужно упоминать о вражеских легионах. Возможно, этим Рангор даже оказал нам услугу.

— А что, если враг всё-таки выберет длинный путь? — спросила Серафина. — Через Ткацкий перевал? — Я проследил за её пальцем до Алдара: никаких подходящих ущелий или лощин, только мост через реку, а этого недостаточно.

— Тогда нам придётся сражаться с легионом у стен Алдара. Но из того, что лейтенант только что изложил, я тоже полагаю, что он пойдёт через ущелье.

— Нет, — сказал комендант. — Мы не будем первыми, кто нарушит договор. — Он, как обычно, стоял у окна, спокойно выслушав мои выводы.

— Если мы этого не сделаем, вполне может случиться так, что мы потеряем Алдар, — ответил я как можно спокойнее.

Он повернулся.

— Я знаю, почему вы хотите нарушить правила, и, возможно, даже вынуждены. — Он посмотрел мне в глаза. — Я дам вам две причины не делать этого. Первая, если нас в чём-то обвинят, это затруднит ваш собственный план. Достаточно того, что на королевском совете будут подняты пальцы, я не хочу, чтобы они ещё указали и на нас. Вторая... Возможно, мы опоздали, и Алдар уже потерян. Мы не будем посылать легионы, пока не знаем, живы ли ещё принц Тамин, герцог и баронета Левин и собираются ли занять сторону Аскира.

— Но, сэр! — начал я. — Я считаю...

— Генерал Копья, — устало прервал он меня. — Вы убедите меня в своём плане лишь в том случае, если случится то, чего вы опасаетесь. Мы увеличили набор в легионы, а также пытаемся завербовать ветеранов. Мы прочёсываем склады с оружием и обмундированием в поисках вещей, которые вам нужны. Все это на тот случай, если ваши опасения оправдаются. Но до этого момента мы будем придерживаться законов императора. — Я снова хотел возразить, но он поднял руку и строго посмотрел на меня. — Поверьте, я принял это решение не легкомысленно, и прекрасно осознаю цену. Легионы займут только ту территорию, где им позволено быть. Если мы не будем соблюдать эти правила, то вы разрушите основу своего собственного плана. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Дело не только в том, чтобы отдавать приказы, фон Тургау. Иногда приходится подчиняться им. Возможно, вы правы, и я всего лишь управляющий, который мало что знает о войне. Но здесь вы должны уступить. Отправляйтесь в Алдар, выясните, что там происходит, и доставьте принца Тамина сюда живым. Вот тогда и поговорим.

— Есть, сэр, комендант, сэр! — выпалил я, отдал под козырёк и повернулся на каблуках.

— Он упрям, — прорычал я, открывая дверь в свои апартаменты.

— Или упрям ты, — ответила Зокора в знак приветствия. Она сидела на моей кровати, читая книгу, а на полу рядом с ней Варош сортировал арбалетные болты. — Да благословят вас боги, — с улыбкой приветствовал нас адепт Борона.

— Что вы здесь делаете? — несколько возмущенно спросил я.

— Мы слышали, что вы собираетесь в Алдар. Говорят, что там звучит барабанная дробь, заставившая замолчать королевский замок. Варош сказал, что вас нельзя отпускать одних. Я

с ним согласна, вот почему мы пойдём с вами.

— Вот как, — весело произнёс я, глядя на Вароша. — И ты с этим тоже согласен, Варош?

— Теперь да, — подтвердил он.

— Я думал, ты не должен лгать.

— Правда, Хавальд, может быть широким полем, — ответил он с улыбкой.

— Существует ритуал Омагора, в котором священник бьёт в барабаны души, — объяснила Зокора, закрывая книгу. — Это один из его самых мощных ритуалов, который доводит жертв до безумного танца. Он заставляет танцевать до тех пор, пока не умрёшь, а душа приносится в жертву Омагору. Другой не мене мощный ритуал усыпляет. Оба начинаются и заканчиваются в сумерках, так что времени у нас осталось всего несколько отрезков свечи. — Она посмотрела на меня, обнажив острые зубы.

Я вздохнул.

— Я ещё только одену свои доспехи, и мы отправимся в путь.

— Хорошо. — Зокора встала. — Тогда мы пойдём вперёд и будем ждать тебя у портала. Я хочу ещё немного поговорить с Совой.

Доспехи, которые Касале так давно достала для меня, были из клана Драконов. Они были лёгкими, удобными и хорошо сидели. У Касале был хороший глазомер, или кто-то сообщил ей мои размеры. В них был лишь один недостаток. Кто-то тщательно отполировал их так, что они блестели, как зеркало. Серафина захихикала, увидев меня в них, а Лиандра, которая пришла пожелать нам удачи богов, рассмеялась.

— Ты похож в них на сияющего героя из легенд, — заметила она, а затем наклонилась, чтобы быстро поцеловать меня в щёку. — Ты точно не хочешь, чтобы я пошла с вами?

— Лучше нет, — ответил я. — Кроме того, у тебя и здесь много работы.

— Да, — сказала она, и её лицо потемнело. — Эта казнь. Хельгс и ещё один, кого они хотят напоить свинцом, поскольку он отравитель. Я не люблю казни, а эта обещает стать народным праздником. — Она вздохнула. — Жаль, что нет никакого способа избежать её.

— Все коронованные особы будут присутствовать на ней, чтобы отдать дань уважения закону Аскира. Тебе тоже следует.

— Да, но им не придётся собственноручно отрубать голову одному из преступников. — Она поморщилась, и я очень хорошо её понимал.

— Доспехи вам идут, — с улыбкой заметил Сантер, когда мы покидали цитадель. Орикес сообщил обо всём Дезине, и она уже была у портала в подвале своего дома. Сантер хотел сопроводить нас туда, поскольку потом собирался вместе с ней посетить крепость в Остмарке. — Вы выглядите в них таким сияющим.

— Я бы предпочёл, чтобы они были чёрными, как доспехи Зокоры, или хотя бы тёмными, как ваши, — прорычал я, когда мы спешили по улице. Это было незадолго до седьмого колокола.

Если Зокора была права, и в Алдаре проходил этот тёмный ритуал, тогда мы ещё могли успеть вовремя.

— А когда будет светит солнце, то они сварят вас заживо, — ответил Сантер. — Я знаю, о чём говорю.

37. Милость Астарты

Сгоревший дом изменился. Теперь здесь располагалось отделение Быков и даже было возведено караульное помещение. Более того, даже ночью внутри старых стен был виден свет и слышны голоса, а рабочие выносили обломки на улицу и грузили на большие телеги. К стене подвала вела засыпанная землёй рампа, а сама стена была пробита, так что больше не нужно было спускаться по лестнице; портал был теперь почти полностью открыт.

Зато были возведены защитные стены, на двух из них даже установлены арбалеты.

Незванным гостям лучше оставаться снаружи.

— Портал делает старый дом важным пунктом, — объяснил Сантер, спускаясь вместе с нами в подвал. Там мы нашли Дезину, разговаривающую с нашей тёмной эльфийкой, причём оба поначалу проигнорировали нас. Варощ, напротив, задумчиво кивнул нам. Он был в полном вооружении и взял с собой свой любимый арбалет, а в его тяжёлой кладе находилось сразу три колчана болтов. Как стрелка, его было трудно победить, и я был искренне рад, что он и Закора пойдут с нами.

— Мы говорили о богах, — наконец промолвила Дезина. — Очень интересно то, что она может рассказать о Соланте. Вы знали, что имя означает «Перед Светом»?

— Нет, — ответил Сантер. — До сих пор я этого не знал.

— Что ж, это не так уж и важно, — сказала она и посмотрела на нас с Серафиной. — Вы готовы? В старой кузнице на Арсенальной площади произошла кража, и, по всей видимости, было похищено магическое устройство. Мы с Сантером должны провести расследование. У нас на это не так много времени, если мы ещё сегодня хотим посетить Остмарк.

— Теперь, когда и Хавальд здесь, полагаю, мы можем идти, — сообщила ей Зокора.

Я открыл рот, но она была права. К чему нам ещё колебаться?

— Хорошо, — сказала Дезина. — Вы готовы?

— Думаю, да.

Мы вошли в дверь и встали посередине золотого узора. Она уже выложила камни, только последний ещё держала в руках.

— Куда вы нас пошлёте? — спросил я скорее из любопытства, когда Дезина опустилась на колени перед восьмиугольником и приготовилась бросить камень.

— Прямо в оружейный склад на военно-морской базе в Алдаре, — ответила она с улыбкой. — Там вы будите в безопасности.

— Боги! Нет! — ещё успел крикнуть я, но было уже слишком поздно...

Обычно прохождение через портал почти не ощущалось, но на этот раз всё было иначе. Глухой раскат грома потряс наши чувства, давление увеличилось, заставив кровь хлынуть из моего носа, в то время как глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Я увидел разноцветные огоньки, а затем голубое свечение, которое окутало нас. Из-за глухого грохота земля содрогнулась под нашими ногами, голубые и яркие молнии болезненно плясали на моей коже и пробегали по расплавленным стенам.

Нас, словно могучим кулаком, разбросало в стороны, швырнув к стене, которая под моими руками, казалось, почти светилась.

Посередине ударная волна разнесла скелет в синей мантии, который упал к нашим ногам, а другой с полу высохшими сухожилиями и полуобгоревшими костями повернул

голову и посмотрел на нас святащимися глазами. Костлявая рука вырвала старый меч из собственной обгоревшей груди и поспешно отбросила в сторону, как будто обожглась. Затем существо приподнялось, чтобы сделать жест, и я услышал наши крики, когда монстр начал что-то вытягивать из нас, за считанные мгновения обновляя сожжённую кожу и почти превратившуюся в пыль плоть, в то время как я почувствовал тёмный страх внутри себя, и огромная слабость прижала меня к земле.

— Ха! — воскликнула женщина в рваной чёрной мантии, а в это время её белоснежные волосы вновь обрели цвет, а на щеке затянулась дыра. — Я так и знала! Однажды здесь появится какой-нибудь идиот и... Нет же! — она резко повернулась, поймав болт, которым выстрелил Варош. — Так не пойдёт! — Затем её глаза расширились.

— Зато так, — с трудом выдохнула Зокора, опуская духовую трубку. — Сделай что-нибудь, Хавальд! — приказала она.

Слабость распространялась всё больше и больше, но оцепенение в моей голове постепенно проходило. Я с силой передвинул руку к боку, и Искоренитель Душ нетерпеливо прыгнул в неё... Но женщина стояла слишком далеко. Её рука медленно переместилась к маленькому дротику, торчавшему из шее, в то время как Варош рядом со мной тщетно пытался снова взвести свой арбалет. Ему не хватало сил, и мне казалось, что он стареет в такт проходящих мгновений.

Я был слишком слаб, чтобы даже проползти на четвереньках, поэтому сделал то, что оставалось: я упал вперёд, на кости Совы, которая столько лет держала здесь в плену эту проклятую.

Искоренитель Душ упал вперёд вместе со мной, скользнул по почерневшему камню и остриём почти прикоснулся к проклятой. Почти.

— Богиня, — гневно выдохнула Зокора. — И ты называешь себя непобедимым?

Теперь женщина-некромант схватила дротик пальцами и потянула, её голубые глаза были устремлены на меня.

— Несущий Милосердие, — задыхаясь, произнесла Серафина. Я посмотрел на неё. Она лежала недалеко от меня, её лицо было искажено страхом и болью, рука протянута к наполовину расплавленному мечу мёртвой Совы. — Меч... это Милосердие! — выдохнула она.

Меч был слишком далеко от нее, но я смог его схватить. Я вспомнил, что видел через маленькое окно во время нашего предыдущего пребывания в Алдаре: Сова, воткнувшая меч в грудь проклятой, в то время как та отчаянно сопротивлялась.

Так что я схватил наполовину расплавленный меч, каким он был, тоньше, легче и новее моего, с рукоятью из чёрного железа с инкрустированными золотыми полосами и знаком любви в навершие — древнем символе Астарты.

Не успел я к нему прикоснуться, как слабость отступила.

Проклятая вытащила дротик, но яд Зокоры всё ещё действовал. Голубые глаза расширились медленно, когда я мрачно поднялся и вонзил меч в её тёмное сердце.

Голубые искры пробежали по проклятой, а тонкий клинок, казалось, извивался в моей руке.

То, что было расплавлено, засияло голубым светом, который очистил сталь от черноты и заставил её бледно мерцать, на клинке появились древние руны, начертанные его имя: Меня называют милосердием богини, я — залог Астарты.

Как-то я сомневался, что проклятая считала это милосердием, но оно предназначалось

не ей, а тем, кого эта нечестивица так долго держала в плену. Десятки, нет, сотни душ теперь были освобождены, и то, как это произошло, даже меня заставило стоять с открытым ртом в благоговении.

Сияние охватило проклятую, казалось, проникая изнутри. Крик превратился в голубой свет, вырвавшийся из её открытого рта, а вокруг неё освобождённые души закружились в водовороте, который, казалось, разорвёт проклятую на части. Только когда нечестивица полностью рассыпалась в мерцающую голубую пыль, души отделились от неё и устремились ввысь, к потемневшему от огня потолку этой маленькой комнаты.

Руку начало сильно покалывать, почти как от сыплющихся искр, и она онемела, так что я с проклятьем выронил клинок.

Он стукнулся один раз об пол и остался лежать у ног Серафины. Когда она, словно во сне, протянула руку с выражением недоверия на лице, Несущий Милосердие взлетел вверх в её руку. Последнее мерцание пробежало по стали, и только после этого голубое свечение исчезло, и в комнате стало темно.

Но только на мгновение, потому что над нашими головами появился маленький световой шар: свет Зокоры, который по сравнению с тем, что она зажигала обычно, казалось, лишь тлел. В мелкой пыли, что осталась от нечестивицы, лежал расколотый надвое маленький чёрный диск, и пока я смотрел, он рассыпался.

— Это было неожиданно! — прокомментировала Зокора, устало прислонившись к оплавленной стене. Она посмотрела на Серафину и в недоумении покачала головой. — Изгоняющий меч, как раз когда он нужен! Должно быть, боги действительно на нашей стороне. — Она улыбнулась. — Если бы клинок ещё оказался Гибелью Страха, у меня не было бы больше причин для жалоб.

— Как ты узнал? — тяжело дыша, спросил Варош, с трудом взводя арбалет. Я был рад видеть, что внешние признаки слабости снова покинули его: он был так же молод, как и прежде. — Ты ещё пытался помешать Дезине бросить последний камень. Почему?

— Мы с Серафиной уже видели этот портал, — рассказал я им. Вытерев кровь с носа и пыль с лица, я протянул руку, и Искоренитель Душ прыгнул ко мне. Я устало указал рукой в сторону окна из толстого кварцевого стекла, которое было едва заметно в свете Зокоры. — Через окно мы наблюдали сражение между этими двумя. — Я осторожно отошёл в сторону, стараясь не сломать ещё больше костей Сова. — Сова удерживала проклятую здесь, в этом портале, и мне казалось, что в ней ещё теплится жизнь, по крайней мере, воля.

— Пока не пришли мы, — заметила Серафина, с изумлением изучая меч. — Должно быть, она разрушила линии портала, чтобы помешать нечестивице сбежать. Я могу её видеть, эту Сову. Её звали Анис, и ей было всего двадцать лет, когда её настигла судьба.

— Дезина захочет услышать о ней, — тихо промолвил Варош.

Я посмотрел вниз на коричневые кости. Она была миниатюрной женщиной. Что заставило человека принести себя в жертву, наложив на себя вековое проклятье?

Я осторожно собрал кости в кучку и накинул на них тяжёлую мантию. Те места, что не сгорели и не расплавились, были в прекрасном состоянии даже по прошествии столького времени.

— Она получит храмовую службу, — объявила Серафина. — Даже если это будет последнее, что я сделаю в этой жизни.

— Правильно, — заметил Варош, который к этому времени тоже встал. Он шагнул к двери, которая изнутри была облицована камнем. Некоторые из них потрескались и

расплавилась, обнажив сталь, преграждавшую нам путь. — Сольтар примет её с милостью... Но сначала мы должны выбраться отсюда. — Он посмотрел на меня. — Дверь заперта или просто искривилась?

— Заперта. Тяжёлыми засовами, которые мы не сможем сломать.

Я огляделся, рисунок у наших ног был повреждён двумя глубокими зазубринами: через этот портал мы больше не сможем вернуться назад. Зато здесь всё ещё лежали порталные камни. Я запомнил комбинацию и собрал их, кроме одного, который был сломан.

— Может, Искоренитель Душ сможет нам помочь, — заметил я, снова доставая свой меч. — Он достаточно острый, чтобы прорезать стальные доспехи.

— Может, доспехи и сможет, но эта сталь толщиной в руку, — прокомментировал Варош.

Тем не менее я приставил Искоренителя Душ к тому месту, где должны были находиться засовы. Лезвие медленно проникало внутрь, и я почти чувствовал его оскорбление за того, что так злоупотребляю им.

— Похоже, это работает, — заметил Варош.

— Да, — тяжело дыша, согласился я. — Но это займёт много времени, а я почему-то чувствую себя слабым. Это не тёмная сила проклятых, здесь внутри что-то другое.

— Это воздух, — приглушённо ответила Зокора, прижимая рукав одежды к лицу. — Он старый и спёртый. Мне не нравится то, что мы здесь вдыхаем, воздух наполнен пылью рассыпавшихся в прах тел.

— О, — сказал я и тут же чихнул. Уж лучше бы она не упоминала сейчас об этом.

Снаружи что-то с громким лязгом ударило о дверь, и я отпрянул назад, чуть не порезавшись о лезвие Искоренителя Душ. За кварцевым стеклом появился свет и смутно различимое лицо. Затем последовали тяжёлые удары молотком. Тем не менее, потребовалось время, прежде чем петли двери заскрипели, и внутрь ворвался свежий воздух.

38. О лошадях и людях

— Я ничуть не удивлён, что это вы, — проворчал алданский заведующий снаряжением, хмуро глядя на полку в маленькой передней. Она упала, разбросав по полу десятки шлемов. — Ударная волна сотрясла всю оружейную и сбросила меня с кровати. Я чуть не умер тысячью смертей от испуга, пока не решился заглянуть внутрь, и тогда узнал вас. — Он осторожно посмотрел через полуоткрытую дверь в порталную комнату и удовлетворённо кивнул. — По крайней мере, вы освободили Сову, кем бы ни был этот бедняга.

— Её звали Анис, — отозвалась Серафина. — Вы не могли бы сложить её кости в хорошую коробку?

— Да и сделаю это с почтением, — ответил сержант Меча, с любопытством разглядывая Вароша и Зокору, а затем повернулся ко мне и выгнул бровь. — Вы все выглядите так, будто вас затоптал морж.

— У моржа нет ног, следовательно, он не топчется, — прояснила Зокора. — Ты загородил выход.

Над оружейной находились апартаменты, которые я занимал несколько недель назад, но мы решили не идти туда. Здесь, рядом со складом, также была насосная, где мы могли смыть с себя пыль, кровь и грязь. Два Морских Змея по очереди стояли у колонок, постоянно наполняя новые вёдра. Мы узнали, что чистая вода стала дефицитом.

Серафина воспользовалась случаем, чтобы найти в оружейной ножны для Милосердия. Старые сторели и рассыпались в её руках.

— Меч призвал меня в тот момент, как мы прибыли, — поделилась она, пока расчёсывала волосы, а я умывался. — Сначала я не сообразила, что это. — Она улыбнулась. — Я начинаю понимать, насколько разные эти мечи. Похоже, Милосердие сохранило что-то от своей бывшей хозяйки и кажется живым, почти игривым и ребячливым.

— Чего только не бывает! Изгоняющий меч весёлого нрава? — улыбаясь, заметил Варош. — Это хорошо, а то мир в данный момент итак уже слишком мрачен. Каковы его способности?

— Я ещё не знаю, — ответила Серафина, кладя руку на рукоять Милосердия. — Защита и внутренняя сила, кажется. А ещё то, о чём говорит имя: милосердие.

— Но не для проклятых, — добавила Зокора, которая уже вновь выглядела так, будто этого боя никогда и не было. Только лопнувшие капилляры в её глазах ещё указывали на него.

— Нет, не для проклятых, — согласилась Серафина. — Для них Астарта не знает пощады.

— У него есть еще одна способность, — добавил я, натягивая свежую рубашку. — Он кусается.

— Да, — подтвердила Серафина с лёгкой ухмылкой. — Он жаловался, что это не я направляла его. Он предназначен для женщины, что неудивительно, учитывая, кому он посвящён. Я скажу заведующему снаряжением, чтобы он доставил его в храм Астарты вместе с костями Совы. Пусть они найдут девственницу, готовую стать его владелицей.

— Девственницу?

Я в недоумении покачал головой.

— Да, — вздохнула Серафина. — В этом плане клинок непреклонен.

— Это конечно хорошо, но мы здесь для того, чтобы выполнить задание, — заметил я, подхватывая свою поклажу.

— Я уверена, что майор Вендис будет рад тебя видеть, — промолвила Серафина.

— Да. Верно. Должно быть, он скучал по мне, как по гнилому зубу.

Когда мы уходили, я размышлял, действительно ли было совпадением то, что мы забыли рассказать Дезине об этом разрушенном портале, или же Милосердие ждало нас, чтобы мы отнесли его в храм. Для меня изгоняющий меч был способен на что угодно.

Внутри оружейного склада было мало следов наводнения. Здесь был затхлый воздух и пахло сыростью, а ещё повсюду мокрые пятна, но крепкие и хорошо построенные стены выдержали воздействие воды. Но когда мы вышли из оружейного склада, перед нами предстала картина опустошения. Всего в четырёх шагах от двери в нашу сторону торчал таран разбитого меченосца, сцепленного с другим кораблём.

От барака, в котором была размещена рота Бликса, остался только фундамент, другие здания также были повреждены или полностью разрушены, только старые имперские здания остались почти нетронутыми.

Комендатура тоже устояла, ворота были помяты, но стены выдержали. У одной из стен лежала разбитая охотничья лодка, словно великан бросил её туда, и повсюду были видны следы катастрофы, хотя даже ночью Морские Змеи занимались расчисткой территории.

Гавань представляла собой хаотичную картину. Корабли, беспорядочно врезавшись друг в друга, сцепились и потонули, мачты сломались, как дрова. Стена гавани также показалась мне изменившейся. Затем я понял, что из одной из стен торчат ворота, как будто кто-то ещё пытался их задвинуть. Однако это не увенчалось успехом, поэтому они оказали лишь незначительное сопротивление наводнению.

Я содрогнулся при мысли о том, какой урон вода должна была нанести Янасу; Огненные острова находились от этого портового города менее чем в шестидесяти милях.

Если в самой гавани разрушения были ужасны, то на суше они выглядели ещё хуже. На другой стороне портового бассейна, напротив военно-морской базы, стояли фахверковые дома. Большая часть этих домов были скверными кабаками и притонами, с затерявшимися парочкой складов среди них. Лишь некоторые из этих домов уцелели, однако ни один из них не остался без повреждений, большинство рухнули, как карточные домики.

В воздухе витал едкий запах, и причина была очевидна: на другой стороне гавани был воздвигнут большой погребальный костёр. Вытащив из кармана подозрную трубу, я посмотрел через неё и увидел, как двое мужчин с закрытыми шарфом ртами бросают в огонь раздувшийся труп.

То тут, то там в руинах наблюдалось движение. Я увидел, как кто-то вскрывает топором ящик, а позади две женщины из-за чего-то ссорятся. Когда я уезжал отсюда на Огненные острова, Алдар даже ночью был весь освящён. Факелов и фонарей было в избытке, но теперь в городе было в основном темно.

Чего я не увидел, так это гвардейцев, которые раньше железной рукой поддерживали порядок, но кроме разграбления руин, признаков восстания практически не было. В направлении города небо побагровело, что свидетельствовало о многочисленных пожарах. Не было слышно звона пожарного колокола, а ворота и крепостные волы были тёмными.

На базе на якоре стоял один единственный меченосец на положенном ему месте и выглядел невредимым. Это был «Метеус», спасший моё «Копьё» после бедствия на море. Он выглядел достаточно годным для плавания, но, чтобы отплыть, сначала нужно было убрать

обломки другого корабля, лежащего в воде вверх дном перед носом меченосца.

В принципе, это было возможно, но на данный момент попытка переправить принца в безопасное место морским путём, скорее всего, была безнадежна.

Я услышал над головой карканье и поднял глаза. Воронов было трудно заметить ночью, но их было много, и они дрались с чайками за добычу. Но с каких пор они летают по ночам?

Я проследил за стаей, затем сложил подзорную трубу, и мы направились к майору Копья Вендису.

Вал, отделявший базу от остальной части города, имел две невысокие башни с бойницами для арбалетчиков. Левая из этих башен была повреждена, на правой стояли мы и смотрели на тёмный город из своих подзорных труб, пока майор Копья Вендис докладывал мне о том, что здесь случилось.

Несмотря на поздний час, когда мы вошли в комендатуру, майор все еще был на службе, но у него было мало общего с человеком, которого я менее трех недель назад видел в последний раз. Этот Вендис был небрит, под глазами образовались круги, а его униформа выглядела так, будто он часто в ней спал. Но это была не только его вина, поскольку наводнение унесло прачечную, а чистой воды не хватало. Только один колодец не был загрязнен наводнением, воды в нём должно было хватить для питья, для стирки она была слишком ценна.

Мрачное выражение на его лице и то, как он смотрел вдаль, были не просто внешними признаками.

— У нас было мало времени после предупреждения о наводнении, — рассказал он, ведя нас к башне у ворот. — Колокол застал нас врасплох. Он висит в прихожей на протяжении веков, и мы забыли о его существовании. Когда он начал звонить, мы сначала не сообразили, что это значит. А когда поняли, я приказал поднять всех больных в оружейную. Мы передали сигнал тревоги алданскому флоту, но сначала они не отреагировали. И уже позже попытались закрыть морские ворота, но они технически не обслуживали их должным образом и не проводили ежегодных учений, поэтому никто не знал, что нужно делать. А потом одну створку ворот заклинило. — Вендис глубоко вздохнул. — Есть книга с инструкциями для такого случая, но я слишком поздно нашёл её в коробке. Мы о многом подумали, в том числе о том, чтобы наполнить мешки песком и укрепить ими ворота оружейной. Слишком поздно я прочитал, что колодцы тоже нужно накрыть. У нас их здесь три и колонка в оружейной. Времени хватило только на один, и вода хлынула еще до того, как солдаты прибили последнюю доску. Она унесла их. Мы наблюдали за катящейся в гавань волной с крыши оружейной. Это случилось поздно вечером, сразу после захода солнца, ей предшествовал глубокий гул, и когда воды хлынули через морские ворота, земля задрожала под нашими ногами. Поток врезался в морскую стену, и та задержала его, но вода, прорвавшаяся через ворота, поднялась еще выше, как мачты наших кораблей. Она просто смыла все на своём пути и унесла в сторону города.

— Вон, — он указал рукой на дальний вал, отделявший гавань от города. — Корабль, из-за которого обрушился вал, всё ещё там. Тем не менее, вал защитил город, он не пострадал так сильно, как гавань. До этой стены всё было погребено под наводнением, повсюду плавали обломки и безжизненные тела, и когда вода наконец отступила, я сначала подумал, что никто не выжил. Но по милости богов многие пережили потоп, хотя большинство были ранены.

— Что было дальше? — тихо спросил я.

— В книге также содержались советы о том, что нужно установить посты, охранять зернохранилища и другие. Всё с тех времён, когда это ещё был имперский город. Но сегодня он уже не имперский, поэтому нам ничего другого не оставалось, как запереть ворота и позаботиться о себе, по большей части. Я боялся, что нас могут осадить — здесь, в гавани только у нас есть чистая вода, но никому до нас не было дела; все бежали в город. На данный момент они забросили гавань, здесь почти никого не осталось, кроме мёртвых и нас.

— А верхний город?

— Там обстановка мрачная. Сразу после наводнения, а также на следующий день, гвардия следила за порядком. Раздавали хлеб и воду, вешали мародёров, священники помогали, исцеляя или давая последнее благословение. Порт сильно пострадал, но большая часть города осталась невредимой, поэтому сначала я думал, что худшее уже позади. Но в настоящее время у гвардии много работы в верхнем городе, где проповедники Белого Пламени ходят совершенно открыто и будоражат народ. Они говорят об развращённости и о том, что в жилах принца течет эльфийская кровь и что это по его вине на нас обрушился потоп.

— Послушав вас, можно подумать, что люди даже понимают, как использовать стихийное бедствие в своих целях, — сухо промолвила Зокора.

— Это провозглашает Белое Пламя, — проворчал я.

— О, а разве они не люди? — невинно спросила Зокора.

— Мы с Гренски будем сопровождать вас, — сообщил мне майор Меча Бликс, глядя на женщину-сержанта, которая уставилась на нас холодным взглядом. — По её мнению в последнее время мало что происходило, а когда она скучает, то становится несносной, лучше этого избегать. Кроме того, мы знаем город лучше, чем вы.

— Мы собирались поехать верхом, — сообщил я ему, и он широко улыбнулся.

— Мы позаимствуем доспехи у Морских Змей. И лошадей. Матросы все равно не умеют ездить верхом. Удивительно, что они вообще у них есть.

— Я думал, у Быков есть своя гордость?

— Штрафная рота не может позволить себе иметь гордость, — объявил Бликс. — Кроме того, меня всегда обвиняют в том, что я не придерживаюсь правил. Зачем разочаровывать ожидания?

— Тогда вы отлично поладите с генералом, — заметил Варош.

— Это лучшие лошади, которые у нас есть, — сказал конюший, открывая для нас ворота конюшни. Конюшни находились в стенах комендатуры и после потопа остались более-менее невредимыми. — Это Летящий Ворон, сэр генерал. — Конюший показал мне великолепного чёрного жеребца. — Он хорошо обучен и будет знать, что вы станете его новым хозяином, когда я скажу ему об этом. — Он вложил мне поводья в руку, и Летящий Ворон подозрительно посмотрел на меня, пока конюший что-то шептал ему на ухо. — Вы знакомы с боевыми конями, сэр генерал? — спросил он.

— По крайней мере, с расами моей родины, — ответил я, любуясь гордым животным. — Мы уж как-нибудь придём к согласию.

Коня Зокоры невозможно было убедить словами; он скалил зубы и уже собирался взбрыкнуть, но, прежде чем жеребец успел это сделать, она засунула ему в ноздри два пальца. Он замер и начал дрожать, пока Зокора шептала ему что-то на своём языке. Затем она отпустила его и сделала шаг назад, а благородное животное с вытянутыми по струнке передними ногами склонило перед ней голову.

— Боги, — вырвалось у конюшего, который непонимающе уставился на неё. — Это волшебство? — Он отпрянул от неё, поспешно сделал знак Борона и положил руку на рукоять меча.

— Нет, — ответила Зокора. — Я рассказала Ширтану о своих правилах и о том, что я от него требую. Он принял их.

— Его зовут Карган фон Штайербах, — поправил её конюший. — Это его кличка. Она одарила его тёмным взглядом.

— Это не верная кличка. Ширтан подходит больше. Не пытайся объяснить мне, что такое лошади. Я знаю их гораздо дольше, чем ты живёшь.

— А как зовут моего жеребца? — с любопытством спросил я её.

— Для тебя он — Летящий Ворон. Тебе не хватает с ним связи, чтобы использовать его другое имя.

— Какой связи? — спросил Варош, который как раз протянул своей лошади яблоко.

— Теперь мне тоже стало интересно, — заметила Серафина, держа поводья белого коня.

— Связи между творцом и творением. Когда-то они были не больше ваших собак. Мы по своему желанию придали им форму, и лошади это знают.

— Этих животных создали эльфы? — с изумлением спросил конюший.

— Кто создаёт дом? — спросила в ответ Зокора. Строитель выдалбливает камень, но боги создали горы. Мы все творим из того, что создали для нас боги. Если здесь появится бог, то лошадь будет следовать скорее за ним, чем за мной. Но пока его здесь нет, она следует за мной. — Она многозначительно посмотрела на меня. — Создание узнаёт творца и склоняется перед ним. Так было и будет всегда. Вы, люди тоже формировали этих лошадей, поэтому они подчиняются и вам. Но моё право на послушание — старше.

— Поэтому ты не кланяешься людям? — тихо спросил я.

— Мы, по крайней мере, частично, ваши создатели и участвовали в том, чтобы сделать вас теми, кем вы являетесь сегодня. Почти как с лошадьми. Боги создали вас, но именно мы дали вам язык, огонь и знания, которые вы в значительной степени забыли. — Она посмотрела на Ширтана и улыбнулась. — Наша ошибка была в том, что мы не поняли, что именно через этот акт творения люди несут наше наследие. Но этого недостаточно, чтобы я склонилась перед тем, чьего предка я ещё вчера видела, как он поедает содержимое своего носа.

— То, что вы говорите, сэра — это богохульство! — выпалил конюший.

— Нет, — спокойно ответила Зокора. — Всё еще хуже. Это правда. Моя госпожа — Соланте, аспект богини, которую вы знаете как Астарту. В наших книгах и снах Астарта — эльф, а не человек, хотя я всё ещё могу видеть её в её человеческом облике. — Она заорожила своим взглядом конюшего. — Таков естественный ход вещей, человек. Ибо есть и другая истина. Когда Астарта впервые ступила на эту землю, она не была эльфом. Боги преобразуются вместе с нами, а мы вместе с ними. — Она на удивление дружелюбно улыбнулась. — На этом твой урок закончен. Найди священника своего народа и спроси его, он объяснит тебе всё остальное.

Когда конюший уходил, казалось, он сбегает.

Копыта наших лошадей стучали по бульжной мостовой.

Мы настороженно оглядывались по сторонам, я держал руку на рукоятке «Искоренителя Душ», но, хотя фигуры убирались прочь, скрываясь в глубоких ночных тенях, никто не

пытался напасть на нас. По крайней мере, пока.

— Город как будто вымер, — заметил Варош. — Немного похоже на конец света, который нам пророчили.

Зокора покачала головой, развернулась в седле Ширтана и обратилась ко мне.

— Я ношу будущее моего народа под своим сердцем. До рождения детей есть ещё много времени. От тебя, Хавальд, я ожидаю, что ты найдёшь способ сделать так, чтобы конец света не наступил, прежде чем это случится.

— Пророчество гласит иначе, — тихо напомнил я ей.

— Ты меня не понял? Придай написанному другой смысл! — Её глаза пылали. — Не может быть, чтобы богиня даровала мне озарение только для того, чтобы потом забрать этот плод. У моих детей будет будущее, и ты, Хавальд, найдёшь его для них! — Она снова повернулась вперёд.

— Теперь ты знаешь, чего она от тебя ожидает, не так ли? — прошептала Серафина. — Это то же самое, что я требовала от Джербила: чтобы он нашёл способ обеспечить будущее.

— Она просит слишком много, — заметил Варош. — Зокора тоже это знает. Но это позволяет нам всем надеяться, Хавальд. — Он пожал плечами. — Кто знает, может ты найдёшь способ.

— А если нет? — спросила я, глотая комок в горле.

Летящий Ворон слегка загарцевал, я натянул поводья, оглядывая тени вокруг нас.

— Одно я знаю наверняка, Хавальд, — убеждённо промолвил Варош. — Если ты потерпишь неудачу, это не потому, что ты не старался. Твоя судьба — совершить невозможное.

— И как? — прошептала я.

Вместо него ответила Серафина:

— Как всегда, Хавальд. Делай то, что должен.

Что могло означать — броситься на лезвие Искоренителя Душ. Был ли я способен на это? Я сомневался, но Наталия смогла. Я посмотрел на небо, где должны были жить боги. Брат Джон объяснил мне, что война богов начнётся в тот момент, когда невинная душа положит свою жизнь на острие Искоренителя Душ. Он подумал о чистой душе ребёнка, убитого мной, но он ошибся.

«Я иду к тебе чистой», — сказала Наталия, когда умирала на Искоренителе Душ. Это была правда, и война богов уже давно началась.

Серафина вывела меня из задумчивости, указав вперед, где ехали Бликс и Гренски. Майор поднял руку, вглядываясь в темноту.

Впереди нас из темноты вырисовывались очертания портовых ворот.

А перед ними лежали останки меченосца, смытые сюда приливной волной; он пробил своим тараном два дома и частично преграждал нам путь.

Я коснулся Искоренителя Душ, но если здесь кто и поджидал нас, он был слишком далеко.

— Что случилось? — спросил я майора Меча.

— Мне показалось, что я что-то слышал.

— Так и есть, — сказала Зокора, вложив поводья в руку ошеломлённого майора и выскользнув из седла, как тень.

Майор Меча посмотрел на поводья в своей руке, затем раздался приглушённый крик, заставивший наших лошадей беспокойно гарцевать. Словно призыв, Зокора снова появилась

из темноты.

— Что произошло? — спросила Бликс, когда она забрала у него поводья.

— Ничего, — ответила Зокора.

— А крик?

— Это был вор, грабящий труп. Когда он увидел меня, он закричал и убежал, — ответила она. — А сейчас мы можем ехать дальше? Ночь не будет длиться вечно.

Одна из створок портовых ворот косо висела на петлях, другая открывалась достаточно широко, чтобы мы могли проехать.

39. Барабанная дробь

Кавалерия принца была этой ночью занята, и мы не раз видели, как двое или трое солдат галопом пронеслись по улицам. Также нас дважды останавливали.

— Мы направляемся в королевскую крепость, — ответил я в первый раз. — Там происходит что-то неладное, и мы хотим узнать, можем ли как-то помочь.

— Я бы сказал, не лезьте не в своё дело, — последовал ответ. — Но раз всё так, как есть... удачи, сэр. И если увидите проповедника, говорящего недобрые слова о принце, у вас есть разрешение его убить. Если вам удастся, поскольку эти молодчики сбегают в свои норы быстрее, чем крысы.

Мы дважды встречали таких проповедников, первый раз у колодца, где он толкал подстрекательную речь. Когда он увидел, что мы приближаемся, он потряс кулаком и убежал.

— Наверное, он пытается произвести на людей впечатление своей смелостью, — заметил Бликс, когда мы смотрели вслед проповеднику, который, петлял как кролик и исчез в ближайшем тёмном переулке.

— Хм, — сказала Серафина, оглядывая небольшую толпу, которую оставил проповедник. Та рассеивалась лишь медленно, люди смотрели на нас, но никто не размахивал вилами и не требовал наших голов. — Сейчас середина ночи, большинство людей спят. Это странное время для того, чтобы подстрекать людей к мятежу. И, кажется, они тоже не в восторге от этой идеи. Мятеж я представляла себе иначе.

— Ещё два дня назад у гвардии было дело по горло, и всё обещало стать очень неприятным, — прокомментировал Бликс.

— Почему же сейчас нет? — удивлённо спросил я.

Он пожал плечами.

— Появился слух, связывающий проповедников с наводнением. Якобы священники императора-некроманта хотели воскресить военачальника, чтобы тот повёл вражеские легионы на Алдар. И это ваша маэстра убила военачальника. Более того, было доказано, что любой, кто платит красным золотом, связан с императором-некромантом и является врагом народа. И Белое Пламя — это всего лишь предлог, чтобы высосать душу, золото и честь Алдара. — Он покачал головой и тихонько засмеялся. — Я и сам бы не поверил, но с тех пор проповедники потеряли много своих сторонников.

— Штофиск, — восхищённо промолвила Серафина. — Кто бы мог подумать! — Она тихонько засмеялась. — В конце концов, всё превратится в фарс, и исход войны будет решён слухами.

На мгновение я задумался, как лейтенанту удалось этого достичь, но потом вспомнил, что его отец, барон Кортен, был родом из Алдара и всё ещё имел здесь значительное влияние. Значит лейтенант пристроил к делу всю свою семью.

«Боги, — подумал я, немного забавляясь, — этот человек действительно бесценен.»

— Я бы не удивился, — ответил Бликс, вывив меня из задумчивости. — По крайней мере, здесь на улицах. Есть ещё один слух из Янаса. И он очень странный.

— Расскажите, — с любопытством попросила Серафина, пока мы продолжали ехать по тёмным переулкам, и стук копыт эхом отражался от стен.

— Он совсем свежий, только что из семафорной башни. Говорят, что в Янасе прошлой

ночью появилось два пустынных духа — джина. Они обнажены, и их кожа золотистого оттенка, мужчина и женщина. Они вместе прошли по разрушенным улицам, улыбаясь всем, и там где появились, чума отступила, и больные чудесным образом исцелились. — Он пожал плечами. — Вы можете думать об этом что угодно, но штаб-полковник Несран из Шестого, который держит оборону перед Яносом, сообщает, что чума действительно отступила. Думаю, если понимать мир и все, что в нём происходит, было бы слишком скучно жить.

Обнажённые мужчина и женщина с золотистой кожей. Я улыбнулся, представляя, что на это скажет Армин, когда узнает. Ладно, возможно, это была другая парочка, но сколько из них ходят по пустыне голыми?

Я посмотрел на полотно Сольтара и согласился с майором: если бы не было чудес, то земной диск был бы намного беднее.

Когда мы достигли храмовой площади, то увидели ярко освещённые храмы и толпы молящихся перед ступенями.

— Хорошо, — с удовлетворением отметила Зокора. — Это должно усложнить задачу тёмному священнику. — Она посмотрела на меня. — А то я уже подумала, что человеческие священники вообще перестали сопротивляться.

— Что ж, — заметил Бликс. — Молитва ещё никогда не вредила, но с её помощью нельзя убить тёмного священника. Вы уверены, что один из них проводит ритуал в королевском замке?

— Если бы я знала всё наверняка, я была бы богиней, и тебе бы пришлось преклонять передо мной колени. Но поскольку это не так, я использую то, что знаю, чтобы предположить то, чего не знаю.

— Ах да, — сказал Бликс, моргнув. — И что это?

— Запертые ворота и барабанная дробь. Коларон хочет стать богом, священники которого используют такие ритуалы. Следовательно это тёмный священник, готовящий либо Великий Сон, либо Жертвоприношение Душ, либо Посвящение. Посвящение здесь неуместно, один лишь сон ему не поможет, так что это Жертвоприношение Душ. — Она посмотрела на меня. — Видишь, Хавальд, я проявила терпение, чтобы объяснить ему.

— Спасибо, — поблагодарил я, вежливо кивнув. Гренски, напротив, долго смотрела на Зокуру, а затем снова безразлично отвела взгляд в сторону.

Веселье длилось недолго, поскольку не успели мы добраться до верхнего города, как Зокора указала рукой вверх.

— Виверны, — объявила она. Я посмотрел вверх, но ночь была окутана облаками, и я не смог ничего разглядеть, кроме света одной из наших лун сквозь облачный покров. — Их четверо, — сообщила она нам.

— Понятно, — промолвил Бликс. — Я ничего не вижу.

— Это потому, что ты слепой, — дружелюбно заметила Зокора. — Если я говорю, что они там, значит они там.

— Куда они летят? — спросил я тёмную эльфийку.

— К королевскому замку. Нам нужно торопиться.

Но когда мы приблизились к королевскому замку, на котором всё ещё вызывающе развевался флаг Алдана, мы услышали вдалеке барабанную дробь, и то, как её выстукивали, показалось нам странным для танца. Она была медленной и неритмичной.

До сих пор я ещё не видел королевского замка; когда я был здесь в последний раз, я не добрался до верхнего города. Он напомнил мне строение домов на моей родине, с широкими

крепостными стенами и башнями, доминирующими над широким рвом, с зубцами и оборонительными платформами.

В замке не было света, казалось, там также нет движения, мы слышали только приглушённую дробь барабана. Перед замком располагалась широкая площадь, где проводились парады и съезжался королевский рынок, как объяснил мне Бликс. Здесь несколько гвардейцев и добрых четыре десятка горожан стояли вокруг и смотрели на замок.

Один из гвардейцев направил свою лошадь к нам и остановил нас.

— Имперский генерал, — сказал он, узнав мои доспехи. — Что привело вас сюда?

Я указал на тёмный замок.

— Хотим проверить, чем можно помочь.

— Что ж, вперёд, — мрачно промолвил гвардеец. — Вы закончите так же, как те, что вереди. — Он жестом указал в сторону замка, но мне потребовалось мгновение, чтобы мои глаза привыкли к теням. Там, где должен был опускаться разводной мост, стояла пара лошадей. На одном из них сторбившись сидел всадник, другой лежал на земле, его левая нога всё ещё была зажата в стреме. Ещё двое лежали на спине, как и полдюжины горожан.

— Они мертвы? — спросил я.

— Кажется, они просто спят, — сообщил мне гвардеец. — До сих пор ещё никто не просыпался. — Он указал на спящего всадника. — Это сэра Осбрим. Ему пришла в голову светлая мысль заткнуть уши воском. Он думал, что если не будет слышать дробь барабана, то она не причинит ему вреда. — Гвардеец сплюнул. — По крайней мере, он был единственным, кто не упал с лошади.

— Воск бесполезен, — прокомментировала Зокора. — Барабаны затрагивают душу, а не слух.

— Как скажете, сэра, — бесстрастно ответил гвардеец. Он кивнул в том направлении. — Так что если тоже хотите немного поспать, валяйте.

— Есть ли другой путь внутрь? — спросил я его.

— Через ворота или по крепостному ходу, который соединяет стены замка с валами города. Вам лучше попробовать здесь. У крепостного хода вам ещё придётся преодолеть опускной мост, а там высота двадцать шагов, и если потерпите неудачу и упадёте, то не поздоровиться.

Зокора огляделась по сторонам, затем указала рукой на дальний крепостной ход. Для меня было слишком темно, я ничего не видел.

— Там? — спросила она, и гвардеец кивнул.

— У вас хорошее зрение.

— Конечно, — сказала она и обратилась ко мне. — Мы используем крепостной ход. Там пролёт всего десять шагов.

— Всего? — заметил гвардеец, затем кивнул. — Не стоит стоять на пути тех, кто решается на невозможное.

— Нам нужен кто-то, кто будет держать поводья, — промолвила Зокора, соскальзывая с седла.

40. Служители Омагора

— Я ошибаюсь или солдаты стали здесь дружелюбнее? — спросил я майора Меча, пока мы шли к следующей лестнице, ведущей к крепостному ходу, а Зокора рылась в своей поклаже.

Бликс рассмеялся.

— Вряд ли. Но я готов поспорить, что едва кто из гвардейцев спал за последние несколько дней, и их волнуют другие вещи, помимо обычных склок. Если они сами не знают, что делать, зачем останавливать нас? — Он повернулся к Зокоре. — Раз мы уже взялись за дело сэра, мы знаем, как будем действовать?

— Где-то там находится тёмный священник, бьющий в барабаны души. Его мы должны убить.

— Конечно! — воскликнул Бликс. — Интересно, почему я до сих пор об этом не подумал.

— А как же барабанная дробь? — осторожно спросил я.

— А что с ней? Мы просто не будем её слушать. — Она протянула ладонь, на ней лежали маленькие черные предметы. — Просто положите один из экзоскелетов в рот, они освящены, и на них есть руны Соланте. Пока они будут во рту, вы не будите слышать барабанную дробь.

— Экзоскелеты? — с интересом спросил Бликс, пока мы брали эти штуковины. — От кого?

— От Пауков-ткачей, — ответила Зокора. — Я знаю, что они вкусные и приятно хрустят на зубах, но не стоит их есть, если не хотите заснуть.

— Хорошо, что ты нам об этом напомнила, — заметил Варош, скорчив гримасу.

— Они бывают и засахаренными, — промолвила Зокора. — Но у меня закончились.

— Спасибо, — вежливо ответила Серафина. Я осторожно потрогал экзоскелет. По крайней мере, на нём больше не было ног. Я смело положил его в рот, и у меня защекотало язык, но дробь барабана больше не было слышно.

— А это работает, — с изумлением отметил Бликс.

— Естественно, — прокомментировала Зокора. — Иначе я не стала бы давать его вам.

Крепостной ход был шире, чем я думал, и сужался только у башен. Здесь мы нашли одного из часовых спящим, больше не было ничего необычного. С этого вала можно было видеть весь расположенный внизу город. Было как-то странно видеть его таким тихим.

Зокора, которая шла впереди нас, подняла руку и указала в темноту. Там, у входа в королевский замок, стоял человек, которого не затронула дробь барабана, и смотрел вниз, на парадную площадь.

Он не носил ни доспехов, ни униформы, а только тёмную мантию, и пока что нас не заметил. Рядом с ним на земле лежали два охранника. Они не спали; под их головами расплывались тёмные пятна.

По моему сигналу Варош подошел к парапету, благословил свой болт, упер оружие в парапет и очень медленно выдохнул.

С громким ударом болт вылетел из направляющей, звук заставил проповедника посмотреть вверх, и таким образом болт попал ему прямо между глаз. Он упал вперёд и остался неподвижно лежать.

— Хороший выстрел, — невозмутимо отметила штаб-сержант Гренски.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Варош, заново заряжая арбалет.

Мы продолжили идти вдоль крепостного хода и наткнулись на часть городской стены, в которую он переходил. Здесь стояла широкая круглая башня, диаметром добрых двадцать шагов, а на ней — две старые катапульты, дерево которых потрескалось, а ремни и канаты стали хрупкими.

— А здесь что произошло? — спросил я.

— На этот вопрос могу ответить я, генерал, — с горечью произнёс Бликс. — Они перестали обслуживать или заменять катапульты, просто бросив их. Они никогда не были нужны, какой смысл в их содержании? Лучше потратить деньги на роскошные здания или один из этих новых замков, которые так любят в Алдане.

— Да, конечно, — мрачно промолвил я.

Мы подошли к месту, где крепостной ход соединялся с королевским замком, разделял их разводной мост. Там, на расстоянии добрых десяти шагов, другой крепостной ход был заграждён небольшой сторожкой с поднятым разводным мостом, который был настолько утоплен в камне, что за него было никак не уцепиться.

Слева и справа от сторожки были небольшие балконы, там я разглядел двух арбалетчиков в цветах алданцев. Они лежали наполовину на перилах, наполовину на своём оружии и мирно спали.

— Даже не знаю, как нам туда попасть, — обеспокоенно заметил Варош, почёсывая голову. — Кто-нибудь взял с собой метательный якорь? — Он посмотрел на нас, но мы покачали головами.

— Всегда есть выход, — сказала Зокора, перемахнув на наружную сторону крепостного хода.

— Что ты задумала? — спросил я.

Сначала она, казалось, не хотела отвечать, но потом Варош тихо произнёс её имя. Она замерла, обернулась, посмотрев сначала на него, потом на нас.

Она указала вверх на крутую крышу крепостного хода.

— Если я спрыгну оттуда, прыжок будет длиннее.

— Она сумасшедшая, — заметил Бликс. — Кажется, она мне нравится.

— Конёк крыши такой крутой, что ты не сможешь там разбежаться, — воскликнула Серафина. — Один неверный шаг — и ты упадешь!

— Я не собираюсь делать неверный шаг, — отозвалась Зокора и подтянулась на крышу.

— Подожди! — крикнул я, но она ухватилась за что-то, чего я не видел, а затем подпрыгнула, как кошка, чтобы схватиться за край одной рукой. Сам я, держась за балку, вытянулся вперёд, чтобы иметь возможность следить за происходящим.

— Зокора! — крикнул я. — Должен быть другой путь!

— Это верно, — крикнула она в ответ. — Но у нас нет времени! Пока мы здесь болтаем, эти наездники вивернов убивают всех, кого находят. — Она немного отступила назад, а затем повернулась к нам лицом. — Это всего несколько шагов, — сказала она, улыбаясь мне. — Просто не смотри.

— Да! Десять шагов! Но ни человек, ни эльф не смогут прыгнуть так далеко! А там внизу в воде копьё! Ты... — Что бы я ни собирался сказать, я забыл, когда она достала из рубашки свой тотем. Я мог бы поклясться, что она подмигнула мне, прежде чем поцеловать его. Позже я не знал, действительно ли мои глаза обманули меня, но на мгновение мне

показалось, что там стоит не Зокора, а большая призрачная кошка с тёмными глазами и оскаленными белыми зубами, которая присев, побежала, а потом прыгнула!

— Боги! — воскликнул Варош, увидев, как невысказанно далеко она полетела вперёд и перепрыгнула через пропасть, но там летела не кошка, а человеческая фигура. В тот момент, когда она прыгнула, она уже обратилась обратно.

— Кажется, она не только мне нравится, я начинаю её любить, — заявил Бликс, чем заслужил выгнутую бровь Гренски и взгляд Вароша, который было легко понять.

Такой прыжок обычно приводит к жесткому приземлению, и когда Зокора упала на парапет левого балкона, мы услышали её приглушённый стон, так как от удара у неё перехватило дыхание. Долгое мгновение мы все боялись, что она не сможет удержаться, но потом она перелезла через парапет ползком — на этот раз без своего обычного изящества — через одного из спящих солдат и исчезла в сторожке. Мгновение спустя мост с грохотом обрушился вниз.

— Как ты это сделала? — озадаченно спросила Серафина, когда Зокора ухмыляясь, направилась к нам. Они с Варошем не видели кошку, только я высунулся достаточно далеко, чтобы следить за крышей.

— Я позаимствовала силу своего тотема, — ответила она с тонкой улыбкой, даже не запыхавшись. — Вы и дальше собираетесь дивиться мной или, поможете, наконец, убить этого священника?

Как только мы оказались на той стороне, она потащила нас в сторону, вдоль крепостного хода, и мы перешагивали и перепрыгивали через спящих защитников, пока не увидели место, откуда доносилась барабанная дробь.

Это было на оборонительной платформе, прямо над воротами королевского замка. На ней стоял тёмный священник, тёмный эльф в чёрных регалиях Омагора. Он был неподвижен, а его чёрный посох с черепом наверху вытянут в сторону королевского замка. Перед ним стояла пара барабанов из чёрного дерева, на которых можно было различить тускло светящиеся руны.

От какого животного была взята барабанная перепонка, я даже не желал знать. Он барабанил не сам, барабанные палочки из бледной кости танцевали на барабанной перепонке без руки, направляющей их.

Он стоял лицом к королевскому замку, за его спиной находились зубцы ворот, позади ров с острыми железными копьями в воде. Перед ним был внутренний двор замка, где сидели четыре виверна, пировавшие боевыми конями в броне и двумя гвардейцами, с которых они с удивительным мастерством снимали доспехи, используя зубы и когти, а затем откусывали куски. Другие части доспехов, пятна крови, отделённая задняя нога с копытом и рука, всё ещё державшая топор, свидетельствовали о том, что пиршество продолжалось уже некоторое время.

Пока я наблюдал за тёмным священником, меня охватила огромная усталость. Я зевнул и прислонился к стене; в следующий момент я выпрямился и посмотрел в горящие глаза Зокоры.

— Не смотри на барабаны, — тихо прошипела она.

Рядом со мной Бликс сполз на землю; я едва успел удержать его, прежде чем он сильно ударится. А тем временем Варош уже поймал сержанта Гренски. Я нанес Бликсу сильный удар по лицу, его глаза ненадолго открылись, затем он продолжил спать.

Зокора оттолкнула меня в сторону, залезла ему в рот, заглянула внутрь, затем покачала

головой.

— Он его съел. Зачем тогда я его предупреждала?

У меня были сомнения. Гренски не съела экзоскелет, а просто выплюнула, когда падала, а потом упала прямо на него.

— От этого нет никакого проку, — сухо констатировала Зокора и посмотрела на священника, который всё ещё неподвижно стоял. — Он находится в глубоком трансе, иначе уже заметил бы нас. Но если мы воспользуемся этим крепостным ходом, чтобы добраться до него, он нас обнаружит. Мы должны действовать быстро и решительно, иначе нам не выжить.

— На Огненных островах ты ведь тоже одолела священника без труда. Почему сейчас так боишься?

— Это благоразумие, Хавальд, — величественно сообщила она мне.

— Если помнишь, то тот другой священник не проводил больших ритуалов.

— Ну хорошо, — согласился я. — Как нам это сделать?

— Он стоит спиной ко рву, — заметила Серафина. — Мне кажется, я знаю, как застать его врасплох.

— Одного этого будет мало, — заметила Зокора. — Мы также должны отделить его от барабанов, иначе он использует их силу против нас.

— Что, если я переброшу его к нам, этого будет достаточно? — мрачно спросила Серафина.

— Да, — кивнула Зокора. — Это должно сработать.

— И какой у нас теперь план? — спросил я.

— Варош пустит болт ему в лоб, Серафина переместит его к нам, а мы будем наносить удары, — отозвалась Зокора. — Если будем делать это достаточно долго, он умрёт.

— Я благословил болт, — заметил Варош, прицеливаясь.

— Финна, — спросил я. — Как...

— Тогда вперёд, — сказала Зокора, доставая свой чёрный меч.

Арбалет Вароша звякнул, болт отлетел и с непривычно ярким свечением вонзился в висок священника.

Лицо Серафины приобрело жесткое выражение, она закрыла глаза и сжала кулаки. Подо мной вода из рва поднялась с удивительной скоростью, превратившись в руку, которая схватила священника так быстро, что он едва успел закричать. И так же быстро, как схватила его, рука с силой швырнула его к нашим ногам на крепостном ходе, с такой силой, что я услышал, как ломаются его кости.

Он лежал там, мокрый, истекающий кровью, со сломанными костями и болтом в черепе, и не двигался.

Мы переглянулись.

— Это было легко, — с ухмылкой заявил Варош.

Однако священник, по-видимому, смотрел на это иначе, потому что он поднял голову, когда вокруг него собралось темное облако, густое и плотное, как трясина. Даже Искоренитель Душ не смог проникнуть через него достаточно быстро, чтобы отрубить ему голову.

Скорее, мне показалось, что священник спокойно прогибается под моим ударом. Он почти не спеша выдернул болт из головы, который вспыхнул в его руке и разлетелся в виде пепла; только наконечник упал на землю.

— Говорите, легко? — спросил он, будто вёл светскую беседу и засмеялся.

Порыв ветра отбросил всех нас четверых назад, прижав Вароша и Зокору к стене, обращённой к королевскому замку. Меня самого чуть не перебросило через парапет. Мне едва удалось удержаться, а потом, к своему ужасу, я увидел, как Серафина пролетев мимо меня, падает в ров!

Выбор был прост. Я бросил Искоренителя Душ и потянулся за Серафиной, но успел ухватиться лишь за ее подол, который выскользнул из моих рук; с широко распахнутыми глазами она полетела вниз, где ее ждали десятки острых копий.

При падении она не издала ни звука.

Возможно, я бы и сам бросился вслед за ней, но сильный удар развернул и свалил меня с парапета, так что я остался лежать на земле, тупо уставившись на священника.

Он частично превратился в дым, который клубился вокруг него, его глаза мрачно светились в этом дыме. Одной рукой он держал Зокору за шею, которая обеими руками вцепилась в дымчатую руку. Свой клинок она потеряла, и, судя по тому, как выпучились её глаза, он был недалёк от того, чтобы сломать ей шею.

И это ещё не всё: там, где он держал её, иней покрыл её смуглую кожу, и с каждым мгновением она приближалась к смерти. Теперь проклятый священник размахнулся другой рукой, я вскинул руки, чтобы защитить себя, всё же удар обрушился на меня с силой лошадиного копыта и отбросил назад. В то же время он швырнул Зокору, как куклу, в сторону, где она сильно ударилась о парапет и соскользнув вниз, словно сломанная, осталась лежать, а вокруг неё образовались иней и лёд, захватив в плен.

— Такое со мной не пройдёт! — крикнул враг, оскалив зубы. Из воздуха в его правой руке сформировался меч из тьмы и дыма. Я бросился в сторону, немного поздно, потому что уже первый его удар попал в мой нагрудник, из-за чего тот зазвенел, и оставил холодный след на моей коже.

Позади него Варош пополз к своему арбалету, но не дотянулся до него. Жест священника — и он полетел обратно, при этом он тоже покрылся инеем. Но в этот момент священник посмотрел в сторону адепта Борона, и это дало мне возможность, которую я ждал.

Я прыгнул ему на спину и попытался схватить и сломать шею или что-то в этом роде... Но он был словно сделан из твёрдого, холодного льда; мои пальцы соскользнули, не причинив ему ни малейшего вреда, в то же время меня охватил невероятный холод. Затем он нанёс мне такой сильный удар сзади, что несмотря на доспехи, я услышал, как хрустнули мои рёбра, и у меня перехватило дыхание.

На этот раз удар его меча почти перерубил мне шею.

Я почувствовал ледяной холод, когда лезвие прошло слишком близко от меня.

— Узрите силу нашего бога, заблудшие! — воскликнул он, раскинув руки, пока из него вырывались тёмные полосы, сформировавшие нечто, что невыразимым образом несло в себе фальшивую жизнь. Это нечто жадно смотрело на меня, и, казалось, вышло прямо из преисподней Сольтара.

Оно ещё не сформировалось полностью, но уже наполнило меня безымянным ужасом, заставившим конечности отяжелеть и похолодеть, страхом, от которого у меня перехватило дыхание и который лишил меня мыслей. Что-то внутри меня кричало и бушевало, требуя сделать что-нибудь, но я просто стоял и тупо смотрел, как грозит исполниться моя судьба.

Затем я увидел что-то позади него, что заставило меня улыбнуться от облегчения. Ничто

из того, что мы делали до сих пор, не поколебало этого человека, но из-за моей внезапной улыбки он дрогнул.

— Эй! — крикнул он. — Ты пытаешься заставить меня поверить, что там что-то есть? Этот трюк настолько древний, что твои предки ещё носили меха, когда... — начал он, но не договорил.

Лезвие Искоренителя Душ прошло через его шею, священник всё ещё стоял на месте, тёмный дым между его рук развеялся на ветру. Тонкая красная линия тянулась поперёк его шеи, пока он мало-помалу не начал понимать, что произошло.

Затем, с выражением неверия и ужаса на лице, он потянулся к горлу, но было уже слишком поздно. Из него вырвался настоящий поток душ, когда он упал на землю, а его голова приземлилась у ног Зокоры, от которой лёд сначала отступил, а потом и вовсе исчез.

На парапете, вся промокшая, но живая, стояла Серафина с суровым выражением лица и Искоренителем Душ в руках.

— Так! — сказала она с мрачным удовлетворением. — Дело сделано. — Затем её глаза расширились когда дар Искоренителя Душ вошёл в неё. Я поспешно бросился к ней, обнял и спустил с парапета. Она дрожала, свободной рукой цепляясь за мои доспехи, а вокруг неё возникло бледное сияние и погасло так же быстро, как и появилось.

Пока я держал её, царапины и мелкие раны исчезли с её лица и рук, затем всё закончилось, и она вздохнула, когда я поспешно забрал Искоренителя Душ из её рук. Казалось, меч был доволен, погружаясь в ножны.

— Это всегда так? — благоговейно спросила она, пока я продолжал обнимать её.

— Да. — Я знал, о чём она говорит, я чувствовал это тысячу раз. — Боги, я думал, что потерял тебя!

— Хавальд, когда дело касается воды, тебе не стоит беспокоиться обо мне, — тихо промолвила она, слегка улыбаясь.

Варош и Зокора, с которых сошел лёд, снова зашевелились. Мы разомкнули объятия, я подошёл к Зокоре, а Серафина позаботилась о Вароше. Зокора отказалась от моей помощи и встала самостоятельно. Кажется, с ней всё было в порядке, только её левая рука свисала вниз, странно вывернутая. Она посмотрела на меня тёмными глазами, так, будто хотела упрекнуть, затем поспешила к Варошу.

— Со мной всё хорошо, — успокоил он её, с трудом поднимаясь. — Только несколько синяков. Этот парень бил сильнее, чем лягается мул! — Он посмотрел вниз на останки священника и покачал головой. — Я почти не могу поверить в то, что здесь только что произошло. Это был слугитель ложного бога, и я считаю несправедливым то, что ему дана такая сила.

— Это не совсем правильно, Варош, — поправила его Зокора, подобрав голову священника. — То, что даёт тебе твой бог, Варош — это дар. Однако сила этого нечестивца была украдена. У других богов и принадлежащих им душ. — Затем она небрежно бросила голову в воду.

— Я что-то пропустил? — спросил Бликс со стороны, ошарашенно потирая голову, а Гренски рядом с ним села.

— Всего лишь проклятого, — ответила Серафина и захихикала.

— Мы должны двигаться дальше, — заметил Варош, с отвращением глядя на обезглавленное тело. Этот мужчина обладал миниатюрным ростом тёмных эльфов, и трудно было поверить в силу, которую он проявил.

— Да, — тихо согласилась Зокора, но не сдвинулась с места. — Мы должны остановить этого ложного бога, пока он не стал ещё сильнее. — Затем она ударила левым плечом в стену, чтобы вправить его на место.

Серафина и Варош уже спешили прочь, я за ними, а за стенами в это время раздался сигнал из рога.

Мы вбежали в сторожку, спустились по узкой лестнице во двор, где находились виверны. Когда я открыл дверь вниз, они как раз поднимались в воздух, кроме одного, который повернул к нам голову на своей длинной шее и широко разинул пасть.

Вонь, ударившая в лицо, уже была достаточно паршивой, но в добавок к этому в задней части его глотки пылало маленькое пламя.

— Назад! — крикнул я и хотел закрыть дверь перед его огнём, но остальные наседали на меня сзади, и прошли драгоценные мгновения, в течение которых виверн не сводил с меня глаз, напрягаясь...

Сбоку послышался стук копыт, подбитых сталью. Слишком поздно монстр воспринял опасность, тяжело вооружённый всадник уже приблизился. Опустив копьё, он насадил на наконечник зверя в тот самый момент, когда вырвалось первое пламя.

Только горячий воздух омыл нас, огонь прилип рядом с нами к камню, капая вниз. Виверн был отдёргнут назад, всадник выпустил копьё, и его боевой конь ловко перепрыгнул через покрытое чешуёй тело. Затем он натянул поводья, чтобы повернуть коня и остановился перед нами. На заднем плане прозвучал горн, и позади него на землю свалился ещё один виверн, поражённый более чем дюжиной болтов. Первый виверн ещё один раз дёрнулся и остался неподвижно лежать, огонь всё ещё капал из его пасти на булыжники.

Боевой конь нервно гарцевал, но всадник удерживал его без усилий, приподняв богато украшенный забрал, он приветствовал нас сверкающими голубыми глазами и улыбкой.

— Я Тамин, — представился он. — Я так понимаю, вы — генерал, посланный спасти меня?

— Это же очевидно, — услышал я другой голос. Он исходил от всадника в чёрных доспехах, который теперь осадил лошадь рядом с принцем. Через открытый забрал я узнал широко улыбающегося барона ди Кортия. — Никто больше не выглядит, как имперский генерал!

С Храмовой площади донёсся звон колоколов, пробивших восемь раз.

Наступила полночь, и осталось всего пять дней до королевского совета.

41. Гордость Алдана

— Итак, если я правильно понимаю, генерал, — немного позже сказал принц, — мы должны поехать с вами на эту старую оборонную станцию в земле Рангор и там воспользоваться магическим порталом, который одним махом перенесет нас в Аскир?

После битвы с некромантом он по длинным темным коридорам и по широким лестницам провел нас в оборонительную башню, где были его покои. Комната, в которой мы сейчас находились, была обставлена тяжелой мебелью, с коврами, защищающими стены от холода, и с подсвечниками в каждом углу.

Перед нами на могучем столе, напоминающем боевой корабль, стояли две открытые бутылки вина. Принц раздал девять кубков, прежде чем самому взять первый. Девятый был предназначен для молодой женщины со светлыми волосами и ярко-голубыми глазами, баронеты Левин, несомненно, сестры баронета фон Фрайзе.

Она была одета в обычное для Алдара платье: с высоким вырезом, но облегающим фигуру. Спокойно сидя на стуле, она свободно держала в руке чашу и внимательно следила за окружающими. Принц не представил ее нам и не дал никаких объяснений, но для алднаца было удивительно, что ей вообще позволили присутствовать. С другой стороны, она была дочерью регента и его кузиной. Хотя она сидела тихо и скромно, я почувствовал, что к ней относятся вполне серьезно.

Серафину и Гренски принц также старательно игнорировал, только Зокора ненадолго выбила его из колеи, когда он понял, что она темная эльфийка. Он на мгновение уставился на неё, прежде чем вспомнить, что на самом деле её нет.

По крайней мере, кубок он предложил и «невидимым» гостям женского пола.

— Именно так, — ответил я на его вопрос.

— Выберите себе сопровождающих. Но не очень много, так как придворные могут доехать до Аскира и верхом. Только нам следует поторопиться.

Он и баронет фон Фрайзе могли бы быть братьями. Принц обладал таким же резко очерченным носом и квадратным подбородком, хотя его глаза были немного темнее, что облегчало встречу с его взглядом.

— И вы попали в Алдар через подобный портал, но он разрушен и через него нельзя вернуться обратно?

— Да.

— И я должен этому верить?

— Как вы только что сказали, вы проснулись, когда барабаны затихли, и обнаружили, что солдат в черных доспехах собирается перерезать горло одному из ваших советников. Во дворе вашего замка лежат туши легендарных летающих змей, священники в вашем городе призывают к молитве из-за войны богов... — Я сделал глоток. — Я, конечно, не стану оскорблять вас, предписывая, во что вы должны верить.

— Прекрасно сказано, — пророкотал он, бросив на меня предупреждающий взгляд. — Но к чему торопиться? У меня ещё есть несколько дней.

— Легион врага движется нам навстречу, поэтому нужно спешить.

— Легион врага?

Я пожал плечами.

— Рангор позволил ему пересечь их землю и даже продает еду. Он движется в сторону

Алдара.

— Вы уверены в этом? — резко спросил он.

— Мы получили подтверждение несколько отрезков свечи назад.

— Они собираются нас осадить, — заметил он, задумчиво поглаживая аккуратно подстриженную бороду. — Когда они будут здесь?

— Через четыре или пять дней, возможно, шесть, тогда они уже будут за вашими стенами.

— Боги! — воскликнул он. — Как раз тогда, когда я буду просиживать себе задницу на этом королевском совете! — Он повернулся к ди Кортии. — Сколько гвардейцев мы можем собрать?

— Четыреста три. Но мы должны оставить в городе по меньшей мере триста человек, потому что волнения еще не закончились, — сообщил ему барон.

— Это полный легион, то есть десять тысяч солдат, — заметил я и сделал еще один глоток. Вино было тяжелым, сладким и прилипало к зубам, но на данный момент я не имел ничего против.

— Там есть два перевала, — заметил принц. — Вы знаете, какой они выберут?

— Скорее всего Железный. Это более короткий путь. И враг знает, что оборонительные станции там не охраняются.

— А у Кеслера либо нет яиц, либо он не может оторвать свою задницу от трона, чтобы что-нибудь предпринять против них! Кеслер — это король Рангора, — объяснил он, увидев мой взгляд. — Кеслер Второй. Первый уже был ничтожеством, а его сын думает, что настолько хорош, что срёт золотыми монетами!

Постепенно я начал понимать, почему в Алдане женщины не участвовали в таких встречах. Если учесть то, что у самого Тамина была репутация легковеса, который больше гонялся за женскими юбками, чем занимался чем-либо ещё, эта ругань вызывала удивление. С другой стороны, он с лёгкостью пронзил копьём виверна.

Возможно, за его внешней оболочкой скрывалось нечто большее.

— А что насчёт народного ополчения? — спросил Тамин у барона.

— До послезавтра на валах у нас будет четыре тысячи, — отозвался он. — И ещё три тысячи на четвёртый день.

— Ну, по крайней мере, враг не найдёт нас голыми, — проворчал принц. — Алдар будет осаждён, а я должен бежать с вами? — выругался он и впился в меня взглядом. — Алданец, бегущий от врага? Это будет стоить мне трона.

— Есть способ, но он нарушает договор, который, как мы знаем, скоро станет недействительным, — спокойно промолвил я. — Ведь Рангор уже сейчас его нарушил.

— Можете объяснить подробнее? — спросил Тамин.

— Насколько я могу судить, королевский совет потерпит неудачу.

— Почему королевский совет должен потерпеть неудачу? Он сохранял мир уже семьсот лет!

— Под принуждением. Я даже слышал, что в особенности Алдан стремится к тому, чтобы освободиться от невыносимого ига Имперского города. Судя по сегодняшнему положению, вам достаточно открыть врагу ворота вашего прекрасного города, и это желание исполнится. У вас здесь прекрасный королевский замок. Как думаете, на что отважатся другие коронованные особы, чтобы сохранить его для вас?

— Не на что, — прорычал Тамин. — Вы даже не пытаетесь подбирать слова для своих

угроз. То, что вы только что сказали, было грубо!

— Где вы усмотрели угрозу в моих словах? — вежливо спросил я. — Я говорю так, как вижу. И Аскир не угрожает вам, мы просто не посылаем войска туда, где они нежеланны.

— Значит вы будите просто смотреть? А что будет с Аскиром, если союз распадётся?

— Тогда Империя возродиться вновь и отразит врага. Есть те, кто понимает, что раздор и вражда между Семью королевствами только ослабили каждое из них. До заключения договора этот легион врагов не смог бы даже добраться до Рангора. — Я пожал плечами. — Я только и слышу, что Алдару не нужен Аскир. Вот ваш шанс доказать это.

Его глаза сузились.

— Генерал... — начал он.

— Тамин, — тихо сказала баронета. — Он лишь озвучил то, что вы и так уже знаете в глубине души. — Она встала и подошла к нему. — Генерал, скажите нам, какова ваша цель.

Ни Тамин, ни ди Кортия, казалось, не замечали её, но принц замолчал в ожидании. Я, как мог, скрыл своё удивление и ответил на её вопрос.

— Я думаю, было бы хорошо, если бы союз распался и новая империя выросла из той же почвы, что и старая. Под правлением дракона Алдан был самым богатым и могущественным из королевств. Как говорится, вместе мы сильны. Однако уже становится очевидным что произойдёт, если империя разделится. Но это всего лишь мои мысли... Политику и другие вопросы решает только комендант. И вы, Ваше Величество. И, конечно, враг у ваших стен.

Тамин уставился на меня.

— Разве у вас не сводит живот, когда вы говорите такие вещи? — прорычал он.

— Да, Ваше Высочество, в самом деле. Я не хочу видеть Алдан под игом императора-некроманта. Хотя... полагаю, это будет не в первый раз.

Тамин моргнул, в то время как ди Кортия выругался.

— Король Рогамон. Призрак из вашего прошлого, — светским тоном объяснил я. — Он скрывается за Колароном. Он хочет вернуть то, что Асканнон забрал у него. — Я преувеличенно обвёл взглядом присутствующих. — Вы этого не знали? Он идёт, чтобы освободить всех вас от ига императора.

42. Бегство из Алдара

— О Хавальд, он чуть тебя не убил, — сказала Серафина, когда чуть позже конюх привёл молча нам наших лошадей.

— Да, — согласился Бликс, с восхищением глядя на меня.

— И что теперь? — спросил Варош, садясь на коня.

— Здесь мы закончили, — ответила ему Зокора. — А в Аскире всё ещё ждёт некромант. Направимся к этой оборонительной станции, пройдем через портал в Аскир. Я хочу быть там к утру, чтобы закончить читать книгу.

— Для нас это значит, что мы возвращаемся на базу, — заметил Бликс. — Должен сказать, было приятно поработать с вами! Вы действительно собираетесь оставить принца мучиться?

Я открыл рот, чтобы ответить.

— Нет, — отозвалась Зокора. — Определить хороший шантаж можно по тому, если жертва понимает, что выхода нет. Нам лучше поторопиться, иначе они догонят нас ещё в городе. — Она оскалила зубы. — Не стоит облегчать им задачу.

Они догнали нас на полпути: принц, баронета Левин и десять гвардейцев в тяжёлых доспехах. Что стало неожиданностью, поскольку я предполагал, что их будет больше. Мы остановились и ждали, пока они нас догонят.

— Вы приставили клинок к моей шее, — пожаловался принц, едва приблизившись к нам. В темноте я мог различить только тень его глаз под открытым козырьком, но этого было достаточно, чтобы понять, как сильно он разгневан.

— Нет, — спокойно возразила я. — Это не мой клинок. Я просто показываю вам способ, как его убрать. — Я огляделась вокруг. — Где барон ди Кортия?

— Он готовит город к осаде. Если возможно, он присоединится к нам позже. Моя свита отправится в Аскир через два дня обычным путем. Интересно, сколько из них вдруг захочет поехать, когда станет известно, что враг движется против нас!

Я посмотрел на баронету. Она была одета в лёгкие кожаные доспехи и спокойно сидела на лошади. Чтобы управлять ей, несомненно, нужно было иметь опытную руку. Я до сих пор не мог понять, как алданцы относятся к своим женщинам. Во всяком случае, их влияние было больше, чем они сами признавали.

— Можете ли вы пообещать мне, что этот легион не дойдёт до Алдара? — спросил принц.

— В этом вам нужно убедить коменданта, а не меня, — ответил я. — Не я принимаю решения.

— Нам лучше продолжить путь, — заметила Зокора. — До утра осталось всего несколько отрезков свечи.

— Она права, — согласился я. — Вы можете обсудить всё это с комендантом. Если пожелаете, то потом можете вернуться через портал в свой прекрасный город.

— Хм, — хмыкнул он, бросив на меня холодный взгляд. — Вы действительно думаете, что это Рогамон?

— Я с удовольствием объясню вам, как мы пришли к такому выводу, — вежливо сказал я. — Но теперь давайте поедем.

Дорога до Железного перевала была достаточно хорошей, чтобы ехать быстро даже

ночью. Только когда пришлось искать путь к оборонительной станции, мы замедлились, хотя и ненамного. Зокора скакала впереди, и всё что нужно было нам, это держаться за неё.

Когда в поле зрения появилась оборонительная станция, я тихо выругался, потому что там горели огни.

Зокора без слов вложила поводья в мою руку и исчезла.

— Куда она пошла? — спросил принц.

— Полагаю, она разведывает противника, — ответил я.

— Вы позволяете женщине ходить в разведку?

— Она умеет это делать лучше всех, — заметил Варош.

— Вы совершаете ошибку, если недооцениваете женщин, — добавила Серафина.

— Он это знает, — неожиданно ответила баронета. — Просто не смеет говорить.

Принц ничего на это не ответил, но мне показалось, что я вижу его улыбку.

Я достал свою подзорную трубу и навел её на оборонительную станцию вдаль, как раз вовремя, чтобы увидеть, как внезапно исчез охранник на стене.

Всё оставалось спокойно. Я продолжал смотреть в трубу, но больше ничего не случилось.

Зокора вышла из тени так внезапно, что испугала даже меня. Я тихо выругался и стал успокаивать Летящего Ворона, который тоже не оценил, когда темнота выплонула рядом с ним маленького эльфа.

— Их было всего двенадцать, — сообщила она нам, принимая от меня поводья и забираясь на спину своей лошади. — Передовой отряд и один наездник вивернов.

Она поскакала дальше.

— Теперь мы знаем наверняка, что они хотят пройти через этот перевал. А что с виверном?

— Я одурманила его, он спит в конюшне. Я пока не знаю, что нам с ним делать. Это упрямые зверюги, и ночью они вялые. Я бы предпочла грифона.

— Спросите, что случилось со стражей, — попросил принц.

— А что с ней? — спросила Зокора. — Они мертвы, иначе я вряд ли направилась бы к станции так открыто.

— Они мертвы? — ошеломленно спросил принц, в то время как Варош прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться вслух.

Зокора аккуратно выложила мёртвых в ряд. В конюшне, рядом с виверном. Я молча окинул взглядом этот ряд.

В руке Зокоры появился маленький огонек, из-за чего принц, стоящий рядом со мной, выругался. Она направила его над телом одного из мертвых.

— Посмотри на обувь.

На труп были сапоги, но они были искусно залатаны, подошва местами даже заменена верёвкой. Затем свет полетел вперёд и осветил лицо: мужчина был до того исхудавшим, что остались кожа да кости. Только один из двенадцати не был измождён, на нём были лёгкие доспехи наездника вивернов.

— Как далеко до того места, откуда они пришли? — спросил принц, который тоже осматривал мертвые тела.

— Наверняка три тысячи миль, — сообщил я ему. — Через пустыню, снег, лёд горы и земли варваров.

— Боги! — воскликнул он. — Они чуть не умерли от марша!

Зокора опустила на колени рядом с телом и открыла ему рот. Половина зубов отсутствовала, остальные тоже были едва ли здоровы.

— Император-некромант не очень хорошо обращается со своим солдатами, — заметила она, вставая, в то время как Серафина вышла из главного дома, чтобы сообщить нам о том, что нашла портал.

— Но это также означает, что каждый из них — закалённый ветеран, привыкший к лишениям, — задумчиво промолвил принц. — Дайте им еду, питьё и день отдыха, и они будут сражаться, как демоны!

— Наездник виверна был некромантом?

— Нет, — ответила Зокора. — Этот нет.

Переправить лошадей через портал оказалось не таким простым занятием. Они были беспокойны, что я вполне мог понять, но, в конце концов, нам это удалось. Я шёл последним и убедился в том, что дверь заперта. Она была хорошо спрятана в задней части стены, между кухней и кузницей. Нам самим пришлось искать её, и оставалось надеяться, что враг её не обнаружит. Я огляделся, делать здесь больше было нечего, поэтому я бросил последний камень.

Мне следовало подождать ещё немного, прежде чем следовать за остальными, потому что одна из лошадей не хотела подниматься по насыпной рампе. Она всё ещё стояла в портале и лягнув, помяла мой нагрудник, который даже после схватки с тёмным священником остался почти невредимым.

— Мы рады видеть вас, — поприветствовала меня Дезина, пока я ослаблял ремни, чтобы снова свободно вздохнуть.

— Разве вы не хотели быть сейчас в Остмарке? — спросил я обоих, но Сантер покачал головой.

— Когда она отправила вас через портал, раздался глухой стук, вспыхнули голубые огни и порыв ветра чуть не загнал нас в портал. Было ясно, что что-то пошло не так. Мы уже опасались худшего.

— Что ж, теперь мы вернулись, — сказал я, глядя на неё. — Сколько сейчас время?

— Два отрезка свечи после первого колокола, — сообщил мне Сантер. — Мы уже об всём слышали. Два проклятых и путешествие в Алдар и обратно менее чем за пять отрезков свечи!

Он тихо засмеялся.

— Я также должна поблагодарить вас за кое-что ещё, — промолвила Дезина. — Асела пришла в Совью башню... Что является достаточным доказательством того, что на ней больше нет проклятья. Она сказала, что вы убедили её помочь мне. — Она посмотрела вниз, на свои руки. — Это странно. Я сталкивалась с ней в бою и ощущала в ней это зло, но теперь всё иначе. Время её ожесточило, но всё равно она мне нравится. Мне кажется, я знаю её почти всю свою жизнь.

— Да, — сказал я. — Я завидую Серафине. Она знала их всех до того, как они стали жертвами проклятия Коларона. — Я огляделся вокруг. — Где принц?

— Принц Тамин? Он и женщина вскочили на коней, как только поняли, где находятся, и поскакали к цитадели. — Сова усмехнулась. — Он сказал что-то о том, что хочет увидеть коменданта и его не волнует, спит тот ещё или нет.

— Есть ли какие-нибудь зацепки, где прячется другой проклятый? — спросил я, взяв поводья Летящего Ворона.

— Нет. Этот Тивстирк исчез, как будто его никогда и не было, — ответила Дезина.

— Если бы это действительно было так, — мрачно промолвил Сантер. — Боюсь, мы ещё услышим о нём.

Подъезжая к цитадели вместе с Серафиной, я почти боялся, что Орикес перехватит меня, но никто нас не потревожил. Мы расстались перед моими апартаментами. Я не получил от нее ничего, кроме улыбки, затем вошёл, сбросил доспехи на пол и плюхнулся на кровать.

Не успел я закрыть глаза, как раздался стук в дверь. Я тихо выругался, с трудом поднялся и обнаружил за дверью Армина, смотревшего на меня сияющими глазами. Он был одет в простые одежды. В порту вряд ли бы кто-то обратил на него внимание.

— Эссери! — приветствовал он меня, сияя от радости. — Случилось чудо! Янас излечивается от чумы, а народ негодует, потому что истинный виновник теперь разоблачён! Во всех храмах люди молятся о наказании этого Коларона, и сегодня утром сбежавшие слуги вернулись и позволили себя наказать в доказательство своего раскаяния. А моё сердце — львица, она подняла голову и гордо носит её. И всё это благодаря вашей предусмотрительности! Я бросаюсь к вашим ногам. — Он тут же так и сделал, растянувшись на пороге, в то время как охранники за дверью делали вид, что не замечают. — Если бы вы тогда не добились своего, джинны не пришли бы выразить свою благодарность! — пробормотал он с пола.

— Армин, вставай! — резко промолвил я, потянув его вверх. — Я думал, что ты уже избавился от этой привычки.

— Так получилось, — стыдливо сказал он, когда я закрывал дверь. — Я должен признать, что пару раз сомневался в вашей мудрости. О господин, я так счастлив видеть, что моя львица снова улыбается, всё это сильно её тяготило.

— Я больше не твой хозяин, — уточнил я.

— Только потому, что мной управляет моя любовь, иначе я всё ещё служил бы вам с радостью!

— Почему ты здесь? — спросил я.

— Моя львица устраивает сегодня пир, — объявил он. — Вы должны прийти, иначе я пропал. Я не могу пойти к моему цветку и разочаровать её! — Он подпрыгивал на месте. — Я уже всегда знал, какой вы герой, и сегодня ночью вы опять это доказали: спасли принца Алдана, убили дюжину проклятых, и всё это всего за два отрезка свечи! — Он поклонился мне так низко, что его лоб почти коснулся земли. — Мне пора возвращаться, рассказать моему цветку, что вы придёте. Она сильно обрадуется!

Я увидел ещё только, как он счастливо улыбнулся и исчез в двери. Я всё ещё смотрел на неё, когда снова постучали, на этот раз это была Серафина.

— Скажи, от тебя только что вышел Армин? — спросила она, глядя вниз по коридору.

— Да, — вздохнул я. — Это был он. Что такое?

— Комендант хочет нас видеть. И Хавальд? Сначала накинь на себя что-нибудь.

Я посмотрел на себя. Я спал так крепко, что забыл захватить с собой простыню. Я поспешно захлопнул дверь перед носом Серафины, но ещё слышал её хихиканье.

Комендант стоял у окна и смотрел на улицу, заставив нас ждать. На мне снова была униформа, и я даже побрился.

Потребовалась целая вечность, прежде чем он повернулся, окинул нас обоих проницательным взглядом, а затем вздохнул.

— Ранее я видел на площади цитадели некую сэру Аселу, углублённую в разговор с Дезиной и Сантером. Она вежливо кивнула мне, а Дезина объяснила, что вы убедили проклятую поддержать её.

— Да, — лаконично ответил я.

Он пронизывающе посмотрел на меня.

— Полагаю, я должен поблагодарить вас за то, что вы доставили принца Тамина в целости и сохранности в имперский город, но когда он попросил о встрече со мной сегодня утром, мне было не до благодарности. Я не спал всю ночь, размышляя. Если Алдар падёт, враг окажется у наших дверей, и мы потеряем нашего самого важного союзника. Боги! — выругался он. — Видите, я всё-таки прислушался к вашим аргументам! — Он в недоумении покачал головой. — Затем пришёл принц Тамин и сказал, что Алдан готов вновь присоединиться к империи, если я отправлю этот проклятый легион к перевалу.

— Вы прислушались? — напряжённо спросил я. — И дали ему своё согласие?

— Полковник Копья Мерин из Третьего легиона получила приказ подготовить войска и взять снаряжение из оружейной ещё до вашего возвращения из Алдара. Прибудь вы туда всего на один отрезок свечи позже, и встретили бы полковника уже там. Рангор вряд ли сможет пожаловаться на то, что мы уничтожаем врага, которого, по его словам, не существует.

Я вздохнул от облегчения.

— Хорошо. У нас всё получится. Мы ведь были там сегодня утром. В темноте видно не так много, но я скажу вам: если мы удержим это ущелье, не пройдёт ни один легион.

— Это всё, что вы можете сказать?

— Ещё то, что это было правильное решение.

— Да, — нехотя ответил он. — Я это тоже понял. Вы действительно думаете, что Коларон — это старый король Алдана?

— Либо это он сам, либо он оседлал Коларона. Только так всё встаёт на свои места.

— Да, — вздохнул он. — Вы долго и подробно мне это объяснили. Но причина, по которой я послал за вами, другая. Я поговорил с Пертоком и представил ему доказательства. Было нелегко убедить его действовать так, как вы предложили. Он подчиняется Борону, а бог не ведёт дел с преступниками. В конце концов, мне удалось убедить его, что они искупят свою вину способом, который причинит им больше всего боли. Шестеро из них отказываются. Думаю, вы знаете, кого я имею в виду. Он примет против них меры.

— Приятно это слышать.

— Так вы решили придерживаться своего плана? — спросил он, и я заметил, что Серафина удивилась последним словам. — Пока вы ещё можете отступить.

Я покачала головой.

— В долгосрочной перспективе для Аскира будет лучше знать, кто им правит.

— Ты хочешь разобраться с торговым советом? — тихо спросила Серафина, когда мы спускались по широкой лестнице.

— Да.

— Потому что он собирался предъявить тебе обвинения?

— Собирался? Он всё ещё собирается. Но дело не в этом.

— Что тогда?

— Большинство членов совета уже развращены жадностью и больше не верят в то, что закон может их покарать. Они считают себя законом. В мирное время с этим можно

мириться, но не во время войны. У них нет совести. Я видел доказательства того, что один из них поставлял на флот испорченное мясо, зная, что оно испорчено. Это может убить всю команду. По словам Орикеса вначале все было не так уж плохо, но с течением веков всё усугубилось.

Теперь места в торговом совете передаются по наследству. Но задумка была не такой. Комендант едва ли смеет идти против него. Но я думаю, что нашел выход.

— И какой? — спросила Серафина.

— Я использую их же методы. — Я посмотрел на солнце; ещё был не совсем полдень.
— Когда состоится казнь?

— Когда пробьёт пятый колокол.

— Тогда у нас ещё есть немного времени. Предстоит ещё многое сделать.

— Что ещё ты планируешь?

— Я не планирую, просто перемещаю фигуры куда следует, чтобы они были там, когда понадобятся мне, — объяснил я.

— Какие фигуры ты собираешься переместить ещё?

— Торговый совет. Вреду, которая должна стать настоящей королевой. Сэру, которая любит цветы. Тогда всё пойдёт своим чередом. — Я остановился и взял её за руку. — Я не знаю, что произойдёт на этом королевском совете. Я просто хочу быть готовым. Скоро всё закончится.

Она подняла на меня глаза.

— Или все только начнётся.

— Да, — согласился я. — Или начнётся.

— О какой сэре ты говоришь? Мы все любим цветы.

— Не так сильно, как она, — ответил я. — Давай попытаемся найти Рагнара. Тогда ты поймёшь, что я имею в виду.

— Я слышала, он часто бывает в Серебряной Змее. — Он снял там комнату, — сказала она.

— Это объясняет, почему его храп больше не беспокоит меня.

43. Рагнарскраг

— Я поговорил с Ангусом, а также с Вреддой, — доложил мне Рагнар. Мы в самом деле нашли его в «Серебряной Змее», теперь мы сидели с ним в гостевом зале, который в это время был почти пустым и налегали на хороший завтрак.

Рагнар ел без аппетита, а его глаза были красными, он выглядел переутомлённым.

— Пиво было хорошим? — спросил я.

— Проблема не в нём, — простонал он. — Это была медовуха. Я из забыл, как из-за неё пересыхает на утро во рту. — Он огляделся по сторонам, прежде чем тихо продолжить. — Пир был прямотаки спокойным. Мы с Эрлафом играли в молчанку, и случилось всего четыре драки. Я не принимал участие ни в одной. Потребовалось некоторое время, прежде чем у меня получилось поговорить с Вреддой без посторонних ушей. Хавальд, Эрлаф отомстил ей за потерю руки, — сказал он, мрачно сузив глаза. — Вреда так страстно ненавидит его, что это пугает даже меня, и она не намерена позволить ему стать королём. Её план состоял в том, чтобы убить его в постели, если ему удастся заставить её выйти за него замуж.

— Сойдёт ли ей это с рук? Ведь она королева.

— Возможно, но вероятность очень мала. Об Ангусе она уже слышала и, как она сказала, взяла бы в мужья даже козла. Однако Ангус нравится ей больше.

— Её не беспокоит тот факт, что он оборотень? — с любопытством спросила Серафина.

— Нет, — объяснил Рагнар. — Даже если есть риск, что его ребёнок может убить её во время родов. Как-никак, это обеспечит крепких детей, которым будет легче выжить. — Он посмотрел на неё. — Не то, чтобы он превращался в волка каждую ночь. Это дар богов, а не проклятие.

— А Ангус?

Он вздохнул.

— Он не был в восторге от железного трона, но, когда я описал ему Вредду, он не стал возражать. Казалось, он почти забыл об этой Эльгате. Ему натерпелось увидеть её, и он укорял меня за то, что я не описал ему грудь Вредды. — Он поковырялся в своей еде. — Когда я сказал ему, что она похожа на свою мать, я полностью завладел его вниманием. Он ещё хорошо её помнит. — Он вздохнул. — Я люблю Ангуса как брата... Даже больше, если подумать, что трое из них пытались меня убить, но Ангус... Ему нужны хорошие советники, если он хочет стать королём.

— Ты поддержишь его, — уверил я. — Если Вреда умна, он преуспеет.

— О, она умна, — заметил Рагнар, глядя на меня. — Даже без твоего плана теперь я не смог бы оставить Эрлафа в живых. Не после того, как узнал, что он сделал с ней. Он хуже моего отца. Есть только один минус.

— И какой?

— Вреда хочет не только голову Эрлафа. У неё четырнадцать имён, и головы, принадлежащие этим именам, должны быть насажены на шесты...

— Что они сделали?

— Обесчестили её. С согласия Эрлафа и у него на глазах. Она не может и не будет терпеть, чтобы они продолжали жить и хвастались тем, что спали с королевой. Серди них есть влиятельные воины. Она взяла с меня клятву, что я позабочусь об этом, что бы с ней ни

случилось. — Он посмотрел на меня страдальческими глазами. — Я не знаю, как объяснить это Эресе, но Врелда — моя сестра, и всё это случилось с ней потому, что я ушёл, оставив её одну.

Серафина положила свою руку на его руку.

— Я уверена, что она поймет, — сказала она, — Во всяком случае, я понимаю.

— Если тебе нужна будет помощь, обращайтесь ко мне, — предложил я. — Потому что я тоже хочу попросить тебя об услуге. Я хочу, чтобы ты расколол мир для одной сэры.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Увидишь. Для этого потребуется самый могучий удар, который земля не видела с тех пор, как на ей жили великаны, и об этом будут петь даже через тысячу лет.

Рагнар посмотрел на меня.

— Теперь ты разбудил во мне любопытство.

Я не подумал о том, что портал будет в использовании, когда мы добрались до дома Дезины. Бесконечная вереница легионеров столпилась на улице, почти каждый из них был вооружён арбалетом и колчанами, под тяжестью которых они сгибались. Прошло некоторое время, прежде чем мы смогли использовать портал. На этот раз я не стал скрывать, куда мы направляемся. Я всё равно подозревал, что лейтенант не обратит внимание на комбинацию наших камней, а просто снова настроит их на оборонительную станцию на перевале.

На этот раз выбраться из храма в Коларисте было легче. Рагнар одной рукой отодвигал в сторону глыбы, над которыми я трудился бы на протяжении нескольких отрезков свечи.

Когда они увидели город, у Рагнара и Серафины перехватило дыхание.

— Боги, — выдохнула Серафина. — Где мы, и что это такое?

— Сердце врага, — хрипло ответил я. — Чтобы выиграть войну, мы должны будем взять этого монстра.

— Для этого будет недостаточно и сотни легионов, — прошептал Рагнар. — Что это за город? В нём нет ничего естественного!

— С тех пор как я впервые увидел его, я размышлял о нём, — тихо промолвил я. — Он напоминает мне муравейник. Об этих трудолюбивых насекомых говорят, что они повинуются только одному голосу, и здесь всё точно так же. Коларон контролирует все разумные создания в этом городе, и вот результат. Вот что происходит, когда каждый житель следует чужой воле. Он поработил их всех.

— Если мы проиграем... Ты хочешь сказать, что именно так будет выглядеть наше будущее? — выдохнула Серафина.

— Да, — тихо ответил я. — Но мы не проиграем. Вот почему мы здесь, мы попросим помощи.

— И кто же поддержит нас в борьбе с этим чудовищным городом? — спросил Рагнар, который показался мне немного бледным.

— Сейчас покажу, — отозвался я. — Видите эти цветы? Каждый из нас должен сорвать один, чтобы преподнести ей подарок.

«Ты вернулся и привёл друзей», — промолвила она, в то время как Рагнар и Серафина ещё изумлялись. «Теперь ты хочешь освободить меня, хотя мы не знакомы. Но это вряд ли получится. Ты не настолько могущественен.»

Рагнар пришёл в себя и оживился.

— Это всего лишь цепь!

«Нет. Если ты хочешь освободить меня, ты должен расколоть кандалы, которые лишают

меня дыхания и сил. Они больше тебя, и даже если я склоню к тебе шею, ты едва дотянешься до них... О...» — Она повернула голову ко мне и посмотрела своими выгоревшими глазницами. «Кажется в твоём друге скрыто больше, чем я думала.»

— Это верно, — подтвердил я.

«Тогда я прошу, чтобы он не промахнулся и ударил точно в кандалы. Было бы нелепо, если бы после стольких веков благонамеренный удар стоил мне жизни.»

— Этого не случится, — сказал Рагнар. — Я могу отрубить крылья мухе так, что та этого даже не заметит.

«Тогда я испытаю твои слова на собственной жизни.»

С изящной элегантностью узкая голова опустилась к земле, когтистая лапа поправила массивные кандалы на шее.

— То, что ты сейчас увидишь, ещё никогда не лицезрели в эту эпоху, — прошептал я Серафине. — Не было такого с тех пор, как последние великаны жили на земле.

— Как ты об этом узнал? — спросил Рагнар, крепко сжимая свой топор.

— Ты сам сказал мне. Что ты их потомок. Но я не совсем верил, пока не подержал в руках Рагнарскраг, — ответил я. — Давай Рагнар, поторопись, пока император-некромант не заметил, что здесь происходит.

Он выглядел неуверенным.

— Просто сделай это. Этой сэре нужна твоя помощь, неужели ты хочешь заставить её ждать ещё дольше?

Он посмотрел на меня, потом засмеялся.

— Вряд ли!

Он поднял топор и спустился по склону.

— Боги! — снова выдохнула Серафина, да я и сам не мог оторвать взгляда, потому что с каждым шагом, который делал Рагнар, он становился всё выше и выше, пока под его шагами не задрожала земля.

Когда он остановился рядом с сэрой, он возвышался как башня, почти не уступая ей в размерах. Он нагнулся, поднял камень, размером больше двух домов и подсунул под кандалы, сковывающих дракона. Затем он отступил назад, посмотрел на нас, широко ухмыльнулся и поднял свой могучий топор двумя руками.

— Хоар! — крикнул он так громко, что задрожала земля, а птицы в испуге разлетелись в стороны. Он поднял тяжёлое лезвие до облаков, и теперь оно мчалось вниз, как конец миров. И с потрясшим мир треском расколело кандалы и камень, и основание горы.

Даже дракон, казалось, оцепенел, но Рагнар не стал колебаться. Двумя руками он разогнул кандалы и не только: между его могучими пальцами сломались и другие оковы, удерживающие её три оставшиеся ноги.

Сверху послышался ужасный крик. Я поднял голову и увидел, как один из мелких драконов пронёсся вниз, прямо на Рагнара, который почти небрежно схватил чудовище одной массивной рукой, раздавил и отбросил в сторону. Затем он повернулся и побежал к нам. Земля продолжала трястись, и позади нас древние руины рухнули.

Пока он бежал, он снова становился меньше. Перепрыгивая через открывшиеся в земле разломы, словно заяц, он ухмылялся во всё лицо, а за его спиной дракон замерцал, и из покрытого шрамами обрубка выросла новая нога и развернулись могучие крылья, которые только что ещё были искалечены.

«Мы ещё встретимся», — сказала нам сэра, затем поднялась в воздух, взмахнув

могучими крыльями и взлетела так быстро, что её едва было видно. «Спасибо за ваши цветы.»

— Хавальд! — крикнул Рагнар, бросаясь ко мне и отбивая камень, который наверняка убил бы меня.

— Не стой как дурак! Нам пара уходить!

Мы побежали, до входа на лестницу было недалеко, но даже здесь внизу трещины расползались, и с потолка сыпались камни.

Мы прыгнули в портал, когда с потолка вокруг нас уже падали глыбы. Я накрыл собой Серафину и почувствовал сильный удар в спину. Поспешно опустив последний порталный камень, я оказался в портале Аскира, а рядом со мной по полу катился чёрный камень.

Рагнар выпрямился, потряс головой и рассмеялся, взял камень и небрежно выбросил его. Затем помог Серафине подняться на ноги.

— Убирайтесь из портала! — крикнул лейтенант, подняв руку, он загибал пальцы, отсчитывая мгновения. — Быстро!

Если не следить за краем, портал мог разрезать человека на две части. Я бросился в сторону, и уже через мгновение в портале появился связанный цепями виверн, который уставился на меня ядовитым взглядом.

Рагнару и Серафине тоже удалось выбраться, и теперь мы, задыхаясь, стояли в стороне и наблюдали, как виверна загружают в телегу шесть крепких Быков.

— Куда вы отправляете зверя? — спросил я одного из солдат.

— Перья хотят на него взглянуть. Предположительно, этих существ можно приручить!

Лучше они, чем я. Я ещё хорошо помнил разинутую пасть, ожидающую нас, когда мы пытались выйти из сторожки в Алдаре.

— Если бы зверюга не смотрела так злобно, она была бы почти красива, — заметил Рагнар, опираясь на свой топор. Он посмотрел на меня и широко ухмыльнулся. — Эриса никогда не простит тебе, что я увидел более красивую сэру, чем она... Боги, кто она такая? — спросил он.

— Я думал, что знаю, — тихо ответил я. — Но я ошибся, иначе она пошла бы с нами.

— Неважно, кем она была, — сказал Рагнар. — Уже только за то, что только что произошло, стоило жить!

Мы последовали за виверном в телеге вверх по рампе и направились обратно в цитадель.

— Кем ты её считал? — спросила Серафина тоном, который показывал, что она ещё не отошла от зрелища, которое явил дракон.

— Я подумал, что она может быть потерянной императрицей, — тихо объяснил я, как только мы оказались вне пределов слышимости других людей. — Казалось, всё сходится. Это Коларон держал её в плену, а об императрице я знал, что народ глубоко на юге считает её богиней. Она была искалечена и ранена...

— И ты думаешь, что такой дракон не стал бы сопротивляться, когда на него напали? — недоверчиво спросила Серафина.

— Она была в плену, как бы это не случилось. Возможно, в своей человеческой форме она не так сильна.

— Хавальд, как ты додумался до такой идеи? — в недоумении покачала головой Серафина.

Я указал вверх, на цитадель, где развевалось знамя Аскира. Рагнар и Серафина

проследили за моим жестом.

— Клянусь бородой Борона, — выругался Рагнар. — Прямо у нас под носом!

— О, — промолвила Серафина. — Понимаю!

Потому что золотой дракон на этом знамени до мельчайших деталей был похож на сэру.

— Это было очевидно, — тихо сказал я. — По крайней мере, я так думал. Но если бы она была императрицей... она бы пошла вместе с нами.

— Что ж, — заметил Рагнар. — Я могу сказать тебе две вещи. Во-первых, когда я буду старым и седым, я всё ещё буду вспоминать этот день и прожужжу все уши моей Эресе, рассказывая о нём. Во-вторых... Ясно одно: она не друг императора-некроманта. — Он почти нежно провёл рукой по топору. — Пусть проклятый попробует захватить Колден! Его ждёт чудо неприятного характера.

— Это было чудо, Рагнар, — благоговейно произнесла Серафина.

— И какое!

— Хотел бы я так превращаться по своему желанию, — сказал Рагнар, и его улыбка померкла. — Я не великан, я просто их потомок. Это стоило мне много сил, и не только мне, но и Рагнарскрагу. Теперь топор стал слабее. Но, клянусь богами, нанести один этот удар стоило того. Он в самом деле расколол мир!

По крайней мере, он сотряс его. Мне было интересно, что подумал Коларон, когда узнал об её победе.

— Знаешь, что я думаю? — спросила Серафина, когда мы сели за покинутый ранее стол в «Серебряной Змее». Рагнар решил, что за это надо выпить, и на этот раз я был с ним полностью согласен.

— Что?

— Что она из того же вида, что и отец богов, — благоговейно сказала она. — Она обладала теми же величием и достоинством, которые я чувствовала в нём.

— Тогда она и в самом деле была бы богиней, — промолвил Рагнар, поднимая свою кружку с пивом для тоста. — Тогда выпьем за неё, сэру с цветами! — Мы со звоном чокнулись, так что пена разлетелась в стороны.

— Ты обманул меня только в одном, Хавальд, — со смехом упрекнул меня Рагнар.

— Я тебя? — удивлённо спросил я. — Как это?

— Об этом не будет песни. А если и будет, то нам никто не поверит! — Он сделал большой глоток, так что пена прилипла к его бороде. — Но мне достаточно того, что я сам знаю, что сделал. И уже только за это я благодарю тебя, старик!

Я уже собирался схватить кружку левой рукой, но потом замер и выругался.

— Что случилось?

— Эта последняя, упавшая с потолка проклятая глыба сломала мне ребро! — тихо сказал я, осторожно меняя позицию.

Я сходил к лекарю в цитадели, который наложил мне тугую повязку и посоветовал не напрягаться, от чего я чуть не рассмеялся. Жгучая боль преподавала мне урок.

— Что вы такого сделали, генерал Копья? — спросил мужчина, когда я снова надевал свою униформу. — Вам следует научиться лучше обращаться со своим телом!

Я поймал себя на мысли, что было бы полезно, если бы Искоренитель Душ в ближайшее время нашел для меня жертву.

44. Казнь

Серафина и Рагнар ждали меня в моём кабинете, где я нашёл их погружённых в беседу. Пришло время казни, и мы вместе отправились в путь.

— Могу ли я сопровождать вас? — спросил лейтенант Штофиск.

— Пойдёмте! — крикнул Рагнар, хлопнув его по плечу так, что он зашатался. — Вы можете нести для нас пиво!

Снаружи к нам присоединилось отделение Быков, возглавляемое лейтенантом Копья Торисом, который объяснил мне, что в таких случаях принято иметь с собой охрану.

— Чтобы из толпы на вас не мог напасть убийца.

Уже у ворот, ведущих к храмовой площади, я понял, что он имел в виду. Люди столпились перед воротами вдоль всей улицы, и только громкий голос лейтенанта Ториса и угрожающе поднятые дубинки освобождали нам дорогу.

— Уступите дорогу генералу Копья! — продолжал кричать он. — С дороги! Расступитесь!

Я ожидал, что люди воспримут это плохо, но большинство охотно уступали дорогу, а многие улыбались, смеялись и с любопытством смотрели на меня. В какой-то момент ребёнка даже приподняли, чтобы он мог лучше меня видеть. Так мы медленно продвигались вперёд.

— Нужно было выйти раньше, — заметил Штофиск. — В такого рода делах полезно планировать заранее.

— Мы были немного заняты и нуждались в передышке, — объяснила Серафина лейтенанту.

— Это будет самая большая казнь за последние столетия. — Штофиск ослепительно улыбнулся. — С последней публичной казни проклятого прошло более восьмисот лет. Так как вы могли думать о чём-то другом! Что было настолько важным? — захотел он узнать.

— Мы преподнесли цветы одной сэре, — рассмеялся Рагнар.

У ворот солдаты увидели, что мы подходим и отогнали толпу, чтобы расчистить нам путь, но после стало ещё хуже. Храмовая площадь была одной из самых больших площадей Аскира — большое пустое поле, аккуратно вымощенное булыжником. Четыре больших храма образовывали квадрат и сами были окружены другими зданиями поменьше, которые в какой-то мере тоже служили вере: выпускающие учебники типографии, цветочные магазины, ателье или храмовые школы.

Повсюду были маленькие лавочки, где продавцы кричали во все горло, продавая вино, пиво, чай, выпечку и другие вещи. А ещё маленькие вышитые платочки с изречениями из книг богов, которые можно было приколоть к одежде.

Рассказчики пытались перекричать шум, указывая палками на доски, полные страшных историй, менестрели танцевали или показывали фокусы, а впереди, над головами толпы, маленькая девочка балансировала на канате. Повсюду я видел только улыбающиеся лица, полные ожидания, и один раз даже вора, который ловко срезал кошелёк.

Штофиск был прав, это был народный праздник, и мне это не понравилось.

Рагнар, казалось, смотрел на это иначе; он был в прекрасном настроении. Штофиск тоже подпрыгивал, словно проглотил мяч.

Боги тоже захотели присоединиться, над нами простиралось ярко-синее небо, а масса

людей была похожа на шумящий океан.

Потребовалось некоторое время, прежде чем мы добрались до места казни. От Штофиска я узнал, что большинство казней проходило в порту. Эта платформа из тяжёлых брёвен была возведена специально для Джоакина и Хельгса.

Позади него находилась трибуна, прислонённая к стене храмовой площади, которая уже была почти заполнена приглашёнными почётными гостями. Среди множества флагов были флаги Алдана и Бессарина. Коронованные особы прибыли, чтобы выразить своё почтение юрисдикции города Аскир.

Тот факт, что королевский совет откроет, как нарочно, жестокая казнь, казалось, никого не волновал.

Подойдя к платформе, наш эскорт присоединился к кольцу Быков, расположившихся в десяти шагах вокруг неё. С тяжелыми канатами в руках, они сдерживали напирющую толпу. Мы поднялись по широкой лестнице в поисках Лиандры. Мы быстро нашли ее, она разговаривала с комендантом. С каждым из королей было по четыре телохранителя, которые подозрительно оглядывались по сторонам. И комендант был в их числе: четверо солдат из Первого легиона Быков бдительно следили за опасностью даже здесь, на платформе, опираясь на свои тяжелые башенные щиты.

— Народ не всегда доволен правосудием, — объяснил мне Штофиск. — В данном случае все иначе. Если бы мы просто бросили Джоакина в толпу, они бы разорвали его на части.

Лиандра была не одна; Зокора и Варош тоже присутствовали. Варош снова одел мантию адепта, но Лиандра и Зокора были в доспехах: темная эльфийка — в своих черных, Леандра — в доспехах с грифоном.

— Вы опоздали, — сказала Лиандра слегка укоризненным тоном, но не выглядела сердитой. Она отказалась от парика, её короткие белые волосы сверкали на солнечном свете, конкурируя с изящным обручем на лбу.

Я узнал его, это был подарок хранителя знаний и очень ей шёл, особенно если сравнивать с перегруженной короной, которую носил на голове один из королей. Это была настоящая башня из золота и драгоценностей.

Было просто чудом, что он ещё не упал под её весом. Согласно гербу, это был король Сертины, Пердис, мужчина средних лет с тёмными глазами и козлиной бородкой. Ему следовало оставить корону дома; она полностью затмевала его, превращая его королевскую власть в фарс.

— Как ты? — спросил я Лиандру. Она оглядела толпу, которая, казалось, урчала, как чудовище.

Шум доносился до нас волнами, заставляя повышать голос.

— Не знаю, что и думать, — ответила она. — Бой — это совсем другое, но казнить кого-то... Меня от этого тошнит!

— Я предложила ей казнить проклятого, — сообщила мне Зокора, глядя на толпу с беспокойным видом широко раскрытыми глазами. — Но она не захотела. — Она оглядела толпу. — Так много людей, Хавальд! Я никогда не думала, что существует так много людей! И всё же вы боитесь нас?

Лиандра глубоко вздохнула и мрачно кивнула.

— Я сделаю это, но... нет, мне это не нравится. — Она схватилась за рукоять своего меча, торчавшей у неё за плечом. — В таких случаях, как этот, я рада, что у меня есть

Каменное Сердце, на которого я могу опереться.

Я оглядел платформу. Уголкем глаза я заметил Серафину, которая отвела лейтенанта Штофиска в сторону, чтобы поговорить. Комендант слегка приподнял руку, и я подошёл к нему. Казалось, он тоже не был заражён общим настроением. Его лицо было серьёзным, а у глаз появились морщинки, когда он наблюдал за толпой.

— Вы всё ещё считаете, что это хорошая идея? — спросил он так тихо, что я едва его расслышал. — У нас здесь опытный палач. — Он кивком головы указал на стоявшего чуть поодаль высокого мужчину с широкими плечами. Он был одет в коричневые кожаные брюки и жилетку, которая не прикрывала его могучие бицепсы.

Капюшона у него не было, но на поясе висела маска из чёрной стали. Без этой маски он казался дружелюбным парнем, добродушным медведем. Рядом с ним стояли два компаньона и с помощью мехов поддерживали огонь под железным котлом. В нём находилась серебристая жидкость, испускающая пар.

Дальше впереди, в центре платформы и в четырёх шагах от края, находилась рама, похожая на клетку, покрытая кожаными полотнищами. Человек смог бы стоять в ней с расставленными ногами и вытянутыми в стороны руками. Под этой рамой находилась чаша из металла. В четырёх шагах от неё стояла плаха, похожая на те, что можно было встретить в любой стране, аккуратно обтёсанная и выкрашенная в чёрный цвет, с углублением для подбородка.

Здесь же стояла чаша с углями, в которой один из подмастерьев палача раскалял железо с руной. Такими рунами помечали некромантов в империи. А позади находилась имперская Т-образная виселица, с которой Хельгс будет свисать вниз головой. Его отрубленная голова с клеймом будет лежать у подножия виселицы.

Комендант тихо вздохнул и огляделся вокруг.

— Когда дело касается королевского совета, они все похожи на упрямых ослов, но здесь они собрались в согласии. Даже торговый совет доволен. Для него это доходное дело. И для гильдии воров тоже.

Что я мог на это ответить? Смерть других людей всегда вызывала жуткое очарование.

— Как они собираются доставить сюда приговорённых? На телеге через эту толпу?

— Они уже здесь, ждут под платформой, когда их поднимут наверх. Осталось недолго. Священники наших богов тоже уже идут. — Он покачал головой. — Посмотрите на это сборище. Когда ещё можно увидеть таких именитых гостей? На коронациях, свадьбах высоких господ или последнем эскорте королей. Надо было просто убить их на заднем дворе и закопать! Но Джоакин так сильно разгневал народ своими убийствами, что даже Перток счёл нужным публично казнить его.

— А что он вообще натворил?

— Он наёмный убийца и был особенно коварен. Ни одну из своих жертв он не убил собственноручно. — Я посмотрел на него с изумлением. — Он подходил к жёнам своих жертв и навязывал им средство, которое якобы сделает их мужей лучшими любовниками, таким образом заставляя женщин убивать своих мужей ядом. И две сэры были казнены за убийство, прежде чем выяснилось, что это был Джоакин. — Он посмотрел на меня. — Враг замышляет что-то для королевского совета, и это не даёт мне спать. И то, что этот Тивстирик всё ещё разгуливает где-то здесь, не даёт мне покоя.

Я кивнул, продолжая осматриваться. Если Коларон или Тивстирик найдут способ нанести удар среди этих «именитых гостей», то война будет окончена. Неудивительно, что

коменданту было не по себе.

Барабанщики подняли палочки и заставили их танцевать на шкурах, затем процессия поднялась по черной лестнице. Четверо Быков в доспехах твердой рукой вывели молодого прыщавого человека, на губах которого играла победная улыбка. Он был закован в цепи и одет в праздничную одежду, а связанными руками бросал воздушные поцелуи в улюлюкающую и освистывающую толпу.

— Пока он ещё наслаждается своим выходом, — хмыкнул комендант. — Он уверен, что попадёт в исторические книги города, но клянусь вам, это изменится.

Я просто кивнул и пошел к остальным.

Взгляд Лиандры покоился на Джоакине, который теперь сделал ироничный поклон перед коронованными особами.

— Лиандра, советую тебе отказаться, — сказал я. — Это будет преследовать тебя в твоих снах, зачем тебе?

— Но раньше, ты хотел обратного, — ответила она также тихо, когда Перток вышел вперёд, и толпа затихла, пока инквизитор зачитывал преступления злоумышленника.

— Цель достигнута. Тобой восхищаются, ты — невинная королева, с которой сыграли злую шутку. Предоставь это палачу, иначе пожалеешь.

— Он проклятый, и чтобы уничтожить его, нужен изгоняющий меч. А Каменное Сердце, как ты знаешь, не любит переходить в другие руки.

— Ещё есть Искоренитель Душ. Это было бы не в первый раз. Я прошу тебя, откажись.

Она с сомнением посмотрела на меня, потом кивнула. Я с облегчением выдохнул.

— Это верное решение.

— Тогда позволь сделать это мне, — вмешалась Зокора.

Я кивнул.

— Я дам тебе Искоренителя Душ.

— Подойдёт, ведь в конце концов это Хранитель Теней.

Перток зачитал приговор, затем первосвященник Борона вышел вперёд и заговорил о том, что после суда в этом мире, убийцу ждёт ещё суд небесный, и сломал небольшую палку перед лицом мужчины. Теперь брат Джон вышел вперёд и объявил, что для каждой потерянной души наступит новая жизнь, но некоторым придётся заплатить старые долги. Наконец, вперёд вышла жрица Астарты и попросила богов о прощении — для палача.

Я не видел лица Джоакиа, он стоял лицом к толпе, но я заметил, как он напрягся, когда палач в чёрной маске шагнул вперёд, а помощники схватили его.

Убийца всё ещё пытался храбриться, но, когда убрали цепи с его рук, чтобы привязать к раме, он начал сопротивляться. Но это не принесло ему никакой пользы. Грубой силой его запихали в раму, затем надели клетку как шлем и запрокинули голову назад. Так что теперь его крики были направлены в сторону неба.

На мгновение его оставили так, чтобы толпа могла всё хорошо рассмотреть, затем задвинули тяжёлую кожаную завесу, так что остались видны одни лишь руки убийцы. Голову тоже скрыли. Была принесена небольшая лестница, палач взобрался на неё приставил к голове трубу длиной в добрый локоть и вогнал в горло убийцы. Его руки дрожали и сжимались в судорогах, вся рама тряслась, но палач продолжал неумолимо вгонять трубу внутрь, пока не остался небольшой кусок, торчащий изо рта. В него вставили воронку и подмастерье передал палачу чайник с кипящим свинцом. Палач, не колеблясь ни мгновения, начал наполнять им убийцу.

Рама тряслась, руки дрожали, пальцы сжимались и разжимались. Толпа настолько притихла, что можно было слышать, как свинец тяжело стекает в воронку, но от самого убийцы не доносилось почти ни звука. Мне показалось, что я услышал лишь приглушённый стон.

Когда он залил две меры свинца, палач спустился с лестницы с пустым чайником. Из воронки вился дым, рама шаталась и скрипела, руки всё ещё дрожали и тряслись, затем я увидел, как в ванну капает что-то дымящаяся. Я отвернулся от этого зрелища слишком поздно. Ноги были ватными, и мой желудок сжался, мне стало очень плохо. Через толпу пронёсся громкий вздох, как ревущее дыхание, затем снова стало шумно.

Лиандра тоже отвела взгляд, только Зокора и Варош наблюдали с невозмутимым видом, в то время как Серафина рядом со мной в безмолвной молитве обратилась к Сольтару.

Подмастерья палача отнесли раму в сторону и накрыли чёрной тканью, затем вперёд вышел Перток и зачитал обвинения против купца Хельгса. Похоже, он признался ещё в больших грехах, потому что список был длинным.

Толпа становилась всё тише, а голос Пертока слышно громче и отчётливее.

Затем вперёд вышел священник Борона и объяснил толпе, что осуждённый является наездником душ — он сам почувствовал в нём тьму, — и произнёс самый суровый приговор: боги не пощадят этого человека.

Священники вместе отвернулись, повернувшись спиной к плахе.

Хельгса вывели наверх. Он выглядел довольно плохо, но был в состоянии идти сам. Все три кандалы всё ещё были на нём. В отличие от предыдущего убийцы, Хельгс с самого начала был напуган. Он знал, что даже на суде богов ему не будет пощады; Тёмный получит свою душу.

Его силой прижали к плахе и привязали, даже сейчас кляп не вынули.

Зокора подошла и протянула руку. Я передал ей Искоренителя Душ; лезвие сверкнуло на солнце.

Она шагнула вперёд, её походка была элегантной и кошачьей. Не обращая ни малейшего внимания на толпу перед платформой, она только смотрела своими тёмными глазами на проклятого на плахе.

— Соланте, — заговорила она так, что её было слышно по всей площади в наступившей тишине. — Возьми его душу, чтобы судить и изгнать её!

Искоренитель Душ поднялся и, словно молния, опустился вниз, одним махом разрубив шею и плаху — и четыре души радостно вознеслись к небесам под пробежавший по толпе шёпот. Видимо, среди них были и такие, кто мог видеть души, потому что тут и там люди запрокидывали головы и провожали их взглядом до неба Сольтара.

Зокора замерцала, когда Искоренитель Душ передал ей то, что осталось от проклятого, затем она отступала назад и вернула мне меч. Толпа всё ещё молчала. Только теперь они все вместе перевели дух, послышался шёпот, затем они заговорили громко друг с другом, указывая в небо.

— Теперь мы можем уйти? — спросила Лиандра.

— Да, — ответил я. — Лучше бы мы вообще сюда не приходили.

Хотя мы по-прежнему были настороже, и не только мои глаза метались туда-сюда, больше ничего не произошло. Что бы ни замышлял Тивстирк или сам император-некромант, они не воспользовались этой возможностью.

— Вы всегда наполняете отравителей свинцом? — спросил Рагнар по дороге к

цитадели. Теперь даже его настроение казалось несколько подавленным.

— Да, — лаконично ответила Серафина.

— А они часто встречаются в Аскире? — спросил он.

— Нет, — ответил ему Штофиск. — Весьма редко.

— Я так и думал, — заметил Рагнар. — Тем не менее я думаю, что наш метод лучше.

Осуждённому вручается меч, чтобы он мог дать отпор.

— А если убийца победит? — спросил Штофиск.

— Это случается время от времени. Но рано или поздно он все-таки падёт. Ведь на ринге всегда будут выходить новые воины. Многие пролили свою первую кровь именно таким образом. Почему рама была накрыта кожей?

— Часто отравителями является женщины, — объяснил Штофиск. — Накрывая их, мы защищаем честь и скромность сэра.

Рагнар удивленно посмотрел на него, затем покачал головой.

— Я все время убеждаюсь, что есть вещи, которые я никогда не пойму.

Светило солнце, но казнь все еще угнетала меня, и я был в плохом настроении. Вдалеке внезапно раздался глухой стук, отдаленный грохот, но, когда я вытянул шею и огляделся, ничего не смог обнаружить.

— Вы слышали это? — спросил я остальных.

— Гром, — ответила Зокора. — Но откуда он взялся, я тоже не знаю.

Вдруг я почувствовал внутри себя беспокойство, которое заставило меня идти быстрее. Ещё до того, как мы успели дойти до цитадели, к нам подбежал солдат из Перьев.

— Да благословят вас боги, королева Лиандра, — задыхаясь, сказал он и поклонился ей. — И вас, принц! — снова выдохнул он и поклонился Рагнару. — Жрица Со...

— Говори! — огрызнулась Зокора.

— Сова Асела прямо сейчас сражается с некромантом!

— Где?

— Возле цитадели, у ворот в задний город! — Он указал рукой, но в этом не было нужды, потому что в тот же миг ещё один глухой удар сотряс землю, и я увидел столб пламени, устремившийся в небо.

45. Могущество Сов

Мы нашли Аселу сидящей не скамейке недалеко от ворот. Лекарь из Перьев помогал ей выбраться из мантии; я впервые видел её в таком наряде. Её левый бок был сильно обожжён, тяжёлая металлическая ткань совиной мантии частично соединилась с кожей, и теперь её осторожно отделяли. Согнутая и помятая, с искажённым от боли лицом и полными слёз глазами Асела выглядела очень хрупкой.

Квартал вокруг неё представлял собой картину опустошения, и не только она нуждалась в помощи. Повсюду солдаты выносили раненых и убитых из домов, от которых на несколько миль вокруг остались одни развалены. Улица, вымощенная тяжёлыми камнями, была усеяна ямами, шлейфы дыма поднимались от добрых двух десятков пожаров. Я видел менее опустошённые поля сражений. Три десятка тел лежали неподвижно, словно брошенные куклы, и я слышал, как громко причитали женщины, в то время как легионеры с мрачными лицами бегали вокруг, чтобы оказать помощь там, где она была нужна.

— Боги! — вырвалось у меня, когда мы добрались до Асела. — Что здесь произошло?

— Проклятый, — с болью произнесла она. И когда лекарь с помощью маленького пинцета удалил расплавленный металл с её обожжённой кожи, выругалась: — Боги! Она чувствует боль гораздо сильнее, чем чувствовала когда-либо я! — Остальные непонимающе посмотрели на неё, но я просто кивнул.

— Я рад, что вы ещё живы, — промолвил я.

— Вы — Сова Асела, верно? — спросила Лиандра.

— Видимо так и есть, маэстра.

— Как такое случилось? — Лиандра выглядела озадаченной. — Я всегда только слышала о вашей великой силе. Как он смог так сильно навредить вам?

— Клятва также повелевает мне защищать людей, маэстра, — сжав зубы выдавила Асела. — Что сделали бы вы, если бы проклятый развязал пожар? Оставили умирать людей? Он поджёт сразу десятки домов, и у меня не было выбора, кроме как привлечь огонь на себя.

— Боги! — вырвалось у меня, когда я постепенно начал понимать, что здесь произошло. Теперь и почерневшие фасады домов вдали приобрели смысл. — Весь район?

— Да. Он был демонически силён, и я не смогла спасти всех. И это моя вина, я была неосторожна!

— Что случилось, Асела? — спросила Серафина, обеспокоенно опустившись на колени и положив руку ей на колено. — Как ты? С тобой всё будет в порядке?

— Спасибо, Фина, что беспокоишься обо мне... — сказала Асела гораздо более мягким голосом. — Проклятье! Почему я всё время плачу! Такие вещи случаются... не из-за чего устраивать водопад... — Её плечи дрожали, и Серафина обнимала её, пока та плакала.

Я посмотрел на неё, ту, что была Бальтазаром, и понял, что серьёзно беспокоюсь за неё.

— Я ошибалась, — тихо призналась Асела. — У него была другая миссия, чем я думала. Видимо, Коларону не нравится, когда одна из его игрушек ускользает от него. Проклятый получил новое задание: поймать и уничтожить меня. — Она в недоумении покачала головой. — Я угодила прямо в его ловушку, как какой-то юнец!

— Но вы уничтожили его, — заметил я.

— Нет, — сказала она, подняв обожжённое лицо. — Я заключила его в камень, но не могу победить, он слишком силён! Вот почему я послала за вами. Нам нужен изгоняющий

меч, чтобы уничтожить его. — Она подняла дрожашую руку. — Там, где стоят солдаты... Вы найдёте его там.

Мы его нашли: он был заключён в расплавленный камень, слепой и обугленный, но всё ещё живой.

Увлечённая беседой, Асела шла здесь с одним из Перьев, когда Тивстирк атаковал её — копьём из огня и дыма, убившим с первого штурма дюжину людей.

Битва длилась долго, очевидцы едва могли описать её, говорили о молниях, огненных образах, сияющем свете и тёмном дыме, о льде и блестящих сферах, о проникающих сквозь каменные стены домов серебристых осколках, словно те были сделаны из шёлка. Но Асела неустанно оттесняла некроманта всё дальше и дальше, окутывая его в мерцающий барьер, затем в шар, пока Тивстирк не призвал пламя, которое охватило всё в большом радиусе, но лишь на мгновение, затем пожар исчез, вонзившись в проклятого как копье из света и огня.

Наездник душ застрял на дне застеклённой ложбины, глубиной в один шаг и шириной в восемь. Он был по левое плечо в стекле, которое зловеще светилось красным светом под поверхностью — и Тивстирк был ещё жив.

Я вытащил Искоренителя Душ, но Зокора остановила меня. Взяв обугленный кусок дерева, она воткнула его в землю. Он медленно погружался, и когда она вытащила его, за ним тянулись стеклянные нити.

— Это расплавленное стекло, Хавальд, — сказала она. — Даже ты не сможешь здесь выжить.

Пока наездник душ страдал, души отделялись от него, поднимаясь к Сольтару. И пока мы стояли там, его кожа продолжала обновляться, а в следующий момент отслаиваться из-за жара.

Он кричал от боли, но ненадолго умолкал, когда жар лишал его голоса.

— Не одолжите ли вы мне свой меч, генерал Копья? — устало спросила Асела. Она, хромя, с трудом подошла к нам.

— Только если вы в свою очередь используете его дар, — тихо ответил я. — Вы выглядите ужасно.

— Вряд ли я откажусь от вашего предложения.

Она улыбнулась почерневшими губами, которые потрескались, обнажив живое мясо.

Я вытащил Искоренителя Душ и во второй раз за этот день одолжил меч.

Асела взяла его, сделала жест рукой и вышла на стекло. Её тёмные сапоги оставляли следы и дымились, но, казалось, это не беспокоило её. Она подошла к проклятому и опустилась на колени.

— Надеюсь, ты страдал достаточно. Как тебе то, что она оказалась не беззащитной? Неожиданно, верно? Когда она ещё обладала собственной волей, она мечтала об этом.

Наездник душ издал булькающий звук.

— Побереги свои слова, — холодно промолвила Асела. — Она их не слышит, и они больше не могут причинить ей боль.

Она подняла Искоренителя душ и вонзила клинок в череп проклятого. Перед моими изумлёнными глазами вверх поднялись души. Их было так много и они следовали подряд друг за другом, что образовалась мерцающая колонна, свет которой видели и все остальные.

— Да будет так, — звучно сказала Асела и встала. Она сделала шаг назад, пока проклятый все ещё извергал души, а затем в мгновение ока рассыпался в прах.

Яркий свет заиграл вокруг Аселы и распространился, как волна, окутав нас и всех

присутствующих далеко вокруг. Она открыла рот в крике и задёргалась, чуть не уронив Искоренителя Душ, прежде чем всё закончилось, и она пошатываясь, подошла к краю наполненной стеклом ложбины где, тяжело дыша, остановилась перед нами.

Когда она подняла голову, с её лица были стёрты не только раны от огня. Она посмотрела на меня с выражением удивления и улыбнулась.

— Надеюсь, вы знаете, каким обладаете мечом, — выдохнула она и рухнула на пол.

«Нет», — подумал я, поднимая клинок, видимо, не знал, потому что повсюду вокруг нас люди удивлялись и смеялись, заметив чудо: раны большинства стоящих вокруг людей зажили. Только мёртвые, они всё ещё лежали неподвижно.

— Помогите мне отнести её в башню, — попросила Серафина.

Я кивнул и поднял Сову. Она была настолько хрупкой, что весила почти как перышко.

— Я даже не хочу знать, что ещё принесёт нам этот день, — задумчиво произнёс Рагнар, когда мы покидали это место смерти, разрушение и чуда.

— Значит ваш меч исцелил не только её, — заметил Орикес, глядя на неподвижную фигуру. Асела лежала на кровати. Она была бледной, и только её тихое дыхание свидетельствовало о том, что она ещё не умерла.

— Похоже на то, — ответил я. — Я не знал, что он способен на такое.

— Как она? — спросила Серафина.

— Она не особо заботится о себе, — заметил Орикес. — Она почти ничего не ела и сильно истощена, но на данный момент она спит крепким и здоровым сном. У неё нет никаких болезней, которых не исправили бы хороший бульон и много сна. Какие бы раны у неё не были раньше, их исцелил меч генерала Копья. А что с проклятым?

— От него не осталось даже черепа; он рассыпался в прах. Должно быть, он был древним, — заметил я.

— Говорите, он уничтожил больше дюжины домов?

— До основания, и есть ещё много поврежденных.

— Тогда я только рад, что это не Дезина пыталась его задержать. Или вы, — добавил он, глядя на нас. — Или вы смогли бы выстоять против такой силы?

Я представил перед собой разрушенные дома, пожары, погибших, обгоревших и ложбину из стекла и покачал головой.

— Вряд ли.

— Что теперь? — спросила Серафина, когда мы вышли из лазарета. Я глубоко задумался, размышляя о чудесных путях богов. О том, как так получилось, что величайшая из Сов смогла найти путь сюда по прошествии стольких веков. Бальтазар не только чуть не убил меня, он самым жестоким образом пытал Наталию, держал ее как собаку и демонстрировал другим. И все же он больше был не тем, кто это сделал. Я не думал, что смогу простить его, и все же простил.

— Ты что-то сказала? — спросил я Серафину, которая шла рядом со мной.

— Что нам следует лечь спать.

— Сейчас ещё даже не пробил шестой колокол, — заметил я.

— На сегодня мы сделали достаточно. Просто пошли спать.

Я всё понял, только когда она зашла в мои апартаменты и закрыла за собой дверь. Она посмотрела на меня своими тёмными глазами и улыбнулась.

— Мы ждали достаточно долго, — тихо сказала она, расстёгивая пуговицу на моём воротнике. — Столетия... Время пришло.

В какой-то момент я полусонный понял, что на этот раз кошмар пощадил меня, повернулся на бок, понюхал ее волосы и снова заснул.

Лиандра разбудила нас. Я смутился, увидев её в дверях, и заметил, что она не смотрит на меня.

За окнами было светло, уже давно пробил второй колокол, и я давненько не спал так хорошо — и пропустил торжество Файлид и Армина.

— Я могу войти? — спросила Лиандра, поднимая чайник. — Я и кофе принесла.

— Ты не сердись на нас? — спросил я, открывая дверь пошире. В постели зашевелилась Серафина и натянула на себя простыню, ее волосы были взъерошены, но на лице была улыбка.

— Нет, — ответила Лиандра, поставив чайник на стол и улыбнувшись Серафине, в качестве приветствия.

— Мы всё уладили, — сообщила мне Серафина, сдувая прядь волос с лица.

— Мы были на торжестве, — сообщила Лиандра. — Я извинилась за ваше отсутствие. Так что вам не нужно смотреть так виновато. Я здесь, чтобы рассказать, что случилось ещё.

— Было что-то ещё? — Серафина зевнула. Я заставил себя отвести от неё взгляд, когда она потянулась, как кошка. — Я думала, что произошло уже достаточно.

— Куча всего, — ответила Лиандра. — Был скандал. Принц Тамин оскорбил короля Кеслера хорошо подобранными словами. Дело чуть не дошло до дуэли.

— Но только почти? — спросил я, застегивая куртку.

— Она была отложена до дня после королевского совета, — ответила Лиандра. — Похоже, это совсем не понравилось Кеслеру, тот стремился помериться силой с алданцем. И Файлид на этот раз превзошла саму себя. Она подала залитую холодцом голову предателя маршалу Хергимму из Остамрка.

Я подавился своим кофе и обжег горло.

— Что? — воскликнул я и закашлялся.

Лиандра спокойно сделала глоток.

— В качестве подарка. Она сказала, что тот, кому когда-то принадлежала эта голова, оскорбил маршала, утверждая, что собирался убить ее от его имени. Поэтому она оказала маршалу услугу и преподнесла ему голову того, кто так опорочил его честь. — Лиандра ухмыльнулась. — Должна сказать, что это было изящное решение, даже если оно испортило маршалу аппетит, и тот немедленно удалился.

Серафина тихонько засмеялась.

— Это старый трюк, но всегда эффективный. Особенно потому, что другой человек не может пожаловаться, ведь, в конце концов, ему оказали услугу, а не обвинили.

— Именно.

Лиандра усмехнулась.

— И когда позже праздник достиг своего апогея с танцорами и жонглерами, мы услышали, что у фарлендцев, по-видимому, тоже состоялось торжество, на котором королева Врелда объявила о выборе своего короля. — Лиандра посмотрела на меня. — Кажется, ты многое от меня скрывал, Хавальд. Она выбрала волчьего брата Ангуса.

— Рагнар считал его более подходящим человеком, — прокомментировал я так невинно, как только мог. — Что думает по этому поводу ярл Эрлаф?

— Едав ли он может что-то думать. Как я слышала, перед своим объявлением Врелда установила в зале совета фарлендцев четырнадцать пик. На одной из этих пик висела голова

Эрлафа. Говорят, он выглядел рассерженно... Но это ещё не всё.

— Есть что-то ещё? — спросила Серафина.

— Принц Тамин объявил, что союзные войска под командованием его маршала, барона ди Кортия, задержали и уничтожили легион врага на границе Алдана. Пожалуй, он немного приврал, потому что позже я узнала от коменданта, что в тот момент бой ещё продолжался, хотя исход сражения был уже предрешён. Говорили об ущелье, которое с обеих сторон перекрыли обвалом. А сегодня утром я узнала ещё об одной новости.

— Какой новости? — спросил я.

— Торговый совет отозвал обвинения против нас и теперь выставляет счёт за убытки от извержения вулкана императору-некроманту. Он требует от коменданта принять жестокие меры против проклятого.

— Боги! — выругался. — Это не по плану!

Лиандра невинно посмотрела на меня, в то время как глаза Серафины расширились.

— У тебя было что-то другое на уме? — спросила меня Лиандра. — Неужели, ты предпочёл бы суд? Если да, то кто-то тебя предал.

— Да, — прорычал я. — И я уже знаю, кто.

— Надеюсь, вы сможете мне это объяснить! — немного позже сказал я лейтенанту Штофиску.

Лейтенант напряжённо стоял передо мной. Я бы с удовольствием схватил его за тонкую шею и встряхнул.

— Да, сэр! — храбро ответил он.

— Ну, давай!

— То, что вы собирались сделать, сэр, было неправильно.

— Так ли это?

— Вы планировали использовать суд над вами для ареста всего торгового совета и заставить их служить короне, а не золоту.

— А что, если и так?

— Это было бы слишком грубо, генерал Копья, — промолвил Штофиск, сглатывая, на его лбу выступили капельки пота. — Это заставило бы купцов сохранить своё лицо и дать отпор. Ведь на кону была бы их шея, а они очень за неё пекутся.

— Пусть бы немного побарахтались, — отозвался я. — Я бы отрезал им их жадные шеи. Солдаты уже стоят наготове, чтобы конфисковать имущество. Это всё ещё может случиться.

— Они об этом знают. Вот почему уже приняли меры. Одиннадцать из них были принесены в жертву, доказательства прямо сейчас передаются инквизитору. Кроме того, каждый из них пообещал поддержать войну против Талака всем сердцем, а если быть точнее, всем кошельком. В Янас отправили зерно и другую помощь, и они снизят цены, чтобы более справедливо распределить расходы войны. — Он посмотрел мне в глаза. — Вы получите больше, чем могли бы потребовать, и никто не останется безнаказанным.

— Может всё и так, тем не менее, вы нарушили свою клятву! — холодно произнёс я.

— Нет, — храбро ответил Штофиск. — Я знал, что вы собираетесь сделать, но как бы мне ни было тяжело, я молчал. Да мне и не нужно было ничего говорить, потому что весь процесс запустил мой отец.

— Как так?

— Он говорит, что увидел это в книгах — и в ваших глазах. Он верит, что вы выступили бы даже против самих богов, если бы они задели ваши интересы. Теперь он

председательствует в торговом совете и угрожает вашим гневом любому, у кого появляются дурные мысли.

— Неужели?

— Да, — поспешно подтвердил лейтенант. — Он говорит о вашем гневе так, словно это конец света, и требует от совета проявить явное раскаяние. И теперь из их раненых сердец течёт золото. Много золота. Целые ящики. Достаточно, чтобы оплатить три войны. — Он сглотнул. — Мой отец сказал, что если такого искупления вам недостаточно, то делайте, что должны. Однако в таком виде совет гораздо ценнее, чем если запереть его в темницу или отправить на виселицу.

Я тихонько засмеялся.

— Ваш отец хотя бы получил от этого прибыль?

— О да, — засиял он. — Теперь отец председательствует в совете и захватил еще два банка. Мать расширяет свой флот и получит три дополнительных склада. О, вы спросили в шутку?

— Не совсем, — вздохнул я. — Я почти этого ожидал. Вот, лейтенант. — Я достал из ящика небольшую коробочку, открыл её и показал два маленьких золотых знака отличия, в виде копья. — Не случись этого, вы могли бы обменять мечи на вашем воротнике на них. — Я закрыл коробочку и убрал обратно в ящик. — Теперь это займет некоторое время. И если вы снова заставите меня сомневаться в вашей верности, это будет стоить вам головы, даже если я сверну ее сам. Теперь идите к своим родителям и скажите, что то же самое касается и их. Свободен!

— Да, сэр! Генерал Копья, сэр! — воскликнул он, отдал под козырёк, развернулся на каблуках и сбежал.

46. Правители королевств

На следующее утро мы вместе стояли на платформе во дворе цитадели и встречали правителей королевств, входивших в зал королевского совета. Красочное шествие со знамёнами, флагами, драгоценными одеяниями, дружескими улыбками и повелительными приветствиями.

Процессия началась на Храмовой площади, где священники благословили правителей, затем проследовала по наводнённым по бокам людьми улицам к цитадели, и даже здесь каждый свободный от службы солдат глазел на благородных господ. И снова атмосфера напомнила атмосферу народного гуляния. На самом деле казалось, что один праздник слился с другим.

Лиандра тоже прошла там внизу с Зокорой и Варошем рядом с ней. По сравнению с другими, она выглядела почти незаметно и без какой-либо роскоши, но и её встречали громкими приветствиями. Ангус всё ещё немного прихрамывал, но глаза у него блестели. Между ним и Рагнаром сияя и улыбаясь шла Вредда. Файлид была само спокойствие, Армин тоже делал вид, словно ничего особенного не происходит.

Рядом с принцем Тамином была сэра Левин, которая толкала инвалидное кресло баронета фон Фрайзе. Он тоже бросил на нас короткий взгляд и мрачно мне кивнул.

Мы последовали за правителями в цитадель, где большая часть свиты осталась стоять у ворот тронного зала, щебеча, словно разноцветная стая гусей.

Когда последний из помазанников вошёл в тронный зал, тяжёлые ворота закрылись с глухим стуком, от которого задрожал пол.

— И что теперь? — спросила меня Серафина, когда мы отвернулись, чтобы уйти.

— Не знаю.

— Я имею в виду, каков твой план?

— У меня его нет, — ответил я.

— Мне даже кажется, что ты говоришь серьёзно! — медленно произнесла она. — С тех пор как мы прибыли в Аскир, ты всё время что-то замешивал и двигал, а теперь говоришь, что больше ничего не приготовил?

— Я лишь следовал простому принципу: собери столько друзей, сколько сможешь, хорошо вооружи их и надейся на богов. Это правда, я направлял и двигал, и даже убедил коменданта, но это всё, что я смог. Теперь всё зависит от наших друзей, союзников и богов. Там вершится высокая политика, а это не моя тема, — сказал я, указывая на закрытые ворота, перед которыми посланники королевств образовали разношёрстную компанию. — Я лишь надеюсь, что понимание и благоразумие всё ещё имеют там место.

— Что это за соглашение, которое ты навязал коменданту? — почти шёпотом спросила она. — И как?

— Я рассказал и показал ему всё, что знал о враге. Также сообщил о своих опасениях относительно того, что здесь может произойти, и попросил его дать мне средства и возможности, чтобы предотвратить худшее. Теперь ход за ним. Если союз распадётся, я возглавлю войска Аскира. Все войска, а не только Второй легион.

— Все?

— Да.

Она подозрительно посмотрела на меня.

— Есть что-то ещё.

— Да, — признал я, когда мы покидали цитадель. Нашим пунктом назначения был имперский сад. Сегодня я больше не собирался просматривать документы; этот день я хотел провести с ней. — Я надеюсь на чудо.

— Какого рода?

— Не считая того, что боги поразят Коларона молнией?

— Да, — ответила она. — Не считая его.

— Что у императора есть план, он вернётся и приведёт его в действие на третий день королевского совета. Всё указывает на то, что он знал, что этот день придёт. Знал ещё до того, как написал первую букву договора.

— Ты хоть представляешь, что он задумал?

Я покачал головой.

— Вообще нет.

В течении шести отрезков свечи ворота оставались запертыми. Всё это время мы с Серафиной сидели в имперском саду. Мы пили чай и ели медовые пряники, которые Лиандра принесла с пира Файлид, и говорили обо всём, кроме того, что происходит в цитадели. Чуть позже к нам присоединилась Асела. На ней было одеяние Совы, и сначала я принял её за Дезину. Казалось, она обрела покой, и когда улыбалась, теперь я замечал следы той красоты, которой, как говорили, она всегда обладала.

Я взял свою курительную трубку, чтобы побродить по саду, позволяя покою овладеть собой, пока Финна и Асела возобновляли старую дружбу.

— Это была катастрофа, — сообщила нам позже усталая Лиандра. — Принц Тамин заметно сдерживался. Он знает, что ему придётся ждать до третьего дня, чтобы выдвинуть обвинения против Рангора.

— Я ещё никогда прежде не видела столько глупости в одной куче, — прокомментировала Зокора, которая пила чай, позволяя Варошу массировать себе плечи.

— Что случилось? — спросил я. Используя рукоять своего кинжала, я вбил втулку в тяжёлую бочку с пивом, которую Рагнар принёс с собой. Затем налил две кружки: для себя и Рагнара. Приняв её, он сел в углу, выпил немного и закрыл глаза.

— Варош, — сказала Зокора. — Расскажи ты. Мне не хочется этим заниматься.

— Во-первых, следует отметить, что ни о войне, ни о Талаке, ни о нападении на Аскир не было никаких упоминаний, — начал Варош. — В основном высказывался маршал Остмарка, Хергримм. Он говорил о нападениях варваров, о потерях, тяжёлой осаде крепостей и требовал поддержки от других королевств. А те жаловались, что бремя уже и так слишком велико и что они уже и так присылают достаточно золота. Затем был спор из-за приданого и ещё один из-за шахты, которая, хотя частично и находится на территории Алдана, но под землёй уходит в Рангор. И вообще, принц Тамин был самым требовательным из всех, спрашивал, на чём ещё держится союз, а его успокаивали красивыми словами.

Лиандра продолжила.

— Принц сел, но было видно, как у него из ушей валит дым. — Она вздохнула. — Мы не произнесли ни слова за всё время, комендант тоже оставался в стороне. Зал угнетает, слышен любой шум, любой кашель, и кажется, что надо всем висит тяготящий груз.

— Это банкет тщеславия, — добавил Варош. — Тщеславные болваны, позирующие и закрывающие глаза на мир. Они пришли только к одному соглашению.

— Какому?

— Был введён налог на павлиньи перья из Ксиана.

— О, — произнёс я. — И это все?

— Да. Для этого им потребовалось шесть отрезков свечи! Это просто утомляет.

На следующий день у меня не было времени стоять и аплодировать параду королевского совета. Полдня я провёл в оружейной, другую половину на имперской верфи, где оснащалось несколько кораблей-гигантов. Также я впервые увидел там некоторых из этих ящеров: большие зверюги, в полтора раза выше меня, которые смотрели на меня с таким же любопытством, с каким я смотрел на них.

Ещё я встретил там Рикин, которая наблюдала за всем, нахмутив брови, а затем Эльгату, которая выглядела довольной.

Она под своё командование получила один из имперских линкоров и теперь следила за его надлежащим оснащением. Она не затронула тему Ангуса, и я тоже не стал ничего говорить.

— Как всё прошло сегодня? — спросил я позже, когда мы собрались в апартаментах Зокоры. Кто-то, вероятно Варош, убрал книги, аккуратно поставив их вдоль стены. Только две из них по-прежнему лежали на кровати Зокоры.

— Как и вчера, — вздохнула Лиандра. — Только теперь они признали, что Талак и Коларон существуют. Маршал сказал, что у него и так хватает дел с варварами, другие преуменьшили угрозу, а Рангор заметил, что беспокоиться не о чем, пока держатся границы.

— Границы? — спросил я. — Что он вообще думает? Что это охраняемые стены?

— Думаю, он волнуется, — бросила Лиандра. — Он был обеспокоен и постоянно смотрел на принца Тамина и коменданта.

— Что ещё?

— Постепенно всё-таки становится интересно, — заметил Варош. — Особенно, если слышишь то, о чём не говорят. За исключением Алдана, Фарлендов, Бессарина и Аскира все говорят только об инциденте, недоразумении, а кто-то предложил послать дипломата в Коларисте, чтобы передать ноту протеста.

— Кто произнёс это слово? — спросил я.

— Думаю, маршал, — ответил Варош.

— Нет, — возразила Зокора, ненадолго оторвав нос от книги. — Это был советник маршала. Кажется, Коларисте — это название столицы врага.

— Да, — сказал я. — Я это тоже выяснил. Мне просто интересно, откуда его знает советник.

— Через несколько недель они отправят корабль с нотой протеста на юг, — сказала Лиандра, устало откинувшись на спинку кресла. — Это решение было принято довольно быстро; в конце концов, ещё нужно было пересмотреть пошлины на медь. Рангор требует более высоких, другие — более низких. — Она посмотрела на меня. — На этот раз я тоже выступала. Рассказала об угрозе Иллиану и заявила, что нота протеста — это не верный шаг. Они доброжелательно меня слушали и кивали, это всё.

На следующее утро меня подкараулил комендант.

— Сегодня вы должны сопровождать нас, — сказал он. — Если что-то и произойдёт, это произойдёт сегодня. Присутствовать также будут Асела и брат Джон, чтобы следить, говорят ли они правду.

Так что в это последнее утро мы вошли в тронный зал вместе с остальными.

Включая Серафину, Дезину и Сантера.

— Вчера вы тоже были здесь? — спросил я Сантера, входя в зал.

Он только покачал головой.

— Комендант только сегодня попросил нас присоединиться.

Когда мы заняли свои места в ложе за тронем, я увидел, что состав других лож тоже немного поменялся. Комендант покачал головой, когда Серафина попыталась сесть рядом со мной.

— Иди туда, — прошептал он, указывая на ложу, где, к моему удивлению, стояла Тарида. — К эльфам.

Глаза Серафины расширились, затем она кивнула и поспешила к Тариде, которая дружески её приветствовала, пока другие гости глазели на них.

Брат Джон был не единственным священником в зале, первосвященник Борона также был в сборе. Он стоял в ложе алданцев, в то время как жрица Астарты заняла место в ложе Тариды.

47. Королевский совет

Не знаю, каким было настроение раньше, но в это утро оно казалось сильно напряжённым, когда всё больше и больше участников понимали, что сегодня что-то изменилось. Большинство взглядов достались Тариде и Серафине, но и в нашу сторону смотрели с тревогой. Последним в зал вошёл король Кеслер, почти нерешительно, как мне показалось, и когда тяжёлая дверь закрылась, выглядело так, будто она хотела втолкнуть его в зал.

Когда она захлопнулась, зал зазвенел, как колокол, и я почувствовал давление, о котором говорила Лиандра.

— Да благословят вас всех боги, — начал комендант. — Мы собрались сегодня, чтобы провести этот заключительный день королевского совета.

— Что он делает? — прошептал король Кеслер, который, видимо, забыл, что все его слышат. — А как же пошлина на медь?

— Сейчас она не важна, — холодно ответил Кералос. — Потому что для империи существует только одна проблема: война против Талака и его императора Коларона.

— Это касается не только империи, — заметил маршал. — Но я понимаю, что вы чувствуете. Остмарк уже достаточно давно испытывает тоже самое.

— Мы не в состоянии войны, — возразил король Пердис из Сертины — тот самый, с нелепой короной, которую он носил в день казни, но которую не надел сегодня. Казалось, будто он хотел убедить самого себя в правильности своего заявления. — До сих пор насчёт неё не было принято никаких решений!

— Нет? — спросил комендант. — А что насчёт мёртвых, которых мы оплакиваем? На нас напали прямо здесь, в городе, были совершены убийства и планировались вторжения. Семь королевств — это союз, и всё же никто не спешит на помощь нам или Алдану.

— Как вы смеете ожидать помощи, когда сами обескровили нас? — холодно спросил маршал. — Когда Остмарк получал от вас необходимую помощь?

Кеслер набрался решимости и вскочил на ноги.

— Вы сдерживали свои легионы. А восточным землям приходилось проливать кровь за вас!

— Поэтому вы сговорились с проклятым? — холодно спросил принц Тамин.

— Не доказано, что Коларон — проклятый, — ответил Кеслер, вызывающе подняв подбородок. — Не втягивайте нас в свою войну.

— Bravo, — язвительно промолвил комендант. — Наконец-то кто-то заговорил об этом, хотя я удивлён, что это вы, Кеслер. Не подумал бы, что вам хватит для этого храбрости!

— Он просто говорит то, что думаем все мы, — сказал маршал. — Это ваша война, комендант, и всегда была. Мы не имеем к ней никакого отношения!

— Поэтому вы отозвали свои войска от восточных границ? — спросил Кералос. — Не слишком ли смело поворачиваться спиной к варварам?

— Смело? — воскликнул Хергрим. — Мы достаточно долго страдали от рук варваров. Когда мир находится в пределах досягаемости, мы используем эту возможность.

— Здесь гораздо оживлённее, чем вчера, — услышал я голос Ангуса.

— Подожди, пока всё не начнётся по-настоящему, — заметил Рагнар, откинувшись назад.

— Мир? — насмешливо спросила Файлид, поднимаясь. — Вы хотите сказать, что заключили мир с варварами? С каждым из племенных князей? Сколько их всего? Сто или больше? Несомненно, вы должны знать, что мир можно заключить лишь индивидуально с каждым из них, и он будет длиться только пока князь жив.

— Что может знать об этом ребенок? — насмешливо воскликнул Хергрим. — Вы сидите в своей пустыне и жаритесь на солнце. Что вы знаете о ежедневной войне? Варвары присоединились к императору и теперь объединены под его началом.

— Началом какого императора? — вежливо спросил Кералос. — Вы говорите об Асканноне или о проклятом?

— Колароне, — ответил маршал. — Он сдержал своё слово. Варвары мирно расположились лагерем за нашими границами, а его войска следят за порядком.

— Уже как шесть дней, не так ли? — спросил комендант. — Когда вы собирались доложить нам об этом? Завтра, когда закончится королевский совет?

— Нет, — спокойно ответил маршал. — Я уже скоро собирался предоставить это для обсуждения, комендант. Вопреки вашему мнению, мы не хотим гибели Аскира. — Он поднял плечи и снова опустил их. — В Остмарке впервые за тысячу лет наступил мир, и мои войска сидят в фортах и празднуют. Вскоре Марк станет процветающей землёй. Мы достаточно долго истекали кровью. Как уже сказал король Кеслер, это не наша война и никогда не была ею. Теперь покончено с тем, что мы страдаем за Аскир. Всё же мы не желаем зла Аскиру. Мы просто выйдем из союза.

— Значит вы позволили войскам императора-некроманта беспрепятственно пройти по королевству? — спросил ошеломлённый Тамин. — После столетий жертв?

— Мы приносили себя в жертву! — гневно воскликнул маршал. — Это мы проливали свою кровь, чтобы вы все могли жиреть и богатеть. Алдан всё это время обирал нас до нитки!

— Это не правда, — возмутился Тамин. — Мы платили свою долю.

— Да, золотом, но не кровью. Знаете почему у вас было золото? Потому что в вашей зелёной стране был мир, который Остмарк купил своей кровью. С этим покончено! — Он набрал в лёгкие воздух и повернулся к коменданту. — Это не значит, что мы теперь враги. Слишком многое нас объединяет. Но вы должны понимать, что несправедливо, оставлять истекать нас кровью, пока вы зарабатываете золото на побережье!

— Это легионы императора защищали Остмарк, — спокойно ответил Кералос. — Первый маршал потребовал Остмарк в качестве ленного поместья и получил его в награду за защиту Семи королевств.

— Это было тогда, — ответил Хергрим, сделав глубокий вдох. — Я повторяюсь, комендант: мы не хотим иметь ничего общего с вашей войной, но мы вам и не враги.

— А что скажите на это вы, Варлет? — спросил Кералос короля Ибсиса, который всё это время молча сидел на своём стуле.

— Ничего, как обычно, — ответил за мужчину маршал. — Он хочет держаться в стороне, но он знал обо всём.

— Вы можете позволить говорить мне за себя, Хергрим, — сказал старик, носивший титул короля Ибсиса. — Мы — маленькая страна, привыкшая к трудностям и лишениям, как фарлендцы. И вы знаете, почему это так — потому что мы уступили наши лучшие земли Остмарку. И до сих пор мои войска стоят на северных границах против варваров. Вы не одни защищаете Остмарк, Хергрим.

— И вы не беспокоитесь из-за того, что Аскир бросил вас? — спросил тот. — Разве вы не радуетесь, что теперь этому пришёл конец?

— Меня беспокоит необходимость смертей, — тихо ответил Варлет. — Но оно того стоит. Без Аскира мы уже давно потеряли бы свою независимость.

— Если вы так думаете, почему не сказали об этом? — мрачно спросил маршал.

— Потому что я надеялся, что безумие закончится. И я предупреждал вас. Я говорил, что было бы ошибкой недооценивать силу Аскира.

— Какую силу? — с горечью спросил Хергрим. — Они спрятались за нашими щитами. Легион был слишком благороден для грязной работы. У них есть пять легионов, пять тысяч человек, а у меня двадцать четыре тысячи, и теперь они свободны, им больше не нужно убивать варваров.

— Я знал о вашем восстании с самого начала, — сказал Кералос. — Варлет обратился ко мне, чтобы предупредить, и в то же время он вступился за вас, называя благородным человеком. Он надеялся, что вы проявите благоразумие и не присоединитесь к восстанию.

— Это не восстание, комендант, — возразил Хергрим, потирая виски. — Мы здесь не для того, чтобы угрожать вам. Мы четыре... нет, — он бросил короткий взгляд на Варлета, — три королевства, образовавшие свой собственный союз. Никто из наших солдат не возьмёт в руки оружие против Аскира. Если бы вы вчера пообещали мне больше поддержки, кто знает, возможно, всё не дошло бы до этого.

— Для чего, если мы уже знаем, что вы взяли золото Талака? Вы бы отдали его обратно?

— Откуда вы знаете? — удивлённо спросил Хергрим.

— Он узнал от меня. — Теперь вперёд вышла Асела. — В тот момент, когда я смогла избавиться от чар Коларона.

— Это вы! — выругался Хергрим. Для него это было полной неожиданностью, что было заметно, и ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. — Теперь вы предали своего хозяина? Вы же сами всего несколько недель назад раздвинули для меня ноги, чтобы я выполнил вашу просьбу!

— Только в ваших мечтах, — спокойно ответила Асела. — Я могу заверить вас, что вы прикасались к миру... Вы совокуплялись со своими подушками, словно юнец, а не со мной.

— Она — самая коварная змея на вашей груди, — сердито промолвил Хергрим, укоризненно указывая на Аселу. — И вы думаете, что она служит вам? Вы действительно слепы!

— Я заплатила за свои грехи, — просто сказала Асела. — Но речь идет о вашем предательстве, а не о моем.

— И вы вот так просто можете её простить? — спросил Хергрим. — Разве не знаете, что она сделала?

— Знаю, — хрипло ответил Кералос. — Во всех горьких деталях. Скажите мне вот что, Хергрим: как вы могли подумать, что ваши деяния останутся безнаказанными?

— Деяния? Я воспользовался возможностью и заключил мир. На моём месте вы поступили бы так же. И что вы будите с этим делать? Не позвольте нам уйти? Под моим командованием находится двадцать четыре тысячи человек. Если хотите, чтобы и Остмарк ополчился против вас, действуйте. Тогда вас будут осаждать не только войска Талака. Мы пришли сюда, чтобы сказать, что вы не получите нашей поддержки. Это ваша война, Талак стремиться захватить только Аскир и Алдан.

— Я снова задам вопрос, — обратился Кералос к собранию. — Кто поддержит нас в войне против Талака? Рангор?

— Король Кеслер взглянул на Хергрима, немного помедлил и покачал головой.

— Это ваше «нет», Кеслер? Я хочу это услышать.

— Да, это моё «нет». Рангор сам по себе.

— Маршал?

— Вы снова хотите это услышать? Хорошо. Нет, Остмарк больше не сражается за других.

— Что скажет Сертина?

— Я... — начал король Пердис с козлиной бородкой и сглотнул. — Нет, — тихо ответил он. — У меня нет выбора.

— Хорошо. Тогда решено, — объявил Кералос. — Союз перестал существовать. Вы знаете, что это значит?

— Это ничего не значит, кроме того, что теперь вы будете сражаться сами за себя, — ответил Хергрим. — Или вы пытаетесь напугать нас старыми баснями?

— Согласно Аскирскому договору Асканнон вернул королевствам их короны, а Остмарк достался первому маршалу при условии, что союз сохранится, и воцарится мир, — спокойно объявил Кералос. — Если союз распадётся, короны вернутся в империю.

— Да, — горько рассмеявшись, произнёс маршал. — Я тоже об этом слышал. Но это уже не имеет значения. Вы больше не можете угрожать нам, комендант. Теперь вы сами по себе. Империя без императора. — Он насмешливо поджал губы. — Что вы собираетесь делать? Лучше радуйтесь тому, что мы не станем выступать против вас. Вам достаточно одной войны, не начинайте ещё одну с нами. Между Сертиной, Рангором, Остмарком и имперским городом пока ещё царит мир. — Он наклонился вперёд. — Никто из нас не хочет войны с Аскиром. Мы только хотим быть свободными от вашего ига.

— То, как вы это говорите, звучит почти героически, — холодно произнёс Кералос.

— Я благородный человек, — с гордостью ответил маршал. — Я не наношу вам удар в спину, и мы не хотим с вами раздоров.

— Вас ослепил проклятый, — снова вмешалась Асела.

— Если и так, то не без вашей помощи, так какова же ценность вашего слова? Чего вы на самом деле хотите? Варваров будут по-прежнему держать в узде, таким образом всё останется как прежде. Только с Талаком вам придётся разбираться в одиночку!

— Это ваше последнее слово?

— Конечно, — сплюнул маршал. — Я больше никогда не хочу видеть этот зал и этот пустой трон, которым нам угрожают.

— Очень хорошо, — сказал комендант. — Идите, если думаете, что сможете отвернуться от империи. Я не собираюсь вас останавливать.

Маршал подозрительно посмотрел на коменданта, затем кивнул.

— Идемте! — позвал он своих союзников. — Оставим их на произвол судьбы.

Остальные встали — тут и там кто-то из посланников или советников ещё смущенно кивнул Кералосу, — затем все пошли на выход. Хергрим шагнул к воротам, которые, однако, остались запертыми. Он сжал кулак и ударил по металлу, удар был едва слышен. Он медленно повернулся.

— Что это за игра? — крикнул он. — Вы сказали, что отпускаете нас, так откройте ворота.

— В этом-то и проблема, — ответил Кералос с жёсткой улыбкой. — Если договор нарушен, то в силу вступает слово императора. Только он один может открыть эти врата раньше срока. Вы забыли? Они магически запечатаны.

— Вы думаете, я поверю в эту басню? — недоверчиво спросил маршал. — Откуда магии знать, что здесь происходит! Когда открывать ворота всегда решал комендант. Потяните за рычаг или скажите слово. Вы сказали, что отпустите нас!

— Это магия, Хергрим. Клянусь, что я не могу приказывать воротам. — Кералос посмотрел на священника Борона. — Скажите, лгу я или говорю правду.

— Он говорит правду, — спокойно подтвердил священник.

Он и два других священника до сих пор не шелохнулись. Похоже, ничто из того, что здесь произошло, не удивило их.

— А откуда мне знать, что вы не в сговоре с ним? — пророкотал маршал.

— Вы вольны сомневаться в словах Борона, если осмелитесь это сделать, — ответил священник.

Маршал недоверчиво посмотрел на него, затем снова повернулся к коменданту.

— Прекрасно, что необходимо сделать, чтобы открыть эти ворота?

— Слово императора, — вежливо ответил Кералос. — Я уже упоминал об этом.

— И где он?

— В этом-то и проблема, — заметил комендант. — Его здесь нет. Но немного потерпите. Через семь лет ворота снова откроются.

48. Дочь дракона

— Боги! — возмутился Кеслер. — Вы принимаете нас за дураков? Конечно, вы не стали бы запирать себя здесь!

— Император мертв, — заявил маршал. — И Кеслер прав. Вы не захотели бы умирать здесь с голоду.

— Объясните им, генерал Копья, — попросил Кералос, кивнув мне.

Я сделал глубокий вдох и шагнул вперёд, когда все уставились на меня.

— В силу вступает слово императора. И его магия. Думаю, она его глаза и уши, — сказал я. — Он поймёт, что здесь происходит. Он также определил, что должно произойти в случае разрыва договора. Империя требует короны назад. Вы сохраните ваши земли в качестве ленного поместья. Привилегии не будут потеряны. До того, как королевства получили свои короны, они были вассалами и имели в совете одни голос. Если хотите увидеть дверь открытой, вы должны преклонить колени перед императором и принять его правление.

— Перед пустым тронном? — недоверчиво спросил Хергрим.

— Почему нет? — спросил я. — Все шло хорошо в течение семисот лет.

Нафантазив и убедив себя, я надеялся... ожидал, что к этому моменту император появится вновь и скажет, что делать...

— Это полный бред, — сердито выпалил король Пердис. — Мы хотели освободиться от ига, мы не собираемся склоняться перед пустым тронном! Даже если бы мы это сделали, оказались бы в худшем положении, чем раньше!

— Остмарк — нет, — спокойно ответил я. — Маршал, возможно, вы частично правы в своих жалобах. В старой империи легионы Аскира защищали империю. Но вы сами, стоя здесь, пожелали, чтобы легионы были сокращены. И именно это и произошло. Когда империя восстанет вновь, с ней восстанут и легионы. Против объединённой империи Талак не выстоит.

— Ты не можешь этого знать, — возразил король Пердис. — До сих пор легионы Талака ни разу не были побеждены.

— Это неправда. На данный момент он потерял три из них. Верно то, что Второй легион никогда не проигрывал. И впредь будет также. — Я обвёл взглядом трех правителей и их свиты. — Мы перенесём войну в Талак и победим проклятого. Один раз он уже чувствовал силу империи, а может и не раз. Он трус, который посылает других сражаться за него!

— Думаете, ваша болтовня откроет нам эти врата? — спросил Хергрим. Он даже не выглядел сердитым, просто усталым. — Если бы император был ещё жив, я преклонил бы перед ним колени, зная, что он может противостоять Талаку. Однако, как бы там ни было, у меня нет другого выбора, кроме как искать мира с Колароном. — Он указал на Аселу. — Спросите её. Она объяснила мне. Меня убедили не только её прелести. Я искренне устал от войны и знаю, что мы не сможем выжить. Никто не хочет войны, которую невозможно выиграть, поэтому я предпочитаю искать мир, пока его ещё можно получить.

— Это правда, — спокойно ответила Асела. — Я пришла к нему и сказала, какой у него есть выбор. Он мог спасти Остмарк или погибнуть. Я хотела подсластить ему решение золотом и наслаждениями, но его выбором был мир.

— Вот, слышите, — сказал Хергрим, укоризненно указывая на Аселу. — Змеюка сама признаёт это!

— Однако я не сказала вам, что план Коларона предусматривает для вас. Он хочет уничтожить союз, а затем захватить королевства одно за другим. Фактически, вы отдали ему свою землю. Первым падёт Рангор. Его легионы уже в пределах границ, ему нужно только нанести удар. Варвары сидят смирно, потому что военачальники тёмного императора пообещали им ваши земли. Следующая атака будет вестись не только варварами и легионами Талака, в действие вступит и тёмная магия. Всё уже готово. В этот момент Сертина уже в руках врага. — Она повернулась к священнику Борона. — Брат Артидес, правда ли мои слова?

— Правда, — ответил священник.

— Вы назвали меня лживой змеёй, и я была именно такой. Но когда я говорила вам всё это, это была не я, это Коларон вложил свои слова в мои уста.

— Правда, — повторил брат Артидес.

— Проверьте и то, что я скажу сейчас, брат Артидес: Коларон не терпит никого рядом с собой, он не выполняет ни обещаний, ни условий договоров. Он видит в этом не предательство, а своё право. Правда или нет?

— Правда, — снова подтвердил священник Борона.

Маршал ошеломлённо посмотрел на Аселу.

— Неужели это действительно правда? — спросил он священника.

— Да. Бог ясно дал мне это понять.

— Так нас продали? — недоверчиво спросил Кеслер.

— А вы что думали? — холодно спросил комендант. — Император-некромант завоевал десятки царств. Думаете, он остановится перед вашими только потому, что вы надеетесь сохранить нейтралитет? Он сделал всё это, чтобы вбить между нами клин. Разделись империю. Но у него ничего не выйдет, поскольку большинство из нас всё ещё сплочено стоят вместе и дадут отпор Талаку.

— Сертина, Рангор и Остмарк не являются основой империи, — внезапно раздался голос Тариды. — Именно союз Аскира, Алдана, Бессарина и Фарлендов сделали империк сильной. В то время Остмарк был всего лишь ленным поместьем. Рангор и Сертина напали на Алдан и потерпели поражение. Вы не были нужны нам тогда и не нужны сейчас. А вот вы нуждаетесь в нас, если хотите выжить. Но для этого вы должны склонить головы перед императором.

— Которого больше нат, — с горечью промолвил Хергрим. — Даже если всё, что вы сказали, правда, что ещё можно спасти?

— Всё, — ответил я. — Это дорого нам обойдётся, возможно, королевства будут захвачены. Но если и так, то всё из-за вашей нечистой игры, маршал. Но я клянусь, Талак не победит. Коларон падёт.

— Вам-то откуда это знать? — спросил Пердис.

— Потому что так определили боги, — ответил священник Борона. — Мои находящиеся здесь сестра и брат слышали слова своих богов и согласны с нами. Коларон будет побеждён.

— Ты говоришь, что если бы император был здесь, ты бы поклонился ему, Хергрим? — теперь вступила в разговор Зокора.

— Да. Меня выставили на посмешище, как осла, но всё же я сохранил свою честь, — пророкотал маршал. — Но что толку, если его нет?

— Вы совершаете ошибку, маршал, — тихо произнёс Пердис.

— Вы же слышали священника. Нас предали нашим же предательством!

— Тогда почему вы так усложняете себе жизнь? — спросила Зокора. — Ведь то, что нужно делать, прописано в договоре.

— Да, — повторил маршал. — При распаде союза королевства должны возвратиться императору. Но для этого сначала необходим император!

— Вам нужен кто-то, кто будет императором! — с лёгким раздражением сказала Зокора. — Или императрицей! Кто-то, кто будет носить корону Аскира. Это всё, что нужно! Разве вы никогда не изучали ту часть, где он изложил законы империи? Там всё прописано.

— Что прописано? — спросил комендант.

— Каким он хотел видеть порядок престолонаследия. Это распространялось на принцев королевств, на маршала, а также на корону Аскира. Кровный потомок или выборы.

— Выборы? — удивлённо спросил маршал. — Он хотел, чтобы император был избран? Почему?

— Чтобы царило единство, — ответила Зокора. — Но в основном он хотел урегулировать всё так, чтобы имперская корона перешла к его потомкам.

— И как? — затаив дыхание спросил Кералос. Не только он одни смотрел на Зокору как замороженный. — У императора не было детей!

— У человеческого правителя, такого могущественного, как он? Он что, был ханжой? — спросила Зокора, глядя на Аселу. — Ты его знала. Был ли он закрепощённым или предпочитал спать с мужчинами?

— Нет, — улыбаясь ответила Асела. — Он любил женщин, без всяких сомнений, но он был осторожен.

— Скажи мне, Асела, разве у него не было сына?

Асела колебалась.

— Это было очень давно, — тихо требовала ответа Зокора, — Если об этом узнают сейчас, плохо никому не будет.

— Откуда вы узнали? — тихо спросила Сова, пока все замороженно смотрели на губы двух женщин.

— Он окрестил его в храме, — ответила Зокора. — В свою веру. Эти книги ещё существуют, нужно было только поискать. Там я нашла имя его сына. Но лучше ты скажи мне, кем он был.

Асела устала в пол.

— Это Бальтазар, — тихо объявила она, её голос дрожал. — Бальтазар, предавший своего отца.

— Так вот откуда его огромная сила, — тихо констатировал Сантер. Дизина закрыла рот рукой. Громкий ропот наполнил зал.

— Боги! — вырвалось у меня. — Серафина, это...

— Тихо, — бросила Зокора. — Я ещё не закончила!

Все в зале замерли.

— Бальтазар мёртв, — провозгласила Асела. — Так что это делу не поможет.

— В самом деле? — спросила Зокора, многозначительно выгнув бровь. — Пусть будет так. У Бальтазара были дети?

Асела колебалась.

— Вы знаете, были ли у него дети? — теперь нетерпеливо спросил и брат Джон.

Асела сглотнула.

— Да.

— Кто это?

Она снова сглотнула.

— Дезина, дочь Бальтазара и Лисанны, дочери гильдейского мастера Олдина, — ответила Асела так тихо, словно не хотела, чтобы её услышали, но в этом зале её слова достигли каждого уха. — Дезина стала примой Башни не случайно.

— Проклятое отродье, — внезапно пророкотал король Пердис. — Получается Фелтор солгал, и она жива. — Он поднял голову, и его козлиная бородка затряслась. — Хватит этого фарса! — крикнул он, делая шаг вперёд, и пока говорил, его облик внезапно замерцал, явив перед нами благовидного юношу с длинными, вьющимися светлыми волосами и лицом, черты которого я видел в последний раз в военачальнике Селане. Но кем он был на самом деле, я понял в тот момент, когда меня невероятно ощутимым образом настиг кошмар, мучивший со времён Ордуна: я не мог пошевелиться, стоял, пригвождённый к земле, чувствуя, как страх и паника овладевают мной.

— Меня зовут Коларон, я ношу мантию тьмы, моя воля — закон. И мир дрожит под моими ногами, — произнёс он нараспев мягким, звонким голосом, обнажив ровные зубы. — Вы можете поклоняться мне. Преклоните колени, и я прошу вас. Любите меня, и я вознесу вас. Бросьте мне вызов, и тьма найдёт вас, где бы вы не прятались!

— Разве это не красиво сказано, Ангус? — заметил Рагнар.

— Ангус? Вставай, мать твою!

Но не только Ангус опустил на колени; большинство людей здесь сделали то же самое. Даже я почувствовал такое желание.

Рядом со мной Асела сделала жест, но проклятый только рассмеялся.

— Ты забыла, что здесь разрешена только магия императора?

Проклятый улыбнулся и подошёл ближе.

— Я всем им нравлюсь. Асела, ты тоже будешь снова пресмыкаться передо мной, как и раньше.

— Не в этот раз, — сказала она, скрепя зубами. — Не в этот раз!

— Посмотрим, — промурлыкал тёмный император. — Кто тут ещё стоит? — Он выгнул тонкую дугообразную бровь. — Я удивлён, — заметил он, слегка поклонившись Армину, который сердито смотрел на него. Стояли ещё Рагнар и Лиандра с Серафиной, Дезина, Сантер и комендант, а также Варош и три священника, чьи губы шевелились во время молитвы. Зокора лежала на полу, свернувшись калачиком, и задыхалась, пытаясь сопротивляться этому воздействию.

— Разве вам не хочется наброситься на меня? — спросил он. — Давайте, злитесь. Мне это нравится, потому что это делает меня сильнее. Ненавидьте меня, если хотите, это точно также питает меня. Впадите в отчаяние и доставьте мне удовольствие!

— Я убью тебя! — решительно сказал Рагнар, медленно шагая вперёд. Его мышцы дрожали, а на лбу выступил пот. — Мой топор выкован богом, он уничтожит и тебя!

— Он даёт тебе силу великанов, как я слышал. Но даже великаны могут преклонить колени.

Глаза Рагнара чуть не выскочили из орбит, когда он сопротивлялся оказываемому на него давлению. Пока мы беспомощно наблюдали, он медленно опускался. Затем что-то выхватило топор из его рук, и он застонав, рухнул на пол.

Колорон неторопливо прошёл к трону императора, задумчиво посмотрел на него, затем сел.

— Идите туда, где я могу вас видеть, — любезно попросил он.

Чужая воля заставила двигаться мои ноги, и я присоединился к выстроившейся толпе, стоявшей теперь перед ним.

— Как такое возможно? — прошептала Асела. — Воля императора пресекает магию в этом месте!

— Но не чувства. Тебе же это знакомо, я достаточно часто играл ими с тобой. Страх, отчаяние, надежда, любовь и печаль или доверие и радость. Я могу дать вам всё что захотите, — сказал Коларон и тихонько засмеялся. — Итак, — промолвил он. — Раз уж вы не желаете любить меня, то как насчёт страха?

Он накрыл меня, как волна, прорвав всю защиту, снова разбередив все старые страхи, раны и боль. Все ужасы, когда-либо постигшие меня, собрались сознании, и, как холодный паук, поглотили мою волю в мгновение ока. Хныкая, я упал на пол.

— Это было ошибкой, — холодно произнесла Зокора и вскочила на ноги.

Голова Колорона дёрнулась, он недоверчиво посмотрел на неё; я почувствовал, как чары разрушились и схватил Искоренителя Душ. Однако в следующий момент из его руки в сторону Зокоры выстрелил тёмный луч. Луч поразил бы её, если бы между ними не бросился Варош.

Закора зашипела, как кошка, прыгнула вперед быстрее, чем кто-либо мог уследить, её чёрный клинок прочертил тёмную линию, и голова короля Пердиса упала перед нами на землю, а в моих ушах раздался далёкий крик.

— Боги, — выдохнул комендант. — Какое чудовище... — Он посмотрел вниз, на лицо с небольшой козлиной бородкой, на котором сохранилось выражение изумления.

Стоная или ругаясь, или просто безмолвно, мы удручённо встали и посмотрели на то, что осталось от короля Пердиса.

— Как? — хрипло спросил я Зокору.

— Я неопытна в любви, — ответила она срывающимся голосом. — И именно она почти победила меня. Но страх... — Зокора пожалала плечами. — Когда висишь в паутине, и паук в три раза больше тебя откладывает яйца в твоё тело — вот это повод для страха, — обронила она, глядя на отрубленную голову. — Коларон был слишком труслив, чтобы встретиться с нами лично.

— Ради всех богов, — вырвалось у мертвенно-бледного, едва стоявшего на ногах маршала. — Кто вы?

— Я служу Соланте. Я не склоняюсь ни перед кем, кроме богов! — Она улыбнулась. — Дезина? Теперь ты можешь открыть ворота. — Она огляделась вокруг. — Или кто-то ещё сомневается, что нам нужна единая империя, чтобы противостоять Тьме? Варош, пойдём... мы... Варош?

Я никогда раньше не видел, чтобы эбеновое дерево бледнело. Она стала серой, как пепел, когда со стоном бросилась на землю рядом с Варошем. Я и другие тоже бросились туда и с первого взгляда поняли, что надежды нет.

Потому что в её объятьях лежал старик в одежде адепта Борона. Его веки дрогнули, он открыл глаза и посмотрел на неё, морщинистые губы сложились в улыбку, и он больше не двигался.

Зокора, держа его в объятьях, начала медленно раскачиваться взад-вперёд, из её уст

вырвался тихий звук — слабые рыдания. Её плечи вздрагивали, и слёзы текли из глаз, которые слепо уставились на тело Вароша.

— Уходите, — тихо сказала Дезина. — Уходите все, оставьте её с друзьями.

Незаметно для меня тяжёлые ворота открылись. Ступая тихо со склонёнными головами, они последовали первому приказу свой новой императрицы. Асела на мгновение замешкалась, но потом тоже вышла.

Священники переглянулись, двое из них покинули зал, но брат Джон вышел вперёд и наклонившись к тёмной эльфийки, слегка коснулся её плеча.

— Сестра, — тихо промолвил он. — Он в безопасности. Я почувствовал, как он ушёл к Сольтару. Проклятый не смог заполучить его.

— Зокора, — тихо спросила Лиандра, — мы можем что-нибудь...

Зокора сглотнула и подняла голову.

— Нет. Оставьте меня с ним наедине. Ты тоже, священник Сольтара. У меня есть моя богиня в качестве поддержки. Я проведу с ним последние обряды. — Когда она посмотрела на меня, её глаза светились красным огнём сильнее, чем когда-либо прежде. — Я последовала твоему совету, Хавальд, и научилась любить людей. Я любила его. Тебя я хочу за это ненавидеть, но не могу, потому что забрал его у меня Тёмный, а не ты. Но я не хочу видеть вас сейчас. Только не сейчас.

— Мы тоже любим тебя, Зокора, — тихо промолвила Серафина. — Это и наша потеря, ведь Варош занял место во всех наших сердцах.

— Может и так, — ответила Зокора с глубоким рычанием в горле. — И всё же вы должны идти. Мой гнев, моя ярость и моя печаль хотят вырваться из меня. Вам лучше этого не видеть.

Я услышал в ее голосе нечто такое, что заставило волоски на моей шее встать дыбом.

— Мы уходим, — решил я, потянув к воротам сопротивляющуюся Серафину. — Все. Немедленно!

— Но...

— Зокора знает, что делает! — воскликнул я. — Прима... Ваше Высочество... вы тоже должны уйти!

Они вопросительно посмотрели на меня, но всё же пошли следом. Без магии ворота было трудно закрыть, но я налёг на них... Последнее, что я увидел сквозь щель, была Зокора, смотревшая на меня глазами, горящими красным огнём.

С глухим стуком дверь закрылась, и лишь мгновение спустя я услышал сквозь тяжелый металл крик дикой кошки, полный страдания, ненависти и гнева.

— Боги, — вырвалось у Дезины, примы Сов и императрицы Аскира. — Что это было?

— Обещание, — тихо произнесла Лиандра, обнимая саму себя, словно ей было холодно. Затем почти нежно она провела пальцами по рукояти Каменного Сердца. — Но чтобы выполнить его, ей придётся встать в очередь.

49. Последняя прогулка

Позже я бродил по улицам Аскира вместе с Серафиной. Прошёл уже целый колокол с тех пор, как я закрыл ворота тронного зала, а Зокора всё ещё не выходила. Я не знал, что сказать по этому поводу.

Я уже сейчас чувствовал, как сильно мне не хватает Вароша. Он так часто терпеливо слушал меня, давал мудрые советы или придавал сил своей непоколебимой верой.

Боги, как же мне будет не хватать его. Наталия, Варош, кто ещё окажется в списке погибших?

— Боги любят его, Хавальд, — тихо сказала Серафина.

— Да, — согласился я, но это было слабым утешением. Некоторое время мы шли молча, вокруг нас суета оживлённого города, который ещё не знал, насколько всё изменилось.

— Ты знал, что это Дезина? — спросила она.

— Нет, — ответил я, качая головой. — Я надеялся, что сам император покажет себя. Я не понимаю, почему он этого не сделал.

— Может он всё-таки мёртв.

Я посмотрел на ближайший флаг, на котором был изображен дракон.

— Он жив. Я точно знаю. Почему он не показал себя?

На этой улице было ужасно много народу, навстречу нам прокладывала себе путь запряжённая волами телега. Кто-то врезался в меня, и я увернулся. Меня что-то ужалило, не комар, а стальное остриё, вызвавшее ступор. Кожа, прикрывающая телегу, откинулась назад, и прежде, чем я успел упасть, крепкие руки схватили меня и втолкнули в щель между двумя ящиками. Затем кожу снова набросили на телегу, при этом телега продолжала двигаться, а волы не замедлили шаг.

— Хавальд? — услышал я голос Серафины, потом всё померкло.

Когда я пришел в сознание, я лежал голый на холодном камне.

Факел в руке человека, стоявшего надо мной, освещал старые стены, пахло плесенью, гнилью и портовой водой.

Двое мужчин осматривали меня. Один порывлся в моём кошельке и тихонько присвистнул.

— Это того стоило. — Он усмехнулся сквозь гнилые зубы и поднял горсть золотых монет. — Если мы оставим меч, то обеспечим себя на всю жизнь, он стоит целое состояние!

— Если ты собираешься жадничать, Харас, то только не с ним, — произнёс человек с факелом. — Он угрожал нам участью более страшной, чем смерть, если мы не выполним его указания.

Я по-прежнему не мог пошевелиться, но мужчина, очевидно, понял, что я пришёл в себя, потому что он улыбнулся и наклонился ко мне. От него воняло застарелым потом, гнилью и мочой.

— Я охотился за тобой несколько дней, — сообщил он, пока его факел капал на меня. — Я почти сдался. У меня четыре телеги, которые курсируют по городу. Ну да ладно, теперь ты здесь. Он сказал, что яд тебя не убьёт, — объяснил он, подняв чёрный кинжал с бледными рунами, которые сверкали на лезвии. — Вот почему он дал мне этот кинжал. И достаточно золота даже для генерала. Я и не подозревал, что мы в самом деле имеем дело с одним из них!

Он вонзил черный кинжал в мою грудь, и меня окутал ледяной холод. Вытащив его, он вонзил кинжал мне в горло, но и там я не почувствовал ничего, кроме холода.

— Так. Дело сделано. Дважды мёртв, как вы и просили, — сказал он, вставляя кинжал обратно. — Теперь очередь воды. Я слышал, вы не умеете плавать... Потом рыбы. Трижды мёртвый, этого должно хватить. Харас, следи, чтобы он не приблизился к мечу. Не позволяй ему прикоснуться к нему!

Пока моя кровь вытекала из ран, они схватили меня за связанные тяжёлыми цепями ноги и потащили через порог с косо висящей дверью, затем по каменным плитам и перекинув через бордюры, сбросили в воду.

Пока я погружался, а моя кровь окрашивала воду, я увидел звёзды, мерцающие сквозь полог волн, и почувствовал, как на меня снизошло спокойствие. Я всё ещё был парализован ядом, это облегчило смерть и избавило меня от борьбы за жизнь. Последняя абсурдная мысль пришла мне в голову: что теперь мне будут не хватать тех, кто ещё жив.

Человек, вытащивший тело из воды на старую баржу, был стройным и жилистым, со светлыми волосами и внимательными глазами.

— Проклятье, — выругался он, увидев, что его новый дублет упал со скамейки и теперь лежит на мокром дне лодки. — Опять испортился!

— Укради себе новый, — предложила высокая чёрная женщина.

— Тебе легко говорить, этот я купил! — пожаловался мужчина. — Это он? — спросил он женщину, с трудом переворачивая мёртвого на спину. Этот парень был тяжелее, чем трое вместе взятых. Затем он увидел зияющую рану на шее и тихонько присвистнул. — Боги, ещё чуть-чуть и его шея была бы полностью перерезана. Они также ударили его ножом в сердце. Он мертвее, чем мой кот с прошлой недели. Что ты собираешься с ним делать, Маэрбелинае?

— Посмотри ему в глаза, Ласка, что ты там видишь?

Вор, которого все называли только Лаской, приподнял веки мёртвого и в испуге отпрянул.

— Боги! — вскричал он, осеня себя знаком Сольтара. — Кто он?

— Ласка ещё узнает об этом. Но даже если бы он не был тем, кто он есть, Мама у него в долгу.

— Что ты имеешь в виду? — с любопытством спросил Ласка.

Мама Маэрбелинае, казалось, не слушала его, она смотрела на мёртвого и печально качала головой.

— Это будет трудно, от него мало что осталось, — подчеркнула она. — Но он подарил цветы моей сестре...

На этом заканчивается Тайна Аскира и начинается Война богов.

Приложение

В Аскире

Спутники:

Хавальд — странник, генерал Копья, граф Родерик фон Тургау, по поручению Сольтара обладатель изгоняющего меча под названием Искоренитель Душ, паладин королевы Иллиана.

Янош Тёмная Рука — возлюбленный Зиглинды, агент королевы, капитан или бандит, который любит смеяться и шутить.

Лиандра ди Гиранкур — паладин королевы Иллиана, маэстра мистических искусств, привязана к мечу Каменное Сердце — королевскому мечу Иллиана, полуэльф, возлюбленная Хавальда Проклятого, наездница Каменного Облака — королевского грифона.

Рагнар сын Хралдира — из Колдена, принц Фарлендов, из рода великанов, самый старый (живой) друг Хавальда и обладатель топора Рагнарскраг.

Серафина / Хелис — имя души Хелис, когда-то дочь имперского губернатора Газалабада, жена Джербил Коная и цейгмейстер Второго легиона.

Зиглинда — возлюбленная Яноша, дочь Эберхарда, хозяина «Молота», обладает даром фей, дала душе Серафины пристанище и теперь обладательница изгоняющего меча Ледяной Защитник.

Варош — адепт Борона, возлюбленный Зокоры, верный друг и отличный стрелок.

Зокора — тёмная эльфийка, жрица Соланте, возлюбленная стрелка Вароша.

Имперские солдаты:

Асела — из отряда Сов, штаб-майор. Под влиянием императора-некроманта была предателем Старой империи; теперь, ускользнув от чар Малорбиана, стала его злейшим врагом. Одна из старых Сов Аскира, весьма хорошо обучена магическим наукам и наделена легендарной силой и знаниями. Покорилась милости бога Сольтара в аскирском храме и очистилась.

Дезина — из отряда Сов, прима Сов, первая Сова Аскира, маэстра и приёмная сестра вора Ласки, учёная, имеющая доступ в Башню Сов. Дочь Лизанны, дочери гильдейского мастера Олдина.

Эльдред — из отряда Быков, сержант Меча в Пятом легионе, совершил покушение на Дезину.

Эльгата — из отряда Морских Змей, капитан Копья, прежде капитан «Снежной Птицы», ожидает нового приказа.

Хелис — из отряда Быков, штаб-майор, адъютант генерала Копья фон Тургау, сестра Армина, она же Серафина.

Ильгар — из отряда Быков, сержант меча из восьмой роты Пятого легиона, старший брат послушника Герлона.

Кьярл — из отряда Быков, капрал, администратор по снаряжению в арсенале цитадели в Аскире, друг Сантера.

Ламерт — из отряда Быков, сержант из первой роты Второго легиона, подчинённый генерал-сержанта Касале, служит в служебном помещении генерала Второго легиона.

Миран — полковник Копья, командующая Третьего имперского легиона.

Недер — из отряда Быков, штаб-лейтенант, хотел арестовать Лиандру и Хавальда по

поручению торгового совета.

Орикес — штаб-полковник, комендант Перьев, книжник, приверженец Борона и одновременно медик. Наставник Дезины, Сова Аскира.

Реллин — генерал-сержант Третьего легиона под командованием полковника Миран.

Ремлин — из отряда Быков, штаб-лейтенант, вахтенный офицер.

Рикин — из отряда Морских Змей, штаб-майор, командир портовой вахты в Аскире.

Штофиск — из отряда Быков, лейтенант Меча, в штабе генерала Копья фон Тургау, хорошо знаком со светским обществом Аскира.

В Алдаре

Анрис — солдат, которого Бликс отправил разведчиком на торжество Тьмы в королевском замке и который не вернулся.

Арен — из отряда Перьев, молодая девушка-капрал, которая принесла себя в жертву на семафорной башне в порту, чтобы ещё успеть отправить сообщение, прежде чем башня рухнула.

Аврон — сержант Меча во второй роте Третьего легиона, служит под командованием майора Меча Бликса в Алдаре.

Бликс, Куртис — майор Меча, командующий второй роты Третьего легиона в Алдаре.

Гренски, Саня — штаб-сержант во второй роте Третьего легиона.

Хальтар фон Берген — регент Алдана, отец Левины и Таркана.

Левина — баронета, Алдар, дочь Хальтара, регента Алдана, сестра Таркана и супруга принца Тамина Алданского.

Лоска — из отряда Перьев, капрал, вторая рота Третьего легиона, подчинённый Бликса.

Мелинус — из отряда Быков, сержант Меча, вторая рота Третьего легиона.

Палтус — из отряда Быков, лейтенант Копья, возглавляет восьмую роту пятого легиона.

Рекард — брат, первосвященник Алдарского храма Борона.

Тамин — принц Алдана.

Вендис — из отряда Морских Змей, майор Копья, командующий имперской военно-морской базой в Алдаре.

Боги:

Астарта — богиня, олицетворяет у людей прощение, любовь и гармонию.

Борон — бог, олицетворяет у людей справедливость, верность в битве, долг и правду.

Марендил — владычица морей.

Безымянный — брат Сольтара, Борона и Астарты, олицетворяет хаос, подлость и зло во плоти.

Нертон — отец богов, старший из богов. Он закрыл свой храм, чтобы его дети сменили его. Он дал людям надежду.

Омагор — бог тьмы, когда-то бог тёмных эльфов, властитель ночи, побеждённый Сольтаром.

Сольтар — бог смерти и жизни, символизирует вечный цикл смерти и жизни, пообещал людям, что они переродятся во имя его. Однажды победил Омогора, бога тьмы. Прежде бог солнца, теперь он также правит ночью, и лишил её ужаса.

Зимний Волк — старый Волк, которому поклонялись варвары Южнестранья. Олицетворял храбрость, хитрость и был вестником зимы.

Священство Троицы:

Аинда — сестра, главная служительница Астарты: верховная жрица Астарты в Аскире.

Герлон — брат, послушник в храме Сольтара в Аскире. Человек с видением.

Джон — брат, первосвященник Сольтара в храме в Аскире, который служит Сольтару и любит роскошь.

Мирха — брат, священник Сольтара, назначенный преемник верховного священника Сольтара, брата Йона.

Портус — брат, первосвященник Борона.

Другие:

Афенте — сэр, брат Астарты с чувством такта.

Альфреда — мачеха Рагнара, родная мать Врелды, была убита Хральдиром, когда он пытался отдать Врелду Эрлафу.

Алтинс — граф, посол Алдана в Аскире.

Агнус — супруг Врелды, северянин, волчий брат, король фарландцев, глава телохранителей принца Рагнара, друг Хавальда.

Анис — молодая Сова, погибшая в битве с нечестивой.

Антонис — гильдейский мастер торговцев зерном, член торгового совета в Аскире.

Армин — бывший болтливый слуга Хавальда, супруг Файлид, эмиры Газалабада, брат Хелис.

Афала — экономка Хавальда в Газалабаде; имя означает: дочь богов, предков или света, на имперском Афела.

Асканнон — вечный правитель, основатель имперского города, легендарный маэстро, заклятый враг императора-некроманта Коларона Малорбиана.

Бальтазар — некромант, последний примус Сов, предал империю и своего отца, вечного правителя и маэстро Асканнона. Был уничтожен Хавальдом в потоке миров.

Брекерт — профессиональный портной, шьёт униформы для светского общества.

Целан — военачальник, некромант, командующий вражескими войсками на Огненных островах, был казнён Лиандрой молнией и мечом.

Девон — корабельный врач «Снежной Птицы», погиб во время приливной волны.

Ди Кортия — барон, из Алдара, командующий гвардией принца, предан принцу Тамину.

Эберхард — хозяин постоянного двора «Молот», отец Зиглинды.

Элеонора — королева Иллиана, в детстве ученица Хавальда, почитаемая своими поддонами за храбрость и мудрость.

Эринстор — обучался магии у Сов Старой империи, изнасиловал Аселу и был осуждён за это Асканноном, в отместку он совершил чудовищное преступление.

Эрлаф — ярл, из Фарлендов, заклятый враг Рагнара, был обручён с Врелдой.

Эрсин — графиня Оденил, тётя лейтенанта Штофиска, весьма влиятельная матрона, акула в водах высшего общества Аскира.

Хральдир сын Эркульфа — король Фарлендов, отец Рагнара и Врелды, человек со взрывным характером.

Эсире — жена Рагнара из Колдена, мать его семерых детей.

Фард — легендарный повар, который управлял постоянным двором, чтобы поработать своих гостей.

Файлид — из племени Льва, калифа Бессарина, эмира Газалабада, внучка эссэры Фалы, жена Армина.

Фала — эссэра, Львица Газалабада, бабушка Файлид, умерла от чумы в Янасе.

Февре — из отряда Морских Змей, капрал, лучший друг Сантера, любит яблоки, плохие шутки и помогать Быкам соображать.

Фелтор — из отряда Сов, супруг Аселы. Управляемый Малорбианом, убил мать Дезины и возглавил нападение на имперский город.

Таркан фон Фрайзе — баронет, из Алдара, возлюбленный Тариды, двоюродный брат принца Тамина, помог отразить нападение на Аскир и в процессе был тяжело ранен.

Халтар — из Алдара, герцог, регент Алдана, отец Таркана и Левин, брат последней королевы Алдана, дядя принца Тамина.

Херонес — сэра, из Аскира, лучшая швея в имперском городе, быть у неё покупателем большая честь.

Хельгс — из Аскира, торговец.

Хергрим — маршал Остмарка.

Истван — из Аскира, приёмный отец Ласки, Дезины и Регаты, хозяин портового паба «Сломанный Клинок».

Имра — из Бессарина, принц эльфов, брат Тариды.

Хранитель Знаний — из Бессарина, возлюбленный эссэры Фалы, дедушка Файлид.

Джарана Талисана — Громовая крепость, из племени Ночных Лошадей, Ночной Ястреб, тёмная эльфийка, дочь эльфа Талисана, сводная сестра Имры и Тариды.

Язен — граф, из Ибсисса, посол из Ибсисса, толстый мужчина с эпилепсией.

Джербил Конай — Столп Чести, из отряда Быков, генерал-сержант Второго легиона, супруг Серафины. Когда-то ему принадлежал изгоняющий меч Ледяной Защитник. Был убит Бальтазаром.

Джоакин — наёмный убийца с особым приёмом.

Касале Амаранис — из отряда Быков, Бессарин, генерал-сержант Второго легиона.

Кеннард — мастер, из Аскира, старый учёный, которого часто можно встретить у хозяина паба Иствана.

Кералос — верховный комендант, из Аскира, наместник императора в Аскире, главнокомандующий имперскими войсками.

Кеслер Второй — король Рангора.

Коларон Малорбиан — их Талака, император-некромант Талака, который стремится заполучить плащ мертвого бога Омагора.

Мама Мербэлина — мама, высокая темнокожая женщина, которая живёт в районе порта Аскира и любит пить чай из черепов.

Кровавый Маркус — пират, бывший правитель Огненных островов, самопровозглашенный друг Лиандры, дальновидный человек.

Менделл — из отряда Морских Змей, штаб-лейтенант, первый офицер «Снежной Птицы», погиб во время приливной волны.

Наталия — из Талака. Третье Полотно Ночи, ассасин императора-некроманта Коларона Малорбиана, затем верная спутница Хавальда, пожертвовала ради него своей жизнью.

Олиф сын Скавона — Скутилвин, барон Фарландов.

Ордун — из Бессарина. Чрезвычайно могущественный некромант на постоянном дворе Фарда, который похитил душу сестры Армина, Хелис, и с лёгкостью победил Хавальда.

Пердис — король Сертины.

Пессерион — член торгового Аскирского совета.

Перток — верховный инквизитор Аскира, главный судья и палач Аскира, обязан имперскому городу и Борону. Хорошо знаком с Лаской.

Рогамон — из Алдана, когда-то король Алдана и некромант, был побеждён и захвачен Асканонном.

Сантер — из отряда Сов, лейтенант Меча, адъютант Дезины, Совы Аскира, прежде был в отряде Морских Змей, лучший друг капрала Февре.

Сара Ла'бат — Хавальд считает её маэстрой, потому что Искоренитель Душ различает вокруг неё сильную световую ауру.

Каменное Облако — из Бессарина, королевский грифон, подруга Лиандры.

Штофиск — барон, отец лейтенанта Штофиска, член Аскирского городского торгового совета, человек с хорошими инстинктами.

Талисан — эльф и старый друг императора, командовал Ночными Ястребами, первый владелец Искоренителя Душ, отец Тариды и Имры, великий воин и бард, обучил Асканнона основам магии.

Тарида фон Зильбермонд — бард и возлюбленная баронета Таркана фон Фрайзе.

Тарук — из Газалабада, дворецкий Хавальда, тайный шпион Армина.

Торсон Магнус — из Фарлендов, посол Фарлендов в Бессарине и поклонник Лиандры предположительно её любовник.

Тивстирк — Ярл, из Фарлендов, член делегации Фарлендов, могущественный наездник душ на службе у Коларона, бывший учитель Ордуна.

Уриос — брат, священник Сольтара в Келаре, вручил Хавальду Искоренителя Душ.

Варельт — король Ибсиса.

Владир Хитрый — когда-то король Иллиана, был случайно обезглавлен Каменным Сердцем во время коронации.

Врелда дочь Хралдира — будущая королева Фарлендов, сестра Рагнара, обручена с ярлом Эрлафом.

Ласка — приёмный брат Дезины, Совы Аскира, человек с весёлым нравом и ловкими пальчиками.

Барон Виртен — из Рангора, человек без инстинкта к опасности.

Граф Виттмар — ходит на костылях, ему почти сто лет, и он известен своим жизнелюбием.

Семь королевств:

Алдан — одно из семи королевств.

Бессарин — пустынное королевство, халифат, когда-то житница империи. Его портовый город Янас был почти полностью разрушен приливной волной. Одно из Семи королевств.

Ибсисс — одно из Семи королевств.

Остмарк — территория на востоке, за которую постоянно ведётся борьба, одно из Семи королевств.

Рангор — одно из Семи королевств.

Сертина — одно из Семи королевств.

Фарленды — одно из Семи королевств.

Южнотранье:

Королевство Иллиан — родина Лиандры и королевы Элеоноры.

Королевство Летазан — родина Хавальда.

Джасфар — королевство Южностранья.

Населённые пункты и локации:

Алдар — Алдан, построен Асканноном, столица Алдана; имеет большой порт и королевский замок.

Алдерлофт — Алдан, гавань контрабандистов.

Старая кузница — Аскир, оружейный завод на Арсенальской площади, приводимый в движение магическим ведущим колесом.

Арсенальская площадь — Аскир, цент оружейных заводов имперского города.

Аскир — старый имперский город, построенный Асканноном, город-государство, предполагается там живёт больше людей, чем в Южностранье.

Бранденау — Остмарк, город-крепость, старая крепость, официальная резиденция маршала Остмарка.

Колден — Южностранье, самый новый город Трёх королевств, основанный поселенцами из южных королевств.

Громовые горы — Южностранье, могучий горный массив на севере.

Громовой перевал — Южностранье, единственный известный перевал через Громовые горы, ведёт в Колден.

Громовая крепость — Южностранье, расположена на Громовом перевале, последняя из больших крепостей Старой империи.

Газалабад — Бессарин, резиденция калифа Бессарина, крупнейший эмират халифата.

«Сломанный Клинок» — Аскир, трактир Иствана в районе порта Аскира. Дезина, Ласка и Регата выросли там. Вне имперского закона.

«Молот» — Южностранье, постоянный двор у подножия Громового перевала.

Твёрдый рынок — Аскир, рынок в районе порта, где продаются такие товары, как железо, олово, медь и изделия из этих материалов.

Янас — Бессарин, город племени Башни. Когда-то самый важный портовый город Бессаринского халифата, был почти полностью разрушен из-за землетрясения, приливной волны и чумы. Племя Орла заявляет на город свои права.

Каллисте — заброшенный город в джунглях за Штормовым морем, там обитали маленькие драконы.

Келар — Южностранье, когда-то богатый торговый город и место рождения Хавальда. Он был разрушен войсками Талака.

Коларисте — Талак, столица Талакской империи. Страшное место, где обитает много драконов, даже если одному из них нравятся цветы.

Крымстинслаг — столица Фарландов.